

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Т.Н. ТРОИЦКАЯ, А.В. НОВИКОВ

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Ответственный редактор
академик РАН *В.И. Молодин*

НОВОСИБИРСК
2004

УДК 902
ББК 63.4
Т 70

Утверждено Редакционно-издательским советом
Новосибирского государственного педагогического университета в качестве учебного пособия
по археологии для студентов исторических факультетов вузов

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор *А.В. Матвеев*
кандидат исторических наук, профессор *В.С. Елагин*

Т 70 **Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Археология Западно-Сибирской равнины: Учебное пособие. – Новосибирск, 2004. – 136 с.

Пособие составлено в соответствии с утвержденной программой спецкурса исторического факультета НГПУ. Оно адресовано студентам вузов, специальность которых предполагает изучение данного курса, а также учителям истории, педагогам дополнительного образования, руководителям археологических кружков, краеведам и специалистам в области охраны памятников истории и культуры.

ББК 63.4

© Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 2004

ОТ АВТОРОВ

Данное учебное пособие призвано познакомить читателя с основными социально-экономическими процессами, происходившими на территории Западно-Сибирской равнины со времени ее освоения человеком и до появления здесь русского населения. Главным, а часто и единственным источником для их изучения являются археологические исследования.

Авторы предлагаемой вашему вниманию книги преследовали определенные дидактические, обучающие цели при сохранении строгой научности в изложении материала. При этом не было необходимости характеризовать все археологические культуры Западно-Сибирской равнины, выделенные учеными на сегодняшний день. В пособии нашли отражение, в первую очередь, те культуры степных, лесостепных и южно-таежных регионов, существование которых не подвергается сомнению.

Географические рамки нашего исследования охватывают огромный регион: от Зауралья на западе до Енисея на востоке. При освещении отдельных периодов авторы сочли целесообразным расширить эти границы, привлекая материалы археологических исследований, проводимых на Урале, в Северном Казахстане и Горном Алтае. Это позволило более полно осветить проблемы археологии собственно Западно-Сибирской равнины. Хронологические рамки исследования охватывают несколько тысячелетий: от эпохи палеолита до освоения Сибири русскими землепроходцами.

В основу учебного пособия положена относительная хронология, по которой, например, эпоха бронзы делится на ранний металл, развитую и позднюю бронзу. Дело в том, что динамика социально-экономических процессов в различных ландшафтных условиях Западной Сибири неравномерна. Так, эпоха бронзы в северных таежных регионах началась позже, а в южных степных - раньше. Кроме того, надо учитывать, что существует явное несоответствие абсолютных дат для памятников ранней и развитой бронзы Западной Сибири и европейской части России. Исходя из этого, авторы акцентировали внимание на относительной периодизации, указывая и абсолютные даты.

При написании пособия использована научная литература последних десятилетий. Отбор иллюстративного материала основан на привлечении наиболее типичных находок, маркирующих те или иные археологические культуры, а также основные этапы их развития. Для этого использовались рисунки находок, уже опубликованных в различных изданиях, со ссылкой на соответствующую литературу. Особое внимание обращалось на качество иллюстраций. В ряде случаев авторы использовали рисунки, специально созданные художником А.Н. Вороненко для данного издания.

Текст большинства глав написан Т.Н. Троицкой при участии А.В. Новикова. Главы «Палеолит и мезолит Западно-Сибирской равнины» и «Археология памятников русских первопроходцев Западно-Сибирской равнины» написаны А.В. Новиковым. Им же подобраны иллюстрации, подготовленные к публикации художником А.Н. Вороненко, за что авторы выражают ей искреннюю благодарность.

РАЗДЕЛ 1

ГЛАВА 1

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВИНЫ

Чтобы понять историю населения того или иного региона, надо иметь четкое представление о присущих ему природно-климатических условиях. Об этом еще в XVIII в. писал русский ученый И.Н. Болтин: «При всяком шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается преткание» (по Л.Н. Гумилеву). Поскольку наше пособие посвящено археологии Западно-Сибирской равнины, кратко охарактеризуем природно-климатические особенности данного региона.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Западная Сибирь занимает огромную площадь - около 3,5 млн. км². Границами изучаемого региона являются: Зауралье на западе, течение Енисея на востоке, северные отроги Алтая на юге и побережье Ледовитого океана на севере.

Изучаемая территория составляет основную часть Западно-Сибирской равнины, переходя на юге в предгорья Алтая и Кузнецкого Алатау. Западная Сибирь занимает площадь Обского бассейна, который является самым крупным в Евразии. Здесь находится самая большая в мире система болот - Васюганские болота (800 x 350 км). Западная Сибирь считается одним из самых заболоченных регионов Земли.

Одной из особенностей Западной Сибири является обилие озер (несколько тысяч). Только в Барабе их насчитывается более трех тысяч. Среди озер есть и очень маленькие, и крупные (например, оз. Чаны имеет площадь около 3 тыс. км²). Большинство из них (особенно проточные) богаты рыбой. Для озер Западной Сибири характерно периодическое высыхание и возобновление уровня воды. Подобное явление не связано напрямую с увеличением или сокращением количества осадков, а зависит от уровня грунтовых вод. Может пройти несколько лет между выпадением большого количества осадков и подъемом воды в озерах. Изменения происходят в среднем через 25 - 40 лет. М.Ф. Косарев в своей книге «Западная Сибирь в древности» приводит следующие данные. В окрестностях одного из сел Курганского округа до 1854 г. было лишь 6 озер, а после 1854 г. их стало 30. В Чистоозерной и Локтинской волостях их не было совсем, а после 1884 г. в одной только Локтинской волости их стало около 50. Высокая вода держалась несколько лет (примерно до 1860 г.), затем началось усыхание. В 1883 - 1886 гг. произошло новое обводнение.

Интересно, что вскоре после возникновения озер в них обнаруживается рыба. В отдельных случаях вода появляется внезапно. А.К. Гейне так описывал события, произошедшие на севере нынешней Кустанайской области: «С треском и громом, подобным пушечному, открылись между двумя реками ключи отличной воды, бившей очень высоко. Вода начала наполнять пространство между реками... В самое короткое время образовалось обширное озеро... Странно, что в короткое время по образованию озера там появилось много рыбы»*. Столь же богата Западная Сибирь и развитой речной системой. Река Обь пересекает ее на всем протяжении с юга на север. Крупный приток Оби - Иртыш, его приток Тобол, а также многочисленные мелкие реки формируют особенности региона. Обь и Иртыш имеют широкую пойму с заливными лугами, богатыми разнотравьем. Ширина ее по мере продвижения на север увеличивается. В пойме сосредоточены различные водоемы: озера, старицы, протоки, мелкие речки. Они очень богаты рыбой, так как содержат в достаточном количестве те организмы, которыми она питается. Благодаря развитой пойме улов рыбы в бассейне Оби по современным данным в 8 - 10 раз выше, чем в бассейне Енисея и Лены. Большую связь с поймой проявляют и птицы, в особенности водоплавающие.

Таким образом, реки и их поймы обеспечивали населению богатый рыбный улов и охотничью добычу. Особенно результативной являлась охота на линную дичь, т.к. во время линьки птица не может летать. В настоящее время такая охота запрещена, но в древности при малом количестве населения ущерб природе был минимальным. По особенностям ландшафта Приобье можно разделить на три региона. Верхнее Приобье - это степной и лесостепной регион от слияния рек Бии и Катунь до устья р. Томи. Среднее Приобье - таежный массив от устья Томи до устья Иртыша. К северу от него

* Гейне А.К. Собрание литературных трудов. - Б.м., 1897.-С. 253.

4

расположено Нижнее Приобье, занимающее зоны тайги, лесотундры и тундры. Река Иртыш пересекает степную, лесостепную и таежную зоны, имеет значительное количество притоков. К левобережным притокам Иртыша относятся такие крупные реки, как Ишим, Тобол и Конда. Бассейн р. Конды называют *Кандинской низменностью*. Необходимо отметить, что степная зона в Западной Сибири занимает лишь узкую полосу на юге. Таким образом, все зоны как бы нанизаны на одну нить. Это имело большое значение для взаимодействия населения в процессе исторического развития.

Для речных водоемов, протекающих в болотистых местах, типичны *заморы* (обеднение воды кислородом из-за поступления в реки болотных вод). Поэтому в Среднем Приобье, где в Обь впадают реки, берущие свои воды в болотах, рыбы мало. Зато она в больших количествах водится в пойменных сорочных озерах (временных, возникающих после спада воды).

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Климат Западной Сибири отличается суровостью и резкой континентальностью. Равнина открыта для проникновения холодного арктического воздуха с севера зимой и жарких ветров из Казахстана и Средней Азии летом. Само расположение равнины (в основном в умеренных широтах) сокращает количество солнечного тепла и обуславливает суровость климата. Уральские горы, не смотря на небольшую высоту, изменяют скорость и направление влажных атлантических ветров с запада.

На протяжении всей истории климат периодически менялся. В настоящее время уже ни у кого не вызывает сомнения гипотеза, высказанная О. Петтерсоном, а дополненная и уточненная для северного полушария палеоклиматологом А.В. Шнитниковым. Согласно ей, существуют определенные климатические ритмы, связанные с воздействием на Землю приливообразующих сил Луны, Солнца и планет Солнечной системы. Через равное количество лет Земля, Луна и Солнце оказываются совмещенными по одной прямой, что вызывает определенные изменения в атмосфере и гидросфере Земли. По теории Шнитникова-Петтерсона, эти ритмы с достаточной точностью могут быть определены для послеледникового времени. Весь цикл длится примерно 1 850 лет. Он состоит из фаз влажности (300 - 500 лет), переходного периода (700 - 800 лет) и сухости (600 -800 лет). Археологические материалы подтвердили существование таких фаз и даже позволили их датировать. Так, период влажности охватывал вторую половину III - начало II тыс. до н.э. За ним следовал период сухости. Второе увлажнение пришлось, на I тыс. до н.э. Климат I тыс. н.э. характеризуется пониженной увлажненностью. Однако в пределах этого периода были засушливые и влажные века. Судя по китайским летописям, II, III и VIII вв. были влажными, а IV, VI и VII вв. - засушливыми. Особенно сухими оказались X и XI вв. С XIV в. началось активное усыхание степей. Малые циклы в 35 лет (увлажнение и усыхание озер) вполне вписываются в более длительные циклы Шнитникова-Петтерсона, т.к. существовали параллельно.

Климатические изменения вносили определенные коррективы в границы зон, особенно между лесостепью и тайгой. Во влажные фазы наблюдается некоторое наступление тайги

на юг, а в сухие - распространение степи на север. Эти изменения происходили на конкретных участках. Так, в засушливый период часто возникали лесные пожары. Для восстановления участков хвойного леса требуется около 90 лет. За этот период возможно вклинивание лесостепных участков на север. Во влажные периоды наблюдается повышение грунтовых вод и рост заболоченности тайги, в результате чего сокращается площадь, занятая хвойным лесом.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Остановимся на тех природных ресурсах Западной Сибири, которые могли быть востребованы человеком в древности и средневековье. Некоторые современные богатства, например нефть и газ, не находили применения в хозяйстве. Для жизни населения большое значение имели воды, богатые рыбой и водоплавающей птицей, которой особенно много в таежной зоне. Одним из основных богатств этих мест был лес. Южнее располагалась лесостепь с хвойно-березовыми лесами, тянувшимися по берегам Оби и в нижнем течении ее притоков. Эти приобские боры, как и ленточные боры, располагающиеся вдоль старых русел Праоби, соединяющихся с Иртышем, являются реликтовыми лесами. Микроклиматические условия в них отличаются от окружающей лесостепи и степи большой влажностью.

За пределами боров тянутся участки степи и обычная лесостепь с полосами и колками лиственного леса, который давал человеку топливо, строительный материал и пищу (дичь, продукты собирательства). В лесах имеются различные объекты охоты: крупные животные (лось, олень) и мелкая пушная дичь (особенно много в тайге).

Сырьевые запасы не отличались богатством. Каменное сырье, необходимое для изготовления орудий, было не лучшего качества. Поэтому приходилось либо использовать береговые галечные породы, либо получать хорошее сырье с Урала (яшма), Ангаро-Байкаля (нефрит), Казахстана, Алтая и Кузнецкого Алатау (высококачественный кремень и др. породы).

Сырье для бронзовой металлургии привозили из горных районов Южного Урала (медный колчедан), Кузнецкого Алатау (медь) и Алтая (Колбинские оловянные рудники). Для получения железа использовали руды, содержавшие небольшое количество этого металла. Как показали исследования Н.М. Зинякова, крупнейшие запасы железных руд (например, Западносибирский железорудный бассейн) в древности и средневековье оставались недоступными для добычи. Легче было получать железо из маломощных болотных руд, рассеянных залежей бурых железняков и др. Процент содержания железа в них низкий, зато эти руды широко распространены, их несложно разрабатывать.

В Западной Сибири достаточное количество глины и суглинков, которые до нынешнего времени обеспечивают нужды керамического производства. Почвенный покров довольно плодороден.

5

ПРИРОДА И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Все перечисленные природно-климатические условия влияли на развитие хозяйства проживавшего здесь населения. Прежде всего, надо отметить благоприятные условия для занятия присваивающим хозяйством. До начала бронзового века охота и рыболовство процветали на всей территории Западной Сибири. Позже, с появлением скотоводства и земледелия, выделились два региона: южный - с производящим хозяйством и северный - с присваивающим.

Природно-климатические условия не позволяли на севере продуктивно заниматься скотоводством (оленоводство сложилось лишь к XVI в.) и земледелием. Здесь и в настоящее время местное население продолжает вести присваивающее хозяйство. В зоне контактов (северная часть лесостепи и южная полоса тайги) было развито

многоотраслевое хозяйство, где земледелие и скотоводство в той или иной степени сочетались с охотой и рыболовством.

Природные условия Приобья обеспечивали базу для разделения населения на тех, кто занят присваивающим хозяйством, и тех, у кого хозяйство было производящим. Граница проходила примерно между Средним и Верхним Приобьем, на широте устья р. Томи.

В Среднем Приобье основную экономическую базу составляли пойма (рыба и водоплавающая птица.) и тайга (боровая дичь, пушнина, дикие копытные и др.). Разливы не давали возможности заниматься земледелием в пойме. На террасах же свободной от леса земли было мало, да и температура для земледелия не благоприятствовала. На юге Среднего Приобья продуктивным могло быть коневодство (кони способны добывать корм и из-под снега). Таким образом, в Среднем Приобье основными занятиями были охота и рыболовство, лишь на юге частично прижились скотоводство и земледелие.

В Верхнем Приобье базу для развития хозяйства составляли: пойма с богатым разнотравьем, ленты смешанного леса и безлесные участки на террасах. Температура и ландшафтные условия позволяли заниматься комплексным хозяйством с акцентом на его производящие отрасли. Самый северный участок Верхнего Приобья, где можно было результативно заниматься земледелием, ниже течение р. Томи. Кстати, и в настоящее время этот регион является главной зерновой базой Томской области. Севернее же в таких масштабах зерно не производят.

Колебания климата приводили к значительным изменениям в жизни общества. Население было вынуждено либо менять свои занятия, либо хотя бы частично мигрировать на новую территорию.

Большую положительную роль сыграл тот факт, что все перечисленные зоны были связаны единой транспортной системой, уходящей далеко за пределы Западной Сибири. Это способствовало активным контактам между различными регионами Сибири, Алтая, Казахстана и Средней Азией. Через них в Западную Сибирь проникали металлические зеркала Китая, Ирана и Средней Азии. Появились китайские, хорезмийские и иранские монеты, изделия торевтики из Византии и других стран. Из лесных районов севера на юг шла пушнина. От знаменитого Шелкового пути в Западную Сибирь шли отдельные ответвления, по которым осуществлялась караванная торговля. Не случайно в лесостепных памятниках эпохи раннего железа обнаружены кости верблюдов, видимо, не выдержавших тяжелого пути.

Природные условия оказали определенное влияние и на уровень социального развития. В северной таежной полосе, где превалировало присваивающее хозяйство, имущественная дифференциация не достигла такого уровня, который был характерен для лесостепной и южно-таежной зон. Материалы памятников лесостепной территории, где существовало производящее хозяйство, свидетельствуют о том, что здесь уже с эпохи развитой бронзы социальные отношения были достаточно сложными. Четко прослеживается имущественная дифференциация. В раннем железном веке здесь продолжалось разложение первобытного общества, и складывались образования типа *вождества*.

Северная кромка лесостепи и южная полоса тайги с их многоотраслевым хозяйством в условиях климатических колебаний были в наиболее выгодном положении. Здесь были хорошо развиты производящие отрасли (с преобладанием на севере лесостепи) и присваивающие (превалировали на кромке тайги). При изменении климата происходило некоторое колебание этих границ. Население к этому хорошо адаптировалось, сохраняя многоотраслевое хозяйство с изменением акцента в ту или иную сторону. Исследователи считают, что не случайно именно в Среднем Прииртышье находился крупный политико-экономический центр Сибирского ханства - его столица Искер.

Таким образом, исторические процессы в Западной Сибири теснейшим образом связаны с природными условиями этого региона.

Рекомендуемая литература

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. - М., 1984.

Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. - 1993. - Т. 34, №3. - С. 38-55.

Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. - Вып. 1; 2000. - Вып. 2.

Марусенко Я.И., Земцов А.А. и др. Гидрография Западной Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1996.

Рельеф Западно-Сибирской равнины. - Новосибирск: Наука, 1988.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. - М.: Л., 1957.

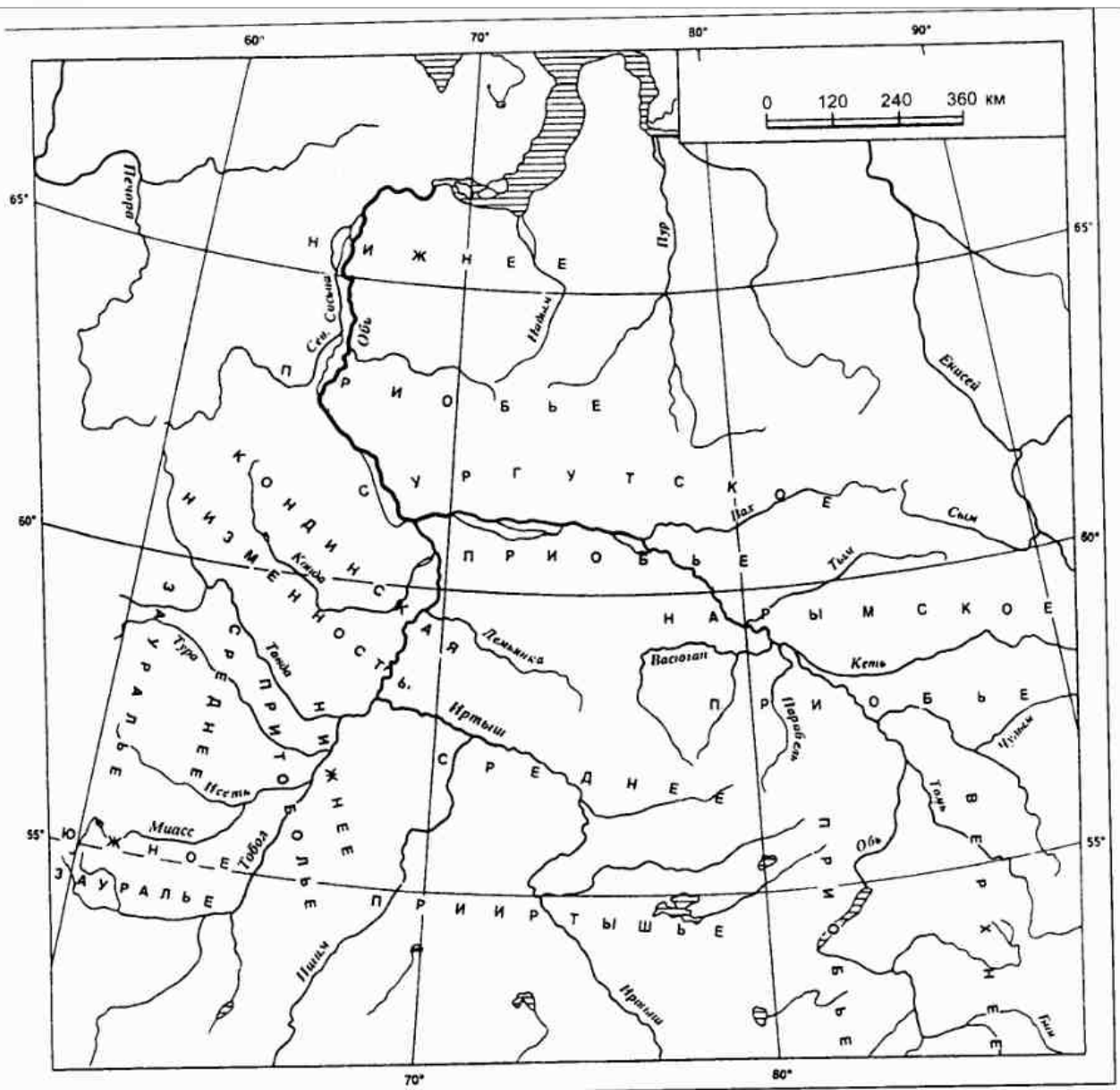

Рис. 1. Восточное Зауралье и Западно-Сибирская равнина. Историко-географические районы (по: Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. - М.: Наука, 1996).

ГЛАВА 2 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВИНЫ

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СИБИРИ

Изучение археологии Сибири началось с ее присоединения к России. Древние и средневековые авторы почти не говорят о Сибири. Китайские историки вскользь упоминают ее, рассказывая о событиях, связанных с гуннами. Они же упоминают народ *юечжи*, локализация которого, по мнению современных исследователей, очень спорна. Одни ученые полагают, что это население Алтая, связывая его с пазырыкской культурой. Другие приписывают юечжи к территории Восточной Сибири. Отдельные авторы писали о населении Западной Сибири в связи с изложением истории тюркских государств. Первые упоминания в России о Западной Сибири относятся к XI в. (Новгородские летописи). Эти сведения очень туманны, знания перемешиваются с вымыслом. Исходили они от новгородских купцов, совершавших походы за Урал («Каменный пояс») в Югру (Нижнее Приобье). Но это этнографические сведения о современных новгородцам народам. Население Зауралья они описывали более точно, а их восточных соседей - с большой долей фантазии: «По обычаю человеци, но без глаз. Рьты у них меж плечами». Освоение русскими огромного края вело к конкретному знакомству с местным населением и его историческими памятниками. Большую роль в этом сыграли землепроходцы, которые в своих «сказках» и «отписках» давали подробное описание тому, с чем они встретились в Сибири, в том числе и историческим памятникам. Оставшийся неизвестным автор сообщал, например, о том, что на р. Томи «не дошед острога, лежит камень велик и высок, а на нем написано: звери, и скоты, и птицы и всякие подобия». Это было первое сведение о знаменитой в наше время Томской писанице. Пришедшие из России крестьяне были активными и энергичными. Некоторые из них могли иметь опыт грабежа богатых курганов в Причерноморской степи. В начале XVIII в. началось массовое ограбление курганов («бугров»). Родилась новая профессия - *бугровщик*. «С последним санным путем они отправляются за 20 - 30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень в числе 200 - 300 и более человек и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны... Найдя такие насыпи над могилами язычников, они, иногда, правда, копают напрасно и находят только железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей фунтов по 5, 6 и 7...». Так писал в 1721 г. Д.Г. Мессершмидт, посланный Петром I во главе академической экспедиции. Определенные выгоды от деятельности бугровщиков получали и сибирские власти. Так, воевода Салтыков имел саблю, отлитую из переплавленных серебряных сосудов. Правда, отдельные исследователи полагают, что количество золота, полученное от ограбления, было преувеличено. Дело в том, что бугровщики, в отличие от самодельных золотодобытчиков, законом не преследовались. Поэтому рудниковое золото могло иногда выдаваться за курганное. Не вызывает сомнения тот факт, что ценнейшие исторические памятники были уничтожены грабителями. Отдельные сибирские находки попали в руки людей, сумевших оценить их значение. Голландец Н. Витзен получил из Сибири бляхи и гривны с изображениями зверей. Позже они были опубликованы. В 1715 г. купец Н. Демидов преподнес императрице Екатерине коллекцию «могильных сибирских вещей». Они были по достоинству оценены Петром I и его окружением. В результате был издан первый в России указ об охране памятников. В нем местные власти обязывались выкупать все «куриозные вещи» - старые, необычные предметы, посуду, камни, надписи, кости и т.д. Гробокопателей, которые отыскивали

золотые вещи, было велено «смертью казнить». Ко всем находкам надо было давать чертежи. К сожалению, не все пункты указа выполнялись. Находки из петровской коллекции оказались беспаспортными, и сейчас ученые по аналогиям пытаются решить вопрос о местонахождении вещей.

РАБОТА АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В 1717г. Петр I пригласил для организации и проведения экспедиции в Сибирь немца Даниила Готлиба Мессершмидта (1685 - 1735). Это было первое научное изучение Сибири, и его задачи вполне соответствовали уровню науки, отрасли которой еще не были выделены. Сам Д.Г. Мессершмидт был врачом, натуралистом, знатоком истории и восточных языков. Он писал, что ему приходилось «приискивать потребных трав, и цветов коренья, и всякой птицы и прочее, також могильных всяких вещей шайтаны медные и железные, и литые образцы человеческие и звериные, и калмыкские литые зеркала под письмом».

Экспедицию можно считать героической. Ее коллектив состоял из девяти человек, среди которых были два ученых (сам Д.Г. Мессершмидт и присоединившийся к нему в Тобольске плененный под Полтавой швед Ф.И. Страленберг), шведский «мальчик-рисовальщик», слуга-переводчик, просто слуга, снабженец, повар и два денщика. Д.Г. Мессершмидт прошел с конца 1719 г. по конец 1727 г. от Урала до Байкала, от Саянских гор и озера Далай-Нор в Манчжурии до Средней Оби. Были собраны гербарий, коллекция древних предметов, составлены карты и альбом рисунков. Экспедицией были проведены первые специальные научные раскопки в Сибири. Недалеко от Абаканского острога 3 января 1722 г. был выбран высокий курган, который 6 января в суровый мороз был раскопан при помощи местного казака Григория. Курган оказался разграбленным. Этот день можно считать началом археологических исследований в Сибири.

Побывал Д.Г. Мессершмидт и на территории Западной Сибири. Он упоминает с. Грязнуху (ныне с. Соколове Новосибирской области), где ему предлагали купить древности из курганов. Они показались ему слишком дорогими. Д.Г. Мессершмидт сдал в Петербург 23 тома своих сочинений, но они, к сожалению, были изданы лишь в 1962 г. Сам ученый умер в нищете в Петербурге. Больше повезло Ф.И. Страленбергу, который, приехав в Швецию, вступил во владение своим наследством и в 1730 г. издал книгу о путешествии по Сибири. В этом издании впервые произведена попытка дать классификацию археологических памятников. Ф.И. Страленберг делит их на могилы и могильные холмы, письменные знаки, медали и обелиски. Научной ценности это деление не имеет, но оно интересно тем, что это первая систематизация памятников.

Вскоре была организована вторая академическая экспедиция во главе с Витусом Берингом. Она имела обширную программу: описание берегов Ледовитого океана на всей их протяженности, исследование моря между Камчаткой и Америкой, научное обследование материковой Сибири. При этом особое внимание уделялось географии и истории. Состав экспедиции доходил до 500 человек. Экспедиция продолжалась 10 лет - с 1733 по 1743 годы.

В исследовании Западной Сибири в составе этой экспедиции приняли участие историк и географ Г.Ф. Миллер (1705 - 1783) и естествоиспытатель И.Г. Гмелин (1709 - 1755). На основании проведенных исследований Г.Ф. Миллер написал замечательный труд «История Сибири», к которому историки обращаются и в наши дни. Этот ученый собрал огромное количество рукописных документов по истории Сибири. Использовал он при написании книги и археологические материалы, которые делил на жилища, писаницы, шурфы, рудники и могильники. Г.Ф. Миллер впервые разработал для своих сотрудников инструкцию по сбору сведений об археологических памятниках.

И.Г. Гмелин особенно интересовался древними рудниками. Он упоминает с. Ташару, Умревинский острог и д. Ояшинскую, р. Уень (северо-восток современной

Новосибирской области), где встретил остатки старых укреплений и старые татарские могильники.

Следующая академическая экспедиция приходится на 1768 - 1774 гг. Возглавлял ее Петр Паллас (1741 - 1811). Район ее действий - юго-восточные окраины России, Урал и Сибирь. Побывал П. Паллас в Западной Сибири в Ишимских степях, Тюмени, Тобольске, Омске, Барнауле. Им составлено описание рудников Западного Алтая. П. Паллас заложил основы алтайской теории происхождения финно-угров.

В 1771 г. начал свою работу отряд академической экспедиции, возглавляемый шведом, академиком И.П. Фальком (1727 - 1774). Его деятельность в течение двух лет разворачивалась в Западной Сибири. В Барабе на р. Оми, у устья р. Тартас, он открыл курганный могильник, а у с. Вознесенка (на той же реке) отметил городище, которое (как выяснилось позже) было крупным центром барабинских татар. Возле Вознесенского городища И.П. Фальк раскопал три кургана.

В первой половине XIX в. уже не было масштабных экспедиций на территории Западной Сибири, не велись археологические работы. Однако на это время приходится деятельность двух ученых, имевшая общесибирское значение. Первый из них - Г.И. Спасский, сибирский просветитель, этнограф, археолог и историк (1783 - 1864). Он основал журнал «Сибирский вестник», в котором имелся раздел «Древности Сибири». В одной из своих работ Г.И. Спасский акцентировал внимание на сходстве сибирских и «великорусских» древностей, объясняя это миграциями ряда народов, в частности гуннов, переселившихся в Европу. Он первый обратил внимание на сходство надписей Северной Америки и Сибири.

Второй ученый - финн М. А. Кастрен (1813-1852), профессор Гельсингфоргского университета, крупный лингвист, основатель урало-алтайского языкознания, выделивший группу урало-алтайских языков. Он провел раскопки на ряде курганов Минусинской котловины, но специальных публикаций по археологии не имел. М.А. Кастрен совершил многочисленные поездки по северу России, Уралу и Сибири. Большим вкладом в науку была его разработка алтае-саянской гипотезы происхождения угро-финских народов. Так завершился первый этап развития сибирской археологии, в котором самыми значительными событиями стали академические экспедиции. Были получены первые сведения об археологических памятниках, предпринята попытка их классификации, а вещественный материал стал рассматриваться как исторический источник.

АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Остановимся на общем состоянии русской археологии этого времени. К середине XIX в. в России возрос интерес к историческому прошлому, в том числе и к археологии. К этому времени сложились такие организации на общественных началах, как Русское географическое общество и Русское архео-

9

логическое общество. Позже появилось и государственное учреждение - Археологическая комиссия. Ее основной задачей был надзор за археологическими работами. Эта комиссия выдавала конкретным лицам «открытые листы» на право проведение археологических раскопок и требовала предоставления по ним отчетов, которые регулярно издавались в ежегодных выпусках «Отчетов археологической комиссии». Появилось и Московское археологическое общество, основной задачей которого явилась организация Всероссийских археологических съездов.

Такая активизация археологической деятельности наблюдалась не только в центре, но и на периферии, в том числе и в Западной Сибири. Здесь археологические работы развертывали краеведческие музеи (омский и тобольский) и новый крупный научный центр - Томский университет. И хотя в составе последнего не было исторического факультета, он сыграл особую роль в изучении археологии края. На базе собранных этног-

рафических и археологических коллекций здесь был создан музей, который действует и в настоящее время.

Большую роль в создании этого музея сыграл попечитель учебного округа В.М. Флоринский (1834 - 1899), передавший для него свою обширную коллекцию. Им были собраны через органы местной власти сведения о курганах, в результате чего была составлена первая сводка расположения курганов в ряде районов Томской губернии. Особый интерес представляет книга В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни». Исследователь полагал, что в эпоху бронзы в Сибирь вторглись арийские племена, в составе которых были и славяне. Они вытеснили местные финские племена далеко на север. Затем славяне ушли из Сибири, уступив свою территорию монгольским и тюркским племенам. Конечно, подобные построения далеки от действительности. Их главное значение заключается в том, что это была первая для Сибири реконструкция исторического прошлого с использованием археологического материала.

Наиболее масштабным ученым конца XIX в. был В.В. Радлов (1837 - 1918), преподававший в Горном училище г. Барнаула. Это был археолог, этнограф и лингвист-тюрколог. Именно он раскопал первые «ледяные» курганы Алтая в Катанде и Берели. В.В. Радлов много путешествовал по Южной и Западной Сибири, а также проводил здесь археологические раскопки курганов. На территории Барабы им были раскопаны курганы у с. Осинцево и на берегу Убинского озера (у аула Кызырь). В.В. Радлов создал хронологическую классификацию курганов Южной Сибири.

Известного областника Н.М. Ядринцева (1842 - 1894) нельзя назвать археологом. В круг его интересов входили общие проблемы культуры аборигенного населения. Именно с этой точки зрения его заинтересовали курганы Алтая и Западной Сибири, которые он описал во время своих путешествий. По мнению Н.М. Ядринцева, «судя по обилию курганов на Барабинской степи, можно заключить, что здесь предстоит обширное поприще для будущей археологии». На севере Западной Сибири провел обследования И.С. Поляков. В низовьях Оби и около Тобольска он собрал коллекцию каменных орудий.

Значительный вклад в археологию Западной Сибири внесли археологи г. Томска. Зоолог Н.Ф. Кашенко (1885 - 1935) провел раскопки Томской палеолитической стоянки. А.В. Адрианов и С.К. Кузнецов вскрыли большую площадь Томского могильника. Г.О. Оссовский и С.М. Чугунов раскопали 14 курганов вдоль Московского тракта.

Отдельно надо остановиться на научной деятельности С.М. Чугунова (1854 - 1920), который фактически был первым сибирским антропологом. Он раскопал 13 курганов в Усть-Тартасском могильнике, известном еще со времен путешествия И.П. Фалька. Раскопки 1890-х гг. разочаровали исследователей, так как не дали эффектного материала. В результате в Западной Сибири почти прекратились археологические работы. Весь интерес ученых был перенесен в Южную Сибирь, на территорию Минусинской котловины. Империалистическая, а затем и гражданская войны приостановили археологические исследования в Сибири. Возобновились они лишь в 1920-х гг. Работавшие в эти годы исследователи были воспитаны на традициях дореволюционной русской археологии. В 1920-х гг. развернул свою деятельность Омский краеведческий музей. В.П. Левашова (1901 - 1974) исследовала берега р. Оми. Разведочными работами было обнаружено несколько десятков археологических памятников. Вместе с другими сотрудниками музея В.П. Левашова провела раскопки Вознесенского городища и ряда курганов Барабинской лесостепи. Среди них были курганы у с. Саргатка Омской области, давшие первые материалы по саргатской культуре.

Сотрудник Томского музея И.М. Мягков (1899 - 1991) обследовал Нарымское Приобье. Он собрал материалы у горы Кулайка, которые позже были отнесены к кулайской культуре. П.А. Дмитриев (1902 - 1943) вел активные археологические работы на берегах Андреевского озера под г. Тюменью. К сожалению, в начале 1930-х гг. правомерной была признана лишь деятельность центральных научных учреждений. Началось снижение

активности в работе краеведческих музеев, хотя в отдельных случаях она продолжалась. Так, в г. Омске А.Ф. Палашенковым была открыта серия новых археологических памятников.

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В 1930 - 1940-х гг. особых достижений в археологии Западной Сибири не было. В годы Великой Отечественной войны исследования здесь почти не проводились. После окончания войны вновь продолжили свою работу московский Институт истории материальной культуры, переименованный в Институт археологии, и его ленинградское отделение (сейчас это Институт истории материальной культуры). Стал регулярно выходить журнал «Советская археология» (сейчас «Российская археология»), а с 1966 г. - ежегодные выпуски «Археологических открытий». Длительное время издавалась серия «Свод археологических памятников». До распада Советского Союза осуществлялись выпуски «Археологии СССР».

10

Огромное значение в развитии археологии сыграла организация крупнейших новоотстроенных экспедиций, которые проводились на местах сооружения гидроузлов. Одна из таких экспедиций проводилась в 1952 - 1954 гг. на р. Обь, на месте сооружения ГЭС, в зоне ложа затопления Новосибирского водохранилища. Вот на таком общероссийском фоне развивалась археология Западной Сибири. Исследования велись как центральными учреждениями, так и местными организациями.

С Институтом археологии в г. Москве были связаны многие ученые, внесшие вклад в изучение прошлого Сибири.

В.Н. Чернецов (1905 - 1970) занимался археологией, этнографией и лингвистикой. Такая прочная база обеспечила широкий размах его исследований. Он выдвинул гипотезу приаральского происхождения финно-угров и их дальнейшего продвижения на север. В.Н. Чернецов вместе с В.И. Мошинской (1917 - 1980) положили начало глубокому изучению истории Нижнего Приобья, начиная с эпохи неолита и кончая серединой II тыс. н.э.

М.Ф. Косарев внес большой вклад в изучение Западной Сибири эпохи бронзы. В ряде его работ детально анализируются вопросы связи природной среды с развитием исторических культур. При этом, прежде всего, рассматривается Западная Сибирь вообще и Приобье в частности.

В.А. Могильников проводил археологические исследования в Омской и Тюменской областях, а также в Алтайском крае. Им написаны работы по раннему железному веку и средневековью Западной Сибири. Н.Л. Членова активно занимается изучением культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века Сибири, в том числе и Западной.

В г. Санкт-Петербурге наибольшее значение для западносибирской археологии представляют исследования М.П. Грязнова и Д.Г. Савинова.

Основные работы М.П. Грязнова (1902 - 1984) связаны с археологией Южной Сибири. Под его руководством раскопан первый Пазырыкский курган. Он руководил масштабной Красноярской экспедицией, провел раскопки знаменитого кургана Аржан. М.П. Грязнов исключительно тщательно проводил свои полевые исследования. Большой вклад внес он и в изучение Западной Сибири. В монографии «Древняя история племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка» им дана обстоятельная характеристика последовательных исторических этапов жизни населения Верхней Оби от эпохи бронзы до середины II тыс. н.э. В 1952 - 1954 гг. он руководил работами Новосибирской археологической экспедиции. Им были открыты здесь десятки памятников, на многих из которых проводились археологические раскопки. К сожалению, он не успел подготовить к публикации результаты этих работ. Они еще ждут своего исследователя.

Основные интересы Д.Г. Савинова связаны с проблемами истории древнетюркских народов. Его работы базируются не только на знании археологического материала, в них приводятся сведения письменных источников и данные этнографии. Д.Г. Савинов

принимал участие в раскопках тюркских курганов Барабы.

Уже в 1950-е гг. в Западной Сибири при некоторых высших учебных заведениях сложились центры археологических исследований, многие из которых сохранились до настоящего времени. В Томском университете еще с конца XIX в. существовали устойчивые традиции занятия археологией. Во главе томской группы с 1950-х гг. стоял В.И. Матющенко. Именно он создал здесь прочное ядро археологов, которые продолжают работать и сейчас. Среди них доктора наук Л.А. Чиндина и Л.М. Плетнева. Большую роль в развитии археологии сыграл и А.П. Дульзон (1900 - 1973). Это был блестящий лингвист, археолог и этнограф. Его широкие знания дали ему возможность разработать комплексный план исследования аборигенного населения, используя при этом ретроспективный метод. Организованное изучение сибирских топонимов имело большое значение для реконструкции древней истории Сибири. После переезда В.И. Матющенко в г. Омск во главе группы томских археологов встала Л.И. Чиндина.

В г. Омске В.И. Матющенко создал группу археологов, поднявших и разрабатывавших проблему археологических микрорайонов. Ими достигнуты значительные успехи в изучении вопросов эпохи бронзы и раннего железного века, проводились научные конференции. Характерной особенностью деятельности омских археологов является тесная связь с этнографами, которых возглавляет Н.А. Томилов. По его инициативе регулярно проводятся совещания по интеграции этнографических и археологических знаний, а также по археологии позднейшего периода (XVIII - XX вв.). Крупные исследования проводил Б.А. Конигов из Омского пединститута (ныне он директор Омского музея изобразительных искусств).

Кемеровская группа археологов была организована А.И. Мартыновым. Первоначально кемеровские археологи занимались изучением тагарской культуры. Сейчас их научные интересы охватывают проблемы неолита и бронзы, раннего железного века, изучение первобытного искусства, черной металлургии и многого другого. Особенно надо отметить деятельность докторов наук Я.А. Шера, В.В. Боброва и Н.М. Зинякова. Возглавляет кафедру археологии КемГУ В.В. Бобров. Активно работает музей, созданный на базе Томской писаницы.

В г. Барнауле археологией занимаются в Педагогическом институте (А.П. Уманский) и Алтайском университете (Ю.Ф. Кирюшин). Созданный Ю.Ф. Кирюшиным коллектив исследователей работает с большим энтузиазмом. Круг интересов барнаульских археологов очень широк: палеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье. Большое внимание уделяется охране археологических памятников. Этому вопросу посвящаются регулярные совещания археологов из различных регионов Сибири.

В г. Тюмени в Государственном университете и Институте проблем освоения Севера работает группа археологов под руководством А.В. Матвеева и Н.П. Матвеевой, научные интересы которых связаны с эпохой бронзы и раннего железа. В Сургутском

11

пединституте во главе археологов стоит И.Г. Глушков. В Тобольском краеведческом музее успешно работает А.А. Адамов.

Самостоятельная группа исследователей возникла и в Новосибирском пединституте (ныне Новосибирский педагогический университет). С 1957 г. ее возглавляет Т.Н. Троицкая. Она занимается ранним железным веком и ранним средневековьем. В.И. Соболев (1948 - 1999) изучал памятники II тыс. н.э. Особенностью деятельности этой группы является тесная связь с «детской» археологией. Некоторые выпускники руководят детскими археологическими кружками и регулярно участвуют с ними в археологических экспедициях по Новосибирской области.

Значительным событием для развития гуманитарной науки Сибири явилось создание в 1964 г. Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова. В составе института было отделение археологии и этнографии. К настоящему времени в г. Новосибирске функционирует Институт археологии и

этнографии СО РАН (директор - академик РАН А.П. Деревянко). Отряды института осуществляют исследования в различных регионах Евразии. Первоначально западносибирская проблематика не была приоритетным направлением. Однако в последние десятилетия ситуация изменилась.

Вопросами археологии Западной Сибири в этом институте занимаются академик РАН В.И. Молодин, А.П. Бородовский, А.Е. Гришин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Новиков, А.И. Соловьев и М.А. Чемякина. Значительный вклад в изучение истории Западной Сибири вложила Н.В. Полосьмак (в настоящее время исследует курганы Горного Алтая).

Институт археологии и этнографии СО РАН ведет масштабные исследования в Барабинской лесостепи и на других территориях. Институт стал центром археологических и этнографических работ в Сибири. Его филиалы созданы в Омске, Кемерово, Барнауле и других городах. В стенах института активно ведется подготовка кадров высшей квалификации в области археологии и этнографии Сибири. Институт осуществляет широкую издательскую деятельность, выпускает в двух синхронных версиях (на русском и английском языках) журнал «Археология, этнография и антропология Евразии», который хорошо известен во всех археологических центрах мира. Теснейшим образом с деятельностью этого института связаны и ученые Новосибирского государственного университета, где археологией Западной Сибири занимается О.И. Новикова.

Деятельное участие в изучении археологии Западно-Сибирской равнины приняли исследователи г. Екатеринбурга, которые начинали работать под руководством В.Ф. Генинга. Сейчас археологией Западной Сибири занимаются ученые Института истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральского университета. Активные работы ведутся в Нижнем и Сургутском Приобье. Крупным исследователем культур эпохи раннего железа является Л.Н. Корякова.

Теснейшим образом с археологией связана антропология. Изучение сибирского населения впервые было начато в конце XIX в. С.М. Чугуновым. Потом этим занимались томский ученый Н.С. Розов, его ученик

В.А. Дремов, который большое внимание уделял эпохам неолита и бронзы. В.А. Багашев - ученик В.А. Дремова (ныне профессор Тюменского университета) провел детальное антропологическое исследование древнего и современного населения Западной Сибири. В настоящее время особое значение приобрели проблемы охраны памятников. Этот вопрос стал особенно острым в связи с введением собственности на земельные угодья. Областные научно-производственные центры охраны памятников культуры организуют инвентаризацию и учет археологических памятников. На проведение работ на тех или иных земельных участках требуется санкция этих центров. Особенно надо отметить работу Новосибирского научно-производственного центра, который организовал выпуск подробных сводов археологических памятников по отдельным административным районам. В них даны описания и планы памятников, воссозданы картины исторического развития описываемого региона в древности и средневековье.

Вопросы археологии Западной Сибири освещены в двух учебных пособиях омских археологов. В книге В.И. Матющенко «Древняя история Сибири» разбираются вопросы древней истории широкой территории: от границы с Зауральем до Дальнего Востока включительно. При этом подробно говорится об эпохе камня и бронзы, чуть менее детально затронут ранний железный век и очень схематично рассмотрены проблемы средневековья. В учебном пособии Б.А. Конилова «Основы археологии Западной Сибири» главное внимание уделено материалам по Омской области. Это добротное, подробное региональное пособие, в котором ставится задача изучения археологии более широкой части Западной Сибири.

Выводы

Археологическое изучение Западной Сибири прошло длительный путь развития, начиная от академических экспедиций XVIII в. вплоть до настоящего времени. Говорить об особенностях западносибирской археологии не приходится. Она развивалась, как и вся археология Сибири, двигаясь в едином русле с археологией России в целом.

Рекомендуемая литература

- Багашев А.Я.* Формирование древнего и современного населения Западной Сибири (по данным краниологии): Авто-реф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2000.
- Вадецкая Э.Б.* Сказы о древних курганах. - Новосибирск: Наука, 1981.
- Демин М.Л.* Первооткрыватели древностей. - Л.; Барнаул, 1989.
- Ковешникова Е.А.* Историография археологии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск, 1992.
- Конигов Б.А.* Основы археологии Западной Сибири: Учебное пособие. - Омск. 1997.
- Мартынов А.И.* Историография археологии Сибири. - Кемерово, 1983.
- Матющенко В.И.* Древняя история Сибири: Учебное пособие. - Омск. 1999.
- Матющенко В.И.* 300 лет истории сибирской археологии. - Омск, 2001. - Т. 1 и 2.

РАЗДЕЛ 2 ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВИНА В ЭПОХУ КАМНЯ

ГЛАВА 3 ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВИНЫ

ПАЛЕОЛИТ

Древнейшая и самая длительная эпоха в истории человечества - *палеолит* (древний каменный век). По времени она совпадает с таким геологическим периодом в истории Земли, как *плейстоцен*. Начало палеолита очень трудно идентифицировать, т.к. оно связано с длительным процессом выделения человека из мира природы (*антропогенезом*) - феноменом, причины которого до сих пор не нашли однозначного объяснения в науке. Процесс антропогенеза начался очень давно (около трех миллионов лет назад). За огромный промежуток времени во внешнем облике, мыслительной и орудийной деятельности, поведении человека, его общественной организации произошли кардинальные изменения.

Заселение Западно-Сибирской равнины. В целом оно происходило неравномерно: отдельные территории (Горный Алтай, Кузнецкая котловина) были заселены уже в эпоху нижнего палеолита. Чем ближе к современной геологической эпохе (*голоцену*), начавшейся примерно 10 тыс. л.п., тем больше климат и природные условия Западно-Сибирской равнины напоминали современные. Сюда устремились многие животные, в том числе, разумеется, мамонт и бизон - одни из главных промысловых видов того времени. Вслед за ними на север, в новые для себя районы, двинулся и человек. Таким образом, в центре Западно-Сибирской равнины, по сравнению с ее ближайшим окружением (например, с Горным Алтаем), человек появился относительно поздно - в конце эпохи палеолита. Это был уже человек современного антропологического типа, со сложным и развитым комплексом материальной культуры, разнообразными трудовыми навыками и удивляющей исследователей своей глубиной и богатством духовной жизнью. Главная причина относительно позднего заселения Западно-Сибирской равнины кроется в геологических особенностях данного региона. Здесь практически полностью отсутствовало качественное каменное сырье, пригодное для изготовления орудий труда. Все основные типы орудий в то время изготавливали из кремня или близкого к нему по качеству камня-яшмы, обсидиана ил и кремнистого сланца. Люди пользовались теми небольшими запасами камня, который они принесли с собой с окружающих территорий (либо с Урала, либо из Северного Казахстана), или кварцевым галечником, из которого тоже можно было изготавливать небольшие орудия. Особенно сильно отсутствие сырья чувствовалось на территории Обь-Иртышского междуречья.

О том, насколько ценными для людей были каменные орудия, можно судить по следующему факту: сломанный инструмент не выбрасывали, а из обломков изготавливали новое, но более мелкое орудие.

Долгое время в археологической литературе была распространена точка зрения, основанная на предположениях некоторых геологов, о том, что главной причиной относительно позднего освоения человеком Западносибирского региона было его затопление огромным древним озером-морем, образовавшимся вследствие запруды ледниковым панцирем на севере стока западносибирских рек. Исследования геологов и археологов последних десятилетий на различных палеолитических стоянках Западно-Сибирской равнины (с точной фиксацией контекста расположения и радиоуглеродными датировками) позволили заключить, что такого огромного озера-моря просто не существовало (иначе некоторые стоянки должны были бы находиться на глубине более 100 м). Однако вопрос о существовании древнего озера-моря, покрывавшего Западно-Сибирскую равнину в эпоху верхнего палеолита, остается дискуссионным.

Остановимся на фауне Западной Сибири эпохи палеолита. Совокупность видов животных, окружавших верхнепалеолитических охотников называется фаунистическим комплексом. Наиболее типичными представителями верхнепалеолитического фаунистического комплекса Западно-Сибирской равнины являлись мамонт, северный олень, медведь, бизон и шерстистый носорог. Все эти животные были промысловыми видами для древних охотников, которые использовали их мясо в пищу, а шкуры и кости для других целей. Конечно, наиболее впечатляющим видом данного комплекса были мамонты. Судя по останкам, обнаруженным на некоторых стоянках (Волчья Грива, Шестаково), доля костей мамонта превышает 90% всех костей животных. О мамонтах современной науке известно уже очень многое. Эти данные получены не только на основании анализа тысяч разрозненных костей и многих десятков более или менее целых скелетов мамонта, но и при изучении целых туш, которые не раз находили в слое вечной мерзлоты на севере Сибири. Туши этих животных порой настолько хорошо сохраняются в мерзлоте, что местные собаки с удовольствием едят их замороженное в естественном «холодильнике» мясо. Проблема

13

состоит лишь в том, чтобы оттаявшую в далекой тундре тушу мамонта вовремя (до ее разложения и поедания дикими животными) обнаружили специалисты и доставили в лабораторию для изучения.

Удача сопутствовала российским ученым несколько раз. Так, в 1910 г. останки одного из таких мамонтов были привезены экспедицией Академии наук с севера Якутской области. Их тщательно изучили палеонтологи. Толстый слой подкожного жира и густая шерсть защищали мамонта от полярной стужи. Желудок его был набит остатками осоки, едкого лютика и других видов полярных трав и мелких кустарников.

Для мамонтов характерна массивная голова, крутой горб над передними лопатками и огромные бивни (т.е. резцы), нередко со спирально загнутыми верхушками. Длина бивня достигала иногда четырех метров, а вес пары бивней - около 300 кг. Туловище мамонта сплошь покрывала густая шерсть черно-бурого или рыжевато-бурого цвета, особенно пышная по бокам. С плеч и груди свисала густая и длинная рыжая шерсть. Шкура, снятая с животного, заняла бы примерно 30 м². Вес костей мамонта (без бивней) составлял 1,5 т, а вес туши доходил до 5 т. Мамонты были превосходно приспособлены к условиям арктической природы того времени. На примыкавших к сплошному ледяному щиту пространствах, напоминавших по своим ландшафтным характеристикам современную тундру, они находили обильную пищу (травы и кустарники). По подсчетам специалистов, в день мамонт поглощал до 100 кг растительной пищи.

Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. К настоящему времени на данной территории известно более тридцати палеолитических местонахождений. Это значительно меньше, чем на прилегающих к равнине территориях.

Большинство стоянок относится к позднему палеолиту. Исходя из имеющихся на сегодняшний день радиоуглеродных дат, позднепалеолитические местонахождения Западно-Сибирской равнины можно разделить на три условные группы.

Раньше всех - в 1896 г. - на территории г. Томска была открыта *Томская стоянка*. Она была случайно обнаружена зоологом Н.Ф. Кащенко благодаря находкам крупных костей мамонта. Н.Ф. Кащенко обратил внимание на наличие в почве угольков и следов воздействия огня. Он понял, что обнаружена стоянка древнего человека, и начал ее раскопки, которые провел настолько тщательно, что до сих пор они считаются образцовыми. Были составлены планы раскопа, зафиксирована глубина залегания находок, взяты на анализ и сохранены все интересующие исследователя образцы. По уголькам определен возраст стоянки - $18,3 \pm 1$ тыс. лет. Н.Ф. Кащенко на площади 40 м² собрал 200 мелких кремневых орудий и кости одного мамонта. Исследователь пришел к следующим выводам: 1) стоянка была кратковременной (несколько дней); 2) был убит один мамонт, часть которого съе-

дена на месте; 3) охотники ушли, захватив с собой отдельные части туши; 4) основная часть мамонта осталась неразделанной (она лежала на левом боку).

Стоянка Шикаевка II находится в Курганской области на берегу озера в бассейне р. Тобол. Ее радиоуглеродная дата - $18\ 050 \pm 95$ л.н. Здесь были обнаружены два почти полных скелета мамонтов, а также кости волка, сайги и северного оленя. На памятнике найдены 35 орудий, изготовленных из яшмы и предназначенных для резания. Все свидетельствует о том, что стоянка была временной. Существуют две трактовки этого памятника. По одной из них, мамонты были найдены мертвыми и замерзшими, а люди сняли при помощи орудий с них шкуры и ушли. По второй трактовке, мамонты были убиты; с них сняли шкуры и часть мяса.

В Томской области обнаружена *стоянка Могочино I*. Она была перекрыта слоями толщиной до 8 м. Здесь обнаружены кости мамонта, лошади, северного оленя, шерстистого носорога и других животных. В ходе раскопок найдено более 1,3 тыс. изделий из камня (нуклеусы, резцы, скребки и др.). Исследователи полагают, что это место недолговременной стоянки. Ее возраст, определенный по каменным изделиям, равен 16-17 тыс. лет. Возможно, стоянка более древняя, поскольку радиоуглеродная дата по кости мамонта составляет $20\ 150 \pm 240$ л.н.

Одной из наиболее полно изученных на сегодняшний день является *стоянка Шестаково*. Расположена она в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины, на правом берегу р. Кии (приток р. Чулым). Общая площадь раскопа составила $680\ \text{м}^2$. С нижней частью разреза связаны многочисленные остатки мамонтовой фауны и находки верхнепалеолитического времени (различные орудия, пуклеусы, сколы). Судя по всему, человек проживал на этом месте длительное время. Для различных культурных горизонтов памятника имеется значительное количество дат - от $25\ 660 \pm 200$ л.н. до $18\ 040 \pm 175$ л.н.

Местонахождение Луговское представляет собой скопление останков плейстоценовых млекопитающих. Оно расположено вблизи с. Луговского, в 30 км к западу от г. Ханты-Мансийска. Здесь на гриве, которую пересекает ручей, обнаружено более 5 тыс. костей мамонтов, шерстистых носорогов, лошадей, бизонов, северных оленей и волков. Количественно преобладают кости мамонта (более 98%). Вместе с костями обнаружено 300 каменных изделий. Возраст местонахождения - 10 - 30 тыс. лет.

Памятник *Волчья Грива* находится в Каргатском районе Новосибирской области. Он был открыт в 1957 г. местными жителями и исследовался палеонтологами и геологами. Археологические раскопки проводились в 1967 и 1968 гг. под руководством А.П. Окладникова. В 1975 г. памятник исследовал В.И. Молодин, а с 1991 г. - В.Н. Зенин. Памятник разновременный: от $17\ 800 \pm 100$ до $11\ 090 \pm 120$ лет. При раскопках найдены большие скопления костей животных. Они принадлежали примерно пятидесяти особям мамонтов и одной дикой лошади; встречены единичные кости бизона и волка. Часть костей имеет следы деятельности человека, многие осколки могли служить орудиями труда.

В первый год раскопок не были найдены кремневые орудия, поэтому А.П. Окладников даже говорил о специфическом для этой территории «костяном палеолите». На второй год исследований среди костей обнаружили два мелких кремневых отщепа. Это говорило о том, что население кремль знало, но кремневые ору-

14

дня, судя по всему, были в большом дефиците и очень ценились. Сейчас коллекция составляет 37 изделий из камня, половину из них составляют орудия. А.П. Окладников полагал, что здесь археологи имеют дело с крупным поселением палеолитического человека. Дальнейшие раскопки памятника затруднены тем, что над ним расположилось современное село.

На *поселении Черноозерье II* раскопки проводились в 1968 - 1971 гг. В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным. Памятник находится на берегу Иртыша в Саргатском районе Омской области. Культурный слой стоянки делится стерильными прослойками на три горизонта, что

свидетельствует о неоднократном прекращении и возобновлении жизни на поселении. В процессе исследования обнаружены каменные орудия, выявлены остатки жилищ с крупными округлыми очагами. Одно прямоугольное жилище имело площадь 10 м². В его центре находилась овальная яма-очаг. Всего на территории стоянки вскрыто 11 очагов, многие из которых отапливались костями. Найдены орудия, изготовленные из кварцевого галечника. Каменные орудия всех горизонтов чрезвычайно близки между собой и представлены скребками и пластинами. Особо выделяются площадки, на которых изготавливали орудия. Обнаружены осколки костей различных животных (лося, быка, лошади, лисы, зайца) и рыб. Кости мамонта здесь не были обнаружены. Поселение, по мнению геолога С.М. Цейтлина, датируется в пределах 10,8 - 12 тыс. л.н. Для данного памятника имеется и радиоуглеродная дата - 14 500 ± 500 лет.

Поселение Черноозерье II дало исключительно интересные находки. Здесь обнаружены предметы искусства - пока единственные для палеолита Западной Сибири. Это остатки двух костяных диадем с зашлифованной лицевой поверхностью. В них просверлены сквозные отверстия для крепления к головному убору. По краям диадемы орнаментированы зигзагообразной линией. Великолепным образцом косторезного искусства является кинжал. На его гранях имеются пазы для кремневых вкладышей. В центральной части нанесена продольная линия, выполненная из вплотную примыкающих друг к другу лунок и трех ромбов.

Исключительно интересен памятник *Венгерово-5* в Новосибирской области на берегу р. Тартас. Исследования здесь проводились под руководством В.И. Молодина. При раскопках более позднего грунтового могильника была обнаружена яма глубиной около 2 м. Она была заполнена костями и черепами бизонов, лежавшими вперемежку с каменными орудиями. На самом дне найдены кости и чешуя рыбы. Заполнение ямы было разделено стерильными слоями. Очевидно, яма использовалась периодически. В.И. Молодин предположил, что яма не имела хозяйственного назначения и, скорее всего, является остатками древнего святилища. Памятник синхронен стоянкам Черноозерье II и Волчья Грива.

Культурно-хозяйственная характеристика палеолита Западно-Сибирской равнины.

Полученные в последние годы материалы позволяют предположить, что заселение Западно-Сибирской равнины началось с южных и юго-восточных регионов 100 - 120 тыс. л.н., а возможно, еще раньше. Оно шло со стороны Алтая, Казахстана и, вероятно, из Средней Азии. Завершился период палеолита 10-11 тыс. л.н.

Самой молодой стоянкой этой эпохи является Черноозерье II. Ее можно считать переходной к мезолитическому периоду.

Период верхнего палеолита - это время проникновения человека в центральную и юго-западную часть Западно-Сибирской равнины. Люди, занимавшиеся охотой, пришли сюда вслед за животными, переместившимися из районов горного обрамления. Этими животными были мамонт, бизон, дикая лошадь и др. Очевидно, первоначально люди приходили сюда на непродолжительное время. Постоянно жить в Западной Сибири было трудно из-за отсутствия доброкачественного каменного сырья для изготовления орудий, а совершать экспедиции за ним из постоянных мест обитания пока еще было невозможным. Поэтому охотники выбирали себе удобный участок и неоднократно селились на определенный период, построив тут жилища с очагами. Примером этому является памятник Черноозерье II, культурный слой которого прерывался стерильными прослойками. Не исключено, что приходилось уходить из-за весенних паводков. Именно поэтому все найденные палеолитические стоянки делятся на две группы: 1) кратковременные стоянки, где люди жили всего несколько дней; 2) места, где люди периодически занимались хозяйственной деятельностью, временами полностью покидая стоянку, а затем возвращаясь.

Население занималось охотой, главным образом на крупных животных. Но, судя по костным остаткам, также употребляли в пищу зайцев, сайгаков и др. В конце верхнего

палеолита люди занимались и рыбной ловлей (среди остатков появились рыбы кости и чешуя). Безусловно, древнейшее население Западной Сибири могло заниматься и собирательством, однако археологических подтверждений этому пока нет.

На территории России верхнепалеолитические погребения открыты на ряде памятников, но на территории Западно-Сибирской равнины они пока неизвестны. Отсутствие погребений не дает нам возможности судить об антропологических особенностях населения Западной Сибири в эпоху палеолита.

МЕЗОЛИТ

К употреблению термина *мезолит* (средний каменный век) в археологии нет однозначного отношения. Некоторые ученые считают неправомерным выделение этого этапа в развитии древних культур Сибири и Дальнего Востока, поэтому в их периодизациях вслед за финальным этапом позднего палеолита сразу следует неолит. Другие исследователи (Л.П. Хлобыстан) считают, что плейстоценовые (палеолитические) культуры сменили голоценовые, т.н. эпипалеолитические культуры. Эпипалеолит - это уже не палеолит, а то, что непосредственно за ним следовало, сохраняя черты палеолитических культур.

Не вдаваясь в дискуссию по этому поводу, поясним, что, выделяя мезолит как отдельный период в археологии Западно-Сибирской равнины, мы опирались именно на комплекс признаков, включая признаки собственно археологические (например, характер каменной индустрии). Под мезолитом Западно-

15

Сибирской равнины мы понимаем фазу развития человека и форм его социально-экономических и экологических отношений. Эта фаза была ограничена, с одной стороны, сменой геологических эпох (плейстоцена на голоцен), когда кардинальным образом изменилось ландшафтно-климатическое окружение человека, что повлекло качественное изменение форм адаптации к новым условиям, а с другой - появлением керамики и шлифованных каменных орудий труда, характерных уже для эпохи неолита.

Ранний голоцен - великое время фундаментальных открытий в истории человечества. Население многих регионов Земли перешло к оседлому образу жизни. Наряду с дальнейшим совершенствованием техники обработки камня, массово распространялись лук и стрелы. На Ближнем и Среднем Востоке, а также в отдельных районах Средней Азии в этот период были осуществлены первые опыты человека в одомашнивании (одомашнивании) многих видов растений и животных. В Сибири это было пока невозможно ввиду слишком суровых условий, поэтому одомашнирована здесь была лишь собака. Появились орудия массового лова рыбы - сети. Широко распространились сани и лодки с веслами.

Итак, в Западной Сибири эпоху палеолита в X - VIII тыс. до н.э. сменил мезолит.

Абсолютные даты, приведенные здесь, достаточно условны, поскольку формирование новых традиций было связано с глобальными климатическими изменениями, повлекшими за собой коренное изменение ландшафтов и форм их освоения человеком. Эти климатические изменения происходили на огромных пространствах Западной Сибири, во-первых, постепенно, а во-вторых, неравномерно.

Однако ледниковый период завершился, и климатические условия стали сходны с современными. Исчезли мамонты и другие представители «мамонтовой фауны».

На территории Западно-Сибирской равнины известно несколько мезолитических памятников. Они обнаружены на полуострове Ямал, в Ишимо-Тобольском районе, в Барабинской лесостепи, на Среднем Иртыше и в Кузнецкой котловине. Эти памятники сближает то обстоятельство, что характер каменных орудий менялся. На смену относительно крупным формам пришли миниатюрные орудия труда. Мельчайшие ножевидные пластины служили вкладышами в костяных и каменных основах. Можно предположить, что для лесостепи Западной Сибири с ее развитой техникой комбиниро-

ванных орудий такой поворот событий облегчил адаптацию человека к новым условиям. Однако недостаток каменного сырья оставался очень острым.

В эпоху мезолита начался новый этап хозяйственного освоения Западно-Сибирской равнины. Человек широко использовал лук и стрелы, при помощи которых охотился на быстро передвигающихся животных. Основной его добычей стали олени и лоси. Выросло значение рыболовства. Широко распространилась новая техника изготовления орудий - вкладышевая. Все эти элементы культуры были заложены еще в самом конце палеолита, но получили широкое распространение именно в мезолите.

Новая волна заселения Западно-Сибирской равнины шла с юга, со стороны Казахстана и с Урала.

Человек продвинулся далеко на север. Особенности заселения региона хорошо видны при сравнении с соседним Зауральем. В Зауралье, которое было слабо заселено в эпоху палеолита, обнаружено большое число мезолитических стоянок. Здесь было найдено значительное количество каменных орудий, изготовленных из местного материала. На территории Западно-Сибирской равнины стоянок, которые можно отнести к эпохе мезолита, найдено мало. Стоянки располагаются неравномерно: ближе к Зауралью их значительно больше. Таким образом, основной поток населения с юга был направлен на Урал и значительно меньше в сторону Западной Сибири.

Стоянки иногда стали располагаться группами на террасах рек и озер. Число поселений в группе могло быть значительным. Примером являются Юрьинские озера, расположенные в Тюменской области на границе с Зауральем. Здесь на близком расстоянии друг от друга обнаружено свыше 30 поселений.

На Ямале Л.П. Хлобыстин исследовал местонахождение Корчаги 16 (правый берег р. Оби ниже г. Салехарда). Здесь найден комплекс орудий, включающий несколько нуклеусов, крупное скребло и скребки. Вблизи этого скопления была обнаружена углистая прослойка, по разрезу залегающая выше отложений, содержащих мезолитические находки (т.е. она может быть либо синхронна им, либо моложе). Абсолютный возраст угля, отобранного из этой прослойки, - 7 260 (\pm 80) л.н.

Группа стоянок обнаружена в таёжной зоне - на р. Конде. Здесь раскопаны полуземлянки и наземные жилища. Одно из них двухкамерное, с коридором и очагом. Культурный слой поселений был мощным и содержал несколько тысяч мелких каменных орудий.

В Прииртышье известна стоянка Черноозерье У1а, располагавшаяся возле одноименного палеолитического памятника. Стоянка была долговременной. Найденные здесь мезолитические микролитические орудия были изготовлены из высококачественного сырья. Здесь было обнаружено 779 изделий (в основном вкладышей), большинство которых было изготовлено из североказахстанской яшмы. В Среднем Прииртышье известны еще несколько местонахождений с находками мезолитического облика (микролитическими). В основном это сборы с размытых озерных террас, но найдена и стоянка с культурным слоем - Большой Ащи-Куль II.

В Кузнецкой котловине, при исследовании памятника Большой Берчикуль I, В.В. Бобров среди разновременного материала выделил комплекс орудий и нуклеусов, ближайшие аналоги которых известны по материалам мезолитических стоянок Среднего Зауралья.

Поздний («пережиточный») мезолит в Томско-Нарымском Приобье, лесостепном Прииртышье и Кулундинской степи представлен такими памятниками, как Большой Ащи-Куль I, Щербакульское и др. Это бескерамические памятники, для которых характерно сохранение вкладышевых, мезолитических по облику орудий. Наряду с ними обнаружены и шлифованные изделия, не имевшие распространения в «классическом» мезолите, но широко известные в неолитическую эпоху.

Выводы

Освоение современным человеком территории Западно-Сибирской равнины началось в эпоху среднего палеолита. Однако большинство палеолитических стоянок региона, известных на сегодняшний день, относятся к верхнему палеолиту. Стоянки свидетельствуют о кратковременном проживании людей и делятся на две группы: места, где люди, занятые охотой, находились в течение несколько дней, и поселения, где человек занимался хозяйственной деятельностью, но периодически покидал их, а затем возвращался.

В эпоху мезолита заселение Западно-Сибирской равнины шло с юга. При этом территория Зауралья оказалась более густо населенной, что было связано с наличием хорошего каменного сырья. На территории Западно-Сибирской равнины наиболее заселенной людьми оказалась западная часть.

Рекомендуемая литература

Генинг В.Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1985.

Деревянню А. П., Маркин С.В., Вичикья ГА Лалеолпто-ведение: введение и основы. - Новосибирск: I [аука, 19У4.

Зенин В.И Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАИ. 2002. - № 4 (12). -С. 22- 44.

Окладчиков А.П., Молоди» В.И. Палеолит Барабы // Палеолит Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978.-С, 9- 19.

Палеолит СССР. - М.: Наука, 1984.

Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. - Новосибирск: Наука, 1986.

Мезолит СССР. - М.: Наука, 1989. С. 136 - 143.

Хлобыстан Л.П. Древняя история Таймырского 'Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. -СПб.; «Дмитрий Буланин» ,1998

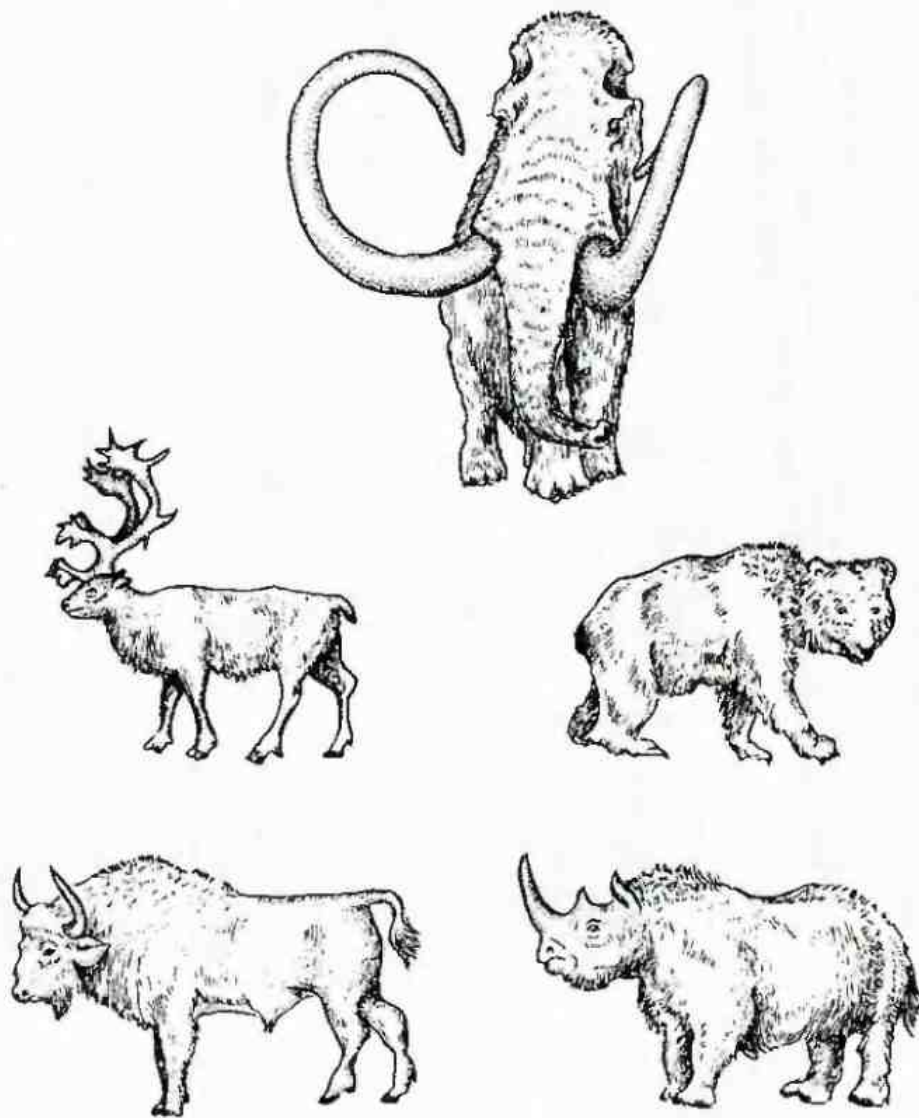

Рис. 2. Представители «мамонтной фауны», проживавшие на территории Западно-Сибирской равнины в эпоху верхнего палеолита (по: Дервянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994).

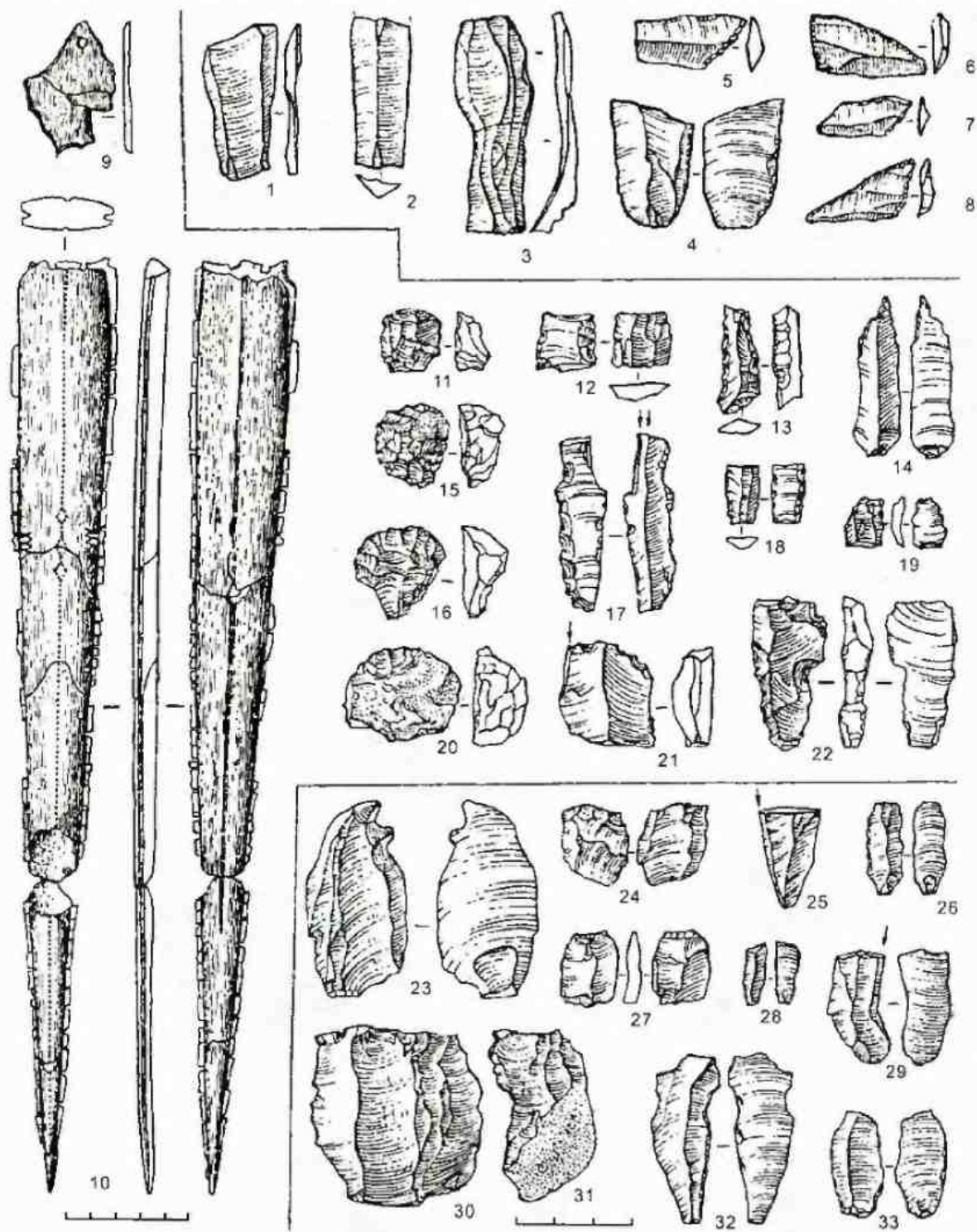

Рис. 3. Каменный (1-8, 11-33) и костяной (9, 10) инвентарь верхнепалеолитических стоянок Западно-Сибирской равнины: 1-8 - Шикаевка II; 9-22 - Черноозерье II; 23-33 - Томская стоянка. 1, 2, 28 - пластинки; 3, 4, 12, 13, 18, 22, 26, 32, 33 - пластинки и обломки пластинок с ретушью; 5-8 - геометрические формы; 9 - обломок украшения; 10 - вкладышевый иголка; 11, 15, 16, 20, 24 - скребки; 14 - проколка; 17, 25, 29 - резцы; 19, 27 - долотовидные орудия; 21 - скребок-резец; 23 - пластинчатый отщеп; 30, 31 - нуклеусы (по: Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Палеолит Кавказа и Северной Азии. - Л.: Наука, 1989).

ГЛАВА 4 НЕОЛИТ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О НЕОЛИТЕ

Неолит (новый каменный век) Западной Сибири охватывает период с VI по начало III тыс. до н.э. К этому времени люди, проживавшие в Западной Сибири, научились изготавливать керамику - глиняную посуду. Однако керамические сосуды и шлифованные изделия из камня на территории Евразии известны с очень древнего времени. Так, на некоторых памятниках юга Китая, датируемых 16-9 тыс. л.н., обнаружена керамика и полированные каменные орудия. На территории Западно-Сибирской равнины в это время еще ни того, ни другого не было. Поэтому эпоху неолита необходимо рассматривать не как единый хронологический этап, а как стадию социально-экономического развития, которой население разных регионов Евразии достигало в различное время.

В результате появления керамической посуды резко расширился пищевой ассортимент людей за счет качественно новых продуктов питания, ведь ряд продуктов человеку можно употреблять только в вареном виде. Шлифованные каменные орудия (топоры и долота) были во много раз производительней орудий эпохи палеолита и мезолита. При помощи шлифованных топоров можно было довольно быстро рубить деревья и сооружать жилища. В результате люди стали активно продвигаться на таежную территорию. При помощи шлифованного долота стало возможным достаточно быстро и надежно изготавливать лодки, тем самым овладевать водной стихией. В эпоху неолита стали четко видны преимущества лука со стрелами, изобретенного еще в мезолите. Скорость полета стрелы во многом выше скорости полета копья. К тому же за счет улучшения конструкции лука увеличилось расстояние, на котором стрелы достигали добычу; стрельба стала прицельной.

Климат в это время был сходен с современным, но немного суше и теплее. Это время климатического оптимума. Происходило дальнейшее освоение человеком территории Западно-Сибирской равнины. Если раньше в основном была заселена полоса, прилегающая к Уралу, то к концу неолита оказалась заселенной вся территория Западно-Сибирской равнины. Люди занимались присваивающими видами хозяйства - охотой и рыбной ловлей со специализацией, зависящей от географических условий. Так, по берегам озер и небольших рек основным продуктом питания была рыба, в остальных местах - дичь и тица. Рыбная ловля способствовала формированию оседлого образа жизни. Как и в эпоху мезолита, озера и реки были богаты рыбой, что способствовало жизни на одном месте. Охотники же были вынуждены в поисках добычи менять места своего проживания. Быт оседлых рыболовов способствовал сохранению преемственности между поколениями, развитию и сохранению культурных традиций, т.е. был прогрессивнее, чем быт охотников. Не случайно исследователи проводят параллели между занятием рыбной ловлей и земледелием, с одной стороны, и охотой и скотоводством - с другой. Быт охотников был сходен с бытом передвигающихся в поисках корма скотоводов.

НЕОЛИТ ПРИТОБОЛЬЯ

Западная часть Западно-Сибирской равнины - Притоболье - в своем историческом развитии тесно связана со Средним Зауральем. Неолитические памятники Среднего Зауралья В.Т. Ковалева разделила на две хронологические группы: ранне-неолитические и поздне-неолитические.

Различные неолитические памятники сплошь покрывают берега Андреевского озера под г. Тюмень. Здесь население жило на одном месте не только десятками, но и сотнями лет. Эти памятники относятся к различным культурным традициям неолита и энеолита. Проведенные здесь раскопки выявили жилища, крыша которых покоилась на каркасе из вертикальных опор. Дома были деревянными, углубленными в землю. В центре находился костер, дававший тепло, на котором также готовили пищу. На Андреевском острове

обнаружен могильник с разновременными погребениями, в том числе и неолитическими, но они пока мало изучены.

В настоящее время на основании изучения форм и орнамента керамики в неолите Притоболья выделены сосновоостровская, кошкинская и боборыкинская археологические культуры.

По мнению ряда исследователей, *сосновоостровская традиция* украшения посуды является более древней и восходит к потомкам мезолитического населения.

Сосновоостровская керамика имеет полуяйцевидную форму, округлые наплывы на внутренней стороне венчиков и ямки, нанесенные на внутреннюю и внешнюю стороны. В орнаментации посуды преобладает гребенчатая техника нанесения узора на всю поверхность сосуда, включая дно. Элемента-

19

ми орнамента являются наклонные линии гребенки, гребенчатая «качалка», зигзаги, горизонтальные и вертикальные оттиски гребенчатого штампа.

С сосновоостровскими комплексами в Притоболье сосуществуют *памятники кошкинского типа*. Радиоуглеродные даты из слоев их поселений относятся к V тыс. до н.э.

Кошкинскую посуду по форме можно разделить на остро- и круглодонную, реже встречаются плоскодонные сосуды. Орнамент выполнен в технике прочерчивания и отступания; он сильно разряжен. Большинство элементов орнамента составляют волнистые горизонтальные и вертикальные линии. Носители кошкинской орнаментальной традиции дожили в Нижнем Притоболье до IV тыс. до н.э., вступая в контакты с боборыкинским населением.

Боборыкинская группа, получившая название по поселению Боборыкино II, насчитывает несколько десятков памятников. Большая их часть расположена в бассейне р. Исети и Нижнем Притоболье. Они датированы временем от середины IV до начала III тыс. до н.э. Боборыкинская культура была пришлой с юга (вероятно, из Северного и Северо-Восточного Прикаспия). Она распространилась на территории Притоболья, уже занятого иным населением. Известны случаи, когда сосновоостровское жилище оказывалось перерезанным более поздними боборыкинскими ямами.

Посуда боборыкинской культуры разделяется на три основные группы: остродонная, баночная и плоскодонная. Узоры выполнены прочерчиванием, отступающей палочкой и ямочными вдавлениями. Как правило, орнамент располагался в верхней и придонной зонах. При этом горшки украшали сравнительно бедно, а остродонные сосуды - значительно богаче.

Местное и пришлое население вначале не смешивались между собой. Позднее они стали перенимать друг у друга традиции, что хорошо прослеживается на материале керамических комплексов.

НЕОЛИТ

ОБЪ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На этой территории исследованы неолитические памятники двух культур - среднеиртышской и верхнеобской.

Среднеиртышская культура представлена целым рядом памятников (около 40 поселений и несколько могильников). Она сложилась в результате слияния местных неолитических племен урало-западносибирской общности и пришлого с запада (из Предуралья) населения, имевшего керамику с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Второе название - екатерининская - эта культура получила по Екатерининской стоянке близ г. Тары.

Впрочем, некоторые исследователи считают, что существовал отдельный екатерининский этап среднеиртышской культуры. Для этой культуры характерна своеобразная керамика - яйцевидные и полушаровидные сосуды большого диаметра. Поверхность сосудов сплошь покрыта зональным орнаментом в виде оттисков шагающей и простой гребенки, ямок и наколов, которые образуют прямые и косые линии, горизонтальную волну и т.д.

Поселения расположены по Иртышу, его притокам и на берегах озер. Люди для поселения чаще всего выбирали место у впадения в Иртыш его притока. В таких местах дольше не замерзала вода, поэтому они были особенно богаты кормом для рыбы. Б.А. Конилов приводит свидетельства XIX в. о том, что в таких местах рыба скапливалась огромными массами.

При раскопках поселений обнаружены жилища. Площадь некоторых из них достигала 200 м². Наиболее крупное из исследованных поселений - Омская стоянка. На ней выявлены прямоугольные полуземлянки с земляным полом. Каменные орудия изготовлены в основном из местного кварцита, но встречаются и изделия из качественного камня (кремня, яшмы, хрусталя и т.д.), который привозили из Казахстана, с Урала и юго-западных отрогов Алтая. Встречены скопления рыбьих костей и рыбьей чешуи. Многочисленные кости животных (лося, косули, зайца и др.) говорят о том, что население, помимо рыбной ловли, занималось и охотой.

Окуневский неолитический могильник находится на р. Таре, у с. Окунево, в урочище Татарский увал, поэтому в литературе его часто называют «могильник на Татарском увале». Здесь обнаружены могилы позднего неолита - ранней бронзы. Подробнее об этом памятнике мы остановимся в разделе о раннем металле.

Интересен могильник Усть-Куренга на правом притоке Иртыша - р. Шиш. Среди его материалов - подвески из клыков кабана, каменный топор и две плоские скульптуры, изображающие головы грызунов (наиболее вероятно, бобров). Они выполнены из темно-зеленого сланца и тщательно отшлифованы.

Следующий могильник находится на площади Омской стоянки. Скорее всего, он возник, когда люди уже покинули поселение. Сохранились лишь два не потревоженных погребения, расположенных друг над другом. Скелеты лежали на спине, головами на север, перпендикулярно течению реки. Это были европеоиды с некоторой монголоидной примесью. Необходимо отметить, что В.И. Молодин относит памятник Усть-Куренга к верхнеобской неолитической культуре.

Верхнеобская неолитическая культура открыта под г. Томском В.И. Матюшенко. В Новосибирском Приобье ее исследовал В.И. Молодин, поэтому при изложении основных особенностей этой культуры нами использована его точка зрения.

Верхнеобская неолитическая культура была распространена к востоку от среднеиртышской культуры. Носители этой культуры жили в восточной части Барабы и Верхнем Приобье. Памятники представляют собой поселения и могильники. За длительное время своего существования верхнеобская культура прошла несколько этапов развития. Их отличают по форме и орнаментации керамики и технике изготовления кремневых орудий.

Расцвет неолита Верхнего Приобья связан с завьяловским этапом (назван по поселениям Завьяло-во-2 и -8 у с. Завьялове Искитимского района Новосибирской области).

Поселения оказались полнос-

20

тью затоплены водами Новосибирского водохранилища. Вода размывала песок, и на дне около берегов остались скопления кремневых орудий и обломки сосудов. Раскопки здесь не производились, так как поселения не сохранились. Велись только сборы материала на берегу во время спада воды. Обнаруженная керамика представлена в основном обломками круглодонных сосудов, но встречаются и остатки сосудов с плоским или уплощенным дном. Орнамент наносился прочерчиванием или накальванием штампа. Часты оттиски гребенки. Позже ведущей техникой исполнения стал отступающий штамп. Волнообразные или прямые линии могли образовывать взаимопроникающие геометрические фигуры. Многие сосуды имели ярко-красный оттенок. Раскопки на поселениях показали, что среди них имелись стойбища с наземными, легко сооружаемыми жилищами (памятник Козловка в Венгеровском районе Новосибирской обл.) и длительно бытовавшими полуземлянками.

Особый интерес вызывает могильник Протока в Кыштовском районе Новосибирской области. Он состоял из 9 курганных насыпей эпохи раннего железа. Однако под одной из них было выявлено 14 неолитических погребений, в которых захоронено 26 человек. Кости их были перемещены, отдельные части скелета отсутствовали. Видимо, погребения были вторичными: покойников вначале сохраняли в открытом месте, возможно, зимой, когда трудно было рыть мерзлую землю. Часть костей могли растащить животные. Потом скелеты перезахоранивали группами до 8 человек, укладывая их головами на северо-запад.

Выявлено 11 бескурганных погребений. Могильные ямы были неглубокими. Сопроводительный инвентарь включал сосуды, подвески, украшавшие одежду, каменные и костяные орудия труда. Особый интерес вызывают целые сосуды. Их орнамент представляет собой художественное произведение, особенно если рассматривать сосуд со стороны дна. Аналогичный сосуд найден и на могильнике Сопка-2 недалеко от с. Венгерovo. Его орнаментация также может считаться произведением прикладного искусства. Н.В. Полосьмак, исследователь могильника Протока, отнесла могильник к среднеиртышской культуре. Однако в настоящее время В.И. Молодин говорит о нем, как о памятнике верхнеобской неолитической культуры.

В непосредственной близости от могильника Протока В.И. Молодин обнаружил и исследовал еще один неолитический некрополь - Корчуган I. Это разновременный комплекс памятников. Поселение эпохи поздней бронзы перекрывает захоронения более древнего грунтового могильника ранней бронзы и неолита. К неолитическому времени относятся три погребения могильника Корчуган I. Несмотря на небольшое количество погребений, отметим некоторые черты погребальной обрядности неолитического комплекса Корчуган I.

Могильные ямы имеют либо незначительную глубину в материке, либо не перерезают его, что характерно для большинства неолитических погребений лесной и лесостепной зоны Евразии.

Погребение осуществлялось по обряду труположения с ориентацией головы на север или северо-восток (преобладающая ориентация неолитических погребений Западной Сибири).

Обнаруженный инвентарь (керамика, каменный шлифованный топор, подвески в виде птичек из кости и ожерелье из резцов грызуна) характерен и для других неолитических могильников южно-таежной и лесостепной зоны бассейна р. Оби. Наличие небольшого количества погребений также присуще западносибирским неолитическим некрополям. В могильнике Сопка-2, который раскапывал В.И. Молодин, было обнаружено 11 бескурганных неолитических могил. Сопка - это крупный по площади останец, возвышающийся над заливной поймой у места слияния рек Омь и Тартас (Венгеровский район Новосибирской области). Во время разлива он превращается в остров, окруженный со всех сторон водой. На протяжении тысячелетий он был выбран населением как удобное место для кладбища. Именно здесь, как и на острове Андреевского озера, в труднодоступном месте, вдали от поселений, в течение длительного времени люди хоронили умерших сородичей. Исключительно ценным для науки является тот факт, что некрополь раскопан полностью, причем исследования велись сплошной площадью. В результате выявлено 697 разновременных могил, культовые места и остатки разновременных поселений.

Погребения эпохи неолита могильника Сопка-2 были одиночными, парными и коллективными. У всех скелетов, в том числе и непо потревоженных, отсутствовали отдельные кости. Это свидетельствует о наличии обряда вторичного захоронения: вначале умерших держали где-то на открытом месте и лишь по прошествии определенного времени их погребали. За время пребывания на воздухе часть костей могли растащить животные. Погребенные покоились на спине, в вытянутом положении, головой на северо-

восток. Инвентарь аналогичен материалам с Протоки и датирован в пределах конца V - начала IV тыс. до н.э.

При раскопках могильников и поселений выявлено значительное количество каменного инвентаря: ножевидные пластины и скребки, топоры, сверла, проколки и т.д. Их изготовили местные мастера. Об этом свидетельствуют находки нуклеусов, с которых скалывали пластинки для изготовления орудий, и отходы производства - многочисленные отщепы.

Для людей, захороненных в могильниках верхнеобской неолитической культуры, как и вообще для населения лесостепной полосы Западно-Сибирской равнины, характерен смешанный антропологический состав: прослеживаются черты северных палеомонголоидов и палеоевропеоидов евразийских степей. Судя по выполненным реконструкциям, погребенные из могильника Прорва имели крупные черты лица, широкий нос и иногда припухлые губы.

Эпоха неолита Среднего и Нижнего Приобья представлена достаточным количеством поселений и меньшим количеством погребений. Совершенно обособленно в территориальном и культурном смысле

21

по отношению к вышеперечисленному материалу стоит памятник Амня-1. Он представляет собой городище, расположенное в Нижнем Приобье, в северо-таежной зоне, и являющееся уникальным для Приобья. Раскопки проводились уральскими археологами в 1987 - 1989 гг. Городище расположено на мысе, ограждено двумя поперечными рвами и частично перекрыто более молодым энеолитическим поселением. Раскопанные жилища однотипны: площадь колеблется от 15 до 50 м², а глубина - от 50 до 150 см. Кровля была четырехскатной, в виде усеченной пирамиды. В крыше имелось дымоходное отверстие, им же пользовались для входа и выхода. В некоторых случаях дно землянки по периметру очерчено канавками, в которые, видимо, онускалось основание деревянной обшивки стены.

Каменный инвентарь типичен для неолита. Орудия и наконечники стрел чаще всего изготавливали из местного галечника. Сохранилась архаичная вкладышевая техника. Орнамент на керамике гребенчатый и прочерченно-накольчатый. Авторы раскопок (В.М. Морозов и В.И. Стефанов) отмечают оригинальность всего материала и некоторую связь его с боборыкинской культурой. Сближают эти культуры особенности керамики, сохранение вкладышевой техники и некоторые черты домостроительства. Все это свидетельствует о том, что один из элементов рассматриваемого комплекса имеет южное (по отношению к Нижнему Приобью) происхождение. Причины появления в конце каменного века укрепленного поселения неясны. Авторы раскопок полагают, что аналогии этому не известны не только в Западной Сибири, но и во всей Северной Евразии.

КУЗНЕЦКО-АЛТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Была распространена на территории Кузнецкой котловины и предгорий Алтая. Она представлена только бескурганскими могильниками. Мы не можем судить о керамике, поскольку в захоронениях она не встречена. Характерной особенностью этой культуры является богатый каменный инвентарь, наличие художественных произведений прикладного искусства, выполненных из кости и камня, и наскальной живописи. Самым первым памятником стал Кузнецкий могильник под г. Новокузнецком. В нем обнаружены шесть полуразрушенных погребений с богатым каменным инвентарем, среди которого есть материал, перекликающийся с серовской культурой Прибайкалья. Васьковский могильник, тоже расположенный в Кемеровской области, был полуразрушен. Исследование его свелось к зачистке найденных погребений и сбору подъемного материала. В одном дошедшем до нас захоронении погребенный лежал на спине, головой на восток. Он был обильно посыпан охрой. Среди инвентаря могильника надо отметить тоненькие подовальные костяные пластины с отверстием для

подвешивания, каменное тесло и крупный кремневый нож, обработанный в технике отжимной ретуши (аналоги есть в Прибайкалье). Особенно интересны найденные на могильнике произведения мелкой пластики, выполненные из кости. Это голова лося и фигурка медведя, стоящего на четырех лапах и имеющего крупную голову. Уникальна небольшая скульптура с развернутыми в противоположные стороны головами животных: одна из них принадлежит медведю, другая - фантастическому животному, похожему на медведя, но с длинным птичьим клювом. Все фигурки имеют сквозные отверстия для крепления. Эти находки лежали у пояса погребенного.

Носители кузнецко-алтайской культуры могли выходить за пределы своего компактного проживания. Об этом свидетельствуют погребения на берегах Новосибирского водохранилища. У с. Крутиха, близ г. Камень-на-Оби, раскопано несколько неолитических могил. Погребенные лежали на спине, головой на северо-восток. С ними найдены топоры из низкокачественного сланца и один из кремня, прекрасно обработанный шлифовкой, костяные и мелкие кремневые изделия. Среди костяных наконечников стрел встречаются наконечники с биконической головкой, типичные для Зауралья (т.н. шигирского облика). Выделяется художественно выполненная костяная фигурка рябчика или тетерева, частично покрытая насечками. В спине прорезано отверстие для подвешивания.

Погребенная в могильнике под с. Ордынское (Новосибирская обл.) женщина тоже лежала на спине, головой на северо-восток. Около головы найдено скопление мелких овальных подвесок из кости и раковин. Вероятно, они были нашиты на головной убор. Вместе с кремневыми отщепами и орудиями найдена плоская костяная скульптура, изображающая голову лося.

Таким образом, для кузнецко-алтайской культуры характерны сочетание идущих вглубь местных традиций, связи с Зауральем и определенное влияние неолита Прибайкалья, населения серовской культуры. Близкое расположение к Алтаю давало возможность получать качественное сырье для изготовления каменных орудий.

Уникальным памятником является Томская писаница, находящаяся на берегах р. Томи под г. Кемерово. Традиционное название памятника, строго говоря, не вполне точно, поскольку изображения на скале не «писались» красками, а выбивались. Петроглифы (выбивки на скальных плоскостях) расположены плотными группами на плоской вертикальной скальной поверхности, буквально выступающей из воды. Она сплошь покрыта шагающими слева направо фигурами животных, в основном, лосей. Большая часть из них относится к эпохе неолита, некоторые датируются эпохой бронзы. Первые сведения о писанице относятся к началу XVII в. и принадлежат первым русскими землепроходцами. Впервые петроглифы были опубликованы участником академической экспедиции Мессершмидта, шведом Страленбергом. Все материалы писаницы изданы в монографии А.П. Окладникова и А.И. Мартынова «Сокровища Томских писаниц» (1972 г.).

Известны и другие писаницы - Новоромановская и Тутальская. Они расположены на берегах р. Томи, на больших камнях или скалах, подступающих к берегу. Работа по снятию копий с писаниц очень сложна, кропотлива, а порой даже опасна: многие рисун-

22

ки находятся на большой высоте. Мы остановимся в основном на материалах Томской писаницы.

Техника исполнения рисунков одинакова. Сначала на скалу специальными каменными орудиями наносили контур будущего рисунка, а потом его выбивали специальным отбойником. Часто на этом работа древнего художника завершалась. Иногда внутри очерченного контура выбивали всю поверхность камня. Встречается сочетание этих приемов: выбивалась только голова животного, а туловище намечалось контурной выбивкой. Глаза при этом не выбивали, поэтому они оставались вынуклыми. Потрясает реалистичность и художественный вкус древних мастеров. Более поздние рисунки

местами частично наложены на древние изображения. Каждое поколение оставляло своим потомкам новые выбивки, которые позволяют нам заглянуть в прошлое глазами людей эпохи неолита.

Все петроглифы профильные. Лося изображены в движении - легком беге. Вытянув вперед голову, животные передвигаются слева направо. Хорошо переданы сцены охоты. Видны петли, в которые попала нога животного, и копьё, вонзившееся в тело лося. Отдельно изображена сцена покола: при массовой переправе животных через реку люди поджидали их в засаде и расправлялись с ними. В одной из сцен часть лосей еще плывет по воде, поверхность которой изображена волнистой линией, другие животные уже выходят на берег, где их поджидают охотники с копьями. Потрясает изображение страданий умирающего животного: голова его вытянута кверху, пасть раскрыта в крике. Помимо лосей, изображали птиц (сову и журавля), а также медведя, собаку, бегущую за зверем. Встречаются изображения самих охотников: одни держат в руках копьё, другие - петли. Некоторые охотники идут на лыжах. В отличие от лосей, люди изображены схематично. Это, скорее, человекообразные существа; головы у них чаще всего звериные. Не исключено, что это изображение людей, связанных с культом и одетых при исполнении ритуальных действий в звериные маски.

Писаницы - неповторимые свидетельства о жизни, хозяйственных занятиях и верованиях людей далекого прошлого.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Хозяйство всех указанных неолитических культур было присваивающим. Большую роль играла охота на лося, оленя, зайца, пушных зверей и водоплавающую птицу. Их костные остатки обнаружены на поселениях с берегов Оби и ее притоков. Охотились с луком и стрелами, а возможно, и при помощи различных ловушек. Охота имела исключительное значение в эпоху неолита. Об этом свидетельствуют частые находки кремневых наконечников стрел и копий, а также изображения на Томской писанице. Одним из основных занятий было рыболовство, чему способствовало наличие озер (в том числе проточных), рек и стариц, весьма богатых рыбой. Рыбу ловили сетями, ставили «запоры», хорошо были известны гарпуны. В конце эпохи неолита появились рыболовные крючки. Многочисленные находки отщепов на неолитических памятниках являются свидетельством того, что орудия из камня изготавливались местными мастерами. Как и в эпоху мезолита, они были выполнены из низкокачественного кварцита. Встречаются и изделия из более качественных пород: кремня, яшмы, хрусталя и др. Их получали из Восточного Казахстана или с отрогов Алтая. Население кузнецко-алтайской культуры, жившее в непосредственной близости с Северным Алтаем, более свободно могло изготавливать крупные орудия.

В связи с дефицитом поделочного сырья к нему относились очень экономно, поэтому многие орудия многофункциональны: они одновременно могли служить ножом, скребком или скобелем. Сломанное орудие не выкидывали, а переделывали в более мелкое. В области обработки камня были достигнуты выдающиеся результаты. Появились шлифованные орудия (прежде всего, топоры), что привело к резкому увеличению производительности труда с их использованием.

Именно с эпохой неолита в различных регионах мира, в частности, на территории Западно-Сибирской равнины, сделаны исключительные по своим последствиям технические открытия. Например, были открыты свойства спекания глины при воздействии на нее достаточно высокой температуры. Осознание и регулярное использование древним человеком этого свойства глины является исключительным по своим последствиям и принципиально отличает керамическое производство от других производств, существовавших до него.

Технологии производства различных изделий из неорганических материалов в докерамические эпохи не были связаны со структурными изменениями сырья и

заклучались лишь в его отборе и процессе образования формы конечного изделия. Керамическое сырье (прежде всего, различные виды глин) явилось первым неорганическим материалом, который был структурно видоизменен человеком. Подобные изменения продемонстрировали разнообразие свойств изделий, связанных со структурой вещества. Они стали возможны благодаря овладению человеком теми технологическими процессами, которые влекут за собой эти изменения. Эти открытия (особенно связанные с технологическими возможностями термического воздействия на вещество) послужили предтечей медно-бронзовой металлургии.

Керамика является исключительно важным источником для археолога. Это изделия повседневного потребления, к тому же легко бьющиеся, их затруднительно нускать в обмен. Поэтому появление керамики с новыми формами и орнаментацией чаще всего (и не только для эпохи неолита) свидетельствует о проникновении на ту или иную территорию ее непосредственных изготовителей, т.е. о перемещении групп населения. По керамике можно определить тот факт, что в отдельных случаях более позднее население развивается на базе местного, а появившиеся новые черты являются лишь развитием уже сложившихся традиций. Различные керамические комплексы отличаются друг от друга по форме, орнаментации и тех-

23

нике изготовления. Именно поэтому при описании тех или иных культур мы уделяем керамике значительное место и делаем выводы на основе ее анализа.

Выводы

На территории Западно-Сибирской равнины все неолитические культуры демонстрируют сохранение традиций присваивающего хозяйства, основанного на охоте, рыбной ловле и собирательстве, поэтому эти общества можно назвать культурами «присваивающего неолита».

Происходило дальнейшее усовершенствование техники обработки камня, появились новые орудия, приспособленные для работы по дереву. Стал применяться первый искусственный материал - керамика. Технологические достижения эпохи неолита повлекли резкое увеличение адаптивных возможностей неолитических обществ Западно-Сибирской равнины, что привело к расширению мест обитания человека в регионе, освоению им различных ландшафтных зон.

Рекомендуемая литература

Матвеева Н.П., Матвеев А.В., ЗахВ.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. -Тюмень, 1994.

Коников Б. А. Основы археологии Западной Сибири. -Омск, 1997.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. - М.: Наука, 1991.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. - М., Наука, 1996.-С. 253-269.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири.-Омск, 1999.

Молодая В. И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.

Молодик В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. -Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2001. -Т. I.

Молодик В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня-1 - древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. -Екатеринбург, [1993. -С. 143 ~ 170.

Окладников А.П., Мартынов Л.И. Сокровища Томских писаний.-М.: Искусство, 1972.

Полосьмак Н.В., Чикешева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. - Новосибирск, 1989.

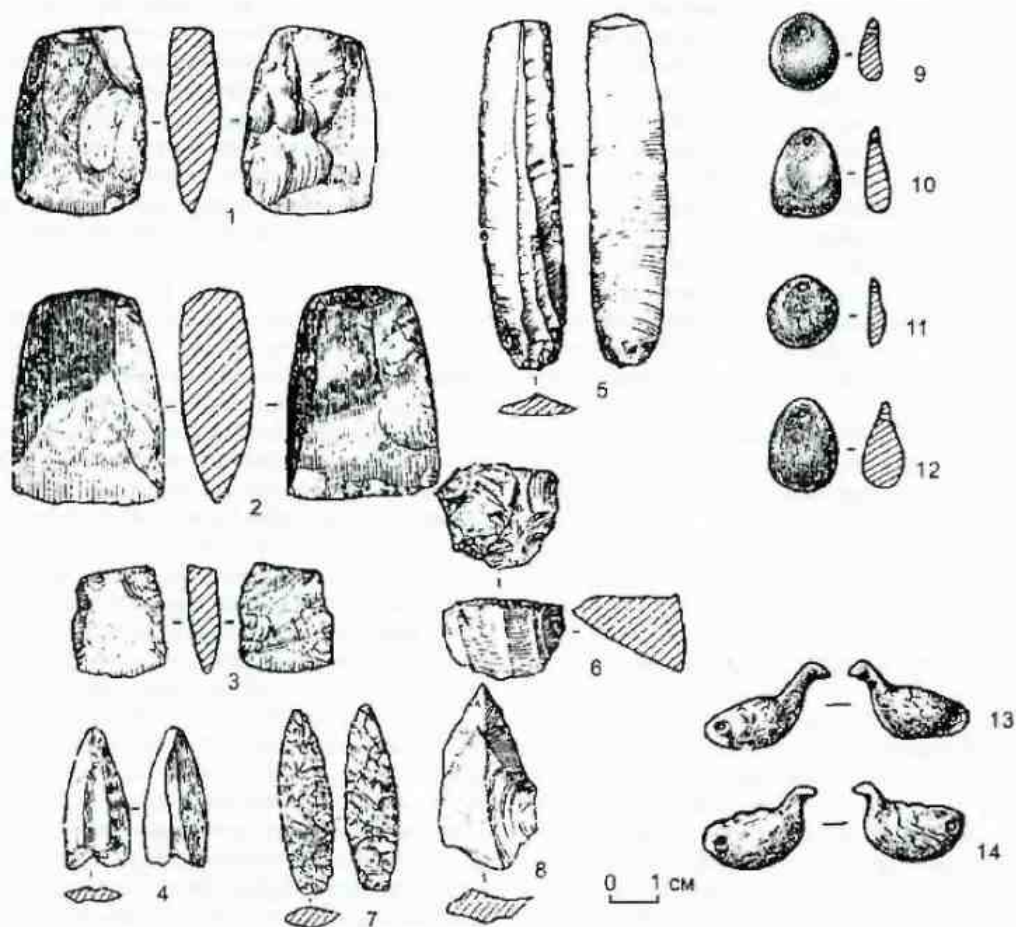

Рис. 4. Каменный (1 – 10) и костяной (11 – 14) инвентарь могильников Протока (1 – 12) и Корчуган-1 (13, 14); 1 – 3 – тесла; 4, 7 – наконечники стрел; 5 – пластина; 6 – ядро; 8 – отщеп; 9 – 14 подвески-украшения (по: Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А.; Балуева Т.С. Неолитические могильники северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989; Молодин В.И., Новиков А.В., Марченко Ж.В. Древняя и средневековая история Южного Васюганья // Большое Васюганское болото: современное состояние и процессы развития. – Томск: Изд-во Ин-та оптики атмосферы СО РАН, 2002).

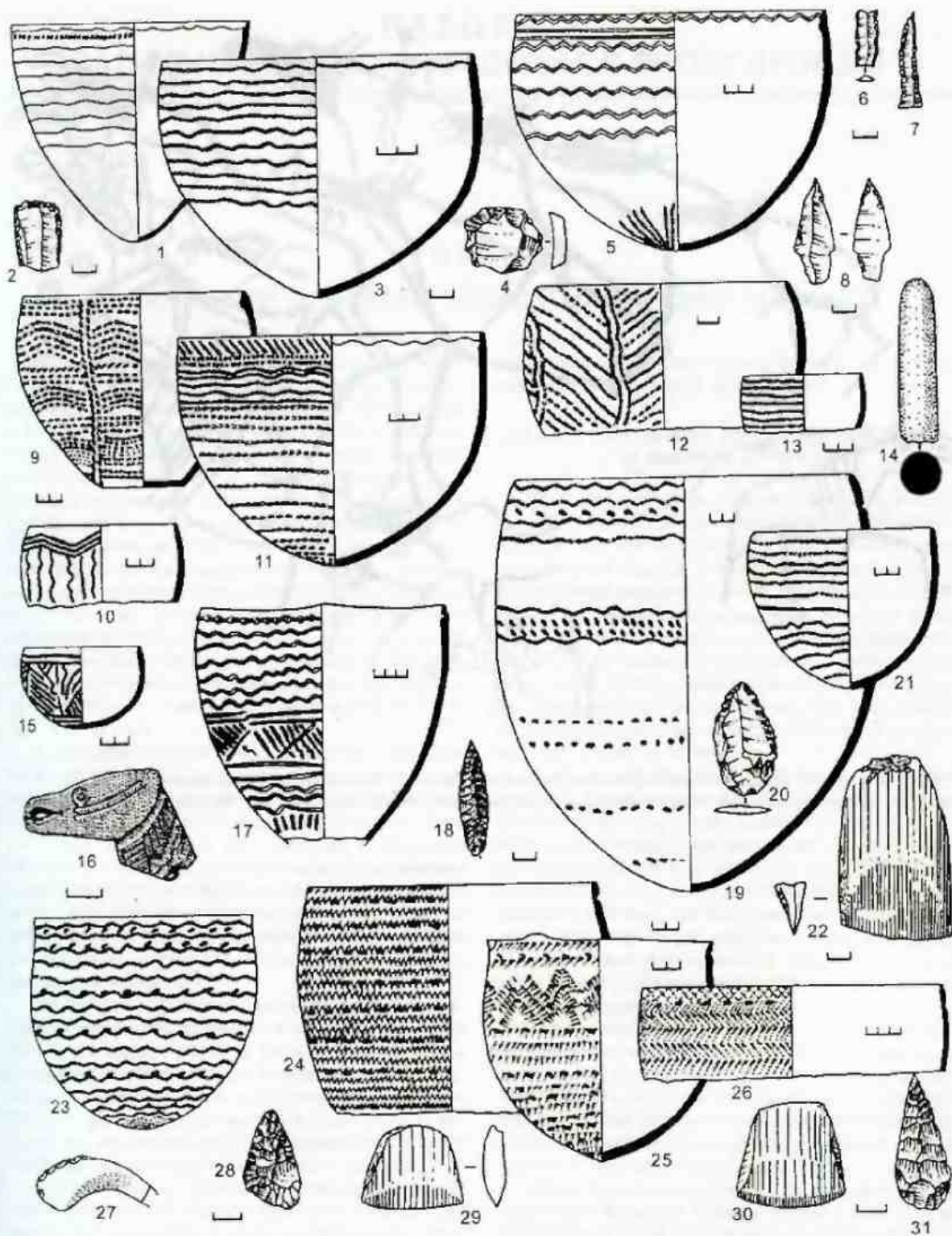

Рис. 5. Глиняный (1, 3, 5, 9 – 15, 17, 19, 23 – 26) и каменный (2, 4, 6 – 8, 16, 18, 20 – 22, 27 – 31) инвентарь неолитических памятников Западно-Сибирской равнины:
 1 – 9, 11, 12 – Нижнее Приобье, Среднее Зауралье; 17 – Кондинская низменность; 10, 13 – 15, 18, 21, 22 – Сургутское Приобье; 16, 23 – 31 – Среднее Прииртышье; 19, 20 – Нарымское Приобье.
 1 – Ново-Шадрино; 2, 4, 6 – 8 – ЮАО XV; 3 – Лиесья Гора; 5, 11 – Ташково III; 9, 17 – Сумпанья IV; 10, 13 – 15, 18, 21, 22 – Большой Ларьяк; 16 – могильник Усть-Куренга; 19, 20 – Лавровка; 23 – могильник у д. Окунево; 24, 27 – 31 – Екатерининка I; 25 – Окунево III; 26 – Крапивка (по: Косарева М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996).

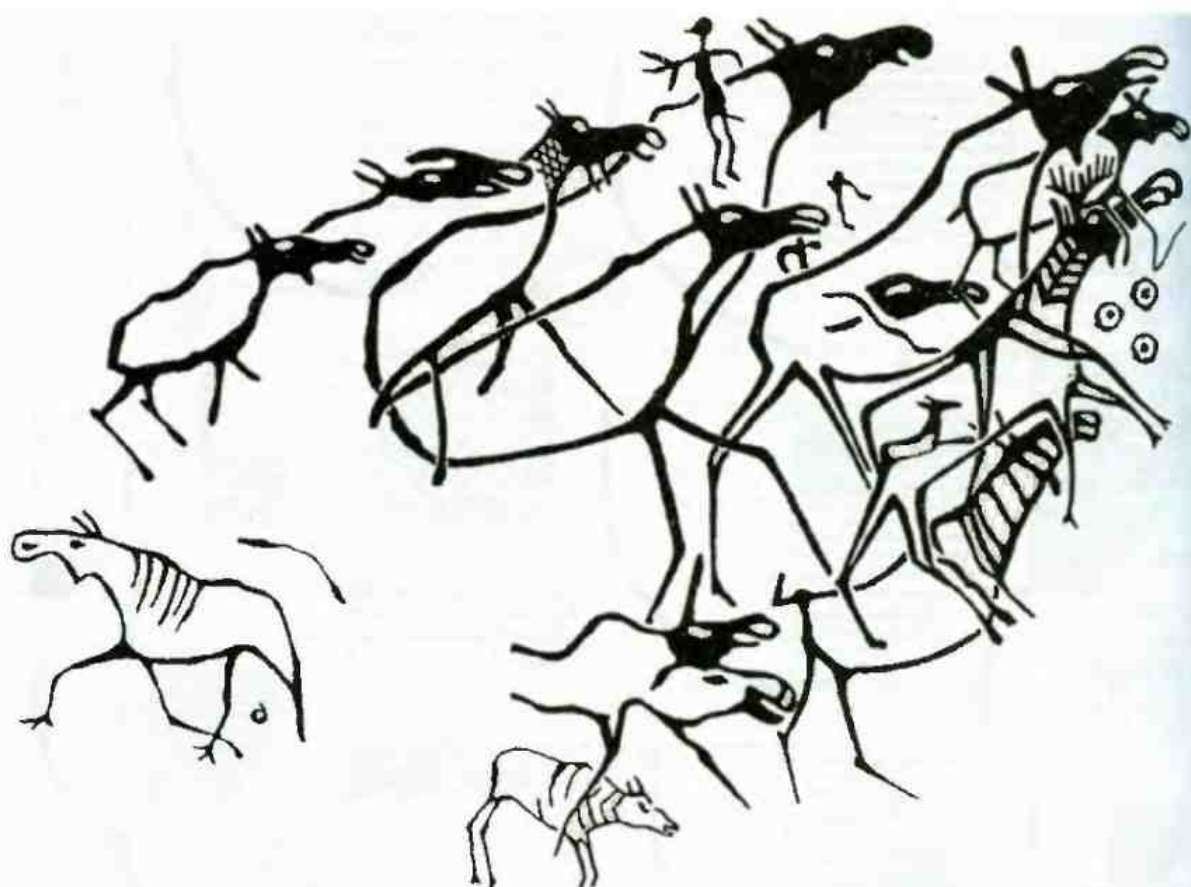

Рис. 6. Неолитические петроглифы Томской писаницы (по: *Окладников А.П., Мартынов А.И.*
Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972).

РАЗДЕЛ 3 ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВИНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

ГЛАВА 5 ЭПОХА РАННЕГО МЕТАЛЛА ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВИНЫ

С III тыс. до н.э. в лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины началась эпоха бронзы, продолжавшаяся по первые века I тыс. до н.э. Бронза - это искусственный сплав меди с различными добавками (оловом, мышьяком, свинцом, а также сурьмой, висмутом, серебром и др.). В самородном виде бронза в природе не встречается. Следовательно, бронза - это второй искусственно созданный человеком материал, не встречающийся в природе (первым материалом была керамика). Очевидно, сначала изделия производили путем обработки (проковки) самородной меди. Впоследствии древние металлурги научились производить бронзу. По сравнению с медью, бронза имеет несколько преимуществ: плавится при более низкой температуре, дает меньше трещин при плавлении, а главное - орудия из нее более прочные, чем медные.

Нужно сказать, что Сибирь не являлась тем регионом, где человечество впервые приступило к производству металлических изделий. Наиболее ранние медные вещи производились в Передней Азии с VIII тыс. до н.э. Тогда на территории Сибири был еще каменный век. Археологические исследования свидетельствуют, что обработанная холодной ковкой самородная медь не позволяла изготавливать сколько-нибудь крупные изделия, поэтому среди древнейших медных вещей встречались в основном бусины, пронизки, иглы и шилья.

Постепенно знакомство с металлом достигло просторов Сибири. Внедрение его в культуру населения Западно-Сибирской равнины происходило медленно. Раньше всего это произошло в предгорных регионах, богатых полиметаллическими рудами, медленнее - в таежных зонах. В условиях тайги даже с более поздним внедрением металла присваивающие отрасли хозяйства надолго сохранили ведущее значение.

С эпохой бронзы связаны кардинальные, революционные изменения в жизни населения Сибири - переход к производящим формам хозяйства (скотоводству и земледелию). Это повлекло сложные изменения в структуре общества и идеологии.

Эпоха бронзы в лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины длилась более двух тысяч лет. За такой огромный промежуток времени в истории региона произошли многочисленные изменения. Поэтому эпоху бронзы делят на несколько этапов: ранняя, развитая и поздняя бронза. Хронологические рамки этих периодов для регионов с различными природными условиями могут не совпадать.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ЭПОХЕ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Изучение *энеолита* (медно-каменного века) и *ранней бронзы* на территории Западной Сибири затруднено тем, что четкую грань между ними и предшествующей эпохой неолита провести сложно. В большинстве случаев развитие культур происходило автохтонно, форма и орнаментация керамики постепенно эволюционировали, орудия продолжали изготавливать из камня, металлические орудия делали очень редко. Поэтому, рассматривая какие-либо группы памятников или отдельные находки, исследователи иногда сомневаются к концу неолита или к первому этапу энеолита их отнести. Еще сложнее провести грань между периодами энеолита и ранней бронзы. Как уже было сказано, металлические изделия на памятниках этого времени встречаются редко, сохранность их плохая. Сложно установить, были они медными или бронзовыми. Скотоводство же, распространившееся вместе с появлением металла, сначала развивалось очень медленно. Находки костей домашних животных редки. Поэтому некоторые

археологи говорят в целом об эпохе раннего металла. Такое название нам представляется наиболее удачным.

Необходимо отметить, что скорость социально-экономического развития отдельных регионов не совпадала. Население одного региона еще переживало эпоху неолита, тогда как соседи уже перешли в бронзовый век. Все это свидетельствует об относительности определения принадлежности археологических культур к тому или иному периоду. Эпоха раннего металла для населения основной территории Западной Сибири началась с III тыс. до н.э. (рубежа IV - III тыс. до н.э.) и кончилась в начале II тыс. до н.э. Климат того времени отличался повышенной увлажненностью, особенно по сравнению с периодом развитой бронзы. Это хорошо подтверждается тем, что поселения эпохи энеолита, как и памятники неолита, расположены на более высоких местах, т.к. уровень воды был достаточно высок, а поселения эпохи бронзы - на более низких. Это время первого появления здесь производящего хозяйства.

27

Начало распространяться скотоводство, заимствованное местными племенами у юго-западных и юго-восточных соседей. Появление производящего хозяйства - коренный перелом в развитии человечества. Темпы социально-экономического развития отдельных обществ во многом зависели от природных условий. Если на территории Передней Азии и Африки к этому времени уже начали складываться государства, то в Западной Сибири существовал первобытнообщинный строй. К числу наиболее развитых культур того времени относится ботайская культура.

БОТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Была распространена в Урало-Тобольском междуречье в конце IV - начале II тыс. до н.э. Хотя ботайская культура больше связана с Приуральем и Северным Казахстаном, мы рассматриваем ее вместе с западносибирскими культурами, так как она оказала на них большое влияние. Урало-Тобольское междуречье входило в широкую зону, в рамках которой происходило одомашнивание лошади.

Ботайская культура представлена материалами ряда поселений и несколькими могилами. Она получила свое название по поселению Ботай, занимавшему площадь около 15 га и содержавшему, судя по западинам, не менее 300 жилищ. Стены и пол полуземлянок обмазывали глиной. Стены сооружали из бревен, которые снаружи и внутри укрепляли костями. Перекрытие было шатровым, с дымовым отверстием над очагом. Могил известно лишь несколько. Они находились на территории Ботайского селища. Площадку погребальной камеры по контуру выкладывали черепами лошадей. Исследования проводились В.Ф. Зайбергом.

Культура сложилась на местной неолитической базе с элементами внешних воздействий. Явно прослеживается продолжение местных неолитических традиций в изготовлении каменных орудий. Сосуды имели полуяйцевидную форму с прямой или отогнутой горловиной. По технике нанесения орнамента они делятся на ямочно-гребенчатую и веревочно-ямочную группы; распространен «шагающий» штамп.

Особенно впечатляет экономика населения: основным занятием было коневодство. Кости домашней лошади составляют 99,9%, а диким животным принадлежит лишь 0,1% всего остеологического материала. Это начальная стадия коневодства, когда всадник верхом на лошади еще не был пастухом, но уже и не являлся охотником. Всадник осуществлял контроль за табуном, следуя за ним. Это была конечная стадия присваивающего хозяйства и начало производящего. Хозяйство было многоотраслевым: разведение коней сочеталось с охотой на верховой лошади и рыболовством.

ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА ПРИТОБОЛЬЯ

Они являются дальнейшим развитием культур эпохи неолита. Памятники представлены рядом могильников и поселениями. По-прежнему люди селились на берегах Андреевского

озера. К эпохе раннего металла относится несколько культур, среди которых мы отметим лишь одну - ташковскую, которая уходит своим корнями в эпоху неолита. Ее исследовала В.Т. Ковалева. Очень интересны поселения ташковской культуры, распространенной в южной полосе тайги и в лесостепи, в том числе и на берегах Андреевского озера. Датируется она ранним металлом и началом развитой бронзы. Поселения состояли из нечетного числа неглубоких полуземлянок, расположенных замкнутым кругом или овалом и обращенных выходами к центру. Внутри этого круга находилось одно такое же жилище. Таким образом, общее число полуземлянок всегда оставалось четным. Задние стены жилищ соединялись бревенчатым забором, тем самым, образуя бревенчатую крепость. Поселения часто погибали от пожаров. Сгоревшие деревянные детали домов облегчили археологам воссоздание их облика. Жители успевали захватить с собой лишь самое необходимое, поэтому сохранилось большое число сосудов.

Керамика в основном представлена плоскодонными горшками со слегка отогнутыми или прямыми венчиками. Орнамент нанесен отступающей лопаточкой, гребенчатым штампом или представлял собой резные линии. Они сплошь покрывали сосуды от венчика до дна рядами наклонных, волнообразных или прямых линий, иногда образуя заштрихованные геометрические фигуры. При анализе распределения керамики по площади поселения выяснилось, что обломки разбитых сосудов широко использовались в качестве пряслиц, орудий для обработки шкур, тиглей и т.д. Причем обломки сосудов одного типа находились в первой половине жилищ, а обломки других горшков обнаружены во второй части домов. Получалось, что члены одной половины жителей поселения были теснее связаны между собой, чем с членами другой половины. В поселении могли жить две экзогамные группы одного рода.

На острове Андреевского озера по-прежнему хоронили умерших. В мелком песке очень плохо сохранились кости, поэтому об обряде погребения можно говорить лишь в отдельных случаях. Среди могил резко выделяется одна. Могильная яма была заполнена охрой. На дне найдены остатки двух детей 7 - 9 и 4 - 5 лет. Они лежали ногами к центру могилы, головами же в противоположные стороны. Их одежда была буквально усыпана каменными бусами, мелкими подвесками; обнаружены лежащие кучками кремневые наконечники стрел. Аналогичный обряд погребения двух детей был отмечен на палеолитической стоянке Сунгирь под г. Владимиром. Вряд ли можно говорить о культурной близости этих памятников, разделенных сотнями километров и десятком тысячелетий. Видимо, в первобытную эпоху существовали общие представления о жизни после смерти.

Из других могильников эпохи раннего металла надо отметить грунтовый могильник Бузан-3 на р. Исеть (раскопки А.В. Матвеева). Погребения имели концентрическую планировку вокруг центрального захоро-

нения. Размер этой могилы доходил до 6 x 4 м. Погребение совершено в долбленной деревянной лодке длиной 5.1 м. Сохранились следы ее охристой окраски. Нос лодки резко сужался, и его венчала деревянная скульптура. На плохо сохранившихся остатках костей погребенного лежали украшения одежды - более 170 шлифованных каменных подвесок. Рядом с могилкой обнаружены две ямы. В одной из них найдено около 150 ножевидных пластинок и предмет, похожий на каменную булаву. Вторая яма имела ладьевидную форму: видимо, тут находилась еще одна долбленка, которая полностью истлела. Найденная лодка является древнейшей в Сибири. Само захоронение свидетельствует об особом статусе погребенного.

ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

На широкой территории Обь-Иртышского междуречья существовало несколько линий развития археологических культур. В Среднем Прииртышье продолжали сохраняться традиции екатерининского этапа среднеиртышской культуры. Можно говорить о екатерининской культуре эпохи раннего металла. Именно к этому времени некоторые исследователи относят погребения в Усть-Куренге, где были найдены плоские скульптурные изображения голов животных, описанные выше. К этой культуре относится Окуневский могильник на р. Таре. Он содержал могилы позднего неолита - раннего металла. Погребения совершались по одинаковому обряду, что говорит об их генетической связи. Здесь на протяжении многих лет жило одно и то же население. Погребения были грунтовыми, неглубокими. Основная часть находок обнаружена между могилами и связана с приношением умершим.

На население екатерининской культуры определенное влияние оказали новые жители этого региона, украшавшие свою керамику оттисками гребенки, чередующимися с круглыми ямками. Как полагают исследователи, гребенчато-ямочная керамика имеет аналоги на северо-западе Восточной Европы. Именно оттуда, по их мнению, миграционные волны этого населения мозаично расселились по отдельным районам лесостепи Западной Сибири. Они существовали параллельно с имеющимися здесь культурами, например, екатерининской. Их культура получила название байрыкской. В.И. Молодин открыл и изучил байрыкс кое поселение Венгерово-3. Люди здесь по-прежнему занимались рыбной ловлей и охотой, но уже знали плавку металла и изготавливали небольшие бронзовые предметы. Для керамики байрыкского типа характерно сочетание ямок с оттисками гребенки и линий, выполненных отступающей палочкой.

На лесе степной территории Обь-Иртышского междуречья развивались традиции верхнеобской неолитической культуры. На ее базе сложилась культура, получившая название игрековской. Сейчас она рассматривается как игрековская культурная общность, распространенная на значительной части западносибирской равнины. Памятники игрековской культуры известны далеко на севере - в Сургутском Приобье. Широкую известность получил могильник Самусь-2, исследованный В.И. Матющенко в низовье р. Томи и отнесенный первоначально к неолиту. Могильник содержал грунтовые захоронения с различными обрядами погребения: труположением, трупосожжением и частичным сожжением. Сейчас пока невозможно установить, почему хоронили по-разному. Все могилы объединены одним: они обильно посыпаны охрой. Найден многочисленный каменный инвентарь (ножи, топоры, наконечники стрел, дротиков и т.д.). Сосуды имеют плоское или округлое днище. Они сплошь орнаментированы оттисками гребенки, резными линиями, отступающей палочкой. Но самую большую известность получила каменная скульптура медвежонка. Он стоит на задних согнутых лапах. Передние лапы на уровне груди вытянуты вперед, с большим реализмом передана крупная голова зверя.

Второй могильник игрековской культурной общности раскопан В.И. Молодиным на памятнике Сопка-2. К игрековской общности относятся около сотни грунтовых и курганных захоронений. В.И. Молодин выделил их в усть-тартасскую культуру игрековской общности. Погребальный обряд отличался удивительным разнообразием.

Встречаются могилы с одним, двумя и несколькими (до 15!) скелетами. Они могли лежать в один-три яруса. Одних умерших клали в вытянутом положении на спину, других - в скорченном состоянии на бок. Встречаются скелеты без черепа, но есть и захоронения только с одними черепами. Имеются вторичные захоронения: умершего вначале держали в открытом месте, а затем погребали то, что от него осталось. Кости, видимо, складывали в мешки или корзины, поэтому в могиле они лежали компактными кучками. Все эти разные погребения объединяло одно: ориентация на север и северо-восток. Исследования

показали, что вариабельность обряда совершенно не зависела ни от пола, ни от возраста погребенного.

Инвентарь могильника Сопка-2. Самые многочисленные находки - это каменные и костяные наконечники стрел, которые свидетельствуют о развитии охоты и военного дела. Интересны костяные кинжалы с пазами для каменных вкладышей. Подобная техника в Западной Сибири возникла еще в конце палеолита, развивалась в мезолите и сохранялась в период неолита и раннего металла. Встречаются каменные дротики и миниатюрные шлифованные каменные топоры. Из камня выполнены ножи и ножевидные пластины. В ряде могил найдены каменные отщепы. Из кости выполнены проколки, иглы и игольники. Сосудов найдено лишь пять, из них реконструируются два: горшковидный и баночной формы. Они сплошь (кроме дна) покрыты орнаментом, выполненным отступающим гребенчатым штампом. Найдена раковина моллюска, встречающегося в Приаралье. Металлические изделия (медные или бронзовые) представлены пронизками. Обнаружена небольшая стилизованная личина, выполненная из трубчатой кости: нос рельефный,

29

глаза и рот переданы углублениями. Интересны остатки продуктов питания (сопроводительной пищи). В могилу клали мясо лося, крупного рогатого скота, яйца гуся или лебедя. Здесь же найдены кости уток, рыбы и кедровая скорлупа.

Игрековские погребения Сопки-2 четко отличаются от могил байрыкской культуры, найденных там же. Для последних характерен обряд труположения на спине, в вытянутой позе. Могильники и поселения игрековской и байрыкской культур датируются первыми тремя четвертями III тыс. до н.э. Они позволяют говорить о том, что население продолжало заниматься в основном охотой и рыбной ловлей, но уже знало литье металла. В.И. Молодин полагает, что эти культуры могли мирно сосуществовать друг с другом. По мнению В.И. Молодина, байрыкская культура эволюционировала в логиновскую культуру, распространившуюся от Приишимья до Барабы. Это последняя культура раннего металла на данной территории.

В Приобье в то время складывалась крохалевская культура, получившая название от с. Крохалевка под г. Новосибирском. Она характеризуется своеобразной «текстильной» керамикой. Сосуды были плоскодонными. На всей поверхности каждого из них, включая дно, хорошо видны отпечатки ткани, поверх которых наклонными и горизонтальными линиями нанесен орнамент в виде насечек, оттисков гребенки, отступающего штампа и ямок. Ямки наносились и на внутренней поверхности сосуда, образуя на поверхности круглые вынуклости, которые в археологии принято называть «жемчужинами».

В конце III - начале II тыс. до н.э. в лесостепной зоне Западной Сибири появились первые признаки скотоводства, о чем говорят изредка встречающиеся кости одомашненной лошади. Это время бытования одиновской и крохалевской культур. Видимо, население уже начало перенимать достижения своих юго-западных соседей - носителей ботайской культуры. Но это еще не распространение скотоводства, а лишь свидетельство знакомства местного населения с достижениями своих передовых соседей. Время для его развития еще не пришло.

Необходимо отметить, что наличие развитого скотоводства в эпоху энеолита засвидетельствовано не только на памятниках ботайской культуры. Оно отмечено еще в Южной Сибири, Минусинской котловине и Горном Алтае. Речь идет об энеолитической афанасьевской культуре. Как полагают исследователи, в отличие от зоны ботайской культуры, в Минусинской котловине скотоводство появилось уже сложившимся, т.к. сюда по южной кромке Западной Сибири передвинулось европеоидное население с Волги и Дона. Афанасьевская культура оказала определенное влияние на население Западной Сибири. Все это говорит о том, что в Западной Сибири завершилась эпоха присваивающего хозяйства, и начался переход к хозяйству производящему.

Севернее Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи, в таежной зоне, в период раннего металла продолжали жить охотники и рыболовы. Из районов Верхнего Приобья и Саяно-

Алтайского нагорья шло передвижение населения в тайгу, в Среднее Приобье, а с восточных склонов Урала заселялось Нижнее Приобье. Знакомство с бронзовым литьем в этих районах произошло чуть позже - в начале II тыс. до н.э.

Выводы

Эпоха раннего металла для Западной Сибири - это время появления меди или бронзы. Население в основном продолжало вести присваивающее хозяйство. Лишь в самом конце этого периода появились первые признаки скотоводства, положившие начало производящего хозяйства. Большинство развивавшихся здесь культур восходит к культурам эпохи неолита.

В зону сложения скотоводства входит Урало-Тобольское междуречье с его ботайской культурой. Дальнейшим развитием неолита является екатерининская культура Среднего Прииртышья. Байрыкская культура связана с миграцией населения с юго-запада, которое мозаично расселилось на широкой территории лесостепной и южно-таежной полосы Западной Сибири. Остальная же часть населения этой территории связана с игрековской культурой. В самом конце эпохи раннего металла в лесостепном Приобье складывалась крохалевская культура, а к западу - одиновская культура. Появились первые признаки заимствования скотоводства.

Рекомендуемая литература

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. -Екатеринбург: Наука, 1992.

Ковалева В. Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приобья // Материальная культура раннего бронзового века древнего населения Урала и Западной Сибири. - Свердловск, 1988.

Конигов Б.А. Основы археологии Западной Сибири. -Омск, 1997.

Косарев М. Ф. Из истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция). - М.: Наука, 1993.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1998.

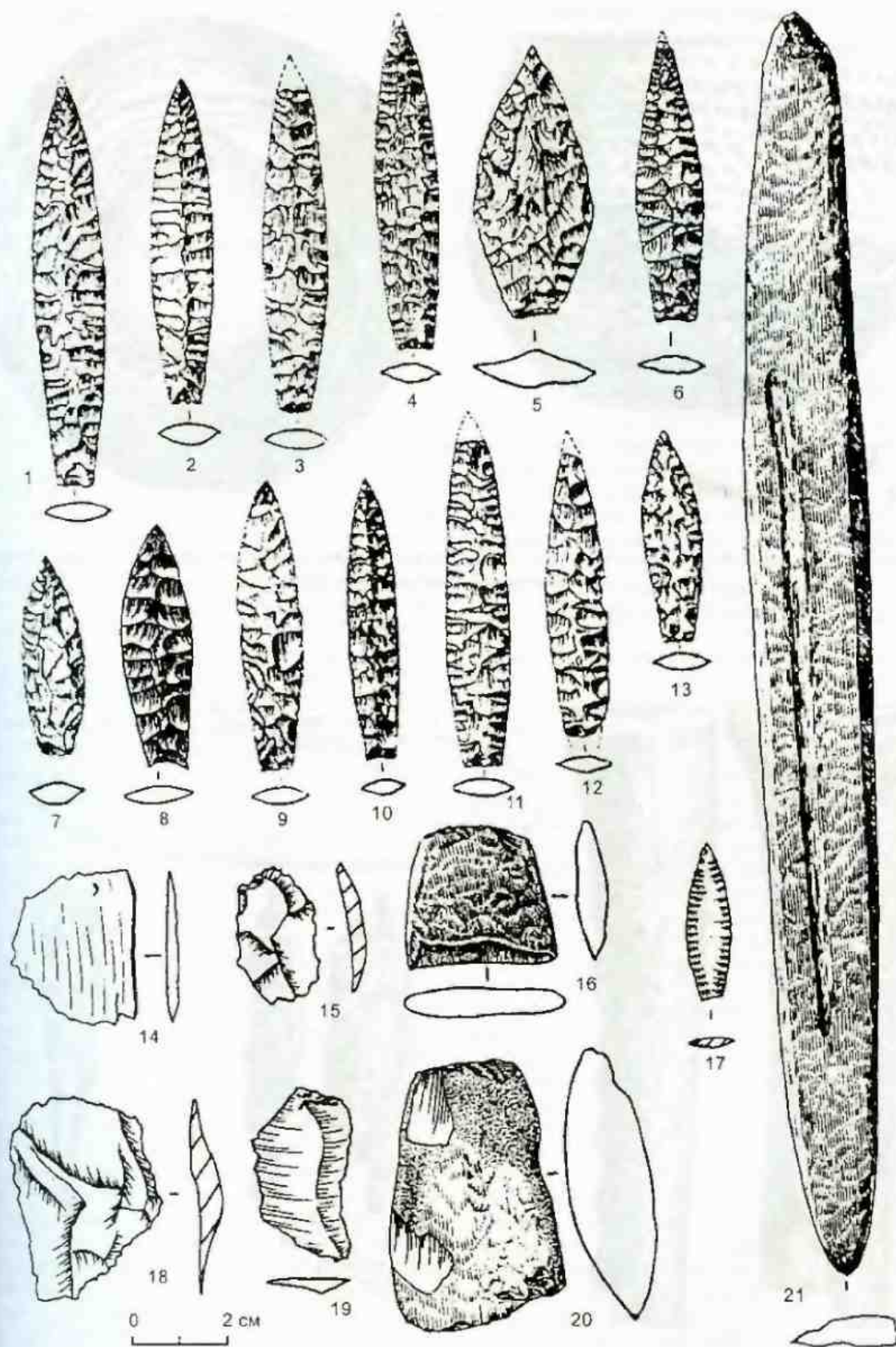

Рис. 7. Инвентарь эпохи раннего металла из погребения № 345 могильника Сопка-2:
 1-13, 17 - каменные наконечники стрел; 14, 15, 18, 19 - каменные отщепы; 16, 20 - каменные топоры; 21 - костяной
 наконечник (по: Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Омь. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. - Т. 1).

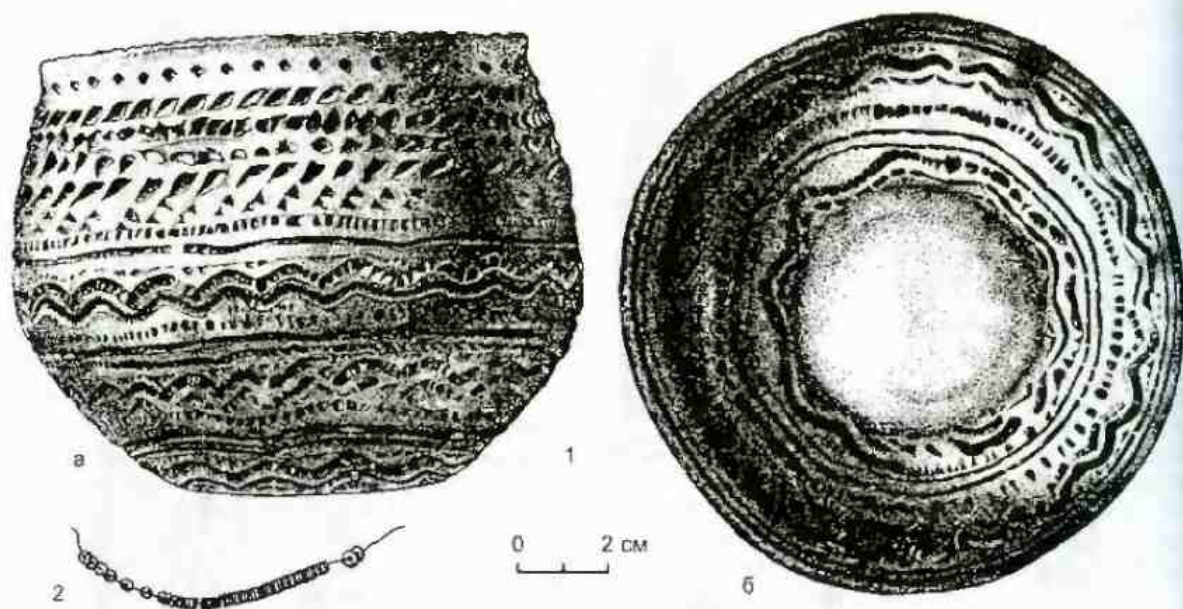

Рис. 8. Керамический сосуд (1) и костяной бисер (2) эпохи раннего металла из погребения № 671 могильника Сопка-2 (по: Молодин В.И. Памятник Сопка-2...).

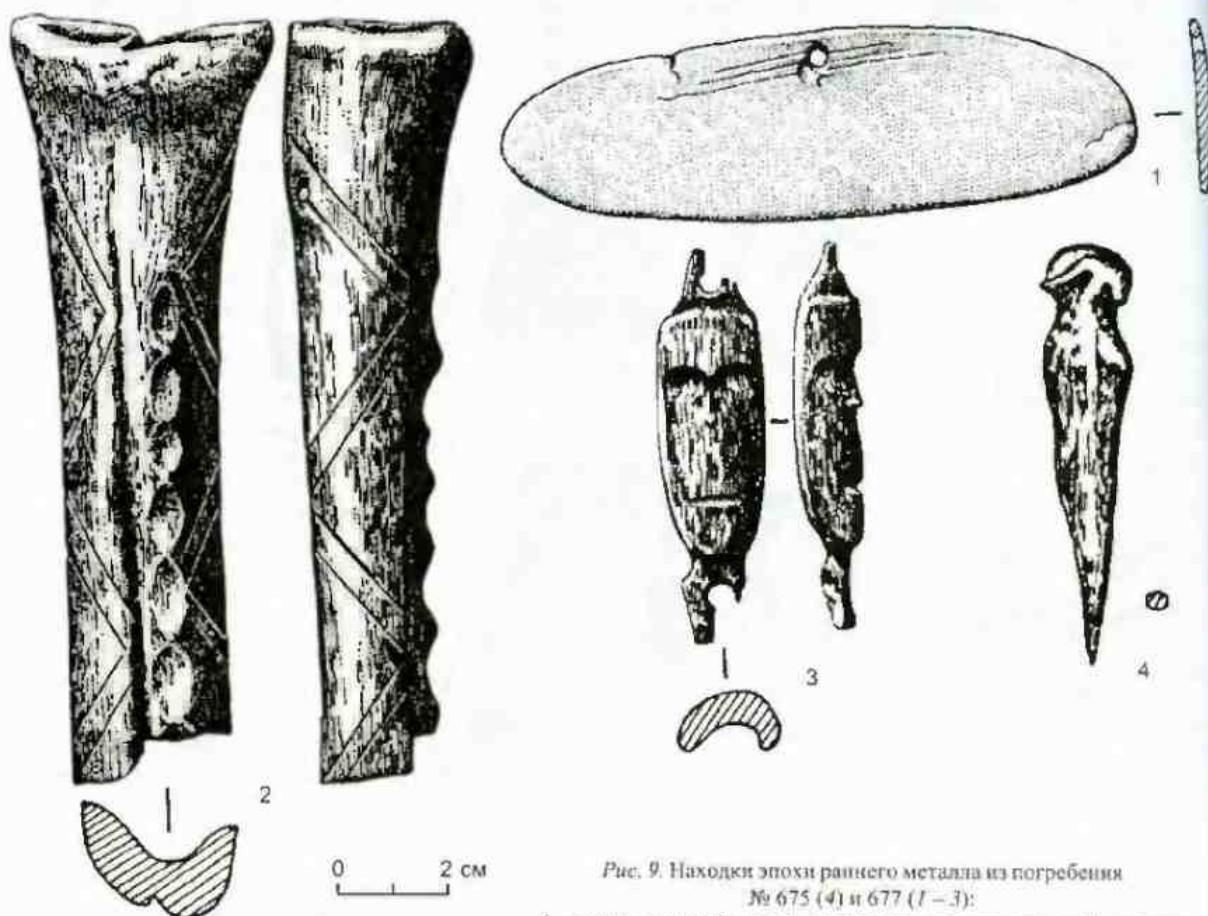

Рис. 9. Находки эпохи раннего металла из погребения № 675 (4) и 677 (1-3):
1 - подвеска из нефрита; 2 - орнаментированная кость; 3 - чешуйки из кости; 4 - костяная проколка (по: Молодин В.И. Памятник Сопка-2...).

ГЛАВА 6 РАЗВИТЫЙ БРОИЗОВЫЙ ВЕК ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВИНЫ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗВИТОМ БРОИЗОВОМ ВЕКЕ

В начале II тыс. до н.э. произошли большие изменения в жизни населения лесостепной зоны Западной Сибири. Они сводятся к двум новшествам: широкому распространению бронзы и развитию скотоводства. Рассмотрим подробнее каждое из них. Повсеместно, в том числе и в Западной Сибири, стало развиваться металлургическое производство. Люди изготавливали крупные бронзовые предметы вооружения (кинжалы, топоры) и орудия (ножи, долота и др.). Освоение в предшествующем периоде основ керамического производства, обжиг глиняных сосудов, знакомство с воздействием высокой температуры подготовили базу для расцвета металлургии. Надо отметить, что бронза не столь тверда, как каменные орудия, поэтому она не могла полностью вытеснить их. В эпоху бронзы, даже в период ее расцвета, продолжали сохраняться каменные орудия.

Для данного периода характерно значительное различие в уровне развития отдельных регионов. Районы, находившиеся ближе к местам добычи меди и олова, оказались в выигрышном положении. Повышение производительности труда привело к увеличению получаемых продуктов, к активизации обмена между отдельными племенами. А военные столкновения между ними способствовали появлению одинаковых предметов вооружения, ибо каждое новшество в вооружении мгновенно воспринималось реальными и возможными противниками. В эпоху развитой бронзы появилось бронзовое оружие сейминско-турбинского типа, получившее свое название по месту их первых находок. Это оружие распространилось в лесостепной зоне Восточной Европы, в Предуралье и Западной Сибири.

Второе новшество этого времени - глубокое внедрение в экономику степных, лесостепных и южнотаежных племен скотоводства. Первое знакомство с ним отмечено еще в памятниках раннего металла. Широкому его распространению способствовали изменения климата. Климат стал засушливым, что привело к необходимости смены основных занятий. До этого в лесостепи имелись все условия для развития рыболовства. Еще тогда сибиряки вполне могли заимствовать скотоводство как у юго-западных ботайской племен, так и у восточных соседей - афанасьевского населения. Но они этого не делали, так как пищи хватало, не было необходимости отказываться от привычного образа жизни и переходить на новые виды хозяйства. Когда же климат стал засушливым, то исчезли проточные озера, обмелели реки, сократилась площадь озер. Количество рыбы резко упало. Появилась необходимость перехода к новой пище, к новому типу хозяйства, к развитию, по примеру соседей, скотоводства.

Рассмотрим, как конкретно происходили изменения в различных районах Западной Сибири, какие складывались в них археологические культуры.

СИНТАШТИНСКАЯ И ПЕТРОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ. АРКАИМ

Эти две культуры, как и ботайская культура, были приурочены к Урало-Тобольскому междуречью и тесно связаны с Зауральем и Северным Казахстаном. Обе культуры так похожи, что их чаще называют петровско-синташтинской общностью, которая стала известна благодаря исследованиям В.Ф. Генинга (раскопки Синташтинского комплекса) и Г.Б. Здановича (раскопки комплекса городища Аркаим),

В настоящее время известны серия городищ и ряд могильников этой общности. Как показали раскопки Аркаима, Синташты и других городищ, они однотипны. Мы остановимся на первом из них, так как оно лучше сохранилось. Полностью же раскопанная Синташта наполовину уничтожена поздними строительными работами. Все

городища овальные или круглые в плане. На поверхности прослеживаются рвы, валы и западины жилищ.

Городище Аркаим находилось в зоне предполагаемого строительства водохранилища. Лишь благодаря активной деятельности археологов удалось отменить это строительство и сохранить городище. Обстоятельства гибели поселения способствовали его сохранности для возможной реконструкции. Городище полностью сгорело, благодаря чему сохранилось много интересных строительных деталей. Перед пожаром население оставило поселок, забрав с собой необходимые вещи. Таким был конец и ряда других исследованных поселений.

Городище Аркаим круглое в плане, а диаметр его внешнего вала достигает 150 м.

Поселение имело два ряда (кольца) оборонительных сооружений - внешний и внутренний, два ряда примыкающих к ним трапециевидных жилищ, одну круговую улицу и центральную площадь. Остановимся на первом оборонительном комплексе. Основой его являлась стена (при-

33

мерный диаметр около 150 м). С внешней стороны к ней примыкал круглый в плане ров. Стена состояла из бревенчатых клетей, забитых грунтом с добавлением извести. Сторона, примыкающая ко рву, была облицована сырцовыми блоками. С внутренней стороны к ней вплотную примыкали трапециевидные жилища, длинные стены которых были расположены впритык друг к другу. Узкая внутренняя стена домов выходила на небольшой внутренний дворик и далее - на кольцевую улицу. Оборонительная стена вместе с примыкавшими жилищами представляла собой единое целое. В крепость вели один ложный вход и четыре настоящих, имевших сложную конструкцию. Они напоминали лабиринт с ложными ответвлениями, ловушками и засадами.

Ширина круговой улицы, на которую выходили дворики, достигала шести метров. Она была покрыта деревянным настилом, под которым проходила канава для сточных вод. На ее дне через каждые 30 м были вырыты глубокие ямы, доходившие до слоя гравия. В них поступал избыток воды. Сохранились следы стока воды и на жилищах. Улица ограничивалась внутренней кольцевой стеной, по своему строению аналогичной внешней. Она тоже состояла из стены и примыкавших к ней трапециевидных жилищ, которые выходили на центральную площадь (25 x 27 м), утрамбованную и покрытую каким-то связующим составом. Исследователь крепости Г.Б. Зданович полагает, что сложность сооружения позволяет считать поселение протогородом.

Погребальные сооружения изучены в основном по Синташтинскому комплексу, состоящему из двух грунтовых могильников и нескольких курганов. Все они полностью раскопаны. Могилы были глубокими. На дне сооружалась погребальная камера (высота не менее 120 - 130 см) в виде прямоугольного деревянного ящика без дна. Перекрытие также состояло из деревянных плах. В могилах чаще всего лежало по одному скелету, реже - несколько (до 4 -5). Погребения чаще всего принадлежали взрослым, но имелись и детские. Все погребенные относятся к европеоидному типу.

Положение погребенных различно, но преобладает скорченное, на боку. В одном случае умерший оказался связанным. Руки его были согнуты в локтях, кисти располагались перед лицом. Зафиксировано несколько погребений, где в могилу были помещены очищенные от мягких тканей кости. Строгая ориентация могил отсутствовала. Видимо, они располагались радиально вокруг какого-то центра.

Почти каждое захоронение сопровождалось жертвоприношением животных: лошадей, коров, баранов, собак. Их не было только в погребениях девочек. Могут встречаться отдельные кости животных, части туш и их полные скелеты. Они могли лежать по одному и попарно, как на перекрытиях, так и в отдельных могилах. О захоронении шкур свидетельствует сочетание черепа коны с костями его ног. В одной из могил, в узеньком отделении за деревянной перегородкой, найдены черепа и отдельные кости 19 животных (коров, баранов и коня). Особенно интересен один жертвенный комплекс: в неглубокой

яме лежали в две линии вплотную друг к другу черепа четырех безрогих быков с пробойнами на лбах, шести коней и двух баранов. После совершения жертвоприношения могилу засыпали, над ней разжигали костер, от которого сохранились обугленные жерди. Надо отметить одно специальное ритуальное сооружение. Это был небольшой деревянный домик (сруб). В центре него находилось углубление со ступенькой, на которой, видимо, сидели участники процессии, расположившись вокруг глиняной тумбы с деревянным столбом. Исследователи полагают, что столб символизировал мировое дерево.

Некоторые курганы имели сложную структуру. Их надмогильное сооружение представляло собой глиняную платформу - клеть, облицованную желтой глиной и сложенную из нескольких рядов бревен, перекрытых бревенчатым накатом. Внутри клетки хранились сосуды. Клеть имела форму усеченной пирамиды высотой до одного метра. На ее верхней площадке был сооружен сферический купол из илестых валиков. Со временем это сооружение превратилось в курган обычной холмообразной формы.

Наиболее величественным был большой курган, который часть исследователей считает остатками храма-святилища. Его диаметр доходил до 85 м. Он реконструируется как ступенчатая платформа, круглая в плане. На ней так же возвышался купол, сложенный из илестых валиков. Каждая ступень сложена из концентрически расположенных бревенчатых клеток, забитых грунтом. Это тот же принцип, который лежал в основе сооружения оборонительных стен Аркайма. Под платформой находилась ограбленная могила.

Могилы сопровождалась разнообразным инвентарем. В отдельных случаях на боковой стенке могилы сохранились отпечатки огромных колес боевых колесниц, что дало возможность реконструировать их внешний вид. Глиняные сосуды находились в камерах и на перекрытиях. Найдены бронзовые ножи, копья, боевые топоры, шилья, иглы, кремневые орудия и наконечники стрел, дисковидные псалии с шипами, разнообразные украшения, в том числе нагрудники из бус и бронзовых подвесок.

Керамика, найденная в могильниках, аналогична той, которая была обнаружена при раскопках поселений. Сосуды синташтинской и петровской культур несколько отличаются друг от друга, но они имеют и много общего. Сосуды плоскодонные, представлены горшками, банками и переходными между ними формами. Стенки зачастую остросереберные, покрытые орнаментом, нанесенным гребенкой или гладкой палочкой. Нередко орнамент покрывает днище. Иногда он наносился лишь на верхнюю половину сосуда. Узоры образовывали вертикальные и горизонтальные елочки, геометрические фигуры (чаще всего - треугольники). Могут встречаться горизонтальные валики. Известны изображения свастики на стенках и днищах сосудов.

Материалы поселений и могильников дают возможность реконструировать экономику населения петровско-синташтинской общности, которая имела четко выраженный производящий характер. Существовало земледелие.

34

Большую роль играло скотоводство (в частности, коневодство). Копи впрягались в колесницы. Крупный рогатый скот тоже имел большое значение, меньшую роль играл мелкий рогатый скот. Развито было ремесленное производство, в том числе и бронзолитейное. В обществе началось социально-имущественное разложение, в частности произошло выделение группы воинов-колесничих.

Особенно большое значение петровско-синташтинские древности имели для изучения проблемы расселения и передвижения индоиранских племен, которые начинали себя ариями. Еще в XIX в. лингвисты стали говорить о том, что многие современные языки Европы и Азии восходят к одному праязыку, породившему различные группы индоевропейской семьи языков. Об их определенной близости говорят такие слова, как древнеиндийские *веды* и русское *ведать*, бог ариев *Агни* и русское слово огонь. Таких

примеров из равных языков индоевропейской семьи можно привести много. В состав индоевропейской языковой семьи входила и индоиранская группа языков, Уже давно ученые обратили внимание на некоторые детали устного народного творчества древней Индии и Ирана, восходящего к началу II тыс. до н.э. Речь идет о священных типах: «Ведах» Индии и «Авесте» Ирана. Так, в «Ригведе» есть строки, свидетельствующие о близком знакомстве этих народов с далекими северными странами. Судя по ним, население, создавшее эти гимны, пришло с севера. Они знали, что такое снег, знали, что есть страны, где ночь длится месяцами, где Полярная звезда остается неподвижной на небе. Исследователи полагают, что упоминаемые в гимнах *Рипенские горы* - это Урал, *река Ранху* - Волга, а *море Воурукана* - Арал. Себя эти пришлые народы называли *ариями*. В Индии они назвали свою новую страну *Арьяварта*, а в Иране - *Айрана* (совр. *Иран*). Языковедческий анализ показывает наличие непосредственных контактов населения индоиранской группы с населением финно-угорской языковой группы. Отсюда было сделано предположение о том, что прародина ариев располагалась в зоне возможных контактов этих племен, на границе с лесной зоной Восточной Европы, Некоторые ученые конкретизировали эту зону: от Поволжья до Зауралья.

В.Ф. Генинг, раскопавший могильные комплексы Синташты, пришел к выводу, что отмеченные особенности погребального обряда совпадают с обрядом, описанным в «Ригведах». Это сооружение над засыпанной могилкой костра, жертвоприношения животных, помещение в могилу свободных от тканей костей, поза скелета, случаи кремации умерших, свастики на сосудах, использование колесниц и др. Петровско-синташтинская общность имела близкие черты с некоторыми другими культурами, в частности с полтавкинской и выросшей на ее базе потаповской культурами в Поволжье, Полагают, что вся эта группа и явилась ядром индоевропейской языковой общности, Как считает Г.Б. Зданович, племена петровской культуры, жившие в Тоболо-Ишимском междуречье, в своем дальнейшем развитии эволюционировали в андроновскую культуру, а племена синташтинской культуры под ударами соседей передвинулись на запад и заложили основы восточноевропейской срубной культуры. Этим и объясняется четко выраженная связь между андроновскими и срубными памятниками. Часть же населения (будущие арии) ушла в Азию, на юг. На пути их передвижения через горы остались петроглифы, на которых изображены колесницы.

СЛОЖЕНИЕ АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ. АЛАКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Впервые андроновская культура была открыта в 1927 г. Г.А. Теплоуховым в Минусинской котловине. Он отнес ее к культурам иранского круга. Позже выяснилось, что андроновская культура была распространена на широкой степной и лесостепной территории от Енисея до Урала, охватывая фактически Западную Сибирь, Предуралье и Северный Казахстан. Дальнейшие исследования установили, что эта культура неоднородна. В ней различаются две группы: федоровская и алакульская. В 1951 г. была опубликована концепция К.В. Сальникова, в которой утверждалась одновременность этих групп. Первый этап андроновской культуры был назван федоровским и датирован серединой и второй половиной II тыс. до н.э., алакульский этап был отнесен к XI - IX вв. до н.э., а третий этап - замараевский к VIII - VII вв. до н.э. Эти даты постепенно уточнялись,

В результате дальнейших исследований выяснилось, что алакульская культура распространена в основном в западной части андроновского региона, а федоровская - по всей его территории. Иногда слои последней перекрывают сверху алакульские отложения. Все это заставило исследователей пересмотреть точку зрения К.В. Сальникова, В настоящее время высказываются различные мнения, сущность которых сводится к тому, что алакульская культура расположена западнее федоровской и является более древней. Г.Б. Зданович обосновал факт формирования алакульской культуры на базе открытой им

петровской культуры. Е.Е. Кузьмина тоже выводила алакульские комплексы из петровских и убедительно связала их с индоиранской общностью, Изучением алакульской культуры активно занимается А.В. Матвеев.

Алакульская культура входит в состав андроновской культурной общности. В процессе ее формирования большую роль сыграл не только петровский компонент, но и синташтинский. Она прослеживается на территории от Южного Урала до Приишимья, ее дата - первая половина II тыс. до н.э. с самого его начала. За столь длительное время существования алакульская культура прошла ряд этапов развития. Они отличаются некоторыми особенностями керамики и деталями погребального обряда.

Изученные памятники алакульской культуры представлены в основном могильниками. Поселения изучены хуже. Лишь единичные из них имеют оборонительную систему. Жилища являлись полуземлянками, имевшими каркасную основу. Некоторые из них

35

достигали площади до 200 м². Характерная особенность поселений - наличие зольников. Существовал обычай выносить в одно место золу из очагов. Вместе с золой встречаются обломки сосудов, костяных и бронзовых изделий. Подобный обычай сосредоточения золы в одном определенном месте известен и у арийских племен.

Могильники состоят из курганов. Можно назвать такие могильники, как Алакульский, Раскатиха, Чистолебяжский, Хрипуновский и др. Всего известно около 500 погребений. Под насыпью встречается от одного-двух до двенадцати захоронений. Они располагались вокруг центральной могилы или какого-то иного центра. На дне могилы сооружался одно- или двухвенцовый сруб. Скелеты покоились в скорченном положении, на боку. В могилу помещали сосуды с едой и жертвенные части животного (чаще всего голову и конечности коровы). На черепахах часто имеются отверстия от удара копьем или топором. Иногда животных помещали в отдельные ямы. Так, в одной из ям Хрипуновского могильника обнаружены целые скелеты двух коней, лежавших на боку мордами друг к другу. Позади их крупов были уложены головы коров с пробитыми черепами. Кроме того, в яме найдены разрозненные кости двух телят, двух коз и четырех овец. Всего в этой жертвенной яме найдены остатки 12 животных. В погребальном обряде определенную роль играло и действие огня. Изредка встречается обряд трупосожжения, которому подвергались некоторые женщины. Чаще отмечается сожжение погребальной камеры. Встречены и могилы с кенотафами.

Остановимся на инвентаре, найденном на поселениях и в курганах. Крупные бронзовые изделия (ножи, кинжалы, серпы, тесла) встречаются редко. Чаще находят украшения: браслеты со спиралевидными окончаниями, подвески, обоймы, бусы. На поселениях широко представлены различные каменные орудия, употреблявшиеся в металлургическом производстве, в могилах - кремневые наконечники стрел. Остатки колесниц отсутствуют. Видимо, возникших колесниц сменили более маневренные воины-всадники.

Керамические комплексы поселений и погребений однородны. Это немногочисленные банки и различные горшки с отогнутым или прямым венчиком. Их характерная особенность - наличие на стенке ребра или уступчика. Орнамент наносился резным способом, гладким, гребенчатым и овальным штампом, образуя ряды прямых и наклонных линий, заштрихованные ромбы и треугольники, разнообразные меандры. Встречены свастики. Орнамент мог наноситься и на дно сосуда.

В одном кургане Чистолебяжского могильника в общем круге типичных алакульских погребений найдена могила, в которой лежали ташковские сосуды с узором, нанесенным отступающей лопаточкой. Ташковская культура - это культура аборигенного населения, жившего в этом регионе в эпоху ранней бронзы и ее расцвета. Именно они имели поселения с круговым расположением жилищ, о чем говорилось в предшествующей главе. Эта исключительно интересная находка говорит о том, что местные ташковские племена были завоеваны и ассимилированы пришлым алакульским населением.

При раскопках ряда поселений были найдены небольшие плоские предметы, изготовленные из черепков сосудов, кости, камня и обожженной глины. Они имеют различную форму: круглую, овальную, подпрямоугольную и т.д. На некоторых предметах процарапаны от одной до четырех черточек. А.В. Матвеев полагает, что это фишки для игры в кости, а нанесенные черточки и другие знаки - цифровое значение каждой фишки. Первое упоминание об этой азартной игре имеется в «Ригведе».

Из-за одной лишней игральной кости

Я оттолкнул преданную жену.

Когда я решаю: «Я не буду с ними играть»,

То брошенные коричневые (орехи-кости) подают голос,

И я спешу на свидание с ними, как любовница.

Страдает брошенная жена игрока

(И) мать сына, бродящего неизвестно где.

Обремененный долгами, испуганно ищущий денег.

Крадется он ночью в дом к другим (людям).

Ригведа, X, 34

Антропологические исследования говорят о европеоидной принадлежности алакульского населения. Можно попытаться решить о вопрос и о его этнолингвистической - индоиранской - принадлежности. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели. Как указывает А.В. Матвеев, это ведущая роль скотоводства в экономике, каркасная конструкция жилищ, наличие зольников. Согласно «Авесте», каждое утро надо было выносить золу из жилищ в отведенные для этого места. В погребальном обряде общими являются кремация умерших и сожжения погребальной камеры, ритуал очищения костей умершего от плоти (покойников, по «Авесте», держали на открытом воздухе, чтобы птицы и звери очистили тело). Сходен и характер жертвоприношения животных. Оба народа связаны общим происхождением от петровской культуры. Прослеживаются близкие черты и в орнаментации керамики.

Алакульская культура, занимавшая юго-западную часть Западной Сибири, Зауралье и западную территорию Северного Казахстана, к середине II тыс. до н.э. постепенно перерастает в новую культуру андроновской общности - федоровскую. Это нашло яркое отражение в керамике: стенки сосудов теряют уступчики и ребра, делаются плавными; несколько видоизменяется орнаментация. На федоровской культуре мы остановимся после того, как рассмотрим историческую ситуацию в Западной Сибири в начале и середине II тыс. до н.э. В это время здесь жили племена кротовской культуры.

КРОТОВСКАЯ КУЛЬТУРА.

СОПКА-2 И РОСТОВКА

Кротовские памятники впервые обнаружены М.Н. Комаровой. Она отнесла их к эпохе неолита (1956 г.). Название памятники получили от с. Кротово Сузунского района Новосибирской области.

36

Основные исследования этой культуры проведены В.И. Молодиным, концепция которого и излагается в данном разделе.

Кротовская культура была распространена на лесостепной и степной территориях Западной Сибири и Северного Казахстана: от правобережья Оби на востоке до левобережья Иртыша на западе. Северной границей ее распространения является зона тайги, а южная доходит до Алтайских гор.

Эта культура сформировалась на базе игрековской культурной общности ранней бронзы, фактически являясь ее продолжением. Определенную роль в формировании кротовской культуры сыграл приток южного европеоидного населения из Средней Азии. Об этом свидетельствует смешанный монголоидно-европеоидный тип населения. Причем

европеоидный компонент в них, по мнению антропологов, явно тяготеет к Средней Азии. Кротовская культура датирована В.И. Молодиным началом - серединой II тыс. до н.э. Памятники кротовской культуры представляют собой поселения и могильники. Наиболее изучены поселения на берегах Оми - Венгерово-2 и Преображенка-3. Они не имели укреплений. Исследовано семь жилищ-полуземлянок. Они были как однокамерными, так и двухкамерными. От некоторых из них отходило ответвление в виде узкой и длинной канавки. Площадь жилищ колебалась от 25 до 160 м². В разрезе жилище имело трапециевидную форму; крыша была плоской. Реконструкции жилищ способствовали хорошо сохранившиеся в глиняном материке ямки - следы столбов, несших перекрытие. Основной прямоугольный каркас держался на мощных центральных столбах. Стены состояли из жердей меньшего диаметра, которые вкапывали наклонно. Своим верхним концом жерди опирались на каркас. Помещение отапливалось одним или двумя очагами. В одном случае пол на входе в жилище был вымощен мелкой дробленой керамикой. В полуземлянках и за их пределами выявлены ямы хозяйственного назначения. В одной из них сверху в беспорядке лежали кости животных. Под ними располагался слой бабок различных животных (более ста костей). Затем шел тонкий слой земли, под которым лежали четыре медвежьих черепа. Видимо, данная яма имела ритуальное назначение. Среди могильников наиболее широкую известность получил некрополь Сопка-2, в котором раскопано более двухсот могил кротовской культуры. Погребальный обряд на раннем этапе продолжал игрековские традиции. Грунтовые могилы располагались рядами. Погребенные в них лежали головами на северо-восток. Встречаются одиночные, парные и коллективные захоронения. В коллективных захоронениях погребенные могли располагаться в несколько ярусов. Как и в игрековское время, положение скелетов отличается разнообразием. Чаще всего покойников клали на спину, в вытянутом положении, но встречаются и скорченные скелеты, уложенные на бок. Есть отдельные захоронения голов и скелеты без черепов. Даже в одной могиле могли встречаться различные положения погребенных. В конце бытования кротовской культуры появился обычай возведения насыпи над отдельной группой погребенных.

Предварительные антропологические исследования, проведенные В.А. Дремовым, свидетельствуют о метисных чертах населения: сочетание европеоидных и монголоидных черт. При этом европеоидные черты отличались от таковых черт синхронного соседнего андроновского (федоровского) населения.

Среди изученных могил явно выделяются две. В одной из них при захоронении у взрослого мужчины ноги ниже колен были заменены фрагментами бычьих. Видимо, это был резко выделяющийся из общей массы быко-человек. Вторая могила - погребение литейщика. На его груди обнаружен шестигранный орнаментированный кельт сейминско-турбинского типа. Остальной инвентарь, связанный с литейным производством, лежал компактной кучкой: видимо, был сложен в мешок или корзину. Инвентарь включал двухстворчатые каменные литейные формы для отливки кельтов сейминско-турбинского типа, шильев и ножевидных подвесок. На обратной стороне одной формочки выгравированы три змеи. Кроме того, найдены глиняные тигли со следами бронзовой ошлаковки, терочники из песчаника, костяные лопаточки, которые могли применяться для изготовления глиняных литейных форм и др.

Каменные орудия кротовцев представлены скребками, ножами, топориками-теслами. Найден тщательно изготовленный шлифованный каменный «утюжок» с гладкой нижней поверхностью, сверху он пересекается шлифованным желобком. Предмет был окрашен красной охрой и находился в области сердца погребенного. Подобные «утюжки» в различных вариациях встречаются на ряде памятников ранней и развитой бронзы. Некоторые из них сверху имеют рукоять в виде фаллоса. Назначение их пока неизвестно. Особое место занимают скульптуры из кости и камня, выполненные с большим мастерством. Остановимся на некоторых из них. В.И. Молодин к образцам косторезного искусства относит навершие в виде головы ворона, полагая, что это остаток жезла древ-

нейших шаманов. Интересны фигурки змей, изготовленные из ребер лося. С исключительным мастерством выполнены миниатюрные каменные фигурки медведей. Целая фигурка одного и голова другого медведя входили в состав ожерелья из бус. Керамика из поселений и погребений представлена в основном баночными сосудами и горшками (крупными на поселениях и мелкими в могильниках). Они чаще всего сплошь покрыты нечеткой орнаментацией, выполненной отступающей гребенкой. Особенностью кротовских сосудов являются декоративные прямые и волнистые валики, украшающие верхнюю часть сосудов. Они были одинарными, двойными и тройными. Могильник Елунино-1 расположен в Алтайском крае, к северо-западу от г. Барнаула. Раскопки здесь производились Ю.Ф. Кирюшиным. Материал могильника очень близок находкам с Сопки-2 и других памятников кротовской культуры. Ю.Ф. Кирюшин выделил особую елунинскую культуру. В.И. Молодин

37

говорит об этом материале как о кротовском. Среди находок выделяется крупный бронзовый нож, рукоять которого снабжена скульптурным навершием в виде стилизованной головы лошади. Изделие имеет аналоги среди ножей сейминско-турбинского типа. Интересны круглые в сечении каменные жезлы, длина которых достигает 28 - 46 см. Три из них завершаются прекрасно выполненными головами животных (лошади, барана и змеи), а четвертый - рядами горизонтальных и вертикальных валиков. Найдены жезлы в песчаном карьере, который, видимо, разрушил могильник. Вместе с жезлом найдены обломки сосуда, который, по мнению Ю.Ф. Кирюшина, относится к елунинской культуре.

Особое место занимает грунтовой могильник Ростовка, исследованный вблизи г. Омска В.И. Матющенко. Всего здесь раскопано 38 неразграбленных могил, располагавшихся в пять рядов. Антропологические исследования говорят о смешанном составе населения. При этом выделены черепа более монголоидные и более европеоидные.

В погребальном обряде преобладает трупоположение. Большинство погребенных покоились на спине, в вытянутом положении. Встречены скорченные захоронения на боку, а также погребения, состоявшие из одних черепов или скелетов без черепов. В семи могилах обнаружены трупосожжения. Умершего сжигали на стороне, а прах с еще не погасшими углями онускали в могилу. Встречаются сочетания трупоположений и трупосожжений. Так, в одну яму сначала поместили умершего, уложив его вытянуто на спину. Другого погребенного разместили в скорченном положении на боку. Кости следующего скелета лежали в беспорядке (повторное захоронение). Последним был погребен прах сожженного покойника. Обнаружен и «крематорий» - яма 3 x 1,2 м. В ней выявлен толстый слой сильно обожженной глины и мелких пережженных костей.

Особенностью обряда являлось помещение возле могил кучек инвентаря: кремневых орудий, бронзовых предметов, бронзового оружия и т.д. Оружие большей частью было воткнуто в землю. В.И. Матющенко полагает, что это результат посещения кладбища близкими, оставившими здесь свои приношения. В ряде случаев на дно могилы до совершения в ней захоронения клали отдельные предметы, при этом ножи втыкали в землю. Сосуды ставили на могилу или рядом с ней; иногда их вкапывали в землю. Покойника сопровождала пища: мясо лошади, овцы или крупного рогатого скота.

Инвентарь могильника разнообразен. Каменные изделия представлены наконечниками стрел, копий и дротиков, ножами и другими предметами; бронзовое оружие - кельтами, копьями, крупными ножами. Кельты относятся к сейминско-турбинскому тину. Они шестигранные, украшены орнаментом из заштрихованных ромбов и треугольников. Большинство копий вильчатые. Они тоже относятся к сейминско-турбинскому тину. Среди ножей резко выделяется изделие, рукоять которого украшена скульптурной группой из лошади и мчащегося рядом с ней лыжника, который связан с конем недоуздкой. Вся композиция отличается исключительным художеством и реалистичностью. Лезвие и навершие изготовлены отдельно, а потом сварены. Аналоги этого ножа

тоже относятся к сейминско-турбинской группе изделий. О местном изготовлении перечисленных бронзовых изделий говорят найденные каменные формы и тигли. Материал Ростовкинского могильника исключительно близок некрополю Сопка-2. В.И. Матющенко датирует его XIII - XI вв. до н.э и выделяет в отдельную группу. В.И. Молодин рассматривает его в хронологических рамках кротовской культуры. Хозяйство кротовского населения было комплексным, в нем производящие отрасли сочетались с присваивающими. Большое значение имело скотоводство: разводили крупный и мелкий рогатый скот. В пище значительное место стали занимать молоко и молочные продукты. Об этом косвенно свидетельствует следующий факт: исследование зубов кротовцев показало, что многие из них были поражены болезнью, вероятно, вызванной большим потреблением молочных продуктов. Значительную роль играла охота на лося, медведя, косулю, зайца и птицу. По сравнению с предшествующим периодом, возросло значение собаки (встречены ее захоронения вместе с человеком). Ее могли использовать как для охоты, так и для охраны стада от хищников. Занимались кротовцы и рыболовством. Высокого уровня достигло бронзолитейное производство: найдено много литейных форм, а также погребение литейщика. Вопрос о развитии земледелия у кротовского населения пока остается открытым.

САМУСЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Была распространена по берегам Оби в южнотаежной зоне, а южнее ее - в зоне ленточных боров Верхнего Приобья. Поселение Самусь IV около г. Томска было обнаружено и исследовано В.И. Матющенко. Многочисленный материал с этого поселения дал первые представления о самусьской культуре. Среди находок особое место занимают сосуды с антропоморфными и зооморфными изображениями и литейные формы для изготовления бронзовых изделий.

В Крохалевском археологическом микрорайоне недалеко от г. Новосибирска выявлена серия самусьских поселений. При раскопках поселения Крохалевка-1 обнаружено жилище, углубленное в материк. Пока это единственное известное нам жилище данной культуры. Площадь его равна 64 м², а высота, видимо, достигала двух метров. В разрезе жилище представляло усеченную пирамиду; плоская крыша была обложена дерном. У стенки, противоположной входу, выявлено захоронение собаки. Очаг находился в центре камеры.

Могильники самусьской культуры пока мало изучены. Известны лишь несколько плохо сохранившихся могил в поселении Крохалевка-7 под г. Новосибирском. В одной из них найден сосуд, типичный для самусьской культуры.

Весь найденный материал свидетельствует о том, что самусьская культура была яркой и самобытной.

38

Она значительно отличалась от синхронной ей соседней кротовской культуры. Характерной особенностью самусьской культуры является керамика. Сосуды были плоскодонными или уплощенными горшками с отогнутым венчиком. Реже встречаются сосуды баночной формы, а также с многоугольным дном. Четкая орнаментация наносилась отступающей палочкой или гребенкой, образуя прямые или волнистые линии, «елочки», наклонные линии, заштрихованные геометрические фигуры и т.д. Иногда широкой лопаточкой прочерчивались горизонтальные и вертикальные линии в виде желобков. На верхнюю часть сосуда могли наноситься ямки. Орнамент покрывал всю поверхность сосуда, иногда и его дно. На керамике поселения Самусь IV встречаются крупные антропоморфные и зооморфные изображения. На других памятниках они встречаются крайне редко.

Орудия чаще всего были каменными. Это скребки, резцы, ножи, пластины, тесла, наконечники стрел, дротиков и др. Встречены каменные грузила для сетей,

орнаментированный каменный сосуд типа стакана с ручкой. Тщательно выполнены обычные для эпохи ранней и развитой бронзы «утюжки». Из кости изготавливали наконечники стрел, накладки луков, проколки. Население знало бронзу. Поселение Самусь IV было крупным бронзолитейным центром. Здесь найдено более сотни обломков литейных форм, в том числе и для изготовления оружия сейминско-туроинского типа. Их сочетание с сосудами, покрытыми зооморфными и антропоморфными рисунками, позволило ученым сделать вывод о культовом назначении керамики, имевшем отношение к литейному производству. К предметам искусства относятся также каменные и бронзовые изображения. Из камня художественно и достаточно реалистично выполнены головы одного медведя и нескольких людей. Одно изображение явно относится к европеоидному типу. У с. Крохалевка найдены бронзовые пластины с изображением двух медведей и одного подбоченившегося, пляшущего человека.

Говоря о хозяйственной жизни населения, надо указать на комплексный характер экономики, сочетавшей присваивающие и производящие занятия. Скотоводство здесь было менее развитым, чем у представителей кротовской культуры. Особо надо отметить развитие металлургического производства. Вопрос о наличии или отсутствии земледелия остается открытым.

Хронология самусьской культуры укладывается в следующие рамки: середина II тыс. до н.э. (XVI - XV вв. до н.э.) - XIII-XII вв. до н.э. Существовали определенные связи самусьской культуры с расположенной к востоку от нее окуневской культурой Минусинской котловины. В.И. Молодин и И.Г. Глушков предполагают, что самусьская культура для Приобья являлась пришлой, сохраняла свой восточный облик, но, безусловно, включала и местный компонент.

АНДРОНОВЦЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Фелоровская культура входит в состав большой андроновской общности. Долгое время ее считали ранним этапом андроновской культуры. Затем встал вопрос об андроновской общности с локальными вариантами: алакульским, распространенном в западной части общности, и федоровским, встреченным на всей ее территории. В.И. Матющенко говорит о синхронности этих культур на некотором протяжении времени. Особого внимания заслуживает высказанная недавно точка зрения А.В. Матвеева, который полагает, что в Зауралье и соседних частях Западной Сибири и Северного Казахстана происходил процесс формирования федоровской культуры на алакульской основе. Таким образом, Зауралье и прилегающие к нему территории явились прародиной федоровской культуры. Поскольку в этом регионе федоровских памятников значительно меньше, чем алакульских, можно говорить о довольно быстром и активном расселении на восток и в других направлениях. Датируется культура серединой II тыс. до н.э., а в степной и лесостепной части Западной Сибири она появилась примерно с XIII в. до н.э. и существовала, по мнению В.И. Молодина, вплоть до X в. до н.э. Антропологический тип населения - европеоидный с некоторой примесью монголоидных черт на северо-восточной периферии.

Памятники федоровской культуры представляют собой курганные и грунтовые (реже) могильники. Поселений известно мало, исследованы они недостаточно. Их часто перекрывает слой ирменской культуры эпохи поздней бронзы. Полнее всего поселения представлены в Притоболье. К их числу относится селище Черемуховый Куст. Раскопанные жилища являются неглубокими полуземлянками двух типов: малые (около 50 м²) и крупные, каркасно-столбовые (180 - 300 м²). Последние были разгорожены на отдельные помещения и служили одновременно жилым домом и хлевом. В некоторых из них были вырыты колодцы. Все это свидетельствует о длительном проживании людей в своих жилищах. Иная картина вырисовывается на востоке федоровской ойкумены. Здесь отсутствие жилищ можно объяснить тем, что они были наземными, легко собирались и

складывались. Это явилось следствием довольно быстрого продвижения андроновцев с мест их длительного проживания на восток.

Значительно лучше изучены могильники. Полностью исследован курганный могильник Прсображен-ка-3 на р. Оми в Барабе. Здесь В.И. Молодин раскопал 81 могилу. Им же в последние годы практически полностью исследован могильник Старый Тартас-4, В Томской области В.И. Матюшенко раскопал могильник Еловка II, содержащий 117 погребений. Столь же представителен некрополь Кытманово в Алтайском крае на р. Чумыш, Исследованы могильники Вахрушевский в Новосибирском Приобье, Большепичугинский - на р. Урюп Кемеровской области и многие другие.

Погребальный обряд отличается устойчивостью. Встречаются как курганные, так и грунтовые захоронения. Имеются специальные детские кладбища. В основном они были бескурганными, содержали только труположения и отличались бедностью. Курганы соорудились из дерновых пластов. На западной

39

территории бытования федоровской культуры часто вокруг курганов сооружали каменные кольца. На востоке, в Барабе, бедной камнем, такие кольца могли сооружать из дерна. Под насыпью находилось от одной до трех могил. Встречены как труположения, так и сожжения. Оба обряда могли сочетаться под одной насыпью и даже в одной могиле. Сожжения совершались на стороне; прах лежал в могиле компактной кучкой. Размеры могил одинаковы для обоих обрядов. Сосуды, которых было по несколько штук в одной могиле, стояли в углах, реже - у стенок. Основная часть могилы с прахом оставалось пустой. Вероятно, при обряде сожжения в могилу клали чучело умершего, помещая в него мешочек с прахом.

Погребенные покоились в скорченном положении, на левом боку, реже - на правом, чаще всего головой на юго-запад. В Алексеевском поселении (Зауралье) на территории детского грунтового могильника обнаружено жертвенное место. Оно состояло из двух ям, в которых найдены обгорелые кости овцы, обгорелый тростник, стебли и зерна пшеницы. Редко встречаются могилы без скелетов (возможно, это кенотафы). В нескольких случаях отмечено отдельное захоронение головы. В детских некрополях сожжения единичны. Для федоровских погребений, в отличие от алакульских, не характерно жертвоприношение домашнего скота, но отдельные кости (остатки мясной пищи) могут встречаться. В ряде случаев прослежены остатки деревянных столбов, которые устанавливали над могилой. Самый яркий и характерный инвентарь - керамика, которую трудно спутать с керамикой других культур. В могилу помещали от одного до четырех сосудов. Все они делятся на две большие группы. Сосуды первой группы (более многочисленной) встречаются в погребениях и преобладают на поселениях. Они имеют баночную форму и часто орнаментированы от венчика до дна. Орнамент наносился гребенкой или гладкой палочкой, представляет собой ряды наклонных линий, горизонтальных и вертикальных «елочек». Дно сосудов не орнаментировалось. Вторая группа сосудов - хорошо профилированные горшки с отогнутым венчиком. Они преобладали в погребениях, на поселениях же их обломки встречаются гораздо реже. Орнаментация этих сосудов отличается высокой художественностью. Орнамент представляет собой мелкие изящные оттиски гребенки или гладкой палочки. Узор наносился строгими зонами, разделенными горизонтальными каннелюрами и рядами полулунных вдавлений. Венчик украшали вытянутые, заштрихованные косые треугольники, плечики - меандровидные фигуры, тулово - сложный узор из меандров и заштрихованных треугольников. На придонную часть наносили заштрихованные треугольники или горизонтальную «елочку». На само дно наносили узор, отражавший солярную тематику (например, свастику). Надо отметить, что эта группа сосудов была распространена на широкой площади: от Зауралья до Енисея и от южной границы тайги до Северного Казахстана включительно. Встречены отдельные сосуды с четырехугольным венчиком.

Немногочисленны каменные орудия: кремневые наконечники стрел, наконечник дротика, отщепы. К костяным орудиям относятся наконечники стрел, проколки и пуговицы. Встречены раковины, служившие украшениями, просверленные бараньи альчики, конские бабки. Бронзовые изделия обнаружены в могилах, на поселениях или же являются случайными находками. Крупные изделия представлены вислообушными проушными топорами, ножами, кинжалами наконечниками копий, украшения - височными кольцами, бусами, бляшками, серьгами с растробом, браслетами с закрученными в спираль концами и т.д.

Хозяйство федоровской культуры отличалось от занятий местного населения. Ведущую роль играло скотоводство. Оно было отгонным, с домашним содержанием скота (об этом говорят крупные жилища). В восточной части федоровской ойкумены, где жили передвинувшиеся с запада андроновцы, скотоводство было более подвижным. В.И. Молодин даже говорит о его кочевом характере. При этом основной состав стада - лошади и овцы. Лошади не нуждались в заготовке корма на зиму, они занимались тебеневкой: разгребали снег копытами, обнажая траву, которую доедали овцы. Однако среди остеологического материала федоровской культуры Барабы имеются кости крупного рогатого скота, а при его наличии кочевой образ жизни затруднителен. О занятии присваивающими отраслями свидетельствуют хозяйственные ямы поселений, в которых найдены обломки костей диких животных, рыбы кости и чешуя. О занятии земледелием с определенностью можно говорить лишь для западной части федоровцев.

Федоровская культура появилась на территории Западной Сибири в XIII в. до н.э. Некоторое время она сосуществовала с кротовской, самусьской и другими местными культурами. К XII в. до н.э. они прекращают свое существование, и на широкой лесостепной полосе вплоть до X в. до н.э. прослеживается в основном андроновское население. В настоящее время существуют две концепции этнической интерпретации федоровского населения. Так, В.Н. Чернецов говорил о его принадлежности к уграм. К этому мнению присоединяется М.Ф. Косарев. Однако большая часть исследователей говорит об индоиранской принадлежности. Эта гипотеза основывается на формировании федоровской культуры на алакульской базе, которую относят к индоиранской, и на наличии определенного сходства с погребальным обрядом ариев.

Около ста лет носители андроновской культуры и местное население проживали по соседству. Однако в андроновском материале, как поселенческом, так и погребальном, нет никаких черт местных культур. А в кротовских памятниках имеются следы андроновского влияния - это треугольники в орнаментации керамики и бронзовые браслеты с конусовидными выступами.

Особенно нагляден памятник Туруновка-4 с культовым комплексом кротовской культуры. Здесь в яме были обнаружены два сосуда - кротовский и андроновский. Они были заполнены глиняными фигурками - кубами, шарами, дисками, пирамидками и др. На некоторые из них нанесены насечки. Куб, на каж-

40

дои грани которого видно до семи насечек, более всего похож на игральные «кости» андроновских погребений Притоболья. Назначение других фигурок пока не выяснено. Аналогичная картина предстает перед нами и при изучении самусьских памятников. В орнаментации отдельных сосудов прослеживается андроновское влияние. В памятниках федоровской культуры, расположенных по соседству с населением самусьской культуры, влияние последней не отмечено. Такое явление не может быть случайным. Его можно объяснить тем, что андроновцы стояли на более высоком уровне социально-экономического развития, обладая не комплексным, а специализированным хозяйством с ведущей ролью скотоводства. Им фактически ничего не нужно было заимствовать у местного населения, даже вступая в тесные контакты.

Местное население (кротовцы и самусьцы) обладали значительным военным потенциалом. Почему же так получилось, что федоровская культура полностью сменила

их? В. И. Молодив полагает, что это было связано с двумя причинами. Во-первых, андроновцы имели самое совершенное бронзовое оружие; во-вторых, их преимущество заключалось в более развитом, мобильном скотоводстве. Пока еще не выяснен вопрос, куда делось местное население: было ли оно поглощено андроновцами или частично вытеснено на север.

Выводы

Расцвет эпохи бронзы в Западной Сибири приходится на II тыс. до н.э. Это время развития производящего хозяйства. Население овладевало металлургическим производством - литьем бронзы. Развивалось скотоводство, подчас игравшее ведущую роль в экономике. Появилось земледелие. Развитие экономики происходило неравномерно. Первыми перешли к расцвету бронзы племена Урало-Тобольского междуречья - носители петровско-синташтинской культурной общности, оставившие такие замечательные памятники как Аркзимский и Синташтинский комплексы. Эта общность появилась в самом начале II тыс. до н.э., а возможно, с рубежа III и II тыс. до н.э. Несколько позже на ее базе сложилась алакульская культура андроновской общности, датированная первой половиной II тыс. до н.э. Для нее характерна ведущая роль скотоводства. Примерно в это же время на территории Обь-Иртышского междуречья существовали кротовская и близкие к ней культуры. Самусьская культура была распространена в Верхнем Приобье с XVI - XV по XIII - XII вв. до н.э. Для этих культур характерно развитое бронзолитейное производство и комплексное хозяйство с производящими и присваивающими отраслями. В середине II тыс. до н.э. в Зауралье и соседних частях Западной Сибири и Северного Казахстана на базе алакульской культуры сложилась новая культура андроновской общности - федоровская. Происходит ее активное распространение на восток, на территорию степной и лесостепной части Западной и Южной Сибири. Здесь она существовала с XIII по X вв. до н.э. Местное население, видимо, было ею полностью поглощено. Хозяйство федоровского населения было производящим с большей долей скотоводства, более подвижного, чем раньше.

Рекомендуемая литература

- Аркам: Исследования. Поиски. Открытия, - Челябинск, 1995.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологи чеки и памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск, 1992.
- Дремав В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). - Томск, 1997.
- Конигов Б. А. Основы археологии Западной Сибири: Учебное пособие. - Омск, 1997.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности, - М.: Наука, 1984.
- Косарев М, Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция). - М: Наука, 1993.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья, -Новосибирск: Наука, 1998.
- Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век), - Ч. 3, 4. // Из истории Сибири. -Томск, 1974.-Вып. 11, 12.
- Матющенко В.И. Древняя история Сибири. -Омск, 1999,
- Матющенко В.И., Синцина Г.В. Могильник у д. Ростов-ка вблизи Омска. -Томск, 1988.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985.
- Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992,
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья, - Новосибирск: Наука, 1977,
- Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. - Новосибирск: Наука, 1989.
- Молодки В.И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1998.

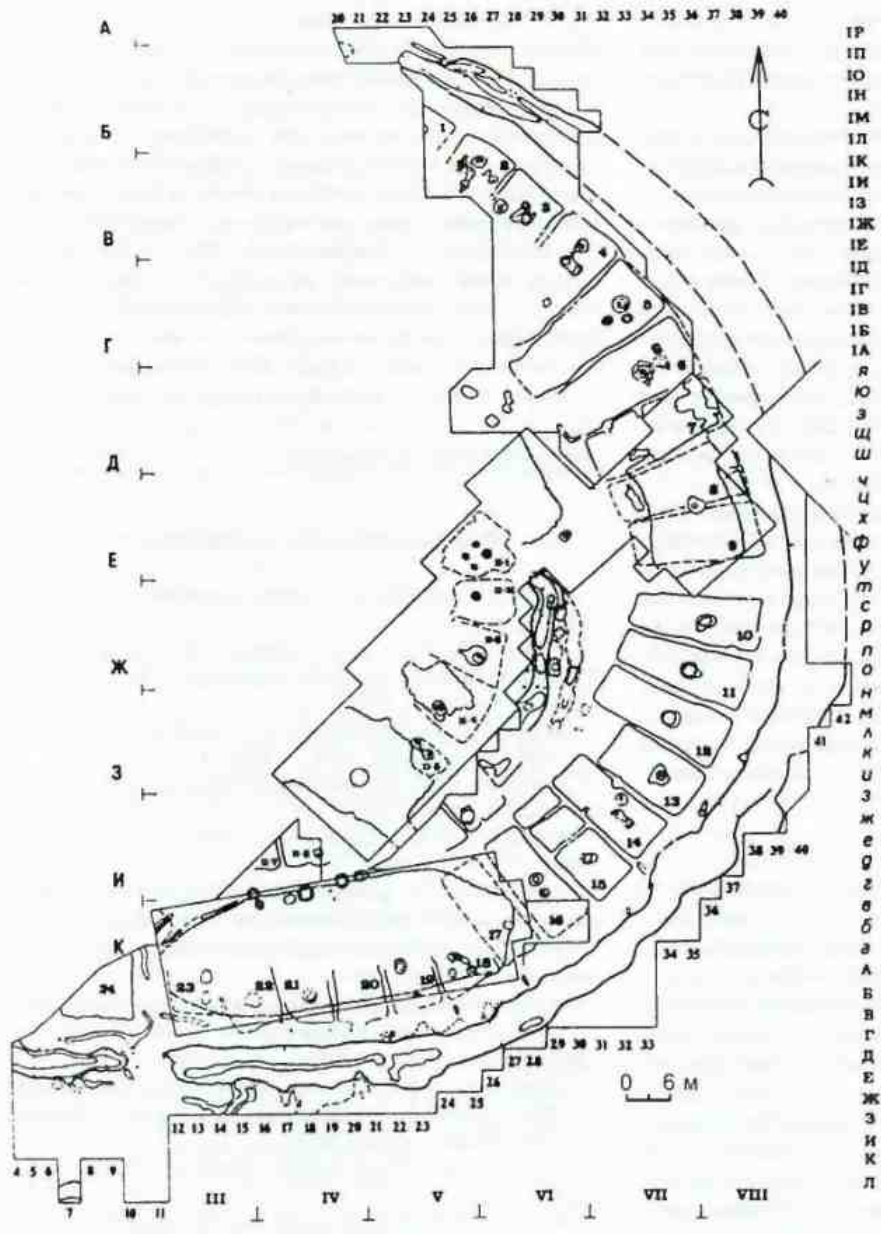

Рис. 10. План Синташтинского укрепленного поселения (по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992).

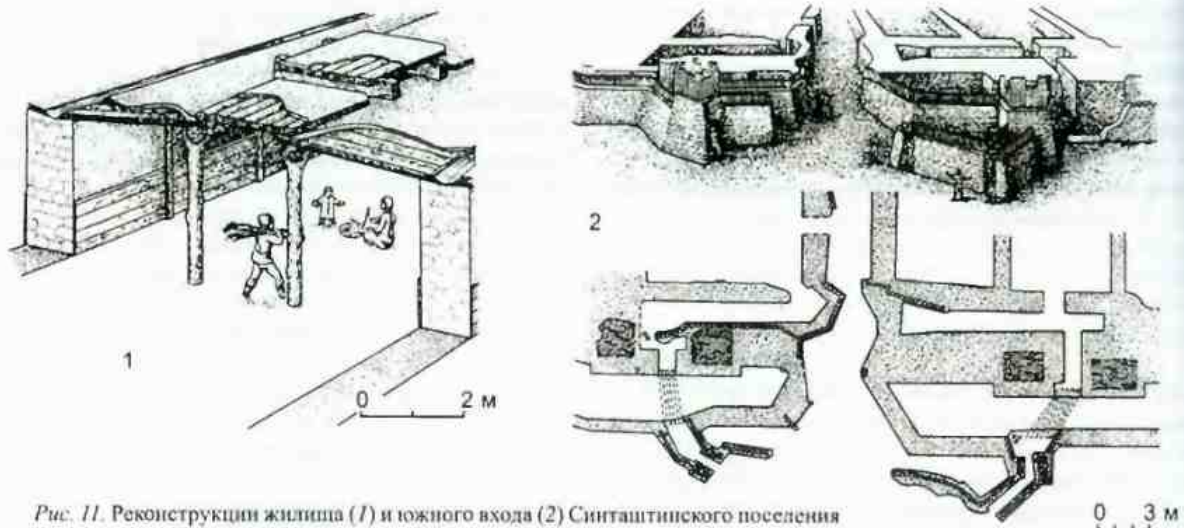

Рис. 11. Реконструкции жилища (1) и южного входа (2) Синташтинского поселения (по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта... – С. 85, рис. 21; С. 40, рис. 13).

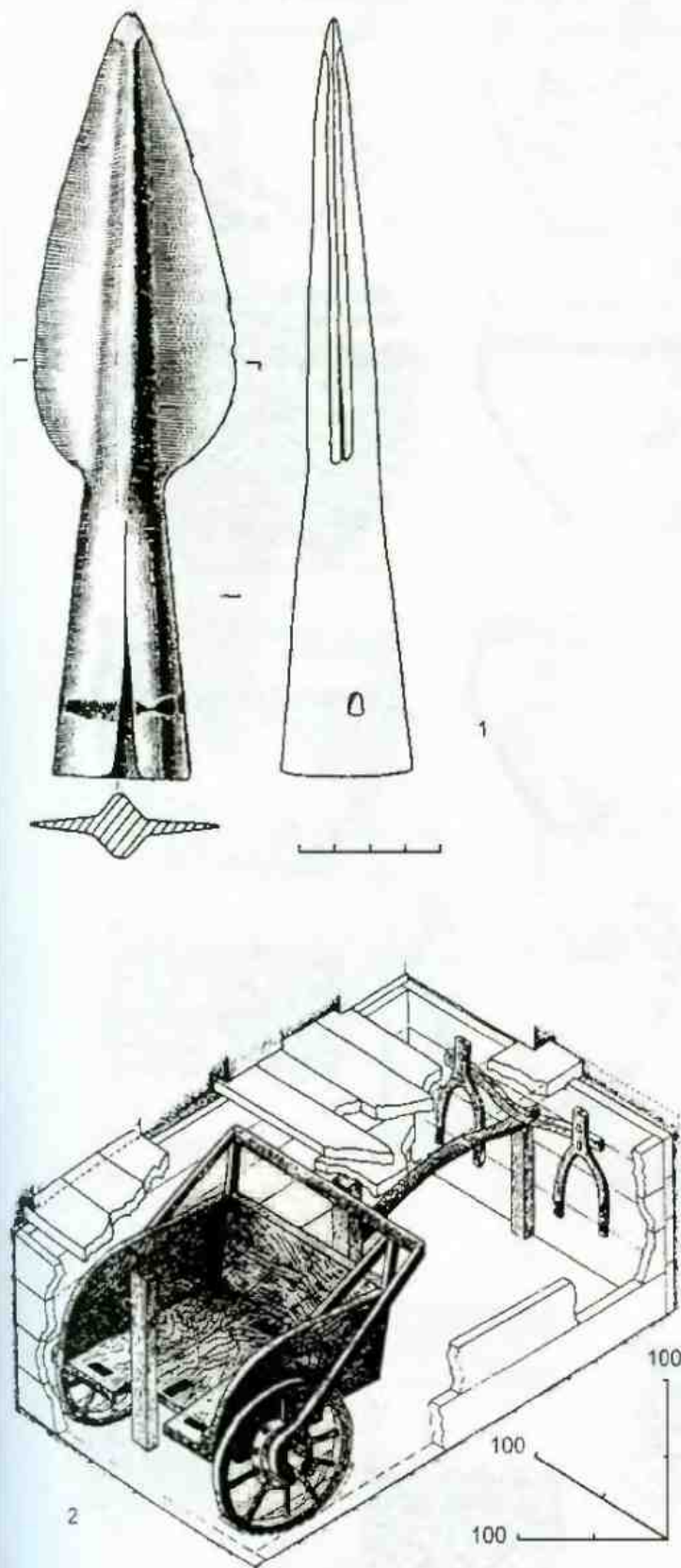

Рис. 12. Бронзовое копье (1) и реконструкция боевой колесницы (2) из погребальной камеры могилы № 30 Синташтинского могильника (по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта... - С. 212, рис. 113; С. 215, рис. 116).

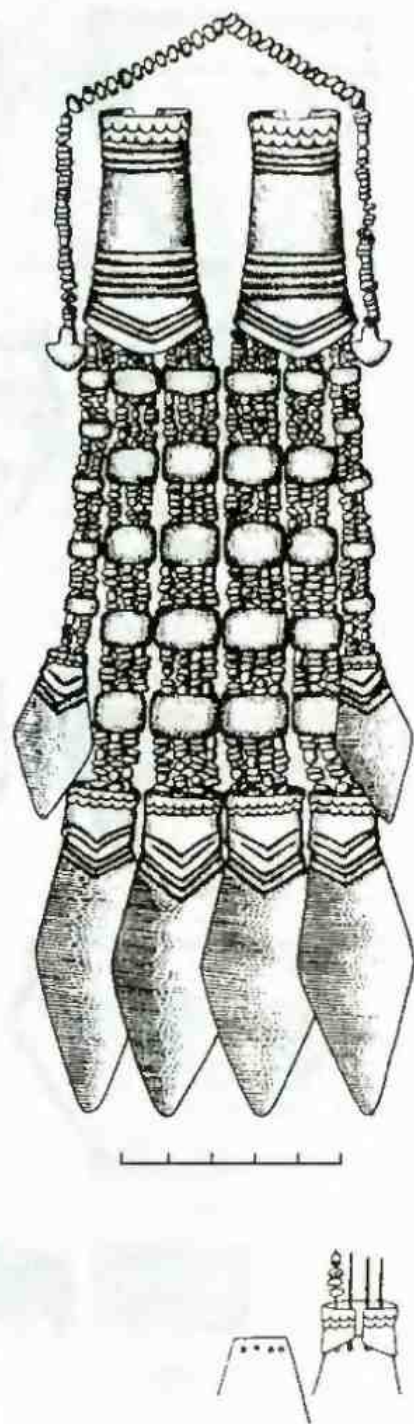

Рис. 13. Нагрудник из серебряных пластин, бисера и пасты. Синташтинский могильник, погребение № 22 (по: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. - С. 193, рис. 99).

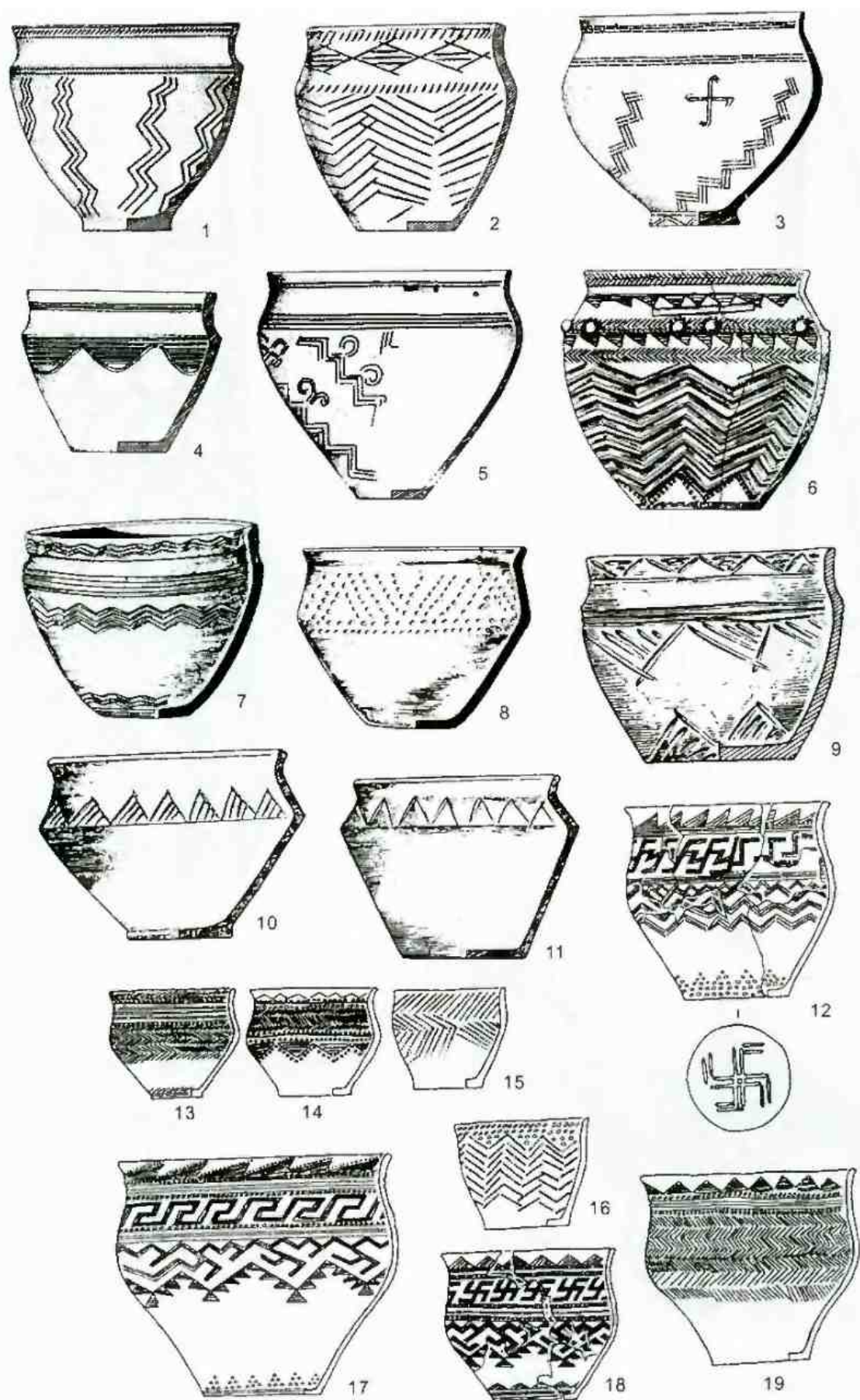

Рис. 14. Керамические сосуды синташтинской (1 – 6), алакульской (7 – 11) и федоровской (12 – 19) культур.

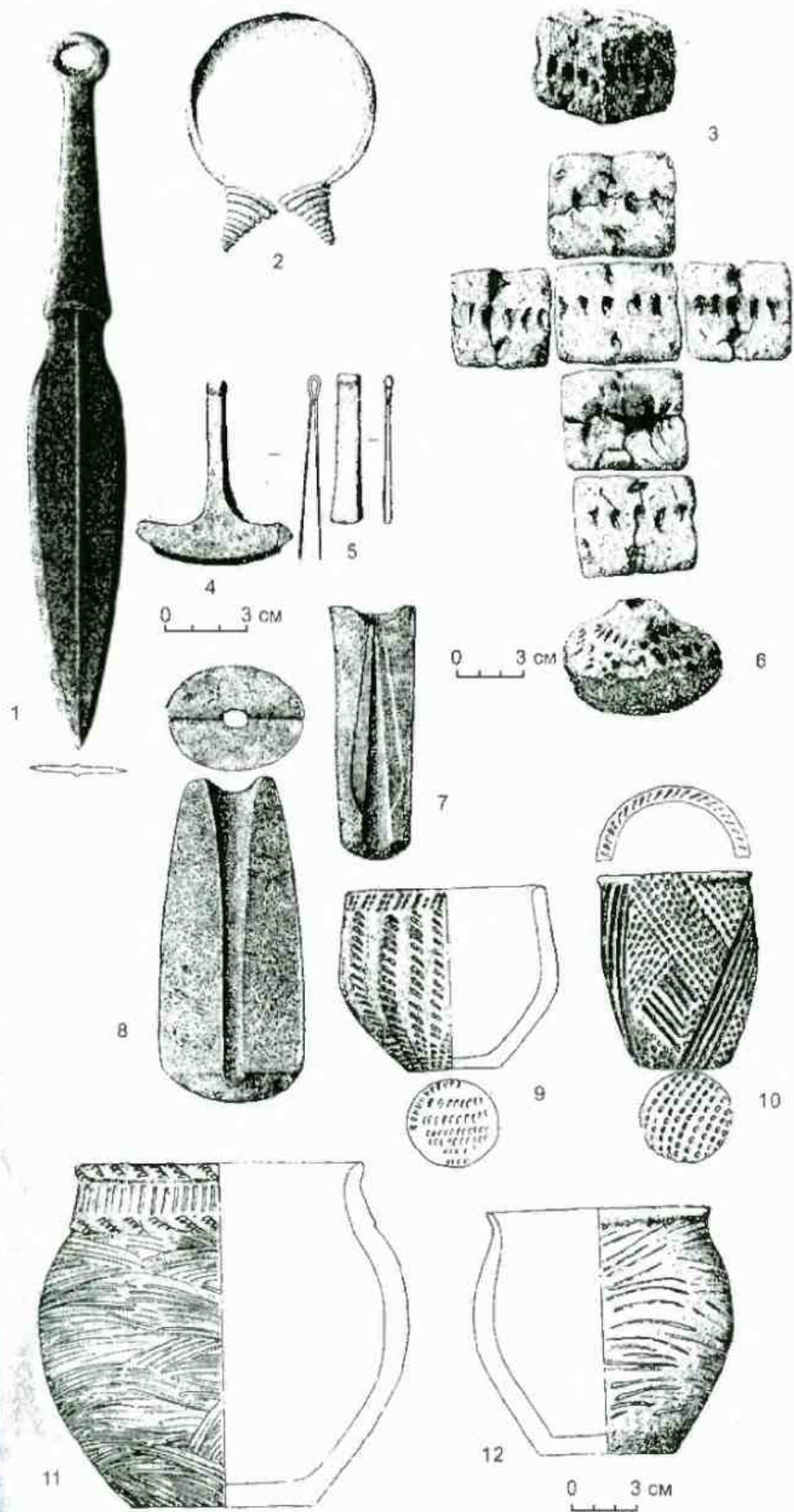

Рис. 15. Материалы красовской культуры лесостепной Барабы:
 1, 2, 4, 5 – бронза; 3, 6 – 12 – глина (по: Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985).

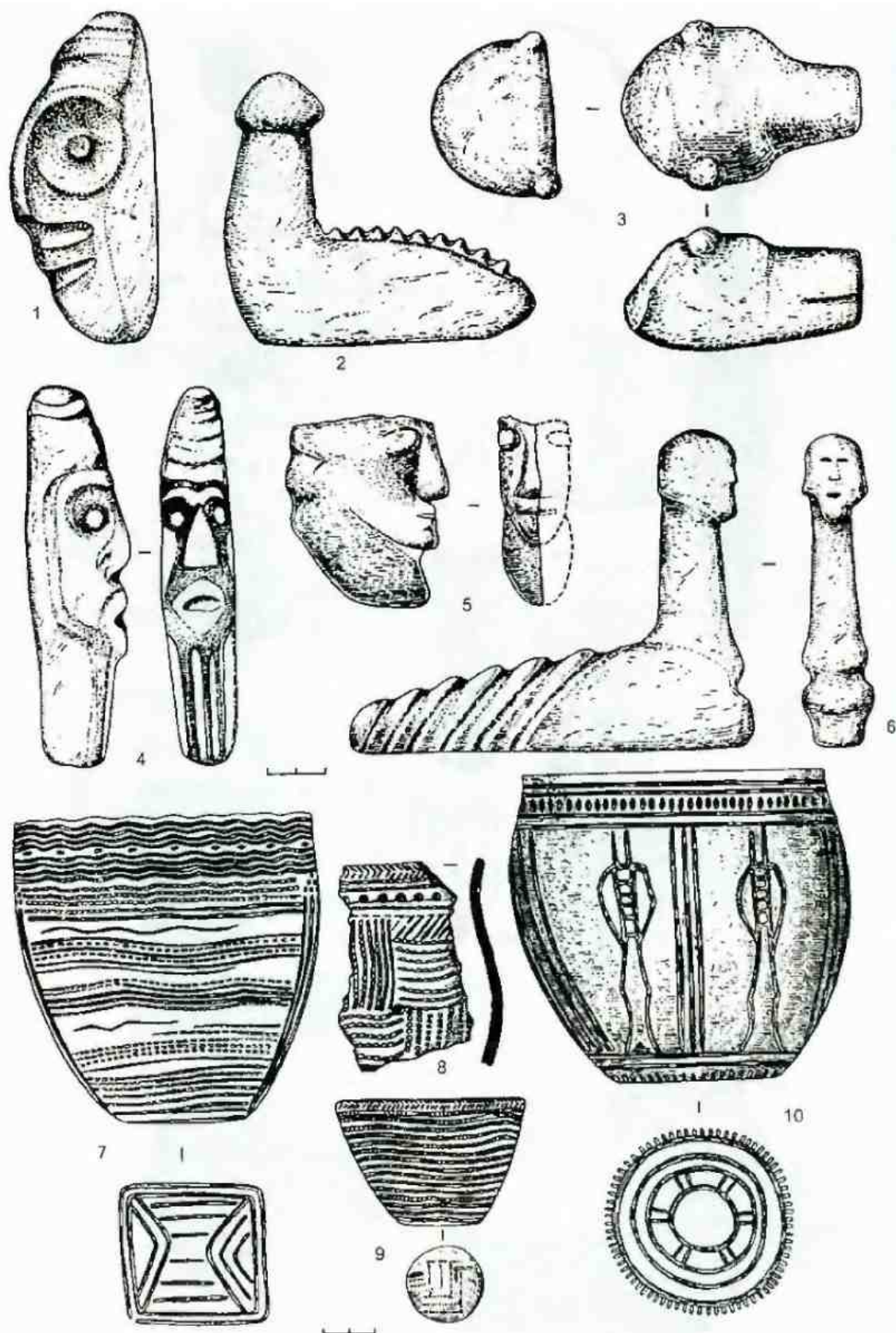

Рис. 16. Материалы самусьской культуры:

1-6 - каменные изделия; 7-10 - керамика (по: Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука, 1987).

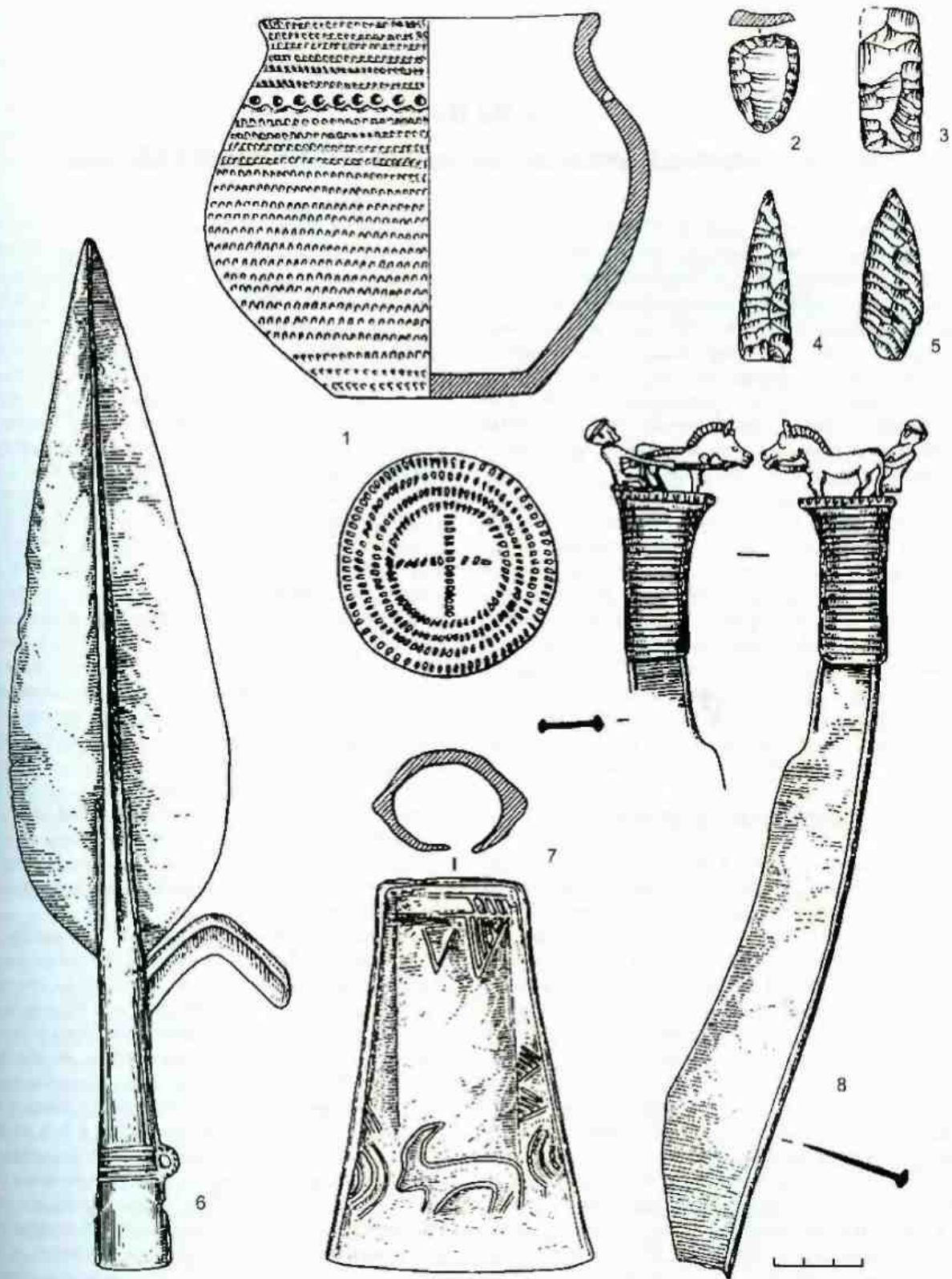

Рис. 17. Материалы Ростовкинского могильника (по: Косарев М.Ф. Первый период...)

ГЛАВА 7 ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

После распада андроновской общности (федоровской культуры) начался новый период в жизни населения Западной Сибири. Он получил название *эпоха поздней бронзы*. По мнению многих ученых, данная эпоха началась в X в. до н.э. Эта дата весьма условна, поскольку, как уже отмечалось, темпы социально-экономического развития в различных регионах не одинаковы. Культуры этого периода можно называть *андроноидными*, так как в них прослеживается сильное влияние предшествующей федоровской культуры андроновской культурной общности.

Эпоха поздней бронзы - это время дальнейшего развития производительных сил. В лесостепной территории население перешло к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству, в котором земледелие имело большое значение. Культуры эпохи бронзы Западной Сибири формировались и развивались на базе местных неолитических традиций. В южно-таежные районы, где раньше господствовало присваивающее хозяйство, стали проникать новые традиции, связанные со скотоводством. В северных районах из-за суровых климатических условий сохранялось присваивающее хозяйство.

ИРМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Была распространена в восточной половине лесостепной части Западной Сибири, на территории современных Кемеровской, Новосибирской и Омской областей, а также отдельные ее памятники обнаружены на юге Томской области и в Алтайском крае. Сам термин *ирменская культура* был введен в 1955 г. Н.Л. Членовой. Еще раньше М.П. Грязнов выделил для эпохи бронзы Западной Сибири группу памятников, в орнаментации керамики которой прослеживались общие черты с сосудами карасукской культуры Минусинской котловины. Он назвал ее культурой карасукского типа и разделил на томский, новосибирский, верхнеобской, восточноказахстанский и центральноказахстанский варианты. Первые три варианта совпадали с ирменской культурой.

Памятники ирменской культуры исследовали М.П. Грязнов, Н.Л. Членова, В.И. Матющенко, Т.Н. Троицкая, В.И. Молодин, А.В. Матвеев, Е.А. Сидоров и др. В настоящее время известно более двухсот ирменских поселений и около восьмисот погребений. Датируют ирменскую культуру по-разному. А.В. Матвеев относит ее к середине XII - первой половине VIII в. до н.э., выделяя три хронологических этапа. По мнению В.И. Матющенко, эта культура существовала с X по VIII вв. до н.э. В.И. Молодин датирует ее IX - VIII вв. до н.э., а позднеирменский период - VIII - началом VI в. до н.э. В.В. Бобров более осторожен в определении возраста ирменской культуры: начало I тыс. до н.э. Все исследователи выделяют отдельный позднеирменский период, который по своей дате и характеристике относится уже к периоду перехода к железному веку. Поэтому мы будем рассматривать его ниже, а в данной главе речь пойдет об ирменской культуре без ее позднего этапа,

Из поселений наиболее изучены Ирмень-1 (раскопки М.П. Грязнова), Быстровка-4 (раскопки В.И. Матвеева) и Милованово-3 (раскопки Е.А. Сидорова). Характерно наличие зольников, которые обычно находились на краю памятника. Видимо, существовала традиция выносить из жилищ золу вместе с другим мусором и сыпать ее в одно место. Зольники насыщены находками. В них обнаружены разбитые сосуды, обломки костей (в том числе пережженных), сломанные и целые предметы. Внешне зольник представлял собой холм диаметром до 100 м. Как показали раскопки памятника Быстровка-4, мощность слоев зольника могла достигать 3,5 м. Поскольку зольники существовали длительное время (до ста и более лет), их нижние слои содержат более древние находки. Раскопки этих объектов имеют большое значение для изучения развития форм и орнаментации сосудов.

Исследованные поселения, расположенные на речном берегу, были в той или иной степени разрушены водой, поэтому нельзя судить об их действительной площади и о числе жилищ, сохранившихся на поверхности в виде западин. Поселения рассматриваемого нами времени, как правило, не были укреплены. Оборонительные ров и вал обнаружены лишь на городищах Батурине-1 (на р. Оби) и Каргат-6 (в Барабе). Значительная мощность рва и вала свидетельствует о достаточно напряженной обстановке и необходимости обезопасить себя от возможного нападения противника. Характерной особенностью культурного слоя ирменских поселений является насыщенность находками. Число их колеблется от 30 до 100 экземпляров на 1 м². Это в основном обломки керамики и костей.

На Милованово-3 раскопаны остатки 15 жилищ и часть зольника. Всего вскрыто 4 тыс. м². По предварительным подсчетам, поселение существовало 200 - 300 лет.

48

В Быстровке-4 на площади 1,8 тыс. м² вскрыто 5 жилищ и часть зольника. Жилища представлены полуземлянками двух типов: каркасно-столбовые и срубные. Реконструкция первого типа произведена Е.А. Сидоровым и А.В. Матвеевым, а второго - М.П. Грязновым, по данным раскопанной им памятника Ирмень-1. Благодаря хорошо прослеженным столбовым ямкам, удалось реконструировать внешний вид жилищ и проследить характер перестроек, которые производились примерно раз в десять лет (меняли подгнившие из-за влажности опорные столбы). Через 30 - 50 лет здание приходило в негодность, и его бросали. Поэтому число прослеживаемых на поверхности поселения западин всегда больше количества одновременно действующих жилищ. Каркасно-столбовые конструкции могли быть малыми (от 12 до 42 м²) и крупными (от 160 до 400 м²). Крупные каркасно-столбовые жилища состояли из двух частей. Первая - это центральное прямоугольное помещение, в котором жили люди. Оно отделялось стенкой от второй части, в виде узкого коридора окружавшей первое помещение со всех сторон: здесь зимовал скот. По краям жилого помещения были врыты мощные столбы, на которых покоились деревянные слезы, образующие горизонтальную раму - основу плоского деревянного перекрытия. Столбы имелись и в боковых помещениях, но они были ниже центральных. Поверх них также лежала слега, от которой до основного перекрытия шли наклонные бревна. Таким образом, в разрезе перекрытие представляло собой трапецию. Стены жилища были сложены из горизонтальных бревен, лежавших друг на друге и упирающихся в вертикальные столбы.

Площадь срубных жилищ колебалась от 100 до 170 м². В плане они близки к квадрату. Опорные столбы отсутствовали; стены представляли собой сруб. Крыша была суживающимся кверху срубом, сложенным наподобие пирамиды. Помещение делилось стенкой на две части: ближе к входу зимовал скот, а в более крупной камере жили люди. Жилища всех типов обогревались очагами разных форм. Все они топились «по черному». Одновременно действовали один - два очага. Отслуживший свою службу очаг за-равнивали, затем строили новый. Помимо жилых строений, раскопаны меньшие по размерам хозяйственные помещения. В них чаще всего не было очагов.

На городище Каргат-6 раскопана четырехкамерная полуземлянка, комнаты которой были соединены узкими проходами. В них жили люди, зимовал скот. В одной из землянок обнаружен глубокий колодец: видимо, из него брали воду зимой, когда замерзала река, или во время осады.

Погребальные памятники представлены курганами со слабо выраженными насыпями. Наиболее полно исследованы могильники Преображенка-3 в Барабе (раскопки В.И. Молодина) и Журавлево-4 в Кузнецкой котловине (раскопки В.В. Боброва). На каждом из них обнаружено более ста одиночных и коллективных погребений. Из других могильников надо упомянуть Плотинную (у г. Камень-на-Оби) и Елов-ку-2. В каждом из них открыто около 60 погребений. Успешные раскопки ирменских могильников ведутся у оз. Танай, на границе Новосибирской и Кемеровской областей.

Погребальный обряд ирменской культуры в целом одинаков на всей территории ее распространения. Захоронения совершались в неглубоких могилах или прямо на поверхности древней почвы. Над погребенным сооружали строение из пластов дерна. Если рядом было несколько могил, насыпь приобретала овальную форму. В нескольких случаях под насыпью были обнаружены неглубокие рвы, окружавшие могилы. Иногда в них находили остатки жертвоприношений и тризна: кости животных (иногда их целые черепа), обломки сосудов. Часть рвов до нас не дошла, так как они могли быть неглубокими и не перерезали материк. В Прииртышье (могильник Кала-чевка-2) ровики были прямоугольными. Погребенные лежали в скорченном положении, чаще всего на правом боку, головой на юг и юго-запад. Часты вторичные захоронения. Трупосождения встречаются редко. Погребенных сопровождал небогатый инвентарь: сосуды, небольшие бронзовые изделия (ножи, гвоздевидные подвески, браслеты и др.). В курганах могильников Журавлево-4 и Камень-1 найдены грубо обработанные камни-обелиски, которые устанавливали в изголовье погребенных. По мнению В.В. Боброва, они восходят к деревянным столбам андроновских могил.

Культовое сооружение обнаружено при раскопках памятника Сопка-2. Оно представляло собой кольцеобразный ровик диаметром около 10 м. В нем имелось четыре прохода, ориентированных по сторонам света. Внутри кольца и за его пределами имелось много ямок. В одной из них обнаружен ирмепский сосуд. Назначение этого сооружения неясно. Самая распространенная находка - керамика. Глина хорошо отмученная, с примесью дресвы и органики. Поверхность сосудов хорошо заглажена, иногда подлощена. Керамика могильников и поселений отличается лишь своими размерами. По форме сосуды делятся на три группы. Самая распространенная форма - плоскодонные горшки. Они могут быть крупными и небольшими, со слабой и сильной профилировкой, с прямыми и отогнутыми венчиками. В них хранили продукты и готовили еду. Вторая группа - небольшие плоскодонные и круглодонные сосуды типа низких горшков (диаметр больше высоты). Некоторые из них не имеют горловины. Это столовая, тщательно изготовленная посуда. Третья группа - плоскодонные или уплощенные кувшины с узким горлом и раздутым туловом, предназначенные для хранения жидкости. Орнамент (чаще всего резной) выполнен гребенкой. Он наносился на верхнюю половину сосуда и представлен геометрическими фигурами: заштрихованными треугольниками и лентами, гладкими ромбами. Орнаментальные зоны отделены друг от друга узеньким пояском из горизонтальных линий, ямок или разделенных «жемчужин».

Бронзовые изделия немногочисленны. Это специфические для ирменской культуры гвоздевидные подвески, пластинчатые несомкнутые браслеты с «шишечками» на концах, крупные и мелкие бронзовые бляхи, кольца, наконечники, бронзовые ножи. Най-

49

дены костяные наконечники стрел, концевые накладки на лук и другие предметы. Особо надо отметить обломки двух каменных жерновов из Журавлево-4. Найдены многочисленные обломки костей домашних животных. Кости диких животных встречаются значительно реже.

На последний период ирменской культуры приходятся предметы мелкой глиняной пластики. Они найдены в Новосибирском Приобье (городище Абраши-но-1 и поселение Ирмень-1) и представляют собой изображения лежащих на спине, распластанных животных со слабо обозначенными конечностями и прочерченной полосой, идущей вдоль «брюха» скульптурки.

Антропологический материал, по В. А. Дремову, позволяет отнести носителей ирменской культуры к европеоидной тине. Они сложились на андроновской базе, но в их формировании приняло участие население, имевшее в своем составе ощутимую монголоидную примесь.

Перечисленный материал дал возможность исследователю высказать свои суждения о происхождении ирменской культуры и ее контактах с соседями. Все ученые сходятся в

одном - ирменцы генетически связаны с населением андроновской культуры. Эта связь хорошо прослеживается в геометрической орнаментации сосудов. В.И. Молодин полагает, что в появлении ирменской культуры определенную роль сыграло кротовское население. В.И. Матющенко прослеживает общие черты с самусьскими племенами.

Антропологические данные подтверждают эти связи. Близость к еловской культуре настолько очевидна, что В.И. Матющенко выделил единую еловско-ирменскую культуру. Безусловно, имелась определенная связь и с карасукской культурой Минусинской котловины, особенно в восточной части ирменской территории.

Рассмотрим хозяйственные занятия ирменцев. Большое место в них занимало скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Костей домашних животных встречено больше, чем диких. Характерной чертой скотоводства ирменцев являлось домашнее содержание скота зимой. Сохранившееся в некоторых местах до недавнего времени зимнее домашнее содержание скота дает возможность реконструировать особенности скотоводства у носителей ирменской культуры. Для зимнего потребления резали значительную часть скота, оставляя необходимое для воспроизводства количество особей. Оставшиеся животные зимовали в домах. Пребывание животных под одной крышей с людьми давало дополнительное тепло и экономило силы на заготовку топлива. Особенно эффективным было расположение скота в помещении, опоясывающем жилье по периметру. Скот, оставаясь всю зиму без свежего воздуха, был очень вялым, ослабленным, мало потреблял пищи, что экономило силы для заготовки большого количества корма. При имевшихся в то время орудиях труда это было очень удобно.

В хозяйстве ирменцев большое значение имело также земледелие. Об этом говорят отпечатки зерен пшеницы и сорных растений на поверхности глиняных сосудов, а также находки не только многочисленных обломков зернотерок, но и вращающихся жерновов, которые обычно появляются лишь при достаточно высоком уровне земледелия. Некоторые ученые даже предполагают возможность существования пашенного земледелия. Охота и рыбная ловля имели подсобное значение. Судя по пряслицам, занимались ирменцы и ткачеством. Развито было бронзолитейное производство, о чем свидетельствуют многочисленные бронзовые изделия и следы бронзы на стенках сосудов. При помощи бронзовых ножей обрабатывали кость, дерево и рог, изготавливая из них различные предметы.

О социальных отношениях по имеющемуся материалу судить трудно. С одной стороны, развитие земледелия (возможно, даже пашенного) предполагает достаточно высокий уровень социального развития. С другой стороны, отмечается очень слабая дифференцированность в системе погребального обряда. По мнению В.В. Боброва, последний факт может объясняться несовершенством существующих методик. Определенно можно говорить лишь о более высоком общественном статусе мужчин по сравнению с женщинами.

Бархатовская культура Притоболья близка и синхронна ирменской и сузгунской культурам. Границы бархатовской культуры заходят в Зауралье. Памятники представлены поселениями и городищами, которые появились в конце эпохи поздней бронзы, что было типично для этого времени. Погребения пока не известны. Бархатовская культура отличается некоторыми особенностями в орнаментации керамики и жилищами. Жилища имели углубленный, коридорообразный, длинный вход, а площадь их достигала 70 м². Хозяйство было в своей основе производящим, животноводческим с заметной долей присваивающих укладов - охоты и рыболовства.

Исследователи прослеживают в Барнаульско-Бийском Приобье и корчажкинскую культуру. Она представлена поселениями Корчажка V, Костенкова Избушка, могильниками Осинки и др. Значительный вклад в изучение этой культуры внес А.Б. Шамшин. Он датирует корчажкинскую культуру XII - первой половиной VIII в. до н.э. и делит ее на два этапа. Эта культура по всем параметрам очень близка еловской культуре

(о ней речь пойдет ниже). Некоторые археологи считают корчажкинскую культуру южным вариантом еловской культуры.

Как полагает А.Б. Шамшин, в Барнаульско-Бийском Приобье и в предгорьях Алтая скотоводство было отгонным. Здесь имелись хорошие выпасы, куда летом перегоняли скот. Большинство известных поселений, по его мнению, были летниками.

СУЗГУНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ее памятники расположены в лесной полосе Прииртышья от устья Тобола до северо-западной части Барабы включительно. Она была открыта и впервые исследована В.И. Мошинской. Культура получила свое название по урочищу Сузге (так звали жену хана Кучума) под г. Тобольском.

50

Здесь было обнаружено исключительно интересное культовое место. Оно представляло собой ложбину, в центре которой располагалось кострище. На памятнике найдено более 700 сосудов: целых, раздавленных и отдельные обломки. Выяснилось, что сосуды ставили правильными рядами у подножья склонов, которые неоднократно обваливались, засылая песком расставленные внизу горшки. Поверх обвалов снова ставили ряды сосудов. Так продолжалось три раза, пока по какой-то причине культовое место люди перестали посещать.

Как пишет В.И. Мошинская, всего за два года работы с площади около 125 м² было получено более двух тонн керамики. Обнаружены также пряслица, пережженные мелкие кости (птичьи?), глиняная антропоморфная фигурка и др.

Памятники сузгунской культуры представлены поселениями, погребениями и культовыми местами. Среди поселений особо выделяется Чудское городище. В.И. Молодин исследовал два поселения на северо-западе Барабы. В одном из них (Новочекино-3) раскопаны два жилища площадью до 130 м², слегка углубляющиеся в материк. Кровля на них была плоской и опиралась на столбы каркаса, поставленного перпендикулярно земле. В жилище и за его пределами обнаружены ямы хозяйственного назначения. Почти в каждой из них найдены обломки сосудов и кости животных.

Сузгунские погребения открыты лишь в последнее время. В Омской области у Больших Крутихинских озер исследована серия таких погребений. Захоронения находились под курганами на уровне погребенной почвы. Погребальный обряд отличался разнообразием: труположения, частичные трупосожжения, вторичные захоронения. Известны одиночные и коллективные захоронения (до десяти умерших). Сопроводительный инвентарь - глиняные сосуды.

Керамика поселений и погребений представлена плоскодонными горшками и банками. Орнамент наносился на всю поверхность сосуда, часто даже на дно. Значительная часть сосудов имеет орнамент, характерный для лесного круга культур. Это горизонтальные ряды гребенчатых наклонных линий, сочетающиеся с ямочными вдавлениями, отпечатки гладкой палочки, гребенчатая и гладкая качалки, зашпы, каннелюры и т.д. Встречается орнамент, связанный с влиянием федоровской культуры, но выполненный не мелкой гребенкой, характерной для андроновцев, а грубым гребенчатым штампом. Орнамент образует узоры из заштрихованных лент, вытянутых треугольников, меандров и т.д. В керамике чувствуется и влияние соседних племен ирменской культуры.

Встречены предметы, связанные с бронзолитейным производством. Это обломки тиглей с сильной ошлаковкой внутренней поверхности, обломки литейных форм для изготовления крупных изделий, бронзовые шило, игла и др. Костяные предметы представлены наконечниками стрел и накладками на лук.

Остеологический материал позволяет судить о хозяйстве сузгунского населения. Около половины костей принадлежали диким животным; лосю, дикому быку, медведю, лисице, зайцу, бобру, барсуку и др. Домашние животные представлены лошадей, крупным и мелким рогатым скотом. Особое место занимает городище Чудская гора, в материале

которого 88.7% костей принадлежали домашним животным. В жилищах найдены рыбы кости и чешуя. Все это свидетельствует о том, что хозяйство было многоотраслевым, в нем большую роль играло скотоводство. Но существенным отличием экономики сузгунцев было значительное место охоты и рыболовства, т.к. население жило в тайге, на берегу рек и озер. У исследователей нет единого мнения о дате существования сузгунской культуры. В.И. Матюшенко относит ее к XII - VII вв. до н.э., а В.И. Молодин - к IX - VIII вв.

ЕЛОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Открыта В.И. Матюшенко на территории Верхнего Приобья в пределах Томской области, у с. Еловка. Сначала он выделил еловско-ирменскую культуру, позже - отдельную еловскую культуру, которую датировал в пределах XII - X вв. до н.э.

Единого взгляда на происхождение еловской культуры нет. В.И. Матюшенко полагает, что она сложилась на базе слияния самусьской и андроновской культур. М.Ф. Косарев считает, что самусьское население было вытеснено племенами с ямочно-гребенчатой керамикой, которые и слились с андроновцами, а датирует еловскую культуру XII - IX вв. до н.э. По мнению В.И. Молодина, еловская культура сложилась в последней четверти II тыс. до н.э. в южно-таежной зоне, в Томско-Нарымском Приобье, и по приобским ленточным борам стала продвигаться на юг, в Новосибирское Приобье. На последнем этапе в ее среду проникли носители ирменской культуры.

Судя по исследованиям Ю.Ф. Кирюшина, самым северным районом распространения еловской культуры было таежное Васюганье. Возможно, именно отсюда оно и стало проникать на территорию Томского Приобья. Ю.Ф. Кирюшин прослеживает на всей территории Васюганья единую еловскую культуру, которую делит на ряд периодов. В ее керамике наблюдается, с одной стороны, связь с андронидными или андроновскими мотивами, с другой - влияние северных таежных культур. Выявлены два типа поселений: летние, в которых проживала одна большая семья, и зимние, в которых находились 4-5 таких семей.

Еловская культура представлена поселениями и могильниками. В Еловском поселении, открытом В.И. Матюшенко, были обнаружены два жилища площадью до 200 м², но детали их конструкции не прослеживались. На поселении Крохалевка-15 близ г.

Новосибирска раскопаны двухкамерное и однокамерное жилища, каждое площадью около 100 м². Хорошо прослежена их конструкция. Она была каркасно-столбовой, с мощными опорными столбами по углам помещения и плоской крышей. Двухкамерное жилище выявлено и на поселении Ордынское-12.

Наиболее полно изучены погребения в могильниках Еловское I и II. Насыпи были невысокими, чаще всего овальной формы. Вероятно, они представляли

51

собой небольшие сооружения, сложенные из дерна непосредственно над могилой. Иногда могилы располагались в один ряд. Позже их насыпи слились в слабо различимые овальные курганы. Погребенные лежали в неглубоких ямах, чаще всего в скорченном положении, на правом боку, реже - на левом или в вытянутом положении. Случаи трупосожжения единичны.

Среди находок выделяется керамика, которую можно разделить на две группы. Сосуды первой из них имеют баночную форму. Орнамент характерен для северного таежного круга культур: чередующиеся ряды оттисков гребенчатого штампа и «елочек». Вторая группа в основном представлена горшками с прямым или слегка отогнутым венчиком. Они покрыты нарядным, разнообразным геометрическим орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников, ромбов, меандров, лент-зигзагов, фестонов и т.д. Характерной особенностью керамики является гладкий венчик. Данные сосуды генетически восходят к андроновской керамике с геометрическим орнаментом. Велико также их сходство с бегазы-дан-дыбаевской керамикой Центрального и Северного Казахстана. Это свидетельствует о том, что в среду местного населения стали проникать

казахстанские племена, относящиеся к европеоидам. Вероятно, с этим связано наблюдение В.А. Дремова об ослаблении тех незначительных монголоидных черт, которые прослеживались у андроновцев Томского Приобья.

Хозяйство у еловцев было комплексным. В разных регионах распространения этой культуры оно было разным. На территории Васюганья основным занятием населения являлась рыбная ловля. На севере края она наряду с охотой имела преобладающее значение, а в южной части Васюганья большую роль играло скотоводство (главным образом, коневодство, т.к. рогатый скот менее приспособлен к холодным зимам). Южнее по Оби возрастало значение производящего хозяйства. В нем большое место занимало скотоводство: разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. О земледелии свидетельствуют обломки литейной формы бронзового серпа.

К северу от Васюганья, в Сургутском Приобье, прослеживается ряд культур, объединенных в барсовскую культурную общность, получившую свое название от замечательного комплекса памятников -Барсов Городок. Барсов Городок - это крупный останец, возвышающийся в пойме Оби. На нем буквально вплотную друг к другу расположено около сотни поселений и городищ, относящихся к эпохам неолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Среди них есть поселения атлымской культуры. Носители этой культуры пришли с севера, из района Нижнего Приобья. Для них характерна керамика, орнаментированная гребенчатым штампом и оттисками «крестового» и «змеиного» штампа. Таежное население поддерживало определенные связи с ирменским населением, о чем свидетельствуют единичные обломки сосудов с крестовым штампом в памятниках лесостепного Приобья.

О социальной организации атлымского общества можно судить по комплексу памятников Сырой Аган.

Это поселение, состоявшее из небольшого городища и расположенных рядом с ним семи жилищ рядовых общинников. В городище находился вождь. В случае военной опасности общинники могли спастись на городище и обеспечивать его защиту. Полагают, что носители этой культуры позже продвинулись на юг и дали начало ряду культур переходного периода от бронзового века к железному.

В 1980-е гг. был исследован могильник Старый Сад, относящийся к эпохе поздней бронзы, а, возможно, и к переходному времени от бронзы к железу. Он расположен в центральной Барабе. Этот могильник дал совершенно оригинальные материалы. Обнаруженные сосуды, как и погребальный обряд, свидетельствовали, что открыта какая-то новая для Западно-Сибирской равнины культура, перекликающаяся с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана. По данным антрополога Т.А. Чикишевой, население, оставившее этот могильник, по своему внешнему виду весьма отличалось от синхронных им ирменцев. На могильнике Старый Сад выявлен также весьма оригинальный погребальный обряд. В ряде могил были обнаружены погребения, совершенные по обряду труположения. Погребенные покоились на спине, с подогнутыми вверх коленями, а иногда на боку или вытянуто на спине. Интересны случаи своеобразных кенотафов: на уровне погребенной почвы помещали несколько сосудов, а сам погребенный отсутствовал.

Замечательны и сами сосуды. В их форме и орнаментации наблюдается синкретизм андроновских, ирменских и северных сузгунских черт, а также южных (бегазы-дандыбаевских) сюжетов. Важно отметить, что этот синкретизм просматривается не только на отдельных сосудах, но и в наборах посуды, обнаруженных в отдельных захоронениях. В одну могилу могли поместить от двух до четырех сосудов, выполненных в принципиально разных традициях. Однако в их принадлежности одному населению нет никаких сомнений. На памятнике получен и интересный бронзовый инвентарь, тоже сочетающий черты местной, ирменской, и пришлой, южной, традиций.

Интересно, что аналогичный материал обнаружен Т.Н. Троицкой в могильнике Крохалевка-13. Там был раскопан удлиненный овальный курган. Погребения здесь

отсутствовали. Вместо них обнаружена серия «местоположений»: на уровне погребенной почвы стояли на расстоянии 1 - 2 м друг от друга сосуды. Иногда рядом с такими сосудами лежал бронзовый нож или бронзовое украшение. Видимо, они прикрывались сооружением из дерна, которые позже слились в один овальный и низкий курган. Керамика аналогична материалам Старого Сада.

Эти находки, особенно открытие барнаульским археологом В.С. Удодовым поселений Бурла-3 и Кайгородка в Кулундинской степи, показали, что, видимо, начиная с эпохи поздней бронзы (в IX в. до н.э.), из Центрального Казахстана в Западно-Сибирскую низменность продвигался поток переселенцев. Основная его часть двигалась южнее, по территории Кулундинской степи. Этот мощный поток мигрантов, несший с собой даже среднеазиатскую керамику,

52

изютовленную на гончарном круге, втянул в движение соседствующую с ним на севере Казахстана культуру позднебронзового времени. Ее носители продвинулись в Кулунду и Южную Барабу, где были зафиксированы В.И. Молодиным на поселении Каргат-6. Это явление демонстрирует завершающую фазу некогда активного миграционного процесса, закончившегося уже в переходное от бронзы к железу время. В результате адаптации пришлого населения и смешения его с местными ирменскими племенами и, видимо, таежным южносузгунским населением образовалась новая локальная культура, позднее целиком растворившаяся в среде местного, саргатского, населения эпохи раннего железного века, и, возможно, принявшая участие в формировании последнего.

Выводы

Эпоха поздней бронзы в Западной Сибири приходится на период, ограниченный рубежом III - I тыс. - VIII вв. до н.э. На широкой территории лесостепного Приобья была распространена ирменская культура, западнее ее - бархатовская, в северной лесной зоне - сузгунская, еловская и ряд других культур. Носители еловской культуры в эпоху поздней бронзы частично передвинулись вверх по Оби в лесостепную зону. Дальнейшее развитие производительных сил выразилось в лесостепных районах в увеличении значения земледелия в рамках комплексно скотоводческо-земледельческого хозяйства. В лесных районах Среднего Приобья и Прииртышья в хозяйстве при наличии скотоводства с ведущим значением разведения лошадей большую роль продолжали играть охота и рыбная ловля.

Рекомендуемая литература

- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.А.* Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. - Новосибирск, Наука, 1993.
- Галкин В. Т.* Сузгукская культура эпохи поздней бронзы в южно-таежном Тоболо-Иртышье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1991. - 21 с.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). - Томск, 1997.
- Кирюшчи Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. - Томск, 1979.
- Конилов Б.А.* Основы археологии Западной Сибири, - Омск, 1997.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири; человек и природная среда, - М., Наука, 1991.
- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. - Новосибирск, 1993.
- Матющенко В.И.* Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). - 4,3,4 // Из истории Сибири. - Томск, 1974. - Вып. 11, 12.
- Матющенко В. И.* Древняя история Сибири. - Омск, 1999.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, Наука, 1985.
- Молодин В.И., Новиков А.В.* Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1998.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.
Мошинская В.И. Сузгун II - памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири //
Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИЛ. - М., 1957. -№ 58,-С. 114-
135,
Салымский край, - Екатеринбург, 2000.
Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья] //
Палеоэкономика Сибири. -Новосибирск; Наука, 1986. - С. 54 - 66.

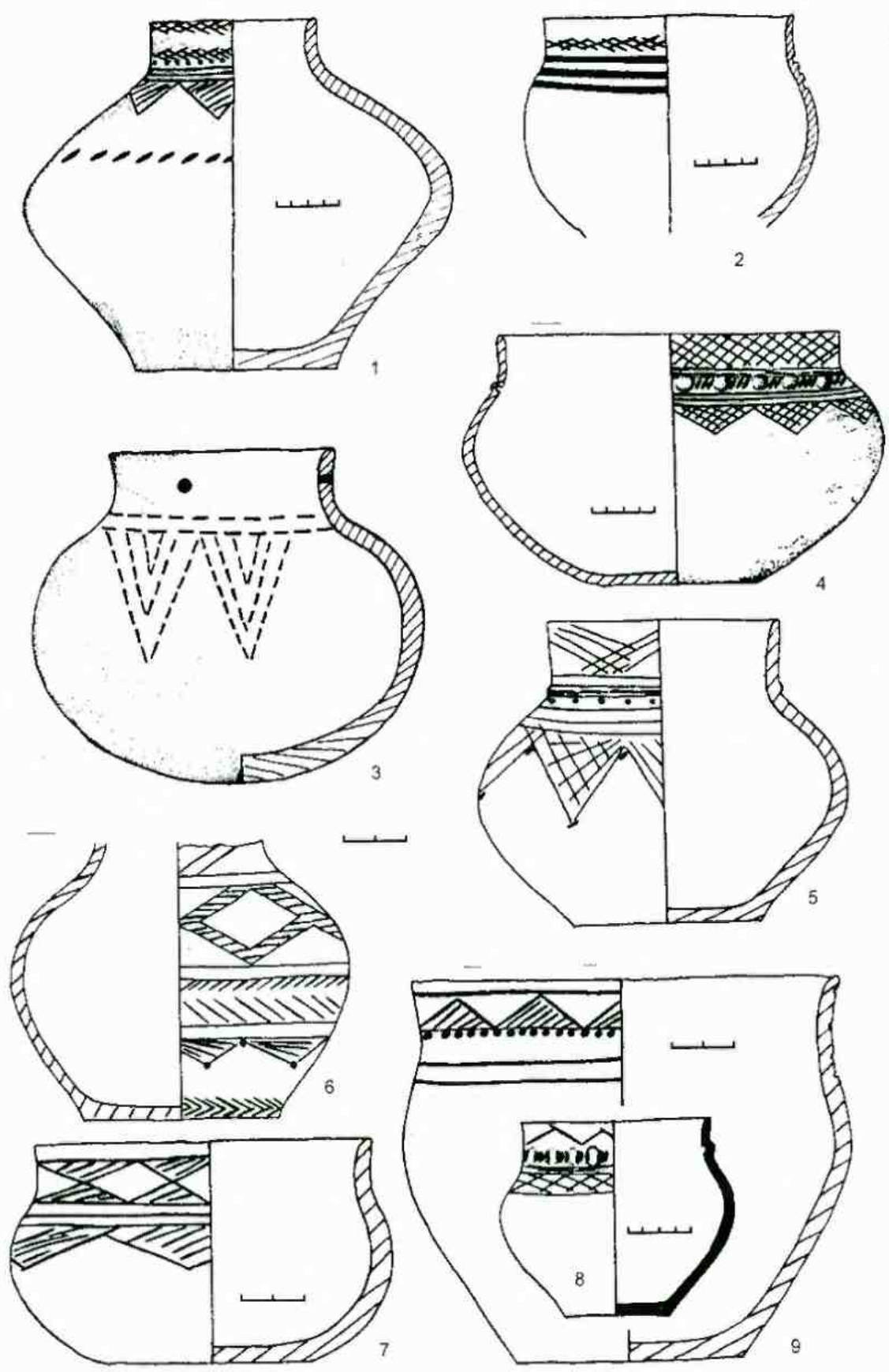

Рис. 18. Керамика ирменской культуры с поселения Милованово-3.

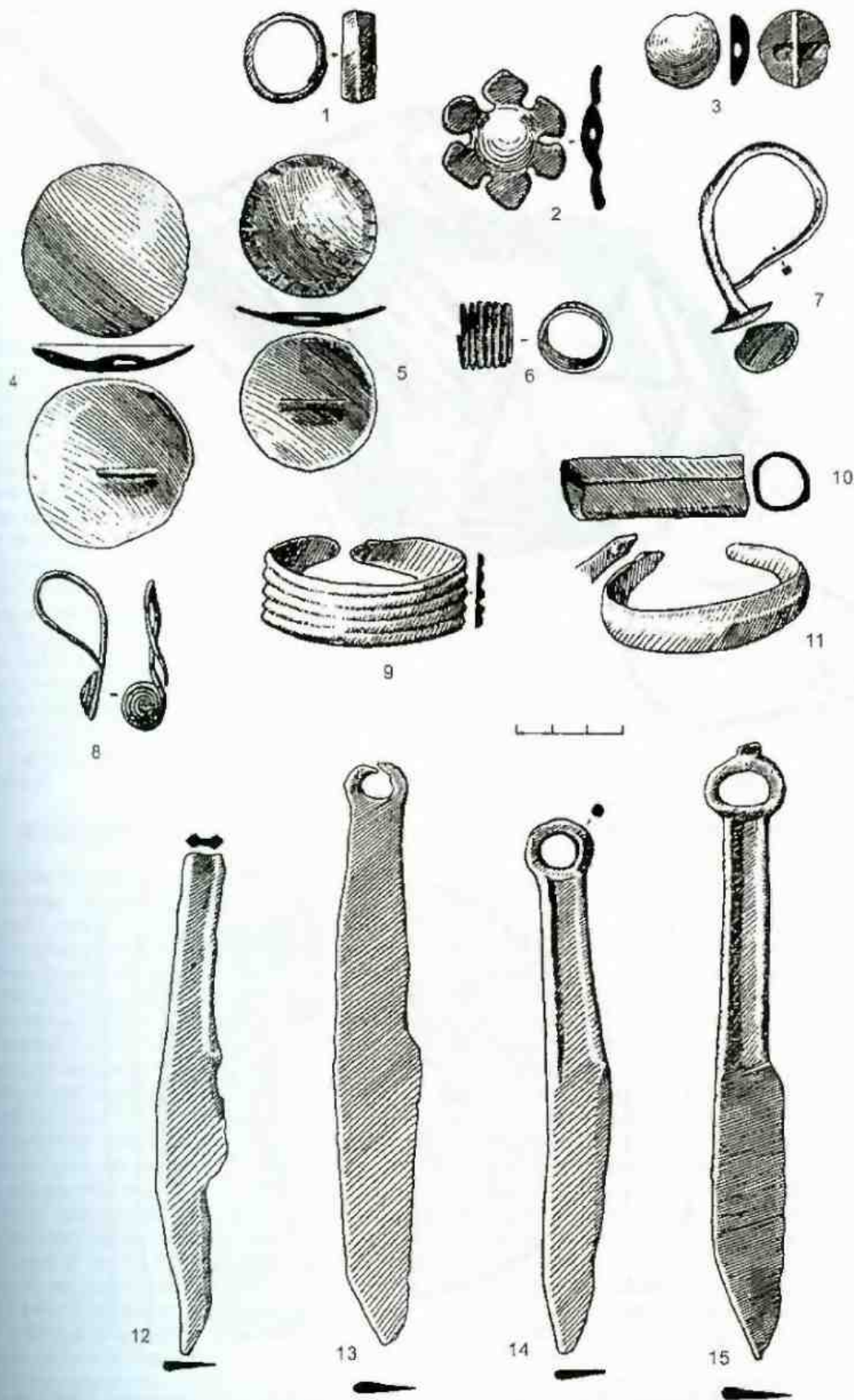

Рис. 19. Бронзовые изделия ирменской культуры из могильника Журавлево-4 (по: Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993).

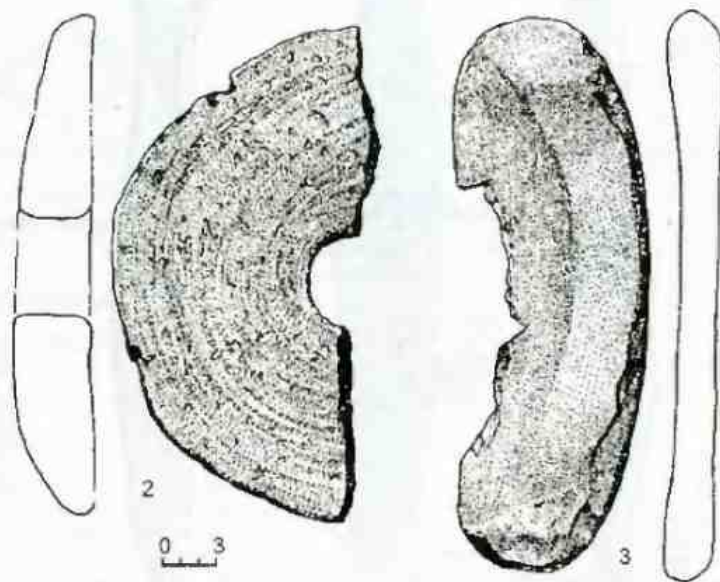
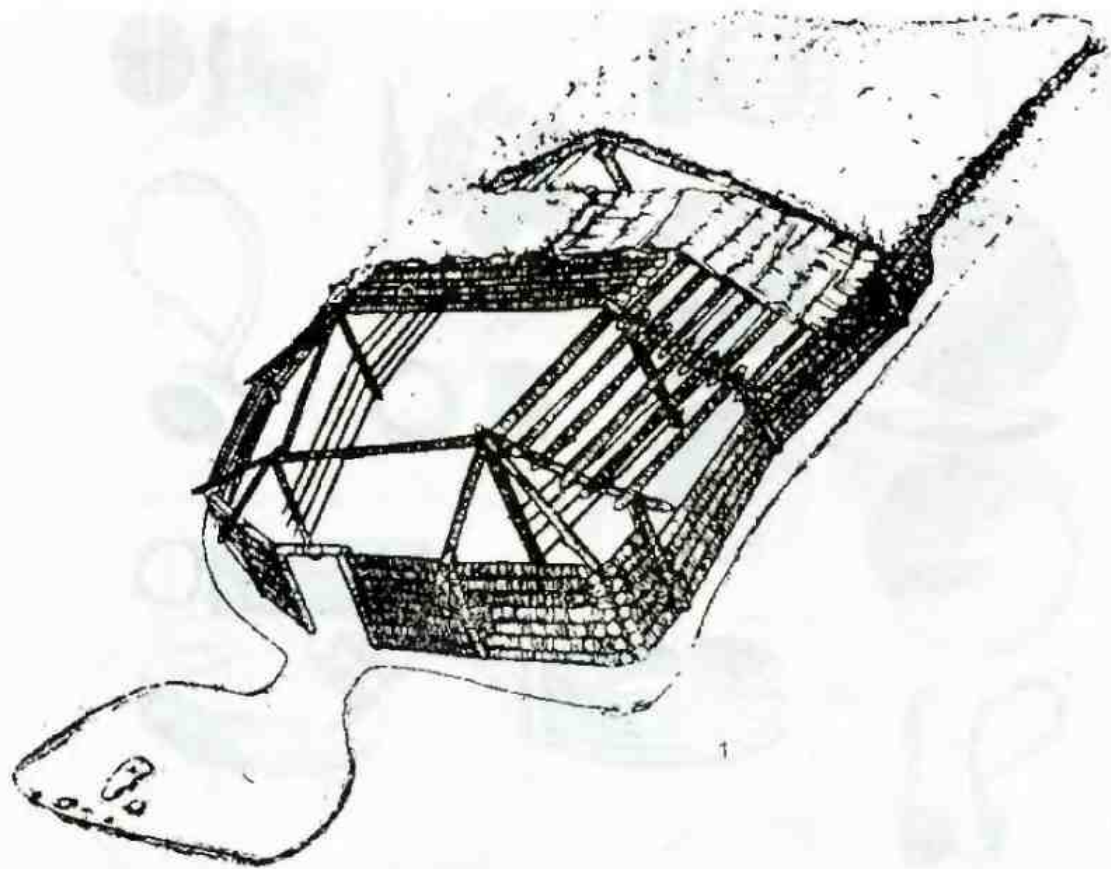

Рис. 20. Реконструкция жилища № 3 (1) Быстровского поселения (ранний этап функционирования), а также камни ручной мельницы (2, 3) из могильника Журавлево-4 (по: Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник...).

ГЛАВА 8 ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Переходный период от бронзового века к железному веку на территории Западно-Сибирской равнины в среднем падает на конец VIII - начало VI в. до н.э. Климатические условия в это время изменились в сторону дальнейшего увлажнения, что привело к обводнению и сокращению лесных угодий. По этой причине в VIII - VII вв. до н.э. северное лесное население вынуждено было переселиться. Оно продвигалось на юг и юго-запад по прибрежной лесной полосе в поисках новых охотничьих угодий. По своему содержанию это время было для Западной Сибири продолжением бронзового века, но к югу и западу от нее уже начался железный век, складывался новый скифо-сибирский мир. И в западносибирском материале пусть редко, но встречаются привозные предметы этого мира: типичные «скифские» бронзовые наконечники стрел, обломки бронзовых котлов и др. Перейдем к характеристике культуры переходного периода.

ПОЗДНЕИРМЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

Фактически является последним этапом ирменской культуры. Она представлена неукрепленными поселениями, городищами и курганными могильниками. Почти все они находятся на территории Барабы. В Верхнем Приобье их встречено очень мало, хотя к предшествующему периоду относится значительное количество памятников. Это заставило некоторых исследователей считать, что в переходный период происходил значительный отток населения из Приобья в Барабу. Позднеирменский материал можно датировать второй половиной VIII - началом VI в. до н.э.

Совершенно уникальным оказалось городище Чича-1 в Барабе, расположенное близ оз. Малая Чича. Его исследованием руководит В.И. Молодин. На поверхности самого городища и прилегающей к нему неогражденной части поселения прослежены остатки (западины) 32 жилищ. Раскопки одного из них показали, что оно было в одночасье покинуто (вероятно, из-за военной опасности), а потом сгорело.

В 1999 г. на Чиче-1 при помощи немецких специалистов впервые на территории Сибири произведено детальное геофизическое обследование археологического памятника. В результате удалось, не вскрывая поверхность, получить его примерный план. Оказалось, что жилищ было не 32, а более сотни. Прослежена планировка улиц и переулков.

Зафиксирована мощная система оборонительных сооружений. Раскопки подтвердили правильность снятого геофизиками плана. Общая площадь памятника более 30 га. На поселении Туруновка-4 раскопано огромное двухкамерное жилище в виде полуземлянки. Оно, видимо, свидетельствует о сохранении традиции зимнего содержания скота в домах. Обращает на себя внимание обломок бронзового котла, типичного для скифо-сибирского мира. Большое количество обломков костей домашних животных говорит о том, что скотоводство, как и прежде, имело большое значение в хозяйстве населения. Вероятно, занимались местные жители и земледелием, хотя прямых свидетельств этому нет. В Барабе раскопано лишь несколько курганов позднеирменского времени, материал которых свидетельствует о сохранении прежних ирменских традиций. Керамика характеризуется значительной близостью к ирменским материалам, но имеет и своеобразные черты. Это исчезновение резко профилированных сосудов с раздутым туловом, появление горшков с вертикальной шейкой. Возросла роль гребенчатой орнаментации при общем преобладании речной техники нанесения орнамента. Наблюдается уменьшение удельного веса геометрических фигур. Их постепенно заменяют зигзаги, наклонные линии и «елочный» узор. Появились сосуды с двумя рядами «жемчужин». Произошло общее обеднение орнаментации, выражающееся в сокращении орнаментальных мотивов и увеличении числа сосудов с неорнаментированным туловом. Реже применялось лощение внешней поверхности сосуда. Предложенная В.И.

Молодиным характеристика позднесирийской керамики Барабы (особенно ее второй и третий типы) полностью совпадает с материалами Верхнего Приобья. Отличие заключается в том, что среди барабинских сосудов встречается керамика, которая в раннем железном веке «переросла» в материалы саргатской культуры.

Характерная особенность переходного периода - появление миниатюрной глиняной скульптуры. Начало этой традиции, как указывалось выше, было отмечено в конце ирменской культуры. На городище Чича-1 и на поселении Туруновка-4 обнаружены схематичные изображения медведей и медведицы, а также несколько мужских скульптур, изготовленных из глины.

57

В лесостепном Приобье, как и в Приишимье, аналогичной культурой переходного периода является бантовская культура, предшествовавшая саргатской культуре.

ПРОДВИЖЕНИЕ ТАЕЖНЫХ ПЛЕМЕН И СЛОЖЕНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУР В ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЕ

В VIII - VI вв. до н.э. в Западной Сибири значительно изменился климат. Наступил период увлажнения, повысился уровень озер и рек. В таежной местности резко увеличилась площадь болот, сократились охотничьи угодья. Это отрицательно сказалось на жизни населения, для которого охота являлась одним из главных источников питания. Началось относительное перенаселение. Переход к производящему хозяйству в условиях тайги был невозможен. Оставался один путь - миграция избыточного населения.

Видимо, из районов Сургутского Приобья (мест распространения атлымской культуры) часть таежного населения стала передвигаться на юг. Передвижение шло по привычной лесной территории, расположенной вдоль Оби, Иртыша и их притоков. Группы переселяющегося населения, видимо, были экзогамными, вынужденными вступать в браки с местным населением, что привело к интенсивному слиянию пришлой и местных культур.

В результате этого сложились культуры, в орнаменте керамики которых особое место заняли оттиски крестового штампа. Все их можно объединить в культурную общность, которая сложилась в результате синтеза пришлого и местного населения. Самая западная культура, вошедшая в ее состав (гамаюнская), находится в Зауралье, поэтому мы на ней останавливаться не будем. Некоторые исследователи называют эту общность гамаюно-молчановской. Необходимо сразу же указать, что в Приобье и Прииртышье культуры, относящиеся к указанной общности, не занимали сплошных территорий. Они не вытеснили основное местное население, а представляли собой лишь определенные недолговременные островки, которые потом растворились в местной среде.

Первым свидетельством появления северного населения является молчановская культура на юге Среднего Приобья. Для нее характерны горшки с выгнутой дугообразной шейкой. В их орнаментации сочетаются северные еловские, южные андроновские и позднесирийские черты. Реже встречаются баночные сосуды, в орнаментации которых известны оттиски крестового и струйчатого штампа.

Продвижение таежного населения на юг далее пошло по р. Чулым и, возможно, по р. Томи, а на территории Кузнецкой котловины осталось несколько памятников, в керамике которых встречено некоторое количество обломков сосудов с крестовым штампом. К сожалению, пока они мало изучены. Можно лишь отметить, что крестовый штамп на сосудах из Кузнецкой котловины отличается от приобского штампа: линии тоненькие, как бы прорезанные. Аналогичный штамп встречен и в поселении Линево (Новосибирская область) на р. Иня, материал которого хорошо датируется по наконечнику стрелы VIII - VII вв. до н.э. Видимо, заселение данного региона шло из Кузнецкой котловины, а не из Приобья, т.к. крестовый штамп на изделиях завьяловской культуры отличался по своему виду от кузнецкого штампа. Среди находок из поселения Линево особое место занимает выполненное из рога скульптурное

изображения лося с коротким хвостом. Голова животного отломана. Туловище украшено орнаментом из цепочки ромбов и параллельных насечек на крупе.

Завьяловская культура открыта Т.Н. Троицкой в Новосибирском Приобье. Представлена она лишь двумя городищами у с. Завьялове на берегу Обского водохранилища и Томским могильником. Незначительное количество керамики, орнаментированной крестовым штампом, встречено в некоторых других поселениях вместе с позднеирменскими материалами (Ивановка-3). Мы остановимся на завьяловской культуре более подробно, так как располагаем достаточным количеством материала для реконструкции жизни населения в переходный период.

Городище Завьялове-1 полностью разрушено при затоплении ложа Новосибирского водохранилища. Ко времени его открытия сохранился лишь небольшой участок с оборонительной системой и прилегающей к нему территорией. В настоящее время и он обрушился в воду. Городище Завьялово-5 было расположено у устья р. Каракан при ее впадении в Обь. Оно частично размыто водой. Исследована почти вся сохранившаяся часть памятника. Раскопки производились Е.А. Сидоровым и Т.Н. Троицкой, материал подытожен Т.В. Мжельской. Городище было ограждено оборонительной системой, состоявшей из двух рвов и вала. Раскопано 10 жилищ. Это подквадратные полуземлянки площадью от 72 до 200 м². Одно жилище двухкамерное. Следы перестроек на Завьяловском городище не были обнаружены. Можно предположить, что все жилища существовали одновременно. Подсчитано, что число проживавших здесь людей достигало 350 - 400 человек. Судя по большому количеству золы, сажи и горелого дерева, городище погибло от пожара, после чего было заброшено.

Основная масса находок Завьяловского городища - керамика. Среди нее выделяется группа небольших сосудов с округлым или уплощенным дном и дугообразной в профиле шейкой. Встречаются слабопрофилированные горшки, смыкающиеся с банками, сосуды баночных форм, кувшины с раздутым туловом и небольшие миски. В технике нанесения орнамента преобладает гребенчатый штамп. Примерно пятая часть сосудов орнаментирована фигурным штампом: прежде всего крестовым, значительно реже - струйчатым. В ряде случаев сосуды орнаментированы двумя рядами «жемчужин». Встречен и архаический способ нанесения орнамента отступающим штампом. В целом керамику можно разделить на две группы. Первая группа - повторяющая как по своей форме, так и по орнаменту позднеирменские сосуды. Вторая группа - сосуды, типичные для северного таежного населения. Все это свидетельствует о том, что завьяловская культура сложилась в результате слияния этих двух элементов.

58

Известен лишь один могильник завьяловской культуры. Это Томский грунтовый могильник, раскопанный в 18Х7 - 1889 гг. В его состав входило 47 неглубоких могил. Погребенные лежали на правом боку, головой на юг и юго-запад; в нескольких случаях зафиксировано трупосоужение. Этому есть аналоги в ирменских и позднеирменских материалах. Найдена мять целых и обломки двух сосудов. Четыре из них орнаментированы крестовым штампом, который в одном случае нанесен отступающей техникой. Обнаружен многочисленный бронзовый инвентарь: оружие (чеканы, кинжалы, наконечники копий), орудия (ножи), украшения (браслеты) и зеркала. Среди находок завьяловской культуры надо отметить большое количество каменных грузил для рыболовных сетей, нижнюю плиту зернотерки и роговые мотыжки, предназначенные для вторичной обработки земли. Датировать завьяловские городища помогли двухлопастные бронзовые наконечники стрел скифского типа, относящиеся к концу VIII - началу VI в. до н.э. Интересны предметы мелкой глиняной пластики: полумесяц, модель каменного грузила и схематично выполненное животное с длинной шеей. Как указывалось выше, именно на период поздней бронзы и переходного периода падает появление мелкой глиняной пластики. Встречены кости диких и домашних животных и рыб.

Остеологический материал говорит о значительном отличии завьяловского скотоводства с преобладанием коневодства от ирменского, в котором ведущую роль играл крупный рогатый скот. Подобное преобладание в остатках костей лошади типично для «верного скотоводства. На территории Средней Оби, откуда, по всей вероятности, пришли носители керамики с крестовым штампом, лошадь являлась единственным домашним животным. Подобный характер скотоводства можно считать типичным для всех культур гамаюно-молчановской общности,

О существовании земледелия говорят роговые мотыжки, предназначенные для вторичной обработки почвы, и нижняя плита зернотерки. Охота занимала большое место в экономике населения. Среди костей диких животных по количеству особей первое место занимал лось, дававший много мяса. Значительную роль в питании завьяловского населения играло рыболовство. В результате промывки грунта через сито удалось обнаружить больше количество костей крупных и мелких рыб. Характер сохранившимися костных остатков позволяет считать, что рыба I, перетиралась в порошок и использовалась в виде персы, известной обитателям тайги до настоящего времени. Таким образом, в хозяйстве завьяловского населения сочетались северные таежные черты с местными лесостепными особенностями.

Значительное количество памятников переходного периода выявлено в Барнаульском или Алтайском Приобье. Это бескурганые могильники, поселения и культовые места. М.П. Грязнов, первый, кто открыл здесь памятники переходного времени, отнес их к первому этапу большереченской культуры раннего железного века и датировал VII - VI вв. до н.э. В настоящее время памятники переходного периода Алтайского Приобья изучаются Л.Б. Шамшиным, который датирует их VIII - VI вв. до н.э. и относит к мыльниковской культуре (названа по поселению Мыльниково). По мнению этого исследователя, данная культура является результатом слияния корчажкинской и ирменской культур эпохи поздней бронзы и проникшего сюда в небольшом количестве северного таежного населения с крестовой орнаментацией керамики.

Первым раскопки памятников этой культуры провел М.П. Грязнов, исследовавший поселения и бескурганые могильники в урочище Ближние Елбаны к югу от г. Барнаула. Сейчас на всей территории Алтайского Приобья исследовано значительное количество погребений этого времени. Погребальный обряд в них в определенной степени перекликается с обрядом захоронения в рассмотренном выше Томском могильнике, только коллекция находок значительно беднее. Активные раскопки памятников переходного периода ведутся Алтайским государственным университетом.

В настоящее время известно более 40 памятников этого времени, среди которых поселения Ближние Елбаны-1, Мыльниково, Бобровка и др. Раскопанные жилища содержат полуземлянки площадью до 100 м² и более. Хозяйство носило комплексный характер и было аналогично завьяловскому.

Другой путь продвижения северных таежных племен шел по Иртышу. В Среднем Прииртышье открыта серия поселений, среди керамики которой встречаются сосуды с таежным крестовым штампом. Культура получила название *красноозерской* по одноименному поселению. В настоящее время исследовано несколько поселений у урочища Инберень. Новотроицкое поселение и др. Обнаружены небольшие подчетырехугольные полуземлянки. Судя по найденному материалу, большое место в экономике занимали охота и рыбная ловля. Хозяйство было комплексным. Стадо состояло в основном из коней, а также из крупного и мелкого рогатого скота. Было весьма развито металлургическое производство.

Среди находок красноозерской культуры хорошо представлены керамические комплексы. Встречаются сосуды с дугообразно выгнутым венчиком. В небольшом количестве встречены крестовый и мелкий струйчатый штамп, оттиски гребенчатого штампа, резной орнамент, шагающая гребенка, отступающий штамп. В керамике явно сочетаются северные таежные и ирменско-сузгунские черты, Встречены бронзовые наконечники

стрел скифского и протокулайского типов. Особый интерес представляет полое внутри глиняное навершие в виде головы лошади с длинной шеей. Морда лошади раскрошилась. Длина навершия достигает 19 см. Оно сплошь покрыто подтреугольными вдавлениями. В целом навершие отличается схематизацией. Это типичное произведение искусства, характерное для северных мигрантов. Как отмечает В.И. Молодин, скульптура населения переходного периода свидетельствует о достаточной адаптации пришлого северного населения к новым условиям: появляется совершенно новая тематика - изображение лошади.

59

Выводы

Период перехода от бронзового века к железному веку характеризуется активным перемещением населения, миграциями и формированием новых историко-культурных общностей. Основной культурой Верхнего Приобья и Среднего Прииртышья являлась позднеирменская культура. Пришлое северное таежное население селилось небольшими группами в лесной полосе по берегам рек. Оно освоило скотоводство и земледелие, но значительную роль играли также рыболовство и охота. Постепенно пришлое население растворилось в местной среде, все больше заимствуя черты позднеирменской культуры - в Новосибирском Приобье, а на территории лесостепного Алтая - позднеирменской и корчажкинской культур. Для искусства переходного периода характерна сильная схематизация. Основным материалом, из которого выполнены дошедшие до нас произведения искусства, являлась глина.

Рекомендуемая литература

- Коников Б.А.* Основы археологии Западной Сибири. -Омск, 1997.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
- Матющенко В.И.* Древняя история Сибири. -Омск, 1999.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985.
- Молодин В.И.* Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В.* Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. - Новосибирск, 2000.
- Троицкая Т.Н.* Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. -Тюмень, 1985. -С. 54-69.
- Труфанов А.Я.* Культура эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово, 1990.
- Шамшин А. Б.* Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье {VIII- VI вв. до н. л. (//Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. - Тюмень, 1989. - С. 116 - 129.

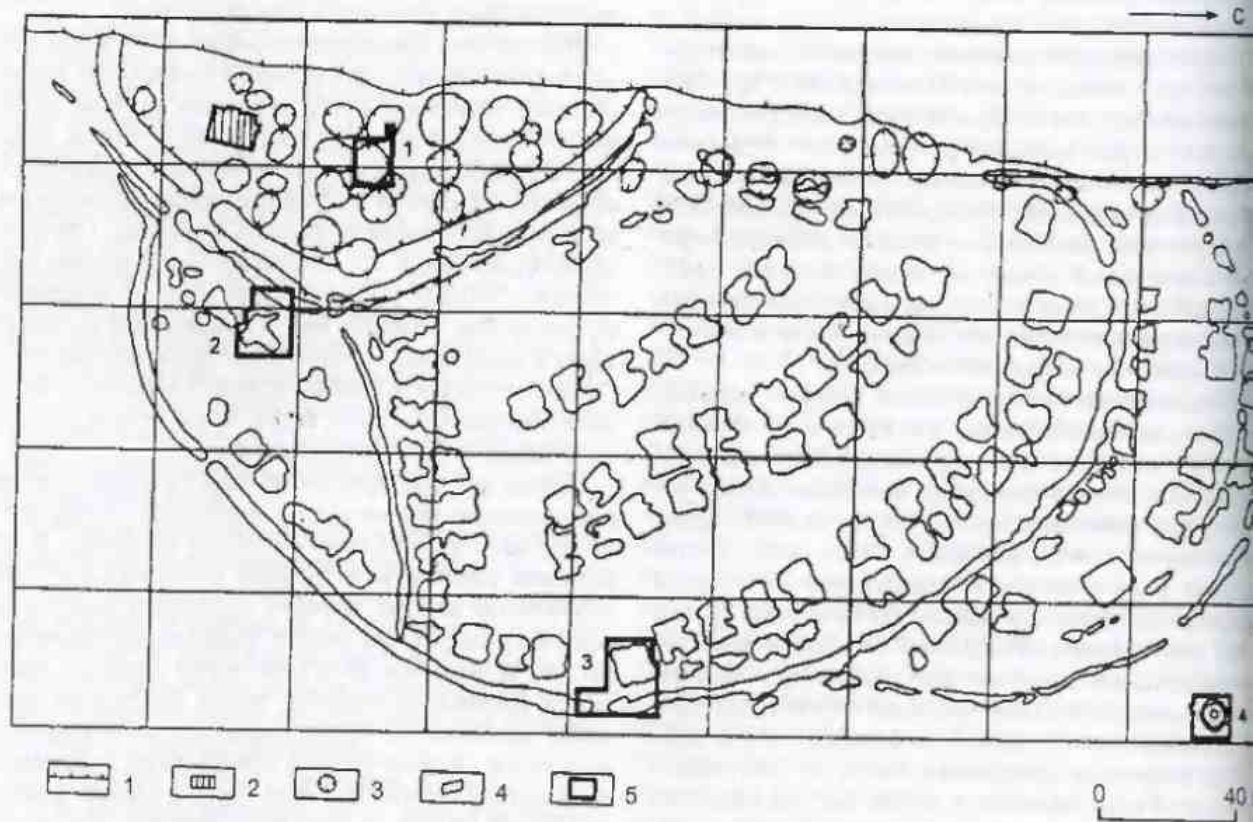

Рис. 21. План городища Чича-1 с учетом данных геофизических исследований (по: Молодин В.И., Парцигер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: Первые результаты исследований // Материалы по археологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Вып. 1).

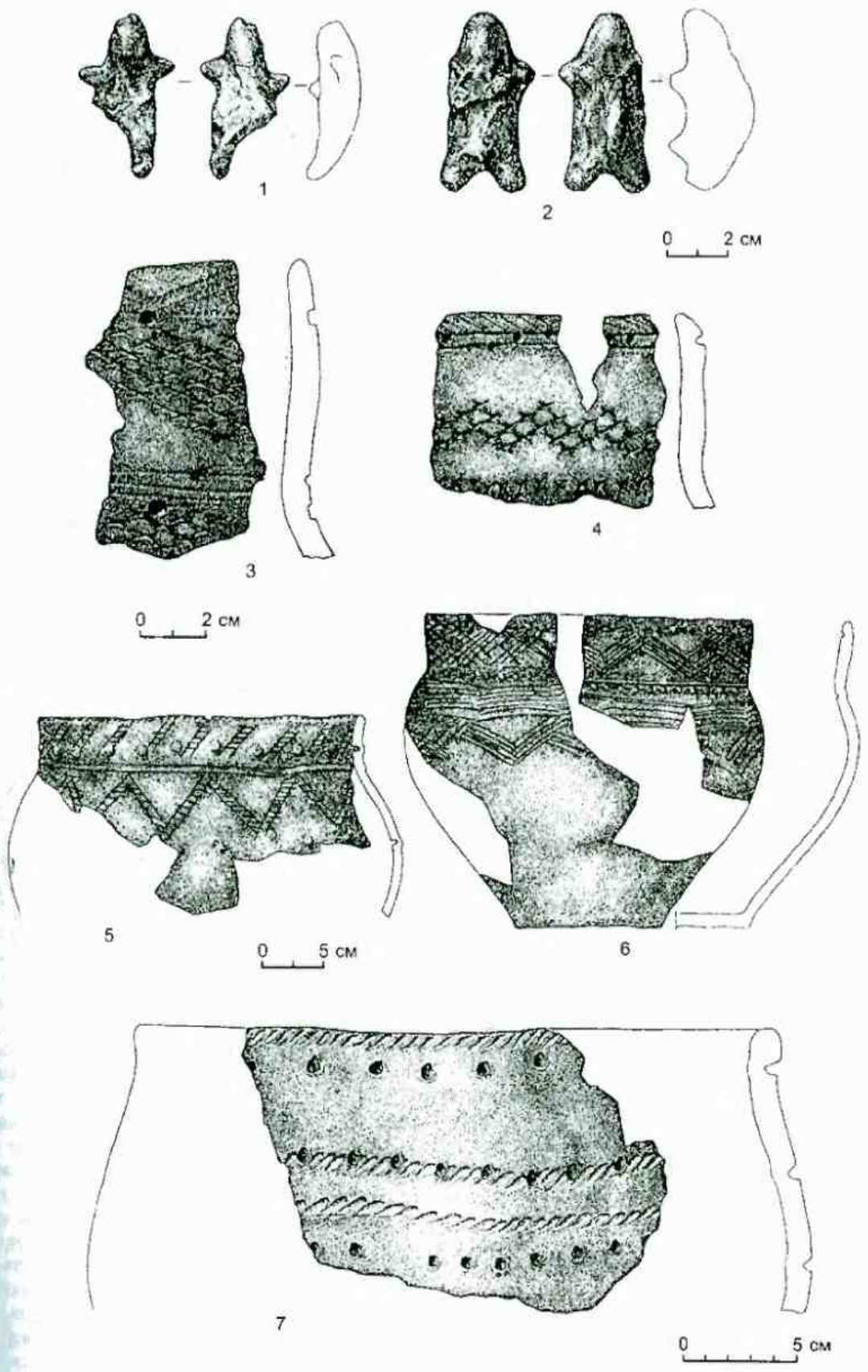

Рис. 22. Антропоморфные фигурки (1, 2) и фрагменты керамики переходного времени (3 – 7) из жилища № 3 городища Чича-1 (по: Молодик В.И., Пирцунгер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича...).

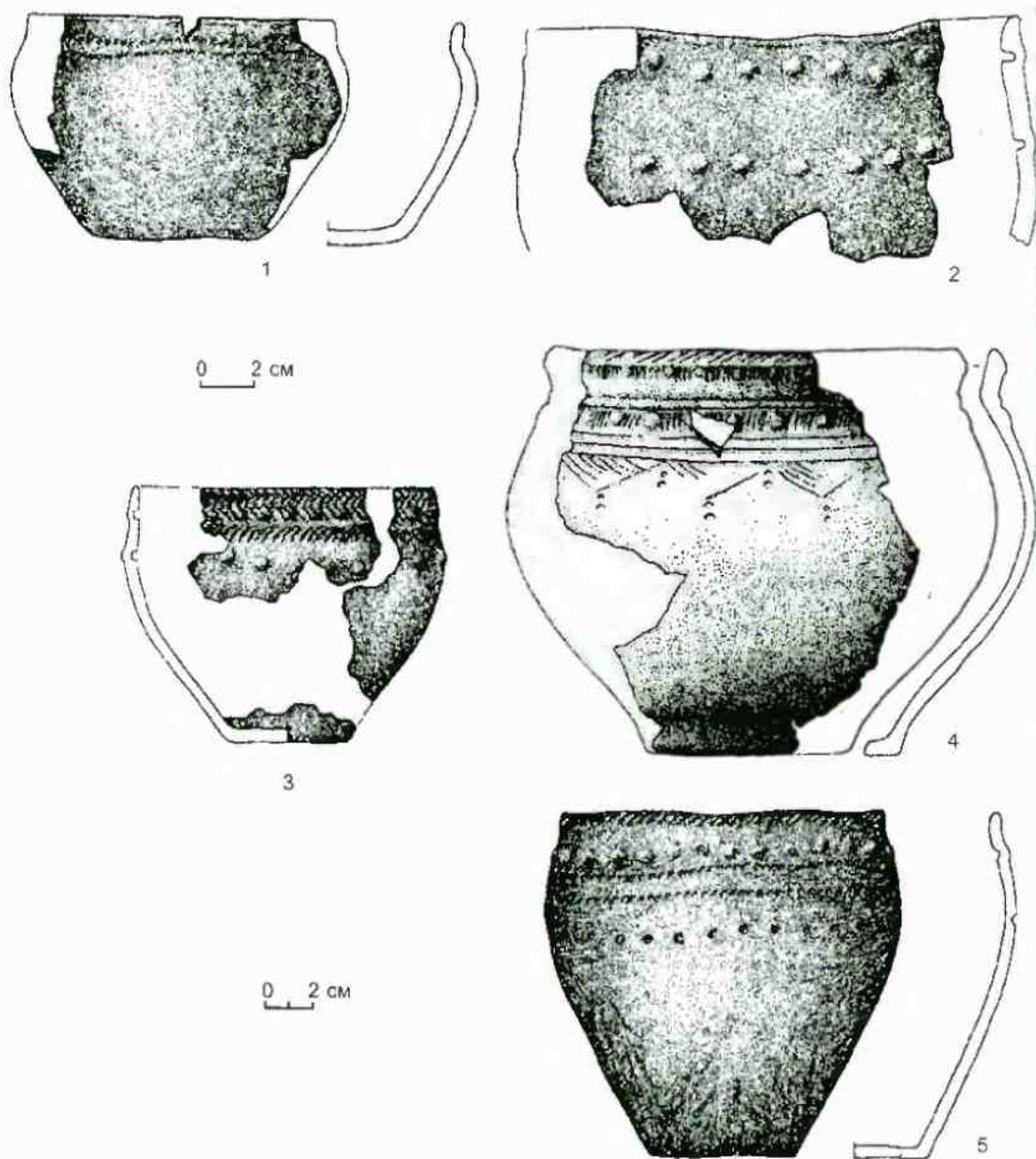

Рис. 23. Керамика переходного времени с городища Чича-1 (раскоп № 3)
 (по: Молодин В.И., Парцигер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича...).

РАЗДЕЛ 4 ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

ГЛАВА 9 РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Эпоха бронзы в ряде регионов завершилась приблизительно во второй половине VIII - VII вв. до н.э. Начался новый период в истории населения Евразии - эпоха железа. Два его первых века (VIII - VII вв. до н.э.) падают на переходный период.

Переход к раннему железному веку не означал, что люди забыли бронзу - податливый желто-красный металл, изделия из которого ослепительно сияли на солнце. Из бронзы продолжали делать украшения, пряжки, зеркала и многое другое, в том числе наконечники стрел. Постепенно все чаще стали появляться ножи и кинжалы, боевые клевцы и секиры из нового, ранее практически не известного здесь металла - железа. Оружие, изготовленное из него, были удивительно прочным, долго не тупилось. Холодный блеск клинков и копий, их острота и прочность наводили ужас на врагов. Мы не случайно заговорили об оружии. Железо в первую очередь шло на его изготовление, Индийский археолог С.К. Дикшит так писал об этом: «Цивилизация железного века была на начальных стадиях введена не с помощью плуга, а с помощью меча, и первое, что мы видим, это пепелища и руины городов, разрушенных новым металлом, а не выстроенные с его помощью города и возделанные железными орудиями поля». Однако и орудия труда стали намного прочнее и эффективнее, что значительно повысило их производительность. Основным видом сырья для массового производства железа в древности была болотная руда. До недавнего времени она использовалась в кустарном производстве Северной Европы, а в допетровской России почти все железные изделия изготавливали из нее. Предполагают, что единственным способом получения руды из железа у древнего населения Евразии был сыродутный. Он получил такое название, потому что древние металлурги мехами накачивали в печь атмосферный воздух обычной температуры («сырой»), а не нагретый, как в доменных печах. Железо из руд получали путем прямого восстановления. При таком способе значительная часть металла оставалась в шлаке. Появление железа резко изменило судьбы всех народов, познакомившихся с ним. Распространение массового производства железа на территории Евразии было неравномерным. В отдельных регионах оно появилось на несколько веков раньше, чем на других территориях. Наиболее ярко это различие видно при сравнении исторических процессов в неоднородных ландшафтно-климатических зонах. Следовательно, термин *ранний железный век* достаточно условен и является не столько хронологическим, сколько стадийным.

Как и в эпоху бронзы, в начале железного века существовало значительное различие между населением степной и лесостепной полосы, с одной стороны, и лесными племенами - с другой. В степной и лесостепной зонах главным занятием населения были производящие отрасли хозяйства. В лесной полосе население в силу природных условий занималось присваивающим хозяйством.

Остановимся на степной зоне. В раннем железном веке здесь произошли значительные изменения в способе ведения хозяйства. От пастушеского скотоводства население перешло к кочевому скотоводству, более эффективному для степных районов. Кочевое скотоводство на данном этапе было более прогрессивным, так как давало возможность при имеющемся уровне производительных сил получить максимальное количество продуктов. Если при пастушеском скотоводстве численность скота регулировалась

количеством корма, то теперь население получило возможность после уничтожения травостоя в одном месте переходить на другое, третье и т.д. Новый способ скотоводства имел так много преимуществ, что сразу был оценен населением и буквально за кратчайший срок распространился в степях Евразии. Поэтому сейчас невозможно говорить о том, где кочевое скотоводство появилось раньше, а где позже. Развитию кочевого хозяйства способствовало то обстоятельство, что степь в середине I тыс. до н.э. была увлажнена, и травостой был изобильным.

Переход к кочевому скотоводству совпал со временем распространения железа. Это резко повысило производительность труда, началось бурное развитие имущественной, а затем и социальной дифференциации. Кочевое скотоводство приводило к одинаковому быту. Социально-экономическая дифференциация повлекла за собой появление новой организации общества - «вождества».

Именно эти факторы и явились базой для развития у населения степей Поднепровья, Поднепрорья, Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана, Западной и Южной Сибири, Забайкалья и Северной Монголии

63

целого ряда одинаковых черт. Ученые условно сводят их к трем особенностям, к так называемой «скифской» триаде: вооружение, конский набор и своеобразный «звериный» художественный стиль. Одинаковыми были и некоторые предметы быта, например, бронзовые котлы (скорее всего, символ внутреннего единства патриархальной семьи), бронзовые зеркала и другие проявления культуры.

Все эти общие черты объединяют в степной и лесостепной полосе Евразии население, различное по своему происхождению, а подчас и по антропологическому типу. Это культурное образование получило название *скифо-сибирский мир* или *скифо-сибирская культурная общность*. Сложение скифо-сибирской общности явилось одним из отражений колоссальных изменений в экономике, социальных отношениях и мировоззрении древних людей, которые произошли на огромной территории: от Карпат до Центральной Азии, от пустынь Средней Азии до сибирской тайги. Как же могло сложиться подобное явление?

Эпоха разложения первобытного общества и начала сложения государственности - это время резкого усиления экономической значимости военных действий. В этих условиях нельзя было отставать от своих соседей в достижениях военной техники. Всякое новшество мгновенно распространялось, в результате чего и появилось одинаковое вооружение. Переход к кочевому скотоводству привел к широкому распространению всадничества. До этого периода кони в основном впрягались в колесницы. С VIII - VII вв. до н.э. распространился однотипный конский уздечный набор, который постоянно совершенствовался. Поскольку кони имели большое значение в развитии военного дела, всякое новшество в конском наборе быстро перенималось соседями.

Одинаковое социальное развитие в условиях степного кочевого скотоводства вызвало необходимость появления одинаковых черт в идеологии, культе силы и ловкости. Это нашло свое отражение в распространении скифо-сибирского звериного стиля. Изображали тигров, пантер и других кошачьих хищников, у которых различными приемами подчеркивали мускулатуру, символизировавшую силу и ловкость. Глаз, клюв, а иногда отдельно изображенная голова орла, по представлениям их владельцев, придавали предметам вооружения точность и меткость удара. Олень воплощал быстроту движения. Часто изображали сцены борьбы животных. Помимо магического назначения, скифский звериный стиль имел и декоративный характер. Необходимо отметить, что наличие общих черт скифо-сибирского искусства отнюдь не исключает наличия особенностей, характерных для отдельных регионов.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Здесь этот период, наряду с перечисленными общими чертами раннего железного века, имеет свои особенности. К раннему железному веку данного региона принято относить период с VII - VI вв. до н.э. (хотя сами железные орудия здесь появились позже) по IV - V в. н.э. Н.М. Зиняков проследил развитие черной металлургии на территории Западной Сибири в различные эпохи. Он отмечает наличие железных руд, доступных южному и северному населению эпохи раннего железа. Прежде всего, это залежи рыхлых бурых известняков и поименно-болотные руды. Они отличаются малым содержанием железа. Богатые железом руды были недоступны в древности, так как залегали достаточно глубоко.

На территории Западно-Сибирской равнины много лесов, а значит и древесины, т.е. сырья для получения древесного угля - твердого высокоуглеродистого продукта, получаемого из различных пород деревьев путем обжига в специальных ямах без доступа или со слабым доступом воздуха. Древесный уголь на протяжении ряда веков был единственным видом топлива при железоделательном производстве.

Начальный этап освоения железа, когда наряду с железными изделиями использовались и бронзовые, в лесостепной и степной полосе Западной Сибири относится к V - III вв. до н.э. С III в. до н.э. медное и бронзовое литье сохранялось только в изготовлении украшений и культового литья. Собственная металлургическая база сначала у местного населения отсутствовала. Обеспечение железными вещами осуществлялось за счет импорта изделий или кузнечной обработки ввозимого сырья. Как полагают многие исследователи, распространение железа в Западной Сибири, скорее всего, произошло в результате связей с ираноязычными группами (сарматы и саки). Первые свидетельства наличия собственной черной металлургии отмечено для лесостепной полосы на рубеже эр (саргатская культура), а для лесного населения - в начале I тыс. н.э. (кулайская культура). На эпоху раннего железа падает активизация Великого шелкового пути, который связывал Китай со Средиземноморьем. Он проходил из Китая по степям Монголии, через Синьцзян, Семиречье, Аму-Дарью, Сыр-Дарью и далее на Средний Восток. От основного пути шли ответвления, по которым устанавливались связи с отдаленными районами. Такие ответвления доходили до юга Западной Сибири, связывая с Востоком население тагарской культуры, Алтая и саргатской культуры.

Физико-географические и климатические особенности, отдаленность Западно-Сибирской равнины от более передовых западных и южных объединений наложили отпечаток на развитие населения. В Западной Сибири узкая степная полоса к северу переходит в широкую лесостепную зону. Население ее было занято производящим хозяйством и входило в состав скифо-сибирского единства. Различие между степью и лесостепью была значительно меньшим, чем отличие лесостепи от таежных массивов с присваивающим хозяйством. Лесостепь не давала стимула для развития кочевого хозяйства, оно было затруднено наличием леса. Скотоводство здесь было в основном отгонным. Имелись условия и для развития земледелия. Определенное (но не ведущее) место в экономике занимали охота и рыбная ловля. Для культуры населения лесостепи характерны все особенно-

64

сти скифо-сибирских культур с их вооружением, конским набором, звериным стилем и др. Совсем иные черты типичны для северного таежного населения. Природные условия мешали развитию производящего хозяйства. Оно и в наше время отсутствует у самых северных народов и лишь относительно развито у таежного населения. В лесной полосе люди занимались присваивающим хозяйством (охотой и рыбной ловлей) и лишь в южно-таежной полосе - частично скотоводством (конеководством). Последнее вызвано тем, что кони, в отличие от крупного рогатого скота, могут заниматься тебеневкой; зимой разгребать копытами снег и питаться травой, сохранившейся под снежным покровом.

Огромную роль в жизни населения раннего железного века Западно-Сибирской равнины играли и климатические изменения. Согласно теории А.В. Шнитникова, на этот период приходятся две климатические фазы: влажная (прохладная) и сухая (теплая). Исходя из последних исследований, можно считать, что с VIII - VII по II вв. до н.э. климат был холодным и влажным, со II в. до н.э. по I в. н.э. - холодным и сухим, в I - IV вв. н.э. - теплым и сухим. Эти цифры весьма приблизительны и в разных регионах могли различаться на 100 - 200 лет. Климатические условия оказывали большое влияние на хозяйство и жизнь населения. Так, при усилении влажности в таежных зонах росла заболоченность, сокращалась площадь охотничьих угодий. Это вело к необходимости миграции образовавшегося избытка населения. В период повышенной сухости росла опасность возникновения пожаров на лесной территории. На освободившихся от деревьев участках распространялась степная и лесостепная растительность. Местами происходило перемещение границы между тайгой и лесостепью.

Необходимо отметить, что пограничье между лесостепной и таежной зонами находилось в особо выгодном положении. Хозяйство населения здесь было комплексным и многоотраслевым. В нем сочетались присваивающие и производящие отрасли экономики. При преобладании присваивающих отраслей население под влиянием южных соседей занималось и скотоводством. При обычных климатических условиях население продолжало развивать присваивающее хозяйство. В некоторых же случаях, неблагоприятных для охоты, резервом служили продукты скотоводства. Поэтому южно-таежные племена находились в более выгодных условиях, чем их северные соседи, и достигли более высокого социального развития. Именно их культура в настоящее время изучена лучше, чем культура северных лесных племен. В дальнейшем речь пойдет именно о южно-таежном населении.

Здесь сложилась особая культурная общность — кулайская. Первоначально она охватывала южно-таежные районы Приобья и Прииртышья. Позже, в связи с миграцией кулайцев в районы Верхнего и Нижнего Приобья, территория общности расширилась. В ее состав входили племена, говорящие на угорских и самодийских языках. Антропологи характеризуют их как северных лесных монголоидов.

Каждая конкретная культура кулайской общности имеет свои особенности, но их многое объединяет. Например, «нарядность» керамики, ее богатая орнаментация узорами, часто выполненными различными фигурными штампами. Жители тайги вкладывали в свой орнамент то, что видели вокруг себя: сложные переплетения ветвей, листьев, следы зверей и птиц на снегу. Своеобразно и оружие северного населения. Бронзовые наконечники стрел резко отличаются от мелких наконечников скифо-сибирского мира, которые непригодны в густом лесу, так как запутывались в ветвях. Бронзовые (так называемые кулайские) наконечники были крупными, трехлопастными, с узкими краями, выходящими за пределы втулки. Выпущенные с помощью больших луков, такие наконечники пробивали листву и легко добирались до цели. Специфичны и широко распространенные в кулайском мире бронзовые шестигранные кельты, также орнаментированные мелким узором.

Племена кулайской общности вступали в контакты с лесостепным населением, получая от них предметы вооружения, бронзовые котлы и отдельные украшения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Особенно усилились эти связи после миграции кулайцев на юг, по речным долинам. Под непосредственным влиянием южных соседей у северных племен начало развивается скотоводство, появилось земледелие. При слиянии с лесостепным населением племена кулайской общности начали изготавливать, наряду со своими сосудами, керамику, типичную для местного населения.

Значительную роль в жизни всего населения Западно-Сибирской равнины сыграли и внешнеполитические события. Благодаря китайским письменным источникам, мы знаем об одном таком факте. На территории Монголии усилились племена хуннов, в III в. до н.э. они начали осуществлять походы в западном направлении и покорять население Саян,

Хунны проникали и на территорию населения тагарской культуры, частично сливаясь или вытесняя его. В 179 г. до н.э. хунны победили юечжей, которых многие исследователи связывают с населением Горного Алтая. В результате этого привычные южные связи населения Верхней Оби были нарушены, что могло отрицательно сказаться на его экономике и привести к его ослаблению. В этой обстановке северным племенам легче было проникнуть на юг и прочнее здесь укрепиться. Хунны сыграли большую роль в жизни населения Южной и Западной Сибири, о чем мы будем говорить при описании конкретных археологических культур раннего железного века.

Рекомендуемая литература

Зиняков Е.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. - Кемерово, 1997.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. - М, 1984.

Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. - Кемерово, 1987,

Матющенко В.И. Древняя история Сибири. - Омск, 1999.

ГЛАВА 10

САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА

На лесостепной территории Зауралья и Западной Сибири прослежены памятники различных культур раннего железного века. В первую очередь остановимся на материалах саргатской культуры, которая занимала обширную площадь и сыграла большую роль в жизни населения Западной Сибири. Саргатское население входило в состав скифо-сибирской культурно-исторической общности и было расселено от восточных предгорий Урала до среднего течения р. Оми. Памятники саргатской культуры встречены на берегах Ишима, Тобола, Иртыша и Оми. По современному административному делению, основная часть территории, которую занимала саргатская культура, падает на Россию, а южная ее периферия находится в Северном Казахстане.

Располагаясь на огромной территории и соседствуя с различными племенами, саргатская культура не была единой. Прослеживаются определенные региональные особенности этой культуры в Приомье, Прииртышье, Притоболье и Приишимье. Мы не будем останавливаться на них, а поговорим о единых чертах, объединяющих всех носителей саргатской культуры.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культура получила свое название по курганам у с. Саргатка, раскопанным в 1927 г. В.П. Левашевой на левом берегу Иртыша недалеко от г. Омска. Позднее памятники саргатской культуры изучали В.И. Мошинская и В.Н. Чернецов. Последний относил племена этой культуры к уграм. В 1960 - 1970-х гг. памятники саргатской культуры интенсивно изучались экспедициями Уральского университета, которые возглавлял В.Ф. Генинг. Значительную роль в изучении культуры сыграл В.А. Могильников. В последнее время широкие исследования на р. Ишим и в Притоболье производились Н.П. Матвеевой, а в среднем течении Оми - Н.В. Полосьмак. Интересные раскопки на территории Омской области осуществил В.И. Матющенко. Обобщающие работы по саргатской культуре написаны Л.Н. Коряковой и Н.П. Матвеевой.

Вопрос о происхождении саргатской культуры является дискуссионным. Все исследователи отмечают два элемента, сыгравшие определенную роль в ее сложении: 1) местное население эпохи бронзы и переходного периода; 2) проникавшие в лесостепь группы кочевников из Северного Казахстана. Как полагают некоторые авторы (например, Н.П. Матвеева), непосредственное сложение саргатской культуры происходило в Прииртышье на базе позднеирменской культуры. Так, на р. Оми известны поселения VII - VI вв. до н.э., где наряду с преобладающей керамикой позднеирменского типа, встречаются обломки саргатских сосудов. Таким образом, можно считать, что из Прииртышья население продвинулось на запад вплоть до Тобола, где самые ранние саргатские памятники датируются концом V в. до н.э. Пришлые племена поглотили местное население.

По мнению других авторов (В.А. Могильников, Л.Н. Корякова), саргатская культура формировалась постепенно на всей своей территории, но всюду на базе местных племен эпохи ранней бронзы и переходного периода.

В настоящее время саргатская культура датируется временем от VII - VI вв. до н.э. до IV - V вв. н.э. На основании изменений в инвентаре и погребальном обряде, можно сделать следующий вывод: в своем развитии эта культура прошла несколько этапов. Самый ранний из них датируется VII - началом V в. до н.э. Это переходный период, время сложения саргатской культуры. Памятники данного периода пока известны только в Прииртышье (на р. Оми). Следующий (первый) этап длился с конца V по начало III в. до н.э. В это время саргатская культура распространилась на широкой территории от Зауралья до Приомья. Далее следует период со второй половины III до I в. до н.э. Последний этап датируется I - IV - V вв. н.э. Многие исследователи относят население

саргатской культуры к уграм. Антропологические данные свидетельствуют о европеоидности саргатского населения.

ПАМЯТНИКИ

Известно более сотни археологических памятников саргатской культуры. Это городища, поселения и курганы.

Поселения саргатской культуры прошли определенный путь развития. Самые ранние из них открыты на р. Оми. Они относятся к переходному периоду и датируются VII - VI вв. до н.э. Полнее других в Барабе исследовано поселение Туруновка-4. Раскопаны три полуземлянки площадью до 180 м². Глубина котлованов достигает 120 см. По своей конструкции такие жилища явно восходят к помещениям эпохи поздней бронзы. В западной и центральной

66

частях распространения саргатской культуры таких ранних поселений нет. Они появились лишь в V - IV вв. до н.э.

На первом этапе существования саргатской культуры поселения были долговременными: прослеживаются следы неоднократных перестроек жилищ. Встречаются неукрепленные поселения и городища. Рядом с городищами обычно располагались обширные неукрепленные селища, на которых проживала [основная часть населения.

Наиболее интересным памятником этого времени I является Рафайловское городище на р. Исеть (приток Тобола) в Тюменской области. Оно состояло из двух расположенных рядом укрепленных площадок, за пределами которых находилось большое неукрепленное селище. Жилые помещения цитадели были однокамерными и имели небольшую площадь. В них, видимо, население пряталось во время нападения врагов. Жилища за пределами оборонительных сооружений (на селище) были многокамерными и большими. К основному помещению пристраивали многочисленные хозяйственные камеры, которые были соединены крытыми коридорами. Так возникали многокамерные постройки, которые все более усложнялись в результате перестроек. Жилища отапливались открытыми очагами. Оборонительная система, состоявшая из рва и вала, тоже неоднократно перестраивалась. Площадь памятника была очень плотно застроена. Культурный слой насыщен находками, которые датируются V - III вв. до н.э.

Столь же внушительным является полностью раскопанное городище Ак-Тау, располагавшееся в среднем течении р. Ишим в Северном Казахстане. Оно датировано V - III вв. до н.э. Это самый южный форпост саргатской культуры. Вал был сложен из суглинка, смешанного с глиной. Высота вала достигала двух метров, ширина основания - 3,5 м. По его верху были сооружены деревянные конструкции (частокол), возвышавшиеся еще на 2 м. Таким образом, общая высота вала достигала 4 м. Внешняя наклонная стенка вала была обшита горизонтальными плахами. У подошвы вала был выкопан глубокий ров. Вход надежно защищался: существовала привратная башня и сложная лабиринтная система у ворот. Застройка поселения была очень плотной. Ряд домов вплотную примыкал к оборонительной системе и являлся составной частью ее конструкции. Насыщенность культурного слоя находками достаточно велика. Все это свидетельствует о длительной и прочной оседлости саргатского населения на первом этапе его существования.

Для второго и третьего этапов характерны недолговременные поселения: городища и неукрепленные селища. Укрепления саргатских городищ многообразны. Как правило, они состояли из наружного рва и внутреннего вала, а иногда и бревенчатой стены. Застройка городищ была более разряженной по сравнению с поселениями первого этапа. Жилища были однокамерными и многокамерными, с хозяйственными пристройками, соединенными с основным помещением крытыми переходами. Пристройки предназначались для хранения запасов, содержания скота и занятия металлургическим

производством. Культурный слой менее насыщен находками, чем памятники первого этапа. Можно предположить, что оседлость не была прочной.

Интересно поселение Дуванское-2, которое датируется рубежом эр. Здесь выявлена производственная площадка, где была сооружена кузница. На полу постройки обнаружены шлаки, кусочки окислившегося железа, угли. Это первое свидетельство появления собственной черной металлургии в Западной Сибири.

Особенно многочисленны погребальные памятники - курганные могильники. Сам погребальный обряд был весьма своеобразен. Многие из раскопанных курганов оказались разграбленными. Предполагают, что значительная часть «петровской» золотой коллекции происходила именно из этих районов.

Для погребального обряда характерно наличие курганов. Они располагались группами, в которые входило до 40 насыпей. Обычно они связаны с определенными поселениями.

Курганы сооружали из пластов дерна. Первоначально они имели вид усеченной пирамиды. В настоящее время грани пирамид запылились.

Характерной особенностью большинства курганов является наличие рва, окружавшего площадку вокруг могил. В плане он был круглым или многоугольным. При его рытье землю (материк) выбрасывали в сторону центра, в результате чего получался невысокий валик - ограда могилы. В отдельных случаях сооружали два или три концентрических рва.

Для многих курганов саргатской культуры типично присутствие свидетельств культа огня: остатки кострищ, обожженные стенки камеры, разведение костра на перекрытиях могил, углистая или меловая подсыпка. В ряде могил следы огня отмечены на скелетах.

Подобный обряд был известен у сарматов, но встречался значительно чаще. Другой особенностью погребального обряда, особенно ярко представленной на притобольских курганах, было сооружение деревянных платформ вокруг центральной могилы.

Платформы состояли из двух-трех рядов бревен, уложенных прямо на почву, и выкид из могильной ямы. Нижний слой складывали концентрическими кругами. Поверх него шел слой из радиально направленных длинных стволов, заходивших и на перекрытие могилы.

Иногда выше сооружали дополнительный ярус из тонких бревен, прикрывавших щели в платформе. Если совершали подзахоронения, конструкцию частично разбирали, затем сооружали могилу.

На ранних этапах развития саргатской культуры обычно под насыпью находилась одна, реже две могилы. Рассмотрим их на примере красногорского кургана, расположенного в курганной группе на берегу р. Исеть. Судя по описаниям XIX в., высота кургана достигала 7 м. Его неоднократно распахивали, поэтому к моменту раскопок, проведенных Н.П.

Матвеевой, высота кургана составляла 80 см. Он содержал одну могилу и был окружен многоугольным рвом и земляной оградкой из выброшенной земли. Вокруг могилы была сооружена дере-

67

вянная платформа высотой до 60 см. Она состояла из двух рядов крупных бревен и представляла собой многоугольник. Могила площадью более 10 м^2 имела стены, облицованные досками, и пол, застланный берестой. Захоронение было ограблено. Со скелетом воина сохранилось более ста бронзовых наконечников стрел, относящихся к V - началу IV в. до н.э., панцирь из костяных пластинок, бронзовые топорик, подвеска и крупный котел, золотая бляшка с изображением свернувшегося хищника. Видимо, до разграбления это было богатое погребение знатного воина.

Со II в. до н.э. стал резко доминировать обычай размещения впускных погребений вокруг центрального. В отдельных курганах находилась одна или две могилы. Это обычно были погребения знати. Известен один такой курган с неразграбленной богатой могилой. Его раскопал в Омской области у с. Сидоровка В.И. Матющенко. Высота кургана достигала 2,5 м, диаметр - около 50 м. Центральная могила была ограблена, а вторая хорошо сохранилась. Ее площадь составляла $3 \times 5 \text{ м}^2$, глубина - 2,25 м. Погребение было перекрыто

три слоями березовых плах, лежавших перекрестно друг на друге. Сверху находилось захоронение женщины, которое было полностью разграблено. Грабители, видимо, решили, что глубже ничего нет, и оставили нетропуемым богатое погребение воина. Вместе с воином в могиле лежали железные кинжал, боевой топорик, копье и пластинчатые доспехи. Найдена кучка наконечников стрел и золотые украшения. Например, парные поясные пряжки, на которых изображена сцена борьбы тигра с драконом. Пряжки были инкрустированы камнями. Пол могилы застилала циновкой. В.И. Матющенко датирует погребение в пределах III - I вв. до н.э.

ИНВЕНТАРЬ

Наиболее полно представлена керамика. Она отличается хорошим качеством изготовления. Ее формы и орнаментация стабильны. Часто встречаются яйцевидные и круглодонные сосуды с прямым или отогнутым венчиком. По своей форме они делятся на горшки, кувшины, чаши и блюда. Последние являются особенностью саргатской керамики. Орнамент чаще всего наносили узкой полосой на плечики или горло сосуда. Встречаются сосуды, у которых орнаментированы тулово и придонная часть. Орнамент представлял собой ряды елочек, наклонных линий, фестонов и др. Выполнен он в резной и накольчатой технике. Встречаются оттиски гребенки. Столовая посуда широко встречается в погребениях, имеется она и на поселениях. Как правило, этот тип посуды тщательно выполнен и разнообразно орнаментирован. Особое место занимают небольшие глиняные блюда-алтарики, имеющие круглую или овальную форму. На их внутренней поверхности сохранились следы мела и охры. Видимо, эти алтарики служили краско-терками и имели ритуальное назначение. Вся перечисленная керамика выполнена способом ручной лепки. Наряду с ней в небольшом количестве встречена привозная среднеазиатская посуда, изготовленная на гончарном круге.

Хорошо представлено наступательное и оборонительное оружие. К наступательному оружию относятся железные мечи, кинжалы (акинаки) и многочисленные наконечники стрел: бронзовые скифского типа, железные, костяные. Обращает на себя внимание большое количество бронзовых наконечников (до 100 и более экземпляров) в отдельных могилах. Оборонительное оружие представлено доспехами. Панцирь был костяным, пластинчатым, изредка с железными пластинками. Из конской упряжи встречены железные удила, псалии, уздечные пряжки и бляшки.

Орудия труда - это многочисленные железные ножи и тесла. Интересны такие находки, как тигль и сопла для поддува воздуха в горны (для получения железа). Пряслица чаще всего изготавливали из обломков сосудов. Игольники выполнены из трубчатых костей. Широко распространены костяные проколки. С рыбной ловлей связаны каменные грузила для сетей и поплавки для сетей в виде мотков бересты.

Многочисленны украшения и предметы туалета. Бусы изготавливали из полудрагоценных камней, золота, серебра и бронзы, стекла, янтаря и др. материалов. Браслеты делали из бронзы или набирали из бус. Встречены перстни, зеркала, подвески, костяные гребни, заколки и различные бляшки. По мнению исследователей, именно с саргатскими курганами связаны многие находки, входящие в состав «петровской коллекции».

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Археологический материал дает возможность достаточно подробно восстановить экономику и социальные отношения населения саргатской культуры. Хозяйство имело комплексный характер. Его основой являлось скотоводство. Примерно 90% найденного остеологического материала принадлежат домашним животным. Сначала в составе стада было примерно поровну крупного рогатого скота и лошадей. Этот факт, а также наличие долговременных поселений свидетельствуют о том, что скотоводство на первом и в начале второго этапа существования саргатской культуры было пастушеским. Скотоводство было в основном придомным, что не исключало отгона части стада летом

на отдаленные пастбища. Разведение крупного рогатого скота носило мясомолочный характер (найденные кости чаще всего принадлежали старым животным). Коней же разводили в основном на мясо (кости молодых особей преобладали). Кости старых особей, вероятно, свидетельствуют о том, что это были верховые кони. К концу второго периода в стаде увеличилось число лошадей, резко возросло значение отгонного скотоводства. Оно стало подвижным: летом стада перегоняли уже на значительное расстояние. Отдельные исследователи даже говорят о кочевом характере скотоводства саргатского населения (Л.Н. Корякова). Но по мнению

68

большинства исследователей, это не подтверждено археологическим материалом.

Интересно указать и на наличие на р. Тоболе верблюдов, кости которых встречены на отдельных памятниках (например, в Рафайлонском городище). Вероятно, это были узловые пункты караванной торговли. Как полагает Н.П. Матвеева, здесь происходила выбраковка животных, ослабевших за время длительного пути.

У саргатского населения существовало земледелие, развита была охота. Охотились на лося, кабана, оленей, косулю и др. животных, а также на водоплавающую дичь. Находки костей и чешуи рыб говорят о существовании рыболовства. Ремесло носило домашний характер, бронзолитейное производство особенно было развито на первом этапе саргатской культуры, когда железо еще не вошло прочно в жизнь населения. На Рафайловском городище выявлены бронзолитейные производственные участки с обломками литейных форм, тигля и бронзового лома, предназначенного для переплавки. Особо надо остановиться на черной металлургии. О ее развитии говорят находки железного шлака, глиняных сопел и остатки горнов. Выше уже говорилось о поселении Дуванское-2, на котором были найдены остатки кузницы. Анализ железных изделий саргатской культуры привел Н.М. Зинякова к выводу о достаточной степени развитости черной металлургии. В целом железо, особенно в первой половине существования саргатской культуры, было дорогим и престижным материалом: его могли использовать для изготовления железных украшений с применением инкрустаций из камня, серебра и меди. Позже железо получило широкое распространение. Железодельное производство у саргатского населения отличалось высоким уровнем для своего времени. Кузнецы уже имели в своем распоряжении сталь, которая превосходила мягкое железо. Применяли они и закалку изделий в холодной воде. Именно так изготовлены многие ножи. Из стали выполняли мечи и кинжалы.

У населения саргатской культуры существовали торговые связи со Средней Азией и Казахстаном: отсюда поступала гончарная керамика и украшения. В древности функционировал Великий шелковый путь, идущий на запад через степи Монголии и Средней Азии. От него отходили ответвления, в том числе на север. Одно из таких ответвлений шло в земли саргатского населения. Ввозились бусы из полудрагоценных камней, одноцветного и многоцветного стекла, личные украшения, бронзовые зеркала, шелковые ткани, гончарная керамика и др. Можно предположить, что саргатцы вывозили кожу и пушнину, полученную в качестве дани с северных таежных племен.

Социальные отношения саргатского населения подробно изучены Н.П. Матвеевой.

Имущественная и правовая неоднородность населения прослеживается в различиях жилищ и погребений. Четко выделяется элитарная прослойка - вожди и военная верхушка. О выделении знати свидетельствуют сложные конструкции отдельных погребений и такие богатые могилы, как в кургане Сидоровка. Необходимо отметить, что самые крупные курганы (так называемые «царские») пока еще не раскопаны. Предположительно, они резко выделялись из групп богатых погребений. По мнению Н.П. Матвеевой, существовало не менее семи различных социальных групп населения: вожди, несколько групп элиты, зажиточное, рядовое, бедное и зависимое население.

В военном деле сложилась определенная специализация. Низшие слои общества не были вооружены. Армия состояла из дружинников, во главе которых стояли вожди. Основой

ополчения были легковооруженные всадники с луком и стрелами. Разнообразно и богато вооружение элиты населения. Можно говорить о наличии военной дружины, оснащенной оружием ближнего и дальнего боя. Встречаются мечи, кинжалы, железные наборные доспехи, Специальные служители культа отсутствовали. Ритуалы выполнялись самими членами общества, как мужчинами, так и женщинами. Общество находилось на грани сложения государственности. Это было потестарное общество, которое можно назвать «вождеством». Некоторые исследователи (Н.П. Матвеева, Л.Н. Корякова) полагают, что у саргатов существовала ранняя форма государственности.

Выводы

Саргатская культура входила в состав скифо-сибирской культурной общности, о чем говорят вооружение, конский набор, звериный стиль и развитое скотоводство.

Культурные связи с западными соседями - савроматами, а позже - с сарматами, были достаточно развиты. Особенно ярко это выражено в наличии культа огня в погребальном обряде. Исследователи предполагают наличие нескольких волн миграции из саргатской среды,

Особено тесными и сложными были контакты с кочевым населением Северного Казахстана и Средней Азии, принявшим участие в сложении саргатской культуры.

Инвентарь и антропологические исследования свидетельствуют о периодическом проникновении на территорию саргатских племен целых групп номадов, которых принято считать ираноязычными. Можно предположить, что они входили в состав саргатской знати. Прослеживается исключительная близость между саргатами и населением Зауралья, относящегося к гороховской культуре, которая, в свою очередь, вероятно, была связана с уграми. Материалы памятников свидетельствуют о случаях совместного проживания саргатского и гороховского населения. В восточном регионе (Приомье) саргатское население теснейшим образом соприкасалось с большеберченской культурой Верхнего Приобья. На берегах р. Оми наблюдается чересполосное расположение саргатских и большеберченских памятников. Н.П. Матвеева, учитывая волны миграции и тесные контакты с соседними племенами, говорит о полиэтничности саргатского населения.

Саргатское объединение было самым крупным в Западной Сибири эпохи раннего железа. Оно обладало

69

значительной военной мощью, а в социальном отношении стояло на высоком уровне развития. Вполне вероятно, что некоторые соседние племена находились в зависимом положении.

Видимо, наивысший уровень развития населения и его стабилизация пришлись на II в. до н.э – II в. н.э. Саргатская культура прекратила свое существование в конце IV в. н.э. Судя по всему, население, находившееся к этому времени на грани перехода к кочевничеству, оказалось легко вовлеченным в Великое переселение народов. Основная его часть передвинулась на запад в составе разноэтничного гунского объединения, явившись одним из компонентов этногенеза венгров. Оставшееся население либо было истреблено, либо передвинулось на север. На территории бывшего проживания саргатских племен расселились небольшие группы северного лесного населения, а позже здесь появились тюркские племена.

Рекомендуемая литература

Конигов Б.А. Основы археологии Западной Сибири. -Омск, 1997.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. - Свердловск, 1988.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе, - Новосибирск: Наука, 1993.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. -Новосибирск: Наука, 1994.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. - Новосибирск: Наука, 2000.

Матюценко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. - Новосибирск: Наука, 1997.

Могильников В.А. Коконовские и саргатские курганы-памятники племен лесостепи Западной Сибири // МИД. -1972. -№ 153.-С. 119- 133.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.

Палосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск; Наука, 1987.

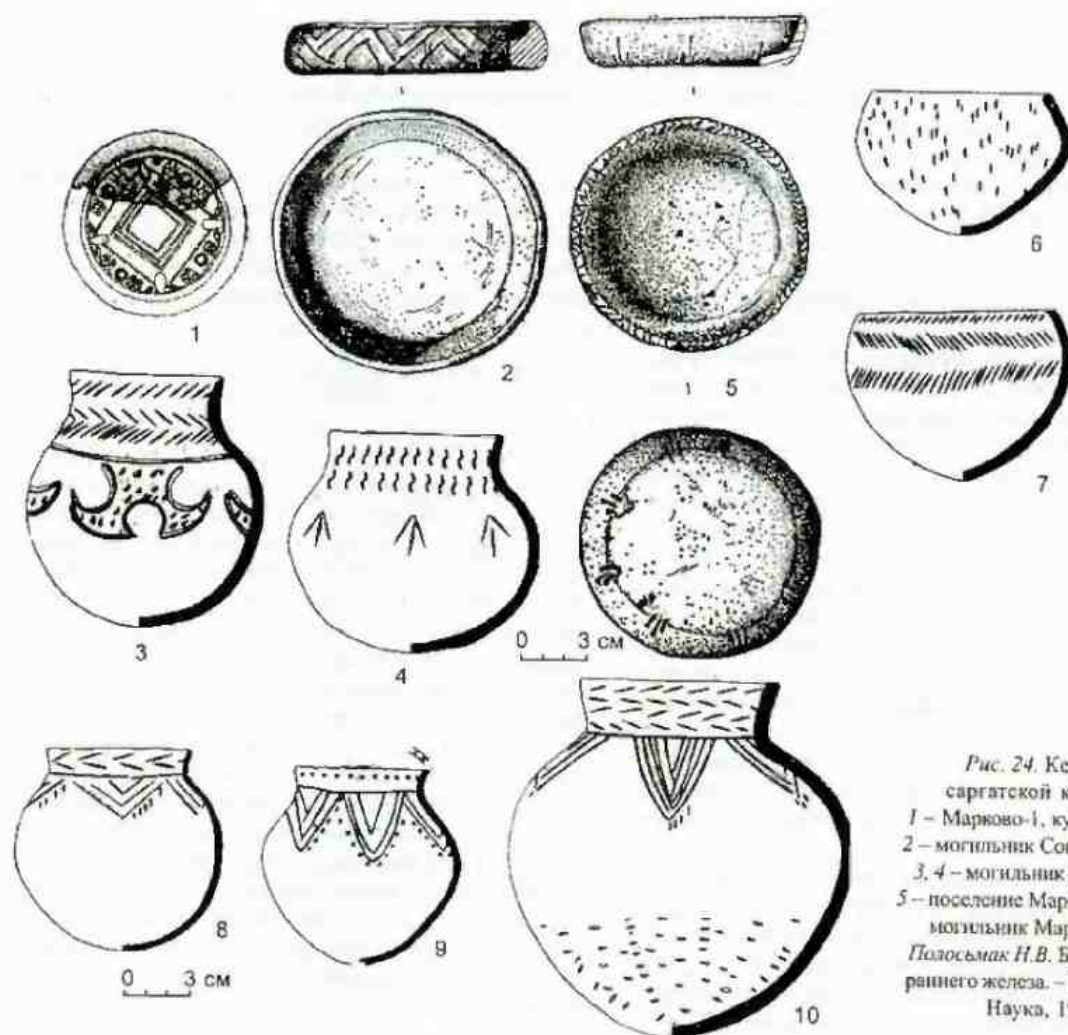

Рис. 24. Керамика саргатской культуры:
 1 – Марково-1, кург. 8, насыпь;
 2 – могильник Сопка-2, кург. 25;
 3, 4 – могильник Венгрово-7;
 5 – поселение Марково-5; 6 – 10 –
 могильник Марково-1 (по:
 Палосьмак Н.В. Бараба в эпоху
 раннего железа. – Новосибирск:
 Наука, 1987).

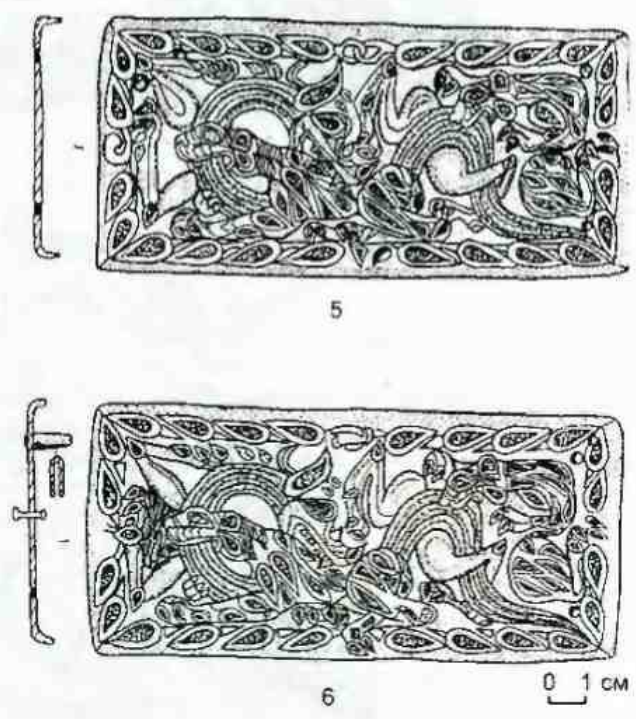
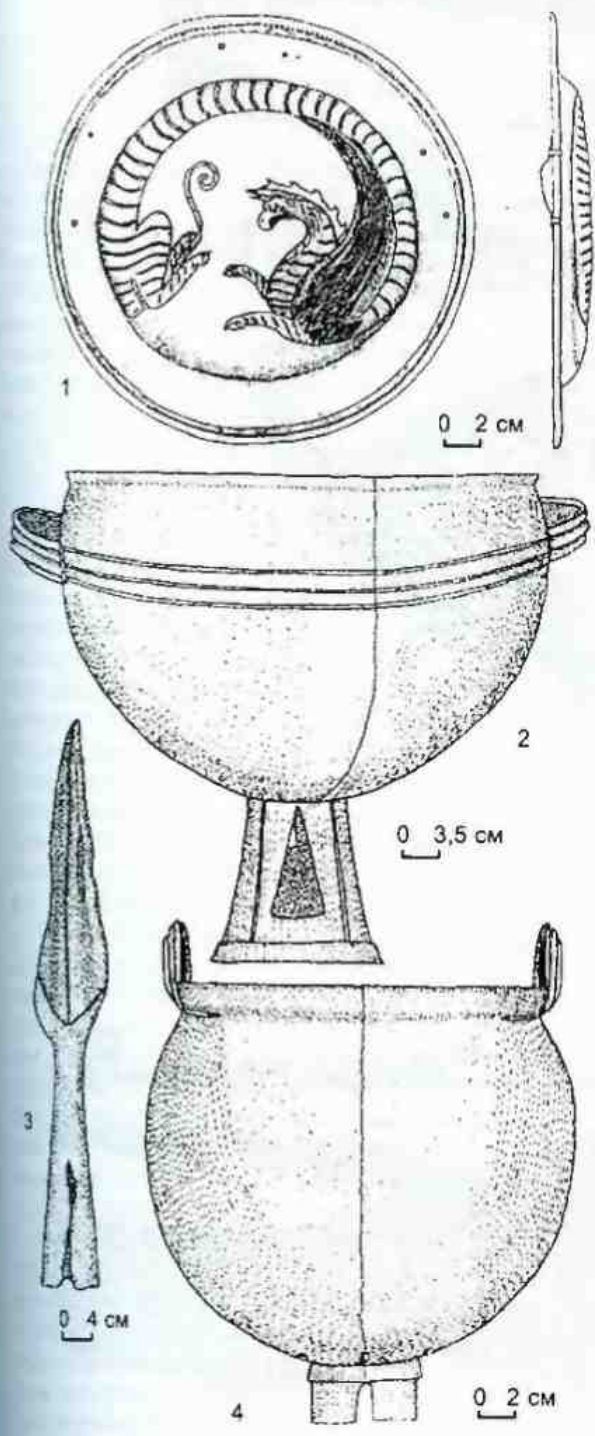

Рис. 25. Материалы саргатской культуры из могильника Сидоровка (кург. 1, мог. 2):
 1, 2, 4 – бронза; 3 – железо; 5, 6 – золото
 (по: Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997).

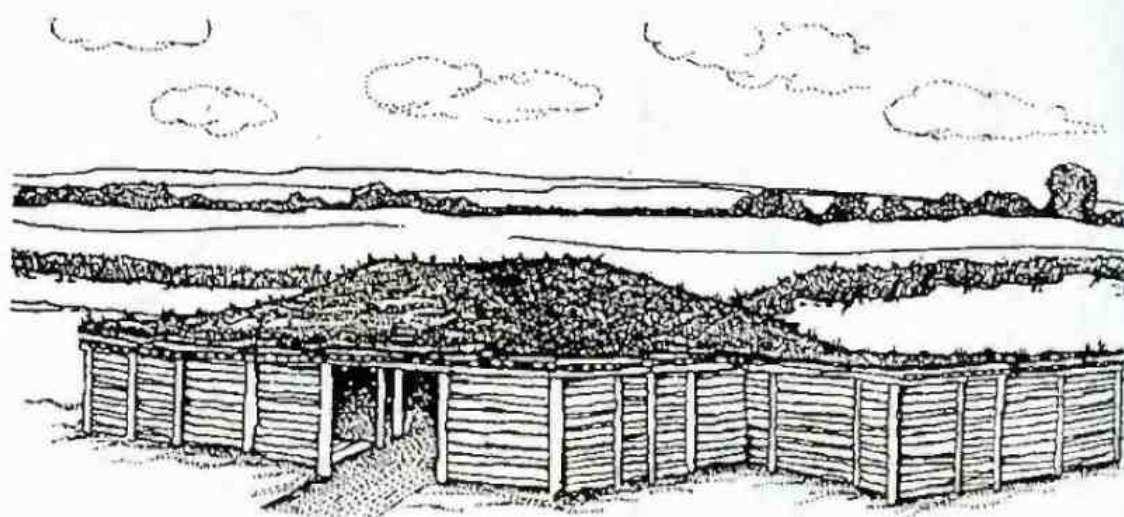
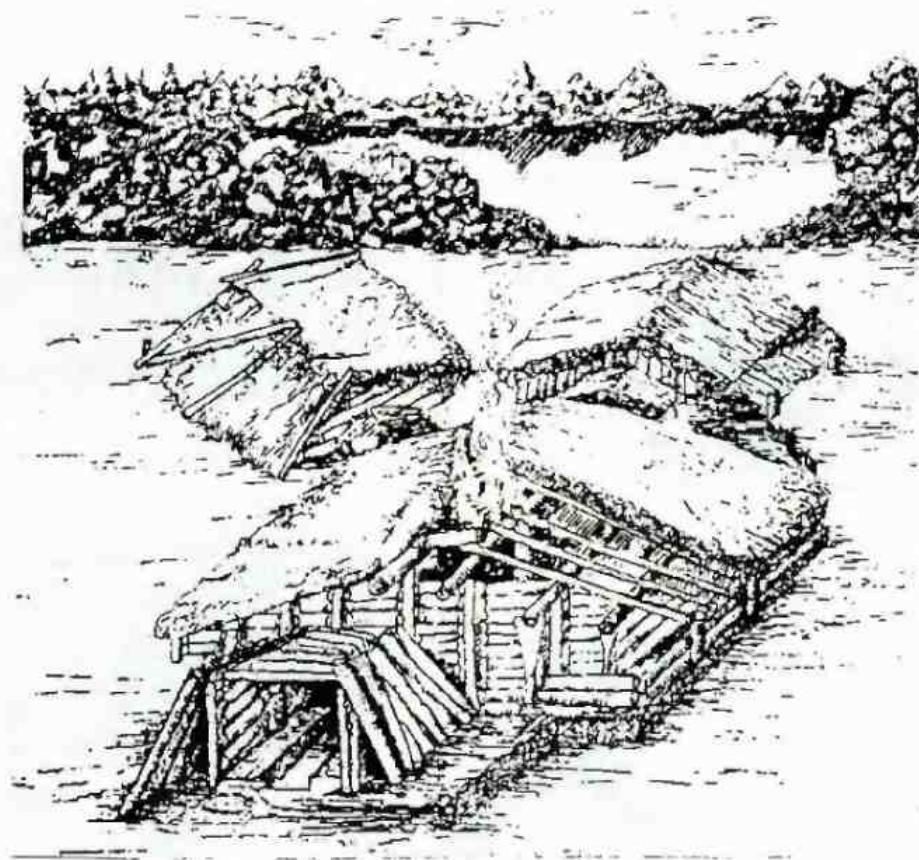

Рис. 26. Жилища саргатской культуры (реконструкция):
 1 – четырехкамерное жилище, поселение Дуванское-2; 2 – двухкамерное жилище, поселение Ингалинка-1
 (по: Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке
 (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000).

ГЛАВА 11 РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Ранний железный век Верхнего Приобья представлен тремя очень близкими культурами, которые, по мнению В.А. Могильникова и Т.Н. Троицкой, могут быть объединены в *большереченскую культурную общность*. Эта общность была распространена от слияния рек Бии и Катунь до устья р. Томи. Она занимала лесостепь и лесную полосу по берегам Оби и ее притокам, а также восточную часть Приомья. Относится к числу культур скифо-сибирского круга.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большереченская культура впервые была выделена в 1951 г. М.П. Грязновым. Она получила свое название по с. Большая Речка Алтайского края, где были открыты и исследованы остатки поселений и могильников этой культуры. Под руководством М.П. Грязнова велись работы в зоне затопления Новосибирского водохранилища. Он предложил свою периодизацию большереченской культуры, которая с некоторыми дополнениями сохранилась до нашего времени. Эта периодизация включает три этапа: большереченский (в настоящее время выделен в самостоятельную большереченскую культуру переходного периода), бийский и березовский.

В Новосибирском Приобье исследования курганных могильников и поселений проводились в основном Т.Н. Троицкой. Особое место среди этих памятников занимают поселение Ордынское-9 и курганные могильники Новый Шарап-1 и -2, Выстроена-1. Результаты проведенных работ отражены в монографии Т.Н. Троицкой и А.П. Бородовского «Большереченская культура лесостепного Приобья» (1989 г.). В последнее время успешно занимается раскопками у с. Быстровка А.П. Бородовский.

В Барабе, на правом берегу р. Оми, Н.В. Полосмак открыла ряд памятников этой культуры, находившихся в непосредственной близости с памятниками саргатской культуры, а местами располагавшихся с ними чересполосно. На территории Томского Приобья памятники скифо-сибирского круга пока еще мало изучены. Их раскопки проводились Л.А. Плетневой, а сами памятники были отнесены к кижировской культуре. Достаточно полно памятники раннего железного века представлены на территории Барнаульского Приобья (Степной Алтай). После М.П. Грязнова археологическими исследованиями здесь занимался А.П. Уманский, открывший ряд крупных курганных могильников (Рагозиха, Ново-Троицкий могильник и др.). Поселения на этой территории изучал М.Т. Абдулганеев. Раскопки могильников проводили В.А. Могильников (Камень-2), Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин и другие археологи Алтайского государственного университета. Результаты исследований опубликованы.

Осмысление материалов раскопок в Верхнем Приобье привело к широкой дискуссии, в которой в значительной степени менялись и уточнялись взгляды на полученные данные. Хронология же не вызывала сомнений. Нижняя дата памятников определялась VI - V вв. до н.э. Верхняя дата приходится на конец I тыс. до н.э. или на самое начало I тыс. н.э. В последнее время в определении культурной принадлежности материала наметились два направления. Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский, вслед за М.П. Грязновым, относят все памятники лесостепного Приобья к большереченской культуре. Барнаульские археологи выделяют *каменскую культуру*, а в ее пределах - более раннюю, локальную *староалейскую культуру*. В целях избежания путаницы в названиях, нам кажется целесообразным придерживаться следующей точки зрения. Все перечисленные культуры (каменская или большереченская, кижировская и староалейская) очень близки друг другу, поэтому их можно считать локальными вариантами одной большереченской (или каменской) культуры. Но поскольку в литературу достаточно прочно вошли представления о них как об отдельных культурах, то в дальнейшем мы будем говорить о существовании одной культурной общности - большереченской, включавшей каменскую, староалейскую и

кижировскую культуру. При дальнейших исследованиях, возможно, будет выделена еще одна культура, связанная с памятниками Кулундинской степи.

Вопрос о происхождении культур Верхнего Приобья является дискуссионным. Скорее всего, они сформировались на базе местных позднеирменской и большереченской культур переходного периода от бронзового века к железному. В Новосибирском Приобье в их сложении могли принимать участие племена завьяловской культуры.

Огромную роль в формировании большереченской культуры сыграло кочевое европеоидное население Восточного Казахстана, регулярно проникавшее на территорию лесостепного Приобья. При этом сама культура не изменила своего облика, что свидетельствует об ассимиляции пришлых элементов местным населением. Доля участия пришлых племен в разных местах была различной. Так, их роль в

73

сложении староалейской и кижировской культур была явно меньшей, в каменной (собственно большере-ченской) - большей, а в Кулундинской степи они явно преобладали. К III - II вв. до н.э. староалейская культура в Барнаульском Приобье постепенно была поглощена каменной культурой. Кижировская культура в Томском Приобье была ассимилирована кулай-скими племенами, а в Новосибирском Приобье - большереченскими (каменскими).

Антропологические исследования показали, что население было смешанным. Некоторые черепа европеоидные, а другие при преобладании европеоидных элементов характеризуются монголоидной примесью. По своей совокупности они занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными типами. Число европеоидных черепов явно возрастает с III - II вв. до н.э. Это было связано с проникновением пришлого южного населения.

ПАМЯТНИКИ БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Рассмотрим их по отдельным культурам.

Кижировская культура - самая северная и еще слабо изученная. Она была распространена на территории Томского Приобья и севере Новосибирского Приобья. Памятники представляют собой поселения и городища. К сожалению, в большинстве своем они многослойные. Так, например, многослойным является городище Кижирова, представительная керамическая коллекция которого и дала название всей культуре. Однослойным является лишь городище Шеломок. Именно по нему Л.М. Плетнева предлагает назвать культуру *шеломокской*.

Могильники кижировской культуры слабо изучены. Они были курганными. Раскопано всего семь могил в Томском Приобье. Все они разграблены и содержали мало инвентаря. Уникален найденный здесь боллас, состоящий из бронзовой гири в форме шара с петлей и бронзовой ручки.

Судя по керамике, кижировская культура сохранила некоторые традиции позднеирменской культуры. Влияние южных казахстанских и среднеазиатских племен на севере было небольшим, зато, судя по дошедшим до нас бронзовым изделиям, по р. Томи или по р. Чулыму осуществлялись контакты с тагар-ским населением Ачинско-Мариинской лесостепи. Керамика свидетельствует о постоянных контактах кижировцев с южными большереченскими соседями. К IV - III вв. до н.э. кижировское население Томского Приобья было ассимилировано пришедшими сюда с севера кулайскими племенами, а Новосибирского Приобья - каменскими (большереченскими) племенами.

Староалейская культура. Ее памятники расположены на протяжении 250 км по р. Оби: от устья Апуя на юге до устья Чумыша на севере. Они представляют собой бескурганные могильники и неукрепленные поселения. Среди последних особенно интересно поселение Ближние Елбаны-12. Здесь М.П. Грязнов раскопал бронзолитейную мастерскую,

где были найдены литейные формы для отливки бронзовых ножей, шильев и кельтов. Материал датирован VI - IV вв. до н.э.

Достаточно полно исследованы могильники Обские Плесы-2 и Староалейка-2. Могилы в них были расположены рядами. В яме находилась рама или камера из одного-трех рядов бревен или горбылей, из них же было сооружено перекрытие. Погребенные были уложены по одному, чаще всего головой на юго-запад, в основном в вытянутом положении, изредка - в полускорченном. Отдельные захоронения были парными. Инвентарь могильников и поселений в целом обычный для культур большереченской общности. Однако в некоторых деталях инвентаря прослеживаются некоторые особенности. Так, специфическими являются серьги с подвесками-цепочками из бронзовых или золотых, продетых друг в друга колечек. Встречены бронзовые бляхи, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле.

Характерной особенностью орнамента керамики поселений и погребений являются часто встречающиеся жемчужины. В IV - III вв. до н.э. над одной или двумя могилами стали сооружать курганы. Как утверждают барнаульские археологи, в III - II вв. до н.э. староалейская культура потеряла свою самобытность и была поглощена соседней каменной культурой.

Каменная (большереченская) культура. Именно в отношении этой культуры существуют разногласия в научных кругах. Барнаульские археологи называют ее *каменной*, новосибирские - *большереченской*. Мы рассматриваем ее как каменную культуру большереченской культурной общности. Эта культура была распространена на территории Новосибирского и Барнаульского Приобья и в восточной части Приомья. В настоящее время известно более ста памятников каменной культуры. Они представляют собой курганные могильники, неукрепленные поселения и отдельные случайные находки. Все известные поселения были только неукрепленными. Городища отсутствуют, чему пока трудно найти объяснение. В первом периоде существования каменной культуры оседлость была прочной, и культурный слой свидетельствует о длительном проживании на одном месте.

Примером может служить поселение Ордынское-9, расположенное у пос. Ордынское (Новосибирская область). Оно разрушается водами Новосибирского водохранилища. Поселение датировано V в. до н.э. Жилища в нем представляют собой небольшие полуземлянки (скорее всего, срубные). Большинство из них были двухкамерными. Общая площадь жилища колеблется от 20 до 45 м². К основному помещению примыкало небольшое хозяйственное помещение, очаг в котором отсутствовал. Культурный слой достаточно мощный и насыщен находками (керамикой и костями домашних животных). В ряде жилищ сохранились следы бронзолитейного производства. Жилое помещение отапливалось одним или двумя очагами: производственным, возле которого лили бронзу, и бытовым - для изготовления пищи и обогрева. В поселениях конца I тыс. до н.э. (Ордынс-

74

кое-2) культурный слой тонкий и слабо насыщен находками: население меньше жило на одном месте.

Погребальный обряд однотипен на всей территории распространения культуры. Курганы складывали из пластов дерна. Им придавали какую-либо геометрическую форму, лишь позже они приобрели современный вид. На первом этапе развития культуры под насыпью кургана располагали одну, реже - две могилы. Позже число могил в кургане резко увеличилось: до 30 и более. Могилы располагались вокруг центрального погребения. В более позднее время таких кругов могло быть два. Участок, предназначенный для конкретной группы погребений, опоясывали неглубоким рвом, а потом уже заполняли могилами и перекрывали насыпью. В отдельных случаях ров лишь участками слегка перерезал материк, поэтому при раскопках мог не прослеживаться. В кольце имелись проходы, через

которые шествовала погребальная процессия. У входа стояли шесты с конскими головами, которые позже могли упасть в ров.

К числу самых ранних курганных могильников (VI - V вв. до н.э.) относятся Елунинский-2 и Ордынское-1. Под насыпями этих курганов находилось по одному погребению, реже - два. Могилы могли иметь по краям бревенчатую обкладку и деревянное перекрытие.

Погребенные покоились головами на юго-запад, на спине, в вытянутом положении. Их сопровождали один или два сосуда. Позже, когда с IV - III вв. до н.э. могилы стали располагать по кругу, перекрытия делали из одного-двух рядов бревен, которые могли лежать на заплечиках, располагавшихся на расстоянии 20 - 40 см от уровня дна. Набор инвентаря оставался прежним, только бронзовые ножи сменили на ножи железные. Часто здесь находят кости барана - остатки пищи, сопровождавшей погребенного. К могильникам этого времени, давшим наиболее интересные результаты, относятся Новый Шарап-1 и -2, Быстровка-1 и -3 - в Новосибирском Приобье, Рагозиха, Новотроицкий-1 и -2, Кочки - в Барнаульском Приобье (степной Алтай).

Некоторые погребения выделяются своей конструкцией и инвентарем. Остановимся на некоторых из них. В одном из курганов могильника Новый Ша-рап-2 был погребен мальчик 12-14 лет. Захоронение было совершено в срубе из 5 - 6 венцов бревен. Сама могила была засыпана чистым речным песком с небольшой примесью охры. Возле мальчика найден бронзовый боевой топорик с изображением медведей на обухе, костяной уздечный набор, сосуд и железный нож (железные изделия в это время были еще очень редки).

В могильнике Быстровка-1 обнаружено парное погребение мужчин, которых сопровождал женский инвентарь: глиняные пряслица, каменные алта-рики-терочницы, крупное бронзовое зеркало с изображениями тигров, бронзовые гривна и браслет. При таком относительно богатом инвентаре отсутствовали предметы вооружения, обычные для мужских захоронений. Все это позволяет связать данные погребения с обычаем травестиизма (изменения пола). Вероятно, в могиле захоронены жрецы или шаманы, принимавшие участие в отправлении культа. Обычай травестиизма существовал, по Геродоту, у некоторых скифских жрецов и шаманов северных народов.

Антропологический анализ материала из могильников у с. Быстровка дал очень интересный результат. Несколько черепов имеют следы трепанации. В одном случае (Быстровка-3) это была прижизненная врачебная операция, после которой пациент прожил достаточное количество времени. В других случаях (Быстровка-2), череп был вскрыт рубящим инструментом. Здесь, по мнению А.П. Бородавского, можно говорить об *энцефалофагии* - поедании родственниками мозга усопшего в культовых целях. Другим интересным обычаем являлось скальпирование. На трех черепах из Быстровки-2 обнаружены следы режущего орудия, причем скальп был снят с уже отрезанной головы. Один из таких погребенных, мужчина 18 - 20 лет, был захоронен в мешке, куда сложили кости, уже лишенные мягких связующих тканей. Скальпированные погребенные не имели с собой инвентаря. Обычай снятия скальпа с врагов у ряда народов - исторический факт. Еще одним интересным обычаем, выявленным антропологами, стала раскраска лица и тела отдельных погребенных из могильников у с. Быстровка. Краситель темно-малинового цвета обнаружен на черепе, костях рук, ног, груди и ребрах погребенного. На лбу одного из них сохранился узор в виде пальметки.

ИНВЕНТАРЬ

Вооружение представлено разнообразными костяными и бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми и железными чеканами, кинжалами и кельтами. К защитному вооружению относятся костяные панцирные пластинки, к уздечному набору - удила, псалии, костяные уздечные пряжки, разнообразные бронзовые бляхи, ряд которых украшен изображениями в скифо-сибирском зверином стиле. Из орудий труда найдены железные ножи и глиняные пряслица. Разнообразны украшения: стеклянные и каменные

бусы, раковины-каури, проволочные серьги, изготовленные из бронзового прута гривны и браслеты, наборные пояса с бронзовыми бляхами и т.п.

Особый интерес представляют художественно оформленные бронзовые зеркала в виде крупных дисков с ручкой. Они импортные, южного происхождения. Зеркало из Быстровки-1 украшено тремя гравировками в виде тигров. Ручка зеркала из Раздумья покрыта линиями, выполненными из уголков, а ее конец напоминает стилизованную голову грифона. Аналоги этих двух зеркал нужно искать в Передней Азии. В Алтайском крае найдены два зеркала-погремушки. Каждое из них изготовлено из двух бронзовых позолоченных дисков, спаянных между собой. На тыльном орнаментированном диске имеются два валика (пустые внутри). На зеркале из Ра-гозихи (V в. до н.э.) изображено торжественное шествие: слон, на спине которого восседает птица, и 6 женщин, среди которых одна танцовщица и одна

75

музыкантша. На зеркале-погремушке из могильника Локоть-4 (конец VI - начало V в. до н.э.) изображены 2 женщины и 3 лани.

Керамика всех культур, входящих в большеречен-скую общность, чрезвычайно сходна. Ее характерной особенностью является значительное различие между поселенческими и погребальными комплексами. Основные формы сосудов - плоскодонные баночные и кувшины, узкогорлые с округлым или уплощенным дном. Первые резко преобладают на поселениях, вторые чаще встречаются в погребениях. Сосуды мало орнаментированы или же вовсе гладкие. Орнамент чаще всего состоял из одной строки, а в кижировских и староалейских комплексах - из нескольких строк. Это ямки, жемчужины, оттиски гребенки или гладкой палочки. Встречаются сосуды на поддонах, миски, единичны сосуды в виде бочонков и стаканов. В могильниках Быстровка-2 и -3 найдены сосуды, орнаментированные «уточкой», и типичные саргатские сосуды, что свидетельствует о смешении населения.

Остановимся на художественных изделиях, выполненных в типичном скифо-сибирском зверином стиле. Интересны накладные поясные бляхи. Большая их часть выполнена из бронзы. Они бантообразные, представляющие собой стилизованные сомкнутые головы грифонов. Накладные бляхи из Обских Плесов выполнены в виде свернувшейся змеи, кабана и тигра. Бляха из Новотроицкого-2 состоит из прямоугольной рамки и вписанного в нее изображения лошади с «вывихнутым крупом» (перевернутой задней половиной). В могильнике Почта-3 сохранился остаток ремешка с двумя бронзовыми бляхами: бантообразной и изображающей лежащего лося с массивными рогами.

Найдены две абсолютно одинаковые, крупные бронзовые бляхи, изображающие рогатого хищника. Одна найдена в Новосибирском Приобье, в могильнике Новый Шарап-1, другая (слегка поломанная), случайно обнаружена в Барнаульском Приобье. Хвост и лапы зверя выполнены условно, рога типичны для изображений оленя. Хищник терзает травоядное животное, которое выполнено схематично в виде головы горного козла с большим рогом. В скифо-сибирских сценах терзания хищник обычно именно терзает животное, здесь же голова с оскаленной пастью просто лежит на свернутом в круг роге козла.

Особый интерес представляют два однотипных бронзовых клевца с барельефными изображениями четырех медведей на обухе. Один клевец обнаружен в погребении мальчика на могильнике Новый Шарап-1, второй - случайная находка. Три медведя стоят друг над другом, четвертый (отлитый у самой втулки) развернут в противоположную сторону. Один из клевцов непригоден для употребления из-за отсутствия сквозного отверстия во втулке. Видимо, это была бронзовая модель, по которой изготавливали глиняные формы для литья оружия. Скорее всего, так был изготовлен клевец, найденный в погребении мальчика на могильнике Новый Шарап-1.

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Основным занятием населения было скотоводство, которое постепенно все более приобретало отгонный характер. Об этом свидетельствует постепенное уменьшение мощности культурного слоя поселений и резкое сокращение его насыщенности находками. На первом этапе развития культуры летом лошади и мелкий рогатый скот перегоняли на пастбища, а крупный рогатый скот оставался на выпасах в пойме; на ночь стадо возвращалось в село. На зиму дальние стада перегоняли домой. Постепенно роль дальних выпасов резко возросла, чему способствовала к концу I тыс. до н.э. большая засушливость климата. Наметился переход к отгонному скотоводству. В Кулунде, ближе расположенной к степям Казахстана, скотоводство было ярче выражено. Занималось население и земледелием, о чем свидетельствуют каменные зернотерки, орудия для обработки земли и сбора урожая. Охота и рыбная ловля имели вспомогательное значение. Ремесло достигло достаточно высокого уровня. Выявлены остатки литейной мастерской и открытые производственные участки, где лили бронзу. Остатки железоделательных горнов пока не обнаружены, но широкое распространение с III - II вв. до н.э. ножей, изготовленных из железа низкого качества, говорит о развитии черной металлургии. Обмен наиболее интенсивно осуществлялся с населением Восточного Казахстана, Горного Алтая и с племенами саргатской культуры.

Общества находилось на стадии разложения родового строя. Оно было патриархальным: женщины имели зависимое положение. Уже четко прослеживалось имущественное неравенство. Исходя из погребального инвентаря, можно говорить о следующих категориях взрослого мужского населения. Первая группа - воины-всадники с относительно богатым вооружением и предметами конского набора. Вторая группа - мужчины, связанные с отправлением культа и не являвшиеся воинами. Среди них были богатые, носившие гривны, и бедные, сопровождаемые при захоронении только каменным алтариком и сосудом. Третья группа - рядовые воины с небогатым вооружением. Четвертая группа - совсем бедные члены семьи, не являвшиеся воинами и не занятые в отправлении культа.

Обращает на себя внимание достаточно резкое различие между саргатским и камским (больше-реченским) населением в отношении к военному делу, Саргатские могилы содержат разнообразные и многочисленные предметы вооружения. Каменское население было вооружено значительно хуже. Судя по погребениям Новосибирского Приобья, около 47% погребенных мужчин не сопровождало вооружение. Наборы оружия присущи только предполагаемым главам семейных общин. Наиболее велика доля могил с оружием в Рагчихе, Новотроицком-1 и -2.

Столь слабый уровень вооруженности в какой-то степени перекликается с тем, что на Оби не было укрепленных поселений. Этот факт не может найти достаточно четкого объяснения. Ведь у местного населе-

76

ния были враги, с которыми им приходилось сталкиваться. Так, на рубеже III - II вв. до н.э. на территорию Верхнего Приобья, заселенную большереченскими племенами, стали проникать северные воинственные лесные племена кулайцев. Отношения между ними были явно враждебными; кулайцы окружали свои поселения мощными оборонительными сооружениями, а их противники почему-то этого не делали. Судя по могильнику Каменный Мыс на севере Новосибирского Приобья, у кулайцев, в отличие от местного населения, все мужчины были воинами.

Находки явно свидетельствуют о принадлежности культур большереченской общности к скифо-сибирскому культурному кругу. Об этом говорят вооружение, уздечный набор, - значительное количество предметов, выполненных в зверином стиле. Местное население вступало в контакты с кулайскими племенами. На первых порах именно кулайцы восприняли отдельные черты большереченской общности (скотоводство, типичные сосуды в

виде кувшинчиков). Позднее кулайские племена стали оказывать влияние на каменское население. Это хорошо видно на примере могильника Быстровка-3, Здесь встречено несколько кулайских сосудов, типичные кулайская личина и бронзовое изображение головы лося.

Выводы

Племена большереченской общности, занимавшей территорию Верхнего Приобья, сложились на базе местного и южного населения, пришедшего с территории современного Казахстана. Приток этого кочевого населения происходил регулярно. Дата существования этой общности - с VI - V вв. до н.э. по рубеж тысячелетий. Все культуры - староалейская, кижировская и камвнская - входили в состав скифо-сибирской культурной общности.

Рекомендуемая литература

Абдулганеев М. Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI - II нн н.ч. - Барнаул, 1997.

Грязнов М.И. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - М.; Л., 1956. - № 48.

Погребальный обряд древних племен Алтая. - Барнаул, 1996.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тыс. до н.э. - М., 1997.

Малодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа, - Новосибирск: Наука, 1987.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья, - Новосибирск: Наука, 1994.

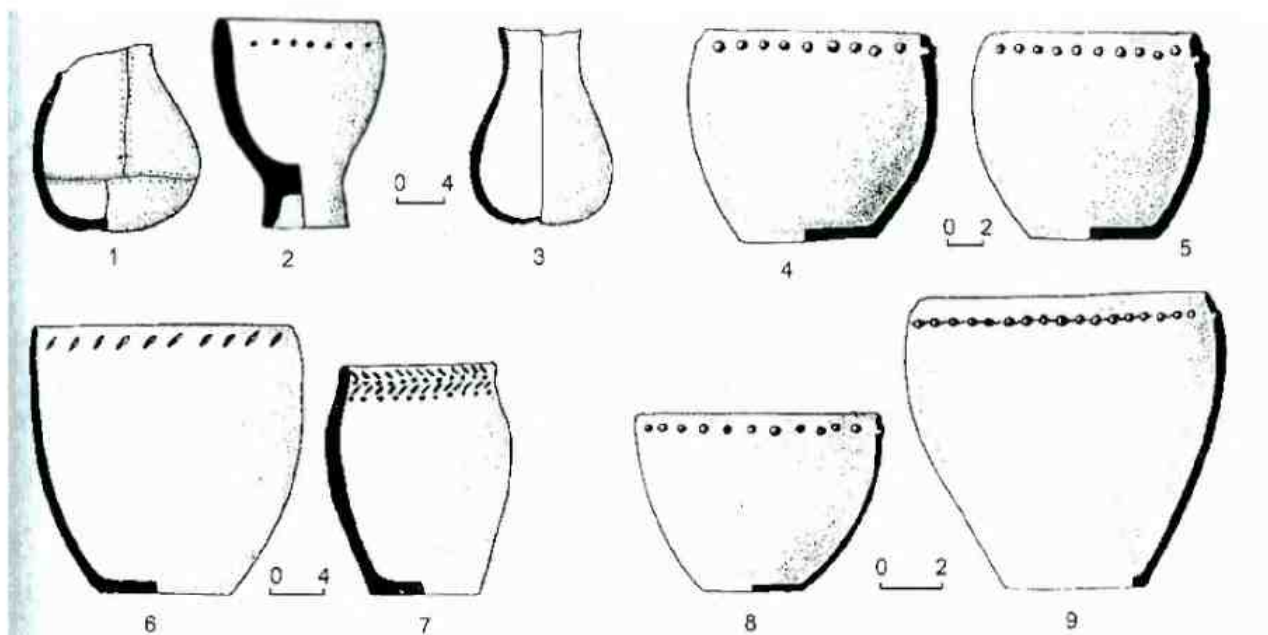

Рис. 27. Керамика большереченской культуры (по: Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. - Новосибирск: Наука, 1994):

1 - Новый Шарап-1, кург. 3; 2 - Новый Шарап-1, кург. 18; 3 - Новый Шарап-2, кург. 1, мог. 6; 4, 5, 9 - пос. Ближние Елбаны I; 6 - пос. Иня II; 7 - пос. Боровое-2; 8 - пос. Ближние Елбаны XII.

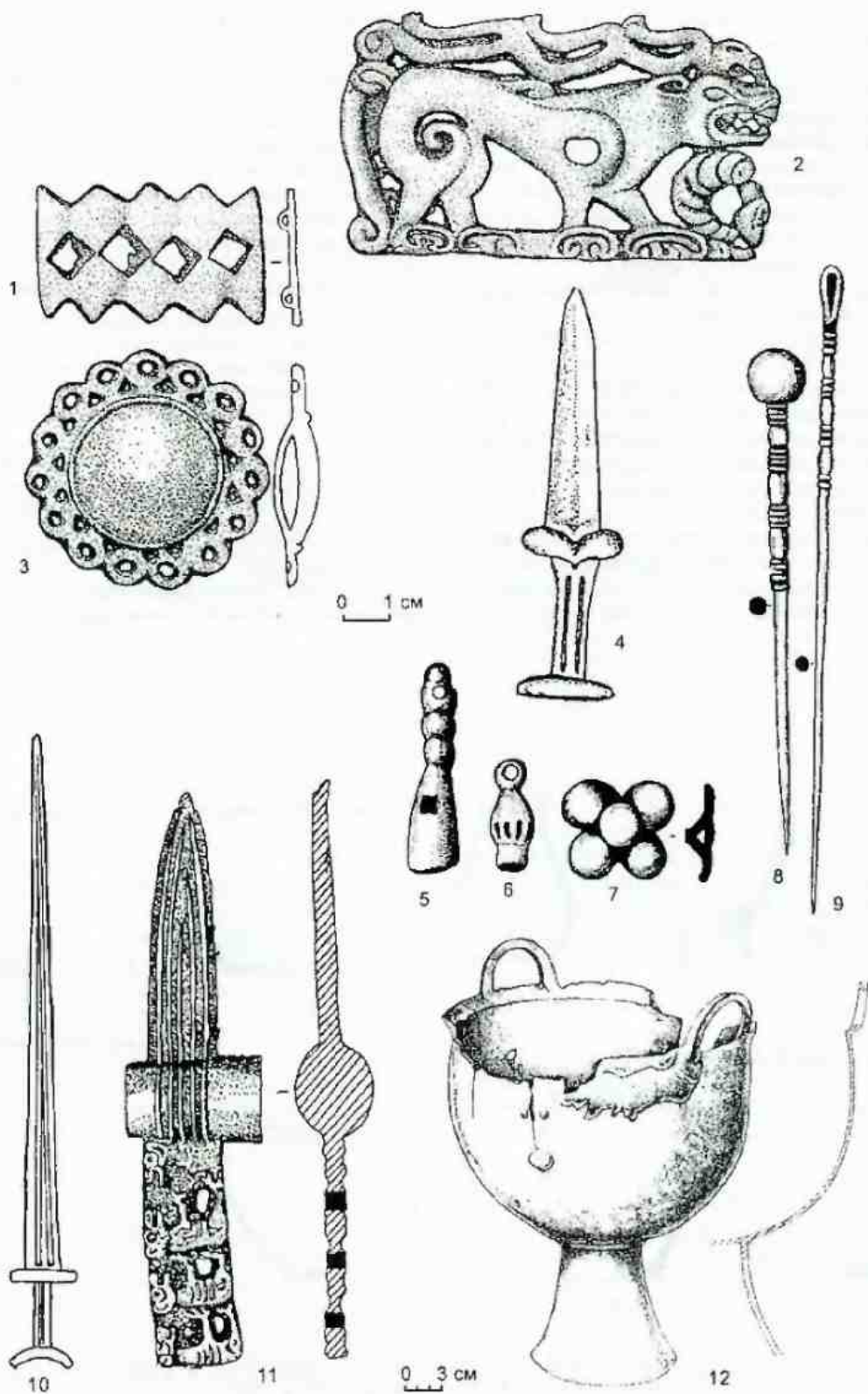

Рис. 28. Материалы болшереченской культуры (4 – 11 по: Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Болшереченская культура...):

1 – Новый Шаран-1, кург. 6, мог. 1; 2, 3 – Новый Шаран-1, кург. 6, мог. 2; 4 – Старая Алейка II; 5 – Быстровка-1, кург. 12, мог. 4; 6 – Быстровка-1, кург. 8, мог. 1; 7 – Быстровка-1, кург. 4, мог. 1; 8 – Быстровка-1, кург. 9, мог. 2; 9 – Быстровка-1, кург. 8, мог. 4; 10 – Ключи; 11 – случайная находка; 12 – случайная находка (Болотнинский р-н Новосибирской обл.).

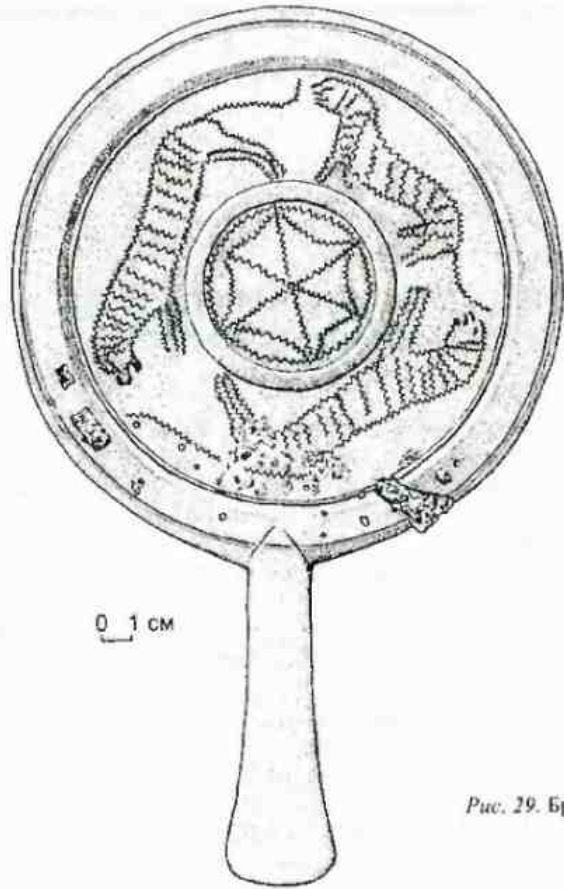

Рис. 29. Бронзовое зеркало с памятника Быстровка-1 (кург. 1, мог. 1).

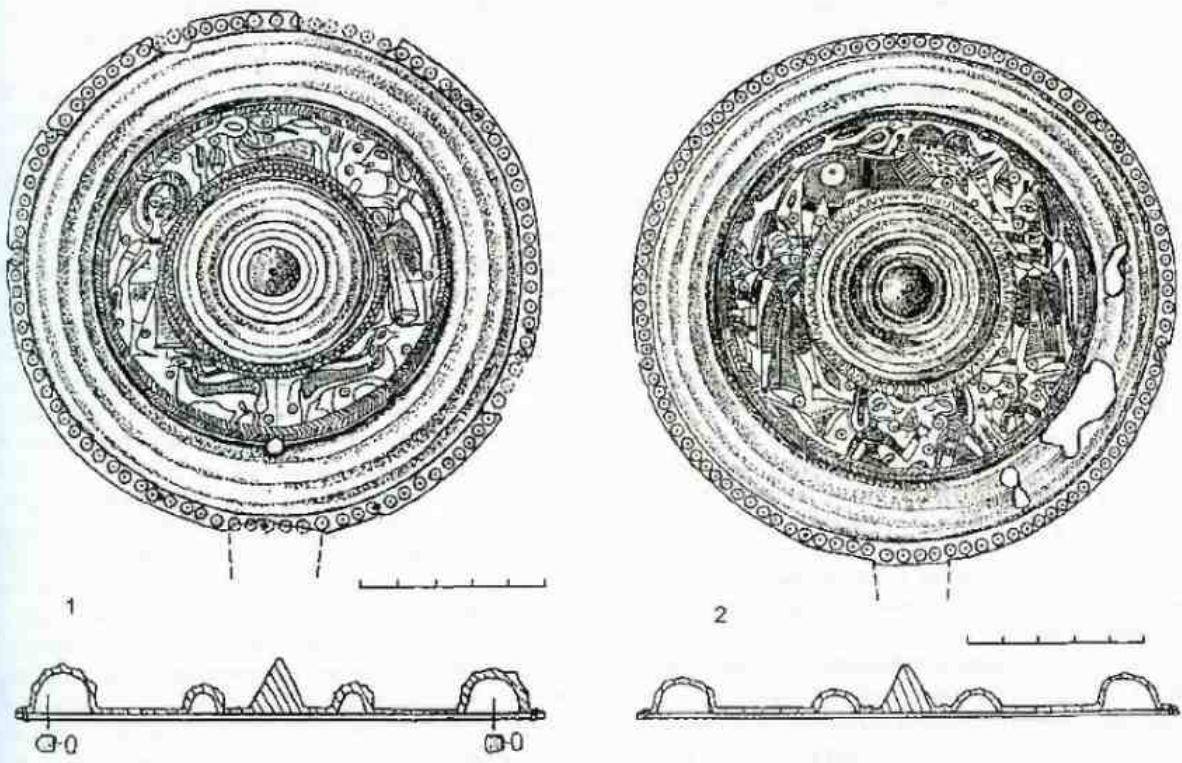

Рис. 30. Бронзовые зеркала.

1 - могильник Локоты-4, кург. 1, погр. 4а; 2 - могильник Рогозиха-1, кург. 5, мог. 1 (по: Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. - Барнаул, 1999. - С. 80, рис. 14; с. 78, рис. 12).

ГЛАВА 12

ЮЖНО-ТАЕЖНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В ЭПОХУ РАППЕГО ЖЕЛЕЗОГО ВЕКА

В степной и лесостепной частях Западно-Сибирской равнины жили племена, относящиеся к скифо-сибирскому культурному кругу и имеющие производящее хозяйство. К северу от них, в лесной полосе, население занималось, в основном, присваивающим хозяйством: охотой, рыболовством и немного скотоводством. Необходимо отметить, что пограничье между этими зонами находилось в особо выгодном положении. При обычных условиях население продолжало развивать присваивающее хозяйство, в случаях, неблагоприятных для охоты, в качестве резерва выступали продукты скотоводства. Поэтому южно-таежные племена находились в более выгодных условиях, чем их северные соседи, и достигли более высокого социального развития. Это племена кулайской, новочекинской и богочановской культур. Кулайская культура исследована значительно полнее других, поэтому мы начнем с нее обзор северных лесных культур.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Кулайская культура была распространена на территории Среднего, а затем Верхнего и Нижнего Приобья. Она развивалась, по мнению ряда исследователей, на базе молчановской и еловской культур в При-нарымье и относится к эпохе раннего железа (V в. до н.э. - IV в. н.э.). В антропологическом отношении ее население представляет лесной монголоидный тип. Как полагает большинство ученых, язык кулайцев относился к самодийской группе языков. В.И. Молодин включает их в группу угорских племен. Несколько необычен сам факт появления термина *Кулайская культура*. Введенный в 1956 г. В.Н. Чернецовым, он прочно вошел в археологию Сибири. В это время специалисты не знали поселений и могил носителей этой культуры, не знали их керамики. Известно было только бронзовое плоское ажурное литье, происходящее в основном из кладов (жертвенных мест) или случайно найденное. Однако этот материал был столь выразителен, а находки так четко локализованы в Среднем Приобье, что появилась возможность дать характеристику отдельной культуры, высказать гипотезы о ее происхождении и датировать.

Первый исследователь кулайских кладов И.М. Мягков в 1927 и 1929 гг. опубликовал описание находок с жертвенной горы Кулайка в Принарымье и других мест. Увеличение числа публикаций об ажурном бронзовом литье и личинах дало возможность В. Н. Чернецову выделить в Принарымье кулайскую культуру и датировать ее IV в. до н.э. - I в. н.э. Несколько позднее предметы кулайской культуры привлекли внимание М.Ф. Косарева. Он систематизировал плоское ажурное бронзовое литье, полагая, что кулайская культура сложилась на базе молчановской культуры (V в. до н.э. - IV в. н.э.), М.Ф. Косарев первый обратил внимание на керамику со штампованным орнаментом, считая, что именно ее надо связывать с кулайской культурой.

Исследование памятников кулайской культуры на территории Сургутского Приобья было проведено археологами Н.В. Федоровой и А.П. Зыковым. Они полагают, что эта территория входит в зону сложения и дальнейшего развития кулайской культуры. Наиболее ярко кулайские традиции представлены в материалах памятников на Барсовой Горе. Т.Н. Троицкая в 1967 - 1974 гг. исследовала курганный могильник Каменный Мыс в Приобье, на севере Новосибирской области. Именно там впервые были обнаружены изделия плоского ажурного бронзового литья вместе с керамикой со штампованным орнаментом. Так удалось связать с кулайской культурой керамику, украшенную штампованной «уточкой». Затем Т.Н. Троицкая исследовала другие кулайские памятники и опубликовала монографию, посвященную кулайской культуре Новосибирского Приобья (1979 г.). Она, как и Л.А. Чиндина, пересмотрела вопрос о принадлежности раскопанного М.П. Грязновым грунтового могильника Ближние Елбаны-УП к фоминскому этапу

верхнеобской культуры (VII - VIII вв. н.э.). Т.Н. Троицкая показала, что этот памятник связан с поздним (фоминским) этапом кулайской культуры (первые века нашей эры). Значительный вклад в изучение кулайской культуры внесла Л.А. Чиндина. Она вела свои исследования на коренной кулайской территории, в Васюганье, и раскопала здесь ряд поселений этой культуры, Она же выделила два хронологических этапа в ее развитии: васюганский, сопровождающийся бронзовым ажурным литьем (IV - I вв. до н.э.), и Саровский (Саровское городище), который датирован началом I тыс. И.З. В 1984 г. Л.А. Чиндина опубликовала монографию «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа», в которой обобщила данные по ку-

80

лайской культуре со всей территории ее распространения. Ее происхождение она ведет от еловской и молчановской культур.

В последние годы проводятся исследования памятников кулайской культуры на территории степного Алтая. Здесь были открыты поселения и обнаружен Новообинский клад (жертвенное место) бронзовых изделий. Выявлены кулайские памятники и на территории Ачинско-Мариинской и Кузнецкой котловин.

ПАМЯТНИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники представляют собой поселения, могильники и клады (жертвенные места). Самые ранние поселения раскопаны на территории Васюганья. Городища были небольшими: 400 - 1 200 м². Лучше других изучено Степановское городище. Место поселения до постройки выжигалось. Основой вала служил деревянный каркас. Жилища на всех поселениях однотипны: в основном каркасные. Стены, видимо, забирались бревнами, а снаружи их присыпали завалинками. Очаг располагался в центре жилища. Вокруг него сооружали прямоугольный сруб или каркас.

Интересные городища расположены на Барсовой горе под Сургутом. Барсова гора - это урочище, исключительно удобное для жизни. Здесь буквально рядом друг с другом располагались десятки разновременных городищ, среди которых имелись и кулайские поселения.

В Новосибирском Приобье наиболее полно изучено городище Дубровинский Борок-3, располагавшееся на высоком берегу обской протоки Уень. Городище состоит из двух частей, разделенных рвом. Обе части окружены общим рвом. Четко прослеживаются пологие въезды в каждую часть городища. Входы хорошо контролировались с высокой полукруглой площадки, на которой, видимо, имелись оборонительные сооружения - бастионы. Насыщенность культурного слоя находками очень большая - до 36 находок на один квадратный метр: керамика, раздробленные кости и каменные грузила с подтесанными для перехвата веревкой краями. Площадь жилищ 30 - 40 м². Они представляют собой полуземлянки с завалинками. Очаг находился в центре жилища. В одном жилище, в стороне от очага, в одну линию были выложены 12 черепов зайцев и собак. Все они лежали на боку, плотно прижатые друг к другу. Вероятно, такое расположение черепов имело какое-то магическое значение. На полу жилища находились кучки рыбьей чешуи и костей. Внутри помещения были вырыты ямы, заполненные костями, обломками сосудов, разбитыми глиняными формочками для литья. Среди выброшенных вещей встречена поломанная нагрудная пластина из рога лося с погрудным изображением воина с кинжалом в руке. Культурный слой городища представлен темной супесью и богат фосфором, что говорит о длительности бытования памятника и содержании на его территории скота (фосфор содержится в навозе). Городище датировано I в. до н.э.

Совсем иной характер имеют поздние городища. Рассмотрим их на примере памятника Ивановка-4, расположенного на берегу Оби у с. Чингис, на высоком холме, у подножья которого сооружены ров и вал. Насыщенность культурного слоя небольшая (3 - 4 находки на квадратный метр), цвет светлый, фосфора почти нет. В одной из полуземлянок (42 м²) имелись два очага. Один из них (небольшой, с глиняными бортиками) располагался в

центре жилища и имел хозяйственное назначение. Второй был сооружен у дальней стенки. Он был окружен канавкой (диаметр 2 м). Очаг отделен от основной части жилища не только канавкой, но и полукруглой глиняной стенкой, которая предохраняла помещение от воздействия сильного огня. Очаг, видимо, имел производственное назначение. Между этим жилищем и рвом обнаружено погребение пяти свиней. Характерной особенностью поздних городищ является отсутствие среди находок костей животных.

Среди могильников наиболее представительным является памятник Каменный Мыс на р. Уени, недалеко от городища Дубровинский Борок-3. Место резко возвышается над окружающим пространством. Это комплекс разновременных памятников, среди которых выделяются 8 удлиненных курганов кулайской культуры. Все они раскопаны. В них обнаружено не менее 72 могил. Насыпи наращивались по мере увеличения числа новых погребений: в некоторых курганах хорошо прослеживаются следы последующей присыпки насыпи, которая сооружалась из пластов дерна. Погребенные покоились на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Могилы (глубина 30 - 150 см) перекрывали небольшими бревнами или горбылями, связанными между собой лыком или гибкими прутьями на манер плота. Наиболее богатые погребения сопровождалась остатками тризн в виде кострищ сосудов, целыми и поломанными наконечниками стрел. В неглубокой яме выявлено скопление конских черепов.

Самый большой курган достигал 42 м в длину при ширине 9 - 12 м и содержал 32 могилы. Среди захоронений обнаружены могилы собаки с бронзовой бляшкой и барана. В самой богатой могиле воина найдено около 200 бронзовых, костяных и железных предметов. Могила была перекрыта мощными бревнами. На голову воина была надета войлочная шапка-колпак, от которой сохранились две нашитые бронзовые ленты: широкая нижняя и узкая верхняя. Шею украшала полая бронзовая гривна, от которой отходили нити с бронзовыми бусами. Найдены бронзовый кельт, много крупных бронзовых и костяных наконечников стрел, костяные гарпуны, резные костяные фигурки и др. предметы. В одной из могил этого кургана была погребена молодая женщина, на которую было найдено ожерелье из двух ремешков. На один ремешок были нанизаны бусы из сердолика, на другой - стеклянные позолоченные бусы. Здесь же обнаружены остатки мешочка (кошелька) с бронзовыми украшениями. В другом кургане располагалась могила мастера-кос-тереза. С ним положили заготовки костяных наконечников стрел разной степени готовности. Здесь же лежали орудия для их обработки: каменное точило, железные скобель и топорик. В каждой могиле нахо-

81

дились сосуды. В одной плошке сохранились остатки ухи (кости рыбы).

Все погребенные сопровождалась одним или несколькими сосудами. Зачастую один из сосудов относился к большереченской культуре, остальные - к кулайской. Иногда на большереченский по форме сосуд был нанесен кулайский орнамент. Мужчин сопровождало оружие: бронзовые кулайские и костяные наконечники стрел, гарпуны. Встречаются железные копья и кинжалы, украшения и др. предметы. Среди инвентаря - костяные гребни, каменные, бронзовые и стеклянные бусы, бронзовые бляшки и другие украшения. Впервые в одном из захоронений найдено бронзовое ажурное плоское литье, сочетающееся с типичной кулайской керамикой. Т.Н. Троицкая датировала могильник III - II вв. до н.э.

Из могильников более позднего времени наиболее интересен памятник Ближние Елбаны-УП, раскопанный М.П. Грязновым и отнесенный им к VII - VIII вв. Позже могильник был датирован I - II вв. и отнесен к кулайской культуре. Аналогичный могильник найден в Кузнецкой котловине. Это Усть-Абинский могильник, раскопанный Ю.В. Шириным. Оба памятника характеризуются резким преобладанием погребений по обряду трупосожжения. Поскольку прах сосредоточен в одной - двух кучках, можно предположить, что он находился в емкости, которую, как и в памятниках таштыкской

культуры, помещали в погребальную куклу. В могилу, как правило, клали одного погребенного. Встречено несколько парных захоронений, причем один умерший мог быть сожженным. Все скелеты, даже в не разграбленных погребениях, лежали беспорядочно, что свидетельствует о вторичном захоронении. Курганные насыпи отсутствуют. В могилы помещали один - два сосуда. Оружие, кроме наконечников стрел, не встречено. Найдены выполненные в зверином стиле бронзовые эполетообразные застёжки и накладки на ножи. Сопроводительный инвентарь не имеет следов огня. Ю.В. Ширин датировал памятник III - IV вв.

Различие между погребальным обрядом Каменного Мыса и фоминскими погребениями настолько велико, что их трудно отнести к одной и той же культуре, но керамика, один из основных признаков культурной принадлежности, явно кулайская.

Известно более десятка таких памятников, как клады (жертвенные места). Характерной особенностью инвентаря кулайских жертвенных мест является сочетание преобладающего кулайского инвентаря с отдельными изделиями, характерными для степного скифо-сибирского мира. Некоторые жертвенные места бытовали на протяжении длительного времени: от эпохи бронзы до средневековья, другие были связаны только с кулайской культурой. Мы остановимся на трех из них.

Гора Кулайка (высота 50 м) находится на берегу р. Чаи (Васюганье). Эта гора у селькупов считалась священной. В 1922 г. здесь местными жителями при вспашке на небольшой глубине были обнаружены бронзовые котлы с бронзовыми и серебряными изделиями. Материалы были опубликованы И.М. Мягковым. Принято датировать этот клад в широких рамках: V в. до н.э. - IV в. н.э.

Саровское культовое место у с. Саровка Колпа-шевского района Томской области обнаружено при вспашке огорода. На место находки была направлена в 1996 г. экспедиция под руководством Я.А. Яковлева. Удалось выявить 69 предметов (2 из них потеряны местными жителями) и опубликовать их описание (2001 г.). Это бронзовые художественные изделия типичного кулайского культового литья (орнито-морфные, зооморфные и др.). Я.А. Яковлев датирует комплекс в пределах II - I вв. до н.э.

Новообинцевское культовое место обнаружено местными жителями в 70 км от Барнаула вверх по течению Оби. Это самое южное кулайское культовое место. Находки лежали компактной кучкой: видимо, ранее находились в какой-то емкости. Всего было обнаружено около 40 изделий, часть которых разошлась по рукам. Место было исследовано В.Б. Бородаевым, который собрал сохранившиеся предметы и опубликовал их описание. Это группа крупных бронзовых наконечников стрел кулайского типа, бронзовое ажурное литье, бронзовый антропоморфный идол с большой головой и оскаленными зубами, объемное изображение головы медведя и др. Клад датирован II - I вв. до н.э.

Богатейшие материалы дали исследования Айдашинской пещеры (Кемеровская область). В 1970-х гг. пещере грозило уничтожение в результате хозяйственного освоения. И тогда здесь начались раскопки. Работа была сложной, так как вертикальная и боковая шахты были сплошь завалены щебнем. За несколько лет были извлечены и тщательно просеяны сотни тонн грунта. В результате получен комплекс находок, относящийся к кулайской культуре.

КУЛАЙСКИЙ ИНВЕНТАРЬ

Среди находок кулайской культуры наиболее часто встречается керамика. Она менялась на протяжении времени, но в целом ее отличают определенные особенности.

Керамика Среднего Приобья описана Л.А. Чин-диной. Она характеризуется разнообразием форм: банки, чаши, горшки, кувшины. Есть сосуды на поддоне.

Преобладают круглодонные или уплощенные сосуды. Орнамент наносился гребенкой, гладкой палочкой, фигурным штампом и т.д. Уже на васюганском этапе сложилась специфичная группа керамики, характерной для кулайской культуры на протяжении всего ее существования. Это круглодонные или уплощенные широкогорлые чаши, украшенные

орнаментом, выполненным фигурным штампом в виде «уточки». На Саровском этапе в Принарымье сохранялись такие же формы, но фигурный штампованный орнамент более мелкий и разнообразный. Появились узоры, выполненные проташенной гребенкой. Для керамических комплексов Новосибирского Приобья характерно смешение кулайских и больше-реченских черт. На памятнике Каменной Мыс (III - II вв. до н.э.) в одной могиле могут встречаться гладкие больше-реченские кувшинчики и кулайские чаши. Иногда на больше-реченских по форме сосудах нане-

сен кулайский орнамент - «уточки». Позже орнамент стал более разнообразным и сложным. Именно таковы сосуды с поселений Барабинской лесостепи. К концу бытования кулайской культуры широкогорлые чаши были вытеснены удлиненными круглодонными сосудами.

Очень хорошо представлено в кулайских погребениях оружие. Судя по всему, население этой культуры отличалось воинственностью, поэтому было хорошо вооружено. Для второй половины I тыс. до н.э. характерны кулайские бронзовые наконечники стрел. Они крупные, удлиненные, трехперые, т.е. хорошо приспособлены для стрельбы в густом лесу. Таких наконечников много найдено в могильнике Каменный Мыс. Среди многочисленных костяных наконечников встречаются гарпунные. Крупные наконечники были предназначены для самострелов, обеспечивавших охоту на пушных зверей. Железные копья, чеканы и кинжалы были типичны для широкой территории эпохи раннего железа. Бронзовые кельты встречаются в погребениях III - I вв. до н.э. Они покрыты специфическим узором, в котором часты «уточки». Позже их сменяют железные кельты. Встречаются костяные пластины доспехов. Найдены две крупные роговые пластины, защищавшие грудь от ударов врага. Они украшены прочерченными поплечными изображениями воинов. К предметам конского набора относятся железные удила.

Орудия и предметы быта представлены железными ножами, костяными ложками, каменными и глиняными пряслицами, точильными камнями. Обращает на себя внимание костяной камуз - музыкальный инструмент, который и сейчас употребляется у некоторых народов. Особенно часты на поселениях второй половины I тыс. до н.э. каменные грузила для рыболовных сетей. На их боковых поверхностях выдолблены углубления для перехвата веревкой. В поселениях выявлены площадки для литья бронзы.

Многочисленны украшения и предметы туалета: бронзовые, стеклянные и каменные бусы, бронзовые гривны, диадемы-ленты, проволочные серьги с петелькой на конце, поясные пряжки, подвески, наконечники, костяные орнаментированные гребни и др. В поздних могильниках (Ближние Елбаны-УП и Усть-Абинский) обнаружены крупные эполето-образные застёжки и небольшие орнаментированные ножны.

Особое место занимает бронзовое литье с зооморфными и антропоморфными изображениями. На нем мы остановимся в разделе, посвященном искусству.

МИГРАЦИЯ КУЛАЙСКИХ ПЛЕМЕН

Весь перечисленный материал дает нам возможность приблизительно наметить этапы миграции кулайских племен. Территория сложения кулайской культуры - Среднее Приобье, точнее - Принарымье. Позже население кулайской культуры распространилось на достаточно широкой площади. В настоящее время исследователи говорят о двух волнах миграции. Первая (более ранняя) волна соответствует IV - III вв. до н.э. В этот период стало передвигаться население, имеющее керамику васюганского типа. Основной причиной первой миграционной волны, по М.Ф. Косареву, являются климатические изменения. Это был период увлажнения. В результате в IV - III вв. до н.э. в северных лесных районах резко растет заболоченность почв, т.е. идет сокращение пригодных для жизни лесных пространств. Избыточное население вынуждено было передвинуться в южном направлении. Так оно появилось в Томском Приобье, слившись или поглотив

местное население кижировской культуры. Затем оно продвинулось в Новосибирское Приобье (Каменный Мыс).

Продвижению и укреплению кулайского населения способствовал внешний фактор - события, которые разыгрались на юге в Сибири III в. до н.э. (кратко описаны в гл. 9). В результате привычные южные связи верхнеобского населения были нарушены, что могло отрицательно сказаться на экономике и привести к ослаблению местного населения. В этой обстановке северным племенам было легче проникнуть на юг и прочнее здесь укрепиться.

Вторая волна прослеживается по распространению керамики второго (Саровского) этапа. Л.А. Чиндина полагает, что это передвижение было вызвано не изменениями климата, а внутренним фактором. Кулайцы переходят от охоты, как главного занятия, к скотоводству. Для этого требуются значительные пастбища. В северных лесостепных и особенно в лесных районах их было мало, что тормозило дальнейшее развитие хозяйства. Поэтому племена должны были расселяться на широкой территории в различных направлениях. Можно предположить, что в степном Алтае появились не сами Саровские племена, а население, связанное с новосибирским вариантом кулайской культуры. В Кузнецкую котловину кулайцы проникли по Томи и Чулыму. Здесь о них свидетельствуют находки из Айдашинской пещеры, Усть-Абинского могильника и обломки керамики на ряде поселений того времени.

В начале I тыс. н.э. кулайцы оставили следы в Нижнем Приобье, где, слившись с местным населением, образовали усть-полуэйскую культуру. Значительное число памятников, ведущих свое происхождение от кулайской культуры, известно и в Барабе, куда кулайцы проникали по Иртышу. В результате их слияния с местным населением, по мнению В.И. Молодина и В.С. Елагина, сложился сперановский этап потчевашской культуры, о которой речь пойдет в дальнейшем. Для этого этапа характерна керамика, богато орнаментированная фигурным штампом, в том числе и «уточкой».

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В самом начале бытования кулайской культуры, когда население занимало лишь территорию При-нарымья, хозяйство носило присваивающий характер. Большое количество пойменных озер, исключительно богатых рыбой, обеспечивало население

83

регулярной пищей. Всенне-летняя нутина давала такое количество рыбы, что ее можно было чаго-тавливать впрок. Судя по обнаруженным костям, ловили в основном окуня, щуку и плотву, единичными костями представлены осетр, нельма, карась и стерлядь. Большую роль играла и охота, обеспечивая население мясом, шкурами, костями и рогами. Особенно велико значение охоты на лося, т.к. одно животное давало до 600 кг мяса. Немалое значение имела охота на пушного зверя: соболя, лисицу, зайца. Население таежной полосы еще в эпоху бронзы знало коневодство, которое сохранилось и в эпоху раннего железа.

С продвижением кулайского населения на юг характер хозяйства начал меняться. Это было вызвано слиянием северных охотничьих племен с местным населением, у которого были развиты скотоводство и земледелие. Наиболее ярко это можно проследить на материалах Новосибирского Приобья. Хозяйство стало комплексным и базировалось на развитии скотоводства, охоты и земледелия, причем значение производящих отраслей постепенно возрастало. В могильнике Каменный Мыс (III - II вв. до н.э.) обнаружены кости коней, овцы и коровы. На городище Дубровинский Борок-3 (примерно I в. до н.э.) лишь 28,7% костей принадлежат домашним животным (овцы, лошадь и корова), а 71,3% - костям диких животных (лось, заяц, куница или соболь и др.). Небольшое количество особей домашних животных не говорит о незначительности самого скотоводства. Удельный вес мясной пищи, полученной от домашних животных, был значительно выше: четыре овцы, лошадь и корова против трех лосей и ряда мелких пушных зверей.

В более позднем кулайском поселении Усть-Ирмень скотоводство получило ведущее значение: кости домашних животных составляют 69%, а диких -31%. Еще более значительные изменения произошли в конце третьего (фоминского) этапа. Об этом свидетельствует характер культурного слоя таких городищ, как Ивановка-4 и Завьялозо-18. Культурный слой этих памятников светлый, слабо отличается от материка, не содержит органических остатков, тем самым, указывая на отсутствие на его территории скота. Кости животных среди находок не представлены. Все это свидетельствует о переходе населения к полукочевому или отгонному скотоводству. В период возвращения скот содержали за пределами городищ. Кости же съеденных животных выбрасывали вдали от поселений.

Земледелие не имело большого значения, однако о его существовании говорит наличие крупных зернотерок. Охота велась на мясных животных (лось, косули, олень), пушных зверей (заяц, бобр, барсук, соболь) и птицу. Скелеты водоплавающих птиц были обнаружены в могильнике Каменный Мыс. Охотились при помощи крупных луков с простыми и гарпунными наконечниками стрел, самострелами, заряженными крупными костяными наконечниками. Рыбу ловили при помощи сетей. Не случайно на городище Дубровинский Борок-3 приходится около одного каменного грузила на квадратный метр площади.

Ремесло носило домашний характер, О литье говорят бронзолитейные площадки, найденные в жилищах, обломки форм и сами бронзовые изделия. Кулайцы отливали бронзовые наконечники стрел, бронзовые кельты, различные украшения, предметы культа (объемные и плоские). Интересно отметить, что орудия изготавливались из чистой меди, а украшения - из бронзы. Во II - I вв. до н.э. железные орудия вытеснили бронзовые. Однако кузнечное ремесло кулайцев отличалось архаичностью и отражало начальный этап его развития: закаленные изделия использовались редко. Большого развития достигло косторезное дело. Среди находок много изделий, которые могли изготавливать в каждой семье (например, наконечники стрел). Однако встречаются и такие, которые требовали значительного опыта (гребни, ножи, упряжь конской узды, художественные изделия). Социальные отношения соответствовали патриархальному строю. Женские захоронения в целом беднее мужских. Явно существовало имущественное неравенство: отмечены богатые и бедные захоронения. Можно говорить о наличии возрастных групп, Дети до 6 - 8 лет представляли собой особую категорию: их не хоронили на общем кладбище. Дети от 7 - 8 до 12 - 14 лет погребались на общем кладбище, но по упрощенному обряду. Подростки, прошедшие инициацию, погребались по обряду взрослых мужчин и женщин. Захоронения взрослых людей сопровождалась весьма сложным ритуалом. Характерной особенностью кулайского населения было развитое военное дело. Каждый мужчина был воином. Их погребения сопровождалась хотя бы минимальным количеством вооружения. О постоянной военной опасности свидетельствуют мощные оборонительные укрепления городищ.

Нужно отдельно остановиться на взаимоотношениях кулайского и местного населения. Последнее определенно оказывало большое влияние на пришлые лесные племена. Именно с этим связано появление у кулайцев скотоводства, а потом и земледелия. Этими контактами вызвано появление среди культовых предметов изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Первые такие изделия отмечены еще до периода миграций, о чем свидетельствует кулайское культовое место. В Новосибирском Приобье влияние достигло такого уровня, что подобные изделия начали изготавливать и сами кулайцы (изображение лоса на роге из Дубровинского Борка-3). О возможном заключении браков между кулайскими воинами и местными женщинами говорит тот факт, что в могилах Каменного Мыса часто встречается сочетание кулайских и большереченских (каменских) сосудов. А ведь сосуды изготавливали в основном женщины, согласно принятым у них традициям. Как уже отмечалось, в синхронных Каменному Мысу местных погребениях кулайские сосуды отсутствовали. Они начали появляться лишь в

самом конце существования большереченской общности, когда сгладилось социально-экономическое различие этих

соседних народов. Кулайские племена медленно, но верно, продвигались на юг по Оби, частично вытесняя большереченское население, частично сливаясь с ним. На базе этого процесса сложилась новая верхнеобская культура.

КУЛАЙСКОЕ ИСКУССТВО

Одной из наиболее сохранившихся черт духовной культуры кулайских племен является своеобразное искусство. Его всплеск приходится на V - I вв. до н.э. Характерной чертой этого искусства является сохранение северных лесных традиций и некоторое влияние традиций скифо-сибирского круга. До нас дошли бронзовые и костяные (роговые) изделия.

Остановимся на нескольких роговых изделиях. Многочисленны орнаментированные гребни. Их спинки часто покрыты узором из заштрихованных треугольников. Линии прямые, волнистые или зигзагообразные. Их могли наносить и на зубья.

Небольшая голова кабана являлась подвеской (просверлено отверстие). Сама головка выполнена весьма реалистично, поверхность ее покрыта «уточками». Найдены также две идентичных крупных пластины, выполненные из рога лося и являвшиеся нагрудными бляхами, защищавшими воина от ударов вражеского оружия. Одна из них целая (Усть-Полуй), от другой сохранилось чуть больше половины (Дубровинский Борок-3). На бляхах представлен одинаковый сюжет: врезными линиями нанесено поплечное изображение воина в шлеме (?), держащего в каждой руке обращенный острием вверх кинжал (на усть-полуйской бляхе, возможно, это было копье). Поскольку такое изображение повторяется дважды и оба раза на нагрудной защитной бляхе, можно предположить, что именно так кулайцы представляли себе бога или духа войны. Все эти роговые изделия выполнены в северном лесном стиле.

Резко отличается от них костяное изделие из Дубровинского Борка. Это миниатюрное профильное изображение лося, выполненное с исключительным художественным мастерством. На грубо обрубленном куске рога лося тщательно подготовлена небольшая площадка, на которой выполнено рельефное изображение лося с повернутой назад головой. Скорее всего, это матрица для изготовления глиняной формы, предназначенной для литья бляшек. Само изображение типично для скифо-сибирского искусства, хотя, судя по находке на кулайском городище, было выполнено кулайским мастером. Это говорит о начавшемся слиянии кулайского и скифо-сибирского искусств.

Своеобразно кулайское бронзовое литье явно имело культовое назначение. Оно хорошо представлено вкладах (жертвенных местах), два предмета найдены в могильнике Каменный Мыс. Преобладает плоское литье, значительно реже встречается литье объемное. Плоские изделия отливали в двухчастной односторонней форме (изображение отпечатывалось лишь на одной стороне). Большая их часть ажурна. Как правило, после отливки культовые изделия почти не обрабатывали: сохранились заливки, образующиеся на месте литейного шва. Исследователи полагают, что такие предметы не были предназначены для всеобщего обозрения и хранились в закрытых местах.

Среди культового литья преобладают зооморфные изображения, реже встречаются антропоморфные изображения. Для них характерна ажурность, иногда «скелетность». Могли быть показаны внутренние органы: сердце и аорта. Среди зооморфных сюжетов наиболее часто встречается изображение лося, имевшего большое значение в жизни лесного охотника, а также других лесных и фантастических животных и птиц.

Антропоморфные изображения представлены в основном личинами. Реже встречаются изображения человека в полный рост. Известно несколько древовидных изображений. Остановимся на некоторых предметах культового литья. В насыпи кургана Каменный Мыс найдено изображение всадника, сидящего, видимо, на лосе (точно определить

животное трудно, так как у него отломана голова). Фигурка человека представлена только верхней половиной, нижняя часть отсутствует. С двух сторон всадника на спине животного стоят водоплавающие птицы, клювы которых переходят в уши всадника. На шее одной из птиц сохранился обрывок золотой проволоки. Фигура всадника типична для кулайских блях: крупная голова, маленькое и неполное тулово, нос и брови в виде Т-образного знака.

Среди находок Новообинцевского культового места особенно выделяется массивная фигура идола (длина 15,9 см). Глаза идола овальные, нос прямой, представляет собой отверстие с острыми зубами. Туловище выполнено в виде стержня, ноги отсутствуют, руки короткие, на ладонях изображены личины.

К декоративно-прикладному искусству относится орнаментированная керамика. Узоры наносили на плечики и шейку сосуда, реже - на придонную часть. Часты фигурные штампы, иногда весьма сложные. Наиболее распространен штамп в виде «уточки». Нанесенный горизонтально, этот штамп образует волну - символ водной стихии. Сама же «уточка» могла изображать водоплавающую птицу. По мнению В.И. Молодина, «уточка» - это часть солярного знака (свастики). В целом для кулайского искусства характерно резкое преобладание северных лесных черт и наличие отдельных изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле.

НОВОЧЕКИНСКАЯ И БОГОЧАНОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ

Кулайская культура не была единственной культурой раннего железного века южно-таежной зоны Западной Сибири. В настоящее время известен ряд таких культур, но все они пока мало изучены.

Новочекинская культура располагалась в северо-западной части Барабинской степи, в тех районах, где тайга и Васюганские болота вплотную примыкают к лесостепи. Первые памятники были исследованы Н.В. Полосьмак. Проведены раскопки на небольшом городище, временных поселениях и курганном могильнике Новочекино-2.

Предположительно памят-

85

ники относятся к V - II вв. до н.э. Антропологические исследования связывают население этой культуры с северным лесным кругом.

Очень своеобразна новочекинская керамика. Большая ее часть имеет круглое или заостренное дно. Орнаментом покрывали всю поверхность сосуда. Узоры представляют собой ямочные наколы, иногда - «жемчужины», а также их сочетание с рядами гребенчатого штампа. Вооружение населения относилось к кулайскому туну. Основу экономики составляли охота и рыбная ловля. Скотоводство имело подсобное значение. Происхождение культуры остается неясным. Можно предположить, что ее население продвинулось откуда-то с севера небольшой компактной группой. Южными соседями были племена саргатской культуры, относящейся к кругу скифо-сибирских культур. Именно их влиянием вызвано наличие среди археологических материалов блях, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле.

В южно-таежной зоне Прииртышья проживало население *богочановской культуры*. Наиболее полно эта культура исследована Е.М. Данченко, который полагает, что она сложилась на базе сузгунской и красноозерской культур эпохи поздней бронзы и бытовала с VII по II вв. до н.э.

Сохранились городища и курганные могильники этой культуры. Городища чаще имели круговую линию укреплений. Жилища были однокамерными и многокамерными. Коридор мог достигать в длину 10 м. В курганных могильниках под насыпью находилось одно-два погребения. В погребальном обряде большую роль имел культ огня. Так, в могильнике Кипы III насыпь одного из курганов была прокалена до розово-оранжевого цвета. Скелеты оказались обугленными. Известно культовое место на поселении Копейкино со следами человеческих жертвоприношений.

Сосуды богочановской культуры круглодонные, тонкостенные, с орнаментом в верхней половине. Орнамент представляет собой оттиски гребенчатого штампа, «жемчужины» и оттиски фигурного штампа в виде змеек, скобок, реже - «уточки». В целом богочановская керамика относится к одному кругу с кулайской керамикой. Встречено несколько предметов плоского культового литья, близкого кулайскому, но не ажурного.

Хозяйство богочановцев было многоотраслевым. Высокого развития достигла охота на лося, косулю и пушных зверей. Найдены кости коней и крупного рогатого скота.

Южными соседями были племена саргатской культуры, стоящие на более высоком уровне социального развития. Именно с их влиянием связан культ огня (обоженные насыпи курганов). Можно предположить, что у носителей богочановской культуры, как и у новочекинцев, складывались такие же отношения с саргатским населением, как у кулайцев с большебереченскими племенами. Вероятна угорская принадлежность населения богочановской культуры.

Выводы

В лесной полосе Западной Сибири, в Приобье и Прииртышье прослежены археологические культуры, имеющие ряд общих признаков. Перечислим их.

- 1. Преобладание присваивающего хозяйства.*
- 2. Плоское культовое литье (ажурное и сплошное) с преобладанием сюжетов северного звериного стиля.*
- 3. Наличие в наборе вооружения крупных наконечников стрел кулайского типа и своеобразных орнаментированных бронзовых кельтов.*
- 4. Значительное влияние культуры южных соседей, относящихся к скифо-сибирскому кругу.*
- 5. Наличие среди керамики группы круглодонных сосудов; орнаментация керамики фигурным штампом.*

Рекомендуемая литература

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. -Новосибирск: Наука, 1987.-С. 96-115.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине -второй половине I тыс. до н.э. - Омск, 1996.

Коников Б.А. Основы археологии Западной Сибири: Учебное пособие. - Омск, 1991.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М.: Наука, 1974.

Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск: Наука, 1987.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. - Новосибирск: Наука, 1991.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Наука, 1979.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полульского времени // МИА. -М., 1953.-№35.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. - Томск, 1984.

Ширин Ю.В. Источники по погребально-поминальной обрядности позднекулаиской общности на юге Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. -Кемерово, 1994.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Са-ровское культовое место. - Томск, 2001.

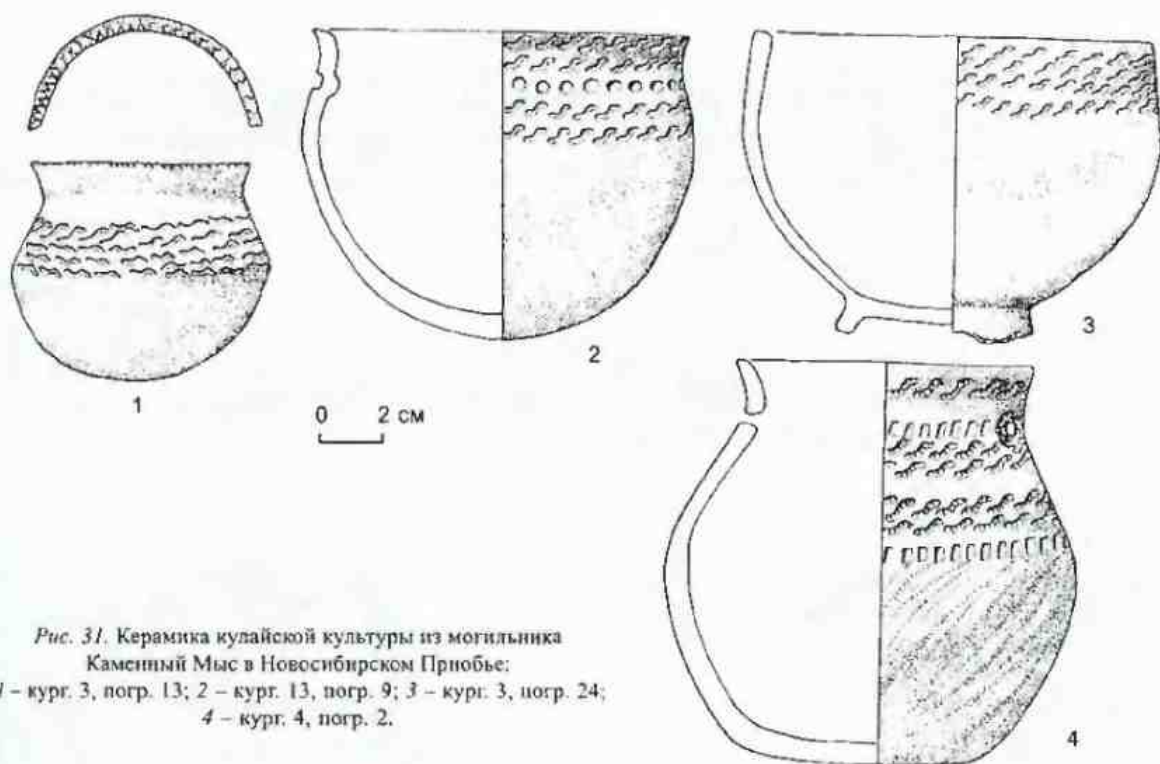

Рис. 31. Керамика кулайской культуры из могильника
Каменный Мыс в Новосибирском Приобье:
1 – кург. 3, погр. 13; 2 – кург. 13, погр. 9; 3 – кург. 3, погр. 24;
4 – кург. 4, погр. 2.

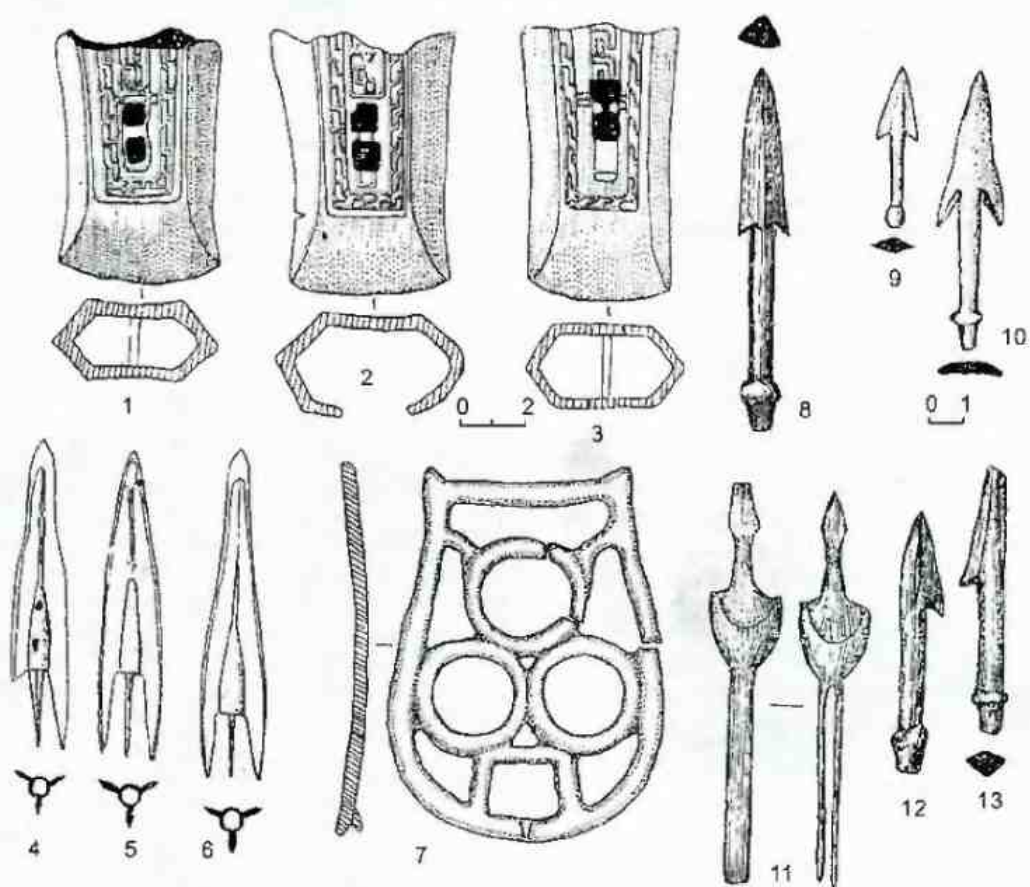

Рис. 32. Материалы кулайской культуры с памятников Новосибирского Приобья:
1 – 3, 7 – Ордынское-1; 4 – 6, 8 – 13 – Каменный Мыс (по: Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском
Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979).

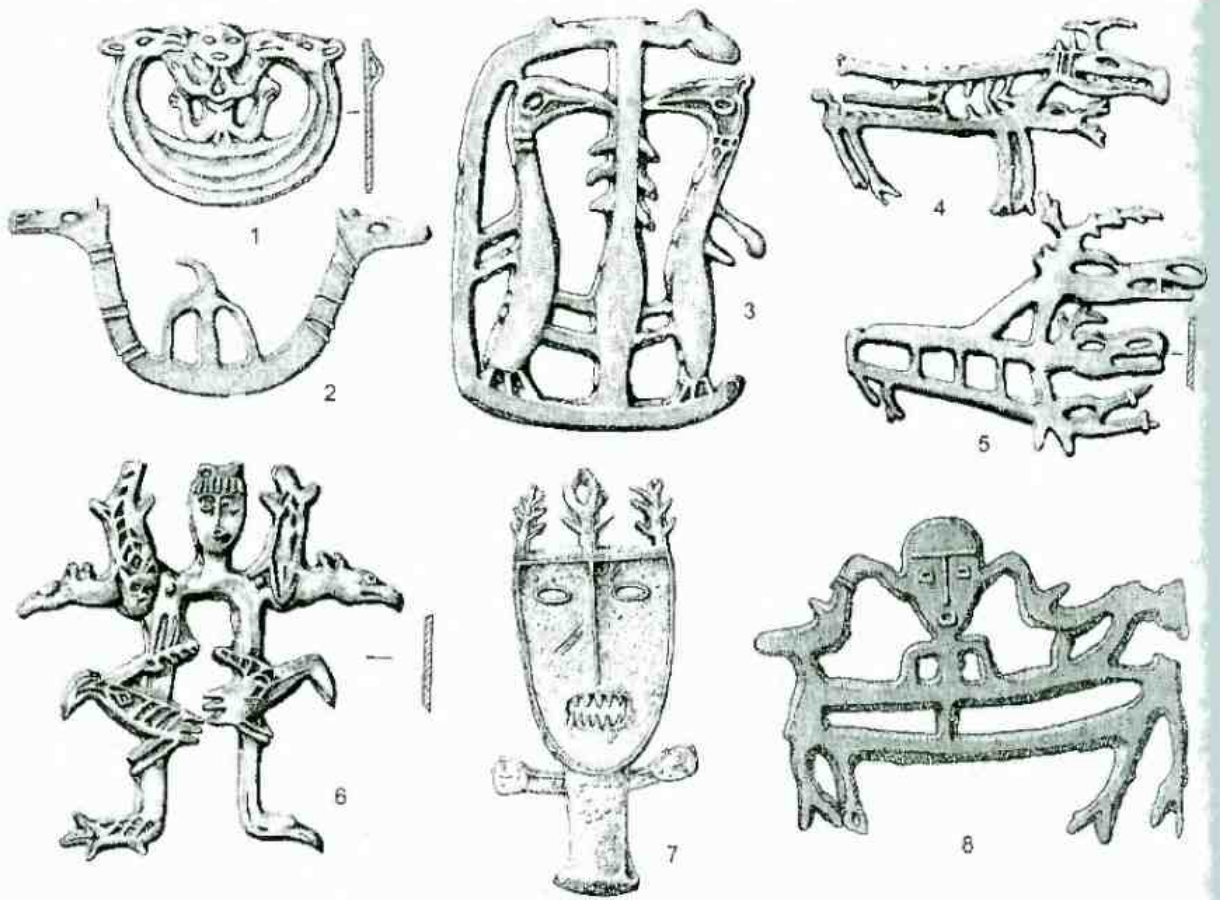

Рис. 33. Бронзовое культовое литье кулайской культуры:
 1 – культовое место у с. Пиковка; 2 – 4 – Кулайское культовое место; 5 – Кривошеинское культовое место; 6 –
 Парабельское культовое место; 7 – Новообинцевский клад, Верхнее Приобье; 8 – могильник Каменный Мыс,
 Новосибирское Приобье (по: Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. –
 Новосибирск: Наука, 1991).

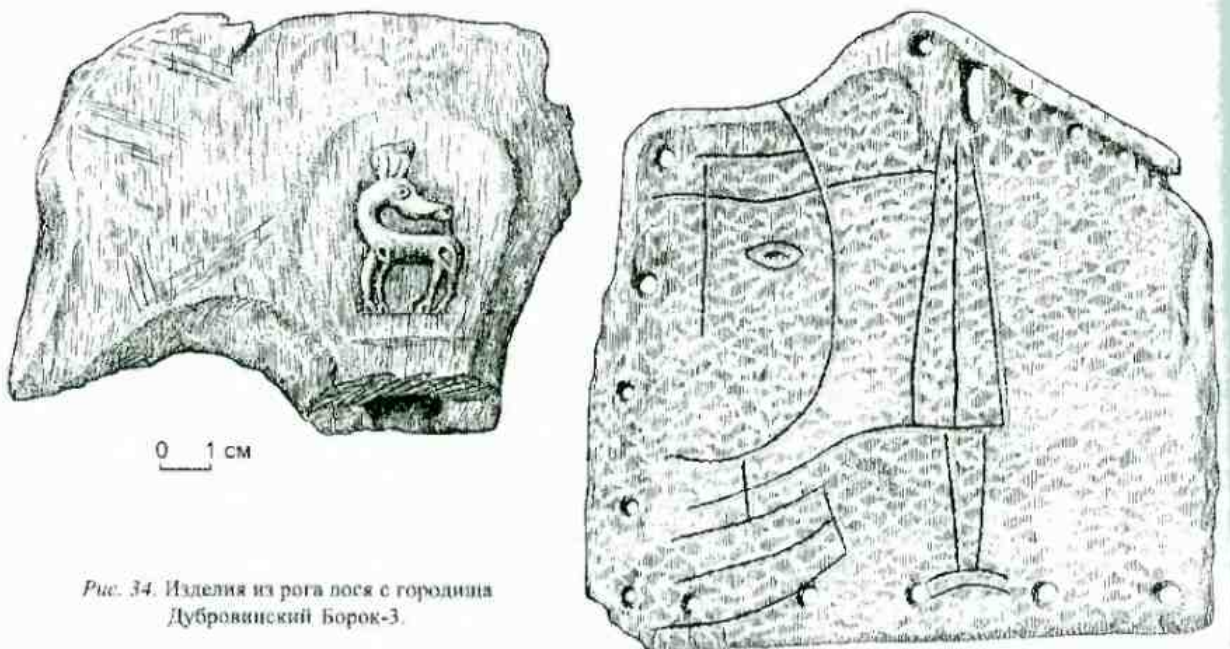

Рис. 34. Изделия из рога лося с горюшка Дубровинский Борок-3.

РАЗДЕЛ 5 ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I - II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

ГЛАВА 13 ЮЖНАЯ СИБИРЬ И ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I - II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Традиционно в археологии Западной Сибири принято считать, что вслед за ранним железным веком следует эпоха средневековья. Впервые термин *эпоха средневековья* был введен и использовался для обозначения определенного периода исторического развития на территории Западной и Восточной Европы. Он отражает специфику социально-экономических процессов, происходивших в этом локальном регионе Евразии, начиная примерно с V в. и до XV -XVI вв., т.е. между эпохой античности и новым временем. Этот период имеет свои, четко определяемые признаки в области форм собственности на средства производства, социальных и экономических отношений. Использование термина *археология эпохи средневековья* как обозначение раздела археологической науки оправдано для западно- и восточноевропейских древностей. Он и возник впервые именно в Западной Европе, а позднее механически был перенесен на синхронные западноевропейскому средневековью материалы других регионов Евразии. Однако содержание социально-экономических процессов в этих регионах значительно отличалось от западноевропейских. Именно поэтому использование термина *средневековье* применительно к западносибирским древностям, на наш взгляд, некорректно.

В жизни населения лесостепной и степной полосы Западной Сибири исключительную роль сыграли тюркоязычные народы Южной Сибири. *Древнетюркская эпоха* (вторая половина I тыс. н.э.) - это многовековой период в истории народов алтайской языковой семьи, так или иначе связанных с тюркским этно - и культурогенезом, игравших определяющую роль в развитии южносибирских обществ в области экономики (преобладание полукочевого скотоводства), материальной культуры (типы жилищ, одежды, украшений, предметов убранства верхового коня и вооружения), социальных отношений (формы стратификации общества, выделение элитарно-правлящих династий), а также духовной культуры, мифологии, изобразительной деятельности и т.д.

Доминирующую роль в этом процессе играла культура ведущих тюркоязычных этносов, распространяемая в среде окраинных обществ как «государственная» культура. Появление на территории лесостепной и южнотаежной зон Западно-Сибирской равнины тюркоязычных племен было следствием сложных политических коллизий, происходивших в ранних государствах Южной Сибири. Образование различных империй кочевников во главе с ханами (каганами) отразилось и на исторических судьбах населения более северных территорий.

Процессы, приведшие к складыванию подобных раннегосударственных образований в среде кочевников, очень сложны и многогранны. По мнению С.А. Плетневой, эти объединения скорее напоминают «союзы племен», возникавшие в период военной демократии, чем государственные образования, поскольку в них не было ни регулярных армий (только ополчения). Они не имели ни административного аппарата (судьи, полиция, сборщики налогов), ни податной системы. Однако именно на этой стадии начали формироваться единые культура, мировоззрение (религия) и язык. Подобные раннегосударственные образования объединяли население огромных территорий, с различными хозяйственно-культурными типами, что, по мнению исследователей, было непременным условием существования правящей кочевой аристократии.

Характер взаимоотношений кочевников и неземледельческого населения лесостепных и южно-таежных регионов Западно-Сибирской равнины во многом еще не ясен. Были ли у них враждебные, союзнические, даннические или вассальные отношения в настоящее время по археологическим материалам установить крайне сложно, а письменные источники не дают ответа на этот вопрос. Археологи склоняются к тому, что отношения аборигенов и пришельцев были мирными. Длительное сосуществование двух этнических групп стало возможным потому, что их хозяйственная деятельность была различной. Аборигенное население занималось охотой, рыболовством и отгонным скотоводством, причем данные отрасли, пожалуй, были равнозначны. Что же касается тюрок, то в их хозяйственной деятельности ведущее место занимало кочевое скотоводство. Древнетюркскую эпоху принято разделять на несколько этапов: раннетюркское время (V - середина VI в.), тюркское время (середина VI - середина IX в.), позднетюркское время (середина IX - конец X в.), пред-монгольское время (XI - XII вв.). В основе этой периодизации лежат исторические процессы, проис-

89

ходившие с тюркоязычным населением Южной Сибири, однако она находит подтверждение и в археологических источниках.

Говорить о непосредственном проникновении в западносибирскую лесостепь значительных групп тюркоязычного населения можно, видимо, начиная с VIII в. Именно к этому времени относятся некоторые памятники, погребальная обрядность и инвентарь которых позволяют связывать их с тюркоязычным населением. Процессы взаимовлияния постоянно проникающего на территорию лесостепной и южнотаежной Западной Сибири тюркоязычного населения с аборигенными носителями продолжались, начиная с VIII в., в течение нескольких столетий. Это привело в первой половине II тыс. к сложению современных этнических образований на данной территории.

В раннетюркское время население западносибирской лесостепи и южно-таежной зоны практически не контактировало с тюркоязычным населением. Первоначальное влияние раннетюркской культуры на население Западно-Сибирской равнины заключалось лишь в проникновении отдельных категорий вещей (некоторые типы украшений, оружия, предметов конской упряжи).

Остановимся на политических событиях, происходивших на территории Южной Сибири и сыгравших большую роль в жизни ряда племен Западно-Сибирской равнины. О них сообщают китайские и арабские письменные источники. В первую очередь речь идет о падении мощи *хуннов*, распаде их государства и передвижении самих хуннов на запад. В это передвижение были втянуты многие народы, оказавшиеся на их пути (например, носители саргатской культуры). После ухода хуннов Южная Сибирь (в т.ч. Алтай) оказалась в сфере влияния монголя-зычных *жужаней*, государство которых просуществовало с 359 по 555 г. Среди подчиненных племен оказались и племена *тюгю* (тюрки, жившие, вероятнее всего, на территории Монгольского Алтая). Именно тогда впервые упоминается этот народ, сыгравший большую роль в истории восточных этносов.

Подчинены были и сами тюрки, родственные им племена *теле* (название сохранилось у их потомков - телеутов Алтая) и народ *китигисы* (кыргызы), или *хягас* (совр. хакасы). В составе теле находились *уйгуры*.

В 555 г. образовался Первый тюркский каганат, создателями которого были тюрки-тюгю. Племена теле занимали в нем зависимое положение. Примерно за двадцать лет в состав этой державы вошли огромные территории: западная граница каганата доходила до р. Волги, а восточная - до р. Хуанхе. Такое раннее государство, населенное различными племенами и народами, не могло быть прочным и быстро распалось на Западный и Восточный каганаты, а к середине VII в. и они прекратили свое существование. В 679 г. был воссоздан Второй тюркский каганат. Его границы уступали границам Первого каганата, а основные военные действия были направлены против племен Монголии и

Южной Сибири. Значительное сопротивление тюркам оказывали уйгуры, входившие в состав племенного объединения теле.

В 745 г. на смену Второму тюркскому каганату Рус пришел Уйгурский каганат. Так завершилась многовековая борьба племен теле за свою независимость. Это государство также было сложным полиэтничным объединением. Главным его противником явились тюркоязычные кыргызы, с которыми почти постоянно велись военные действия. В 840 г. уйгуры были побеждены. Наступил период, который получил название *кыргызского великодержавия*. Он окончился в 924 г. Кыргызы постепенно слабели и вынуждены были отказаться от своих владений в Монголии. Но само государство в Минусинской котловине сохраняло свою самостоятельность вплоть до татаро-монгольского нашествия. Сокращение территории кыргызского каганата и внутренние процессы, протекавшие на территории собственно государства кыргызов, привели к распространению части населения за пределы Минусинской котловины. Население Западной Сибири не принимало непосредственного участия в перечисленных событиях, но не осталось от них в стороне. Торговые связи, установленные в рамках тюркских государств, давали возможность пользоваться их результатами и населению Западной Сибири. Часть знаменитого Шелкового пути находилась под тюркским контролем. Раньше остальных влияние тюрков испытало население Степного Алтая (Барнаульское Приобье). Кочевые группы тюркоязычных племен проникали и в лесостепное Прииртышье. Начался процесс тюркизации южной части Западной Сибири. Особенно активно он шел в связи с появлением кимако-кыпчакского объединения, самого значительного для евразийских степей эпохи раннего и развитого средневековья. Как предполагают ученые, кимаки были одним из ханских (уйгурских) племен и жили в Верхнем Иртыше. Кыпчаки, вероятно, были одним из кимакских племен. Название *кыпчаки* было принято на Востоке, в Центральной Азии. Часть племен этого объединения стало продвигаться на запад. На Руси их во звали *половцами*, в Центральной Европе - *команами*. Кимако-кыпчакское объединение как государство возникло в IX в. Центр его находился в Верхнем Иртыше, а территория расселения охватывала северные и западные предгорья Алтая, казахстанские степи вплоть до Семиречья. Существовало еще одно объединение, возникшее на одном из восточных участков Великой Степи. Речь идет о татарском государстве. Татары впервые упоминаются в надписи 732 г., когда выступили против Уйгурского каганата и потерпели от него поражение. В IX в. они упоминаются как враги кыргызов и союзники последнего Уйгурского кагана. В IX - XII вв. уже имеются сведения о татарском государстве, существовавшем между Северным Китаем и Восточным Туркестаном. Эту территорию стали называть *татарской степью*. Когда в самом начале XIII в. монголы начали свое продвижение из степей Монголии, они заняли территорию всем тогда известной «татарской степи», по которой и были названы. Сами

90

себя монголы татарами не называли, этот термин привился в Средней Азии, на Ближнем Востоке и на Руси. В 1207 г. монгольская армия под командованием Джучи (сына Чингисхана) нанесла сокрушительный удар по населению Саяно-Алтайского нагорья. Образовался «улус Джучи». При своем стремительном продвижении на запад монголы разбили государство кыргызов, которое так и не смогло оправиться от удара. Такова схема политической истории, непосредственно затронувшей население Западно-Сибирской равнины. На основной ее части продолжали жить местные, аборигенные племена, развивая свою культуру и вступая в сложные взаимоотношения с тюркоязычным населением. Остановимся на том, как связываются с этим населением археологические памятники Западно-Сибирской равнины.

С тюркоязычными племенами (или с их влиянием) обычно связывают погребения с конем. В VI - VII вв. на широкой степной азиатской территории, примерно совпадающей с возможным расселением тюрков, теле и близких к ним групп, распространились курганы с

обрядом трупоположения в одной могиле с конем. Человека и коня разделяли друг от друга каменными плитами или деревянным заборчиком. Обряд захоронения с конем существовал в Горном Алтае и его предгорье еще в эпоху раннего железа, но в степной части не был известен. В VIII - IX вв. пришлое тюркоязычное население смешивалось с аборигенами. Захоронения с конем появились и в степной части Алтая. Встречаются погребения, на которых сочетаются черты культур тюрок (погребения с конем) и аборигенов (местная керамика).

Погребения кимаков связываются с курганами Верхнего и Среднего Прииртышья. В могилах находят не только кости целого конского скелета, но и сочетание черепа и костей ног лошади. Судя по их расположению, можно предположить, что хоронили чучело коня, покрытое шкурой, с головой и ногами. Сопроводительное захоронение производилась на ступеньке внутри могилы или на одном уровне с человеком. В кимако-кыпчакское объединение входили различные племена. Определить погребальный обряд каждого из них пока представляется трудным.

Как уже говорилось выше, с падением «велико-державия» кыргызов началось их расселение за пределы Минусинской котловины, в том числе и в Западную Сибирь. В связи с этим надо упомянуть погребальный обряд кыргызов. Для него было характерно трупосожжение, совершенное на стороне, и наличие тайников с вещами.

Остановимся подробнее на сросткинской культуре, которую выделил М.П. Грязнов при раскопках на Ближних Елбанах под г. Барнаулом. Он датировал эту культуру IX - X вв. В настоящее время значительный вклад в изучение сросткинской культуры внес Д.Г. Савинов. Для нее характерно сочетание погребального обряда пришлого тюркского (в широком смысле этого слова) и аборигенного населения. В связи с этим появляются различные трактовки самой культуры. Ее относят к расселению кимаков, связывают с остатками кимако-кыпчакского объединения. Отдельные ученые говорят о сросткинской культуре как о результате слияния тюркского населения с аборигенами. Датируют ее тоже по-разному: IX - X вв., VIII - XII вв., X - XII вв., IX -XIV вв. и т.д. Наиболее убедительно мнение Д.Г. Савинова, который связывает сросткинскую культуру с кимаками, продвигавшимися из северо-восточного Казахстана на север и северо-восток, и датирует ее IX - XI вв. К XII - XIII вв. сросткинская культура, по мнению большинства исследователей, прекратила свое существование. В погребениях значительно реже стали встречаться захоронения коня или его чучела.

Монгольское завоевание начала XIII в. не внесло больших изменений в культуру степного населения. Оно по-прежнему оставалось в основном тюркоязычным. Во второй половине I - первой половине II тыс. н.э. на лесостепной территории Западно-Сибирской равнины, как и в эпоху раннего железа, продолжали жить самодийские и угорские племена, вступавшие в сложные взаимоотношения с проникающим на их территорию тюркоязычным населением. В ряде случаев погребения с конем встречаются и на территории, пограничной между лесостепью и южной тайгой. Лес мешал ведению привычного для тюрок кочевого и полукочевого хозяйства, поэтому в лесной полосе продолжало жить аборигенное население (угры и самодийцы), которое подверглось определенному влиянию тюркской культуры.

Рекомендуемая литература

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. - СПб, 1994.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири. - Омск, 1999.

Могильников В.А. Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X - XII и XIII - XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1981. - С. 29 - 46, 190 - 200.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. -Л., 1984.

Савинов Д.Г. Государства и культуригенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. - Кемерово, 1994.

ГЛАВА 14 СРЕДНЕЕ ПРИИРТЫШЬЕ ВДРЕВНЕТЮРКСКОЕ И ПЕРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (V - XIII ВЕКА)

ПОТЧЕВАШСКАЯ КУЛЬТУРА

Эта культура была выделена В.И. Мошинской и получила свое название по урочищу Потчеваш под Тобольском, В.И. Мошинская отнесла эту культуру к раннему железному веку (к рубежу эр). Позже аналогичные памятники раскапывали в Среднем Прииртышье екатеринбургские археологи во главе с В.Ф. Генингом. Затем потчевашские памятники были обнаружены на р. Оми (исследования В.И. Молодина и В.С. Елагина) и в Среднем Прииртышье (В.А. Могильников), В последнее время исследованиями на памятниках потчевашской культуры на Иртыше занимался Б.А. Конигов.

Как показывают археологические материалы, потчевашская культура была распространена на территории Приомья, Приишимья и в Среднем Прииртышье, Отдельные памятники известны в верховьях Иртыша и Северном Казахстане. В.И. Молодил и В.С. Елагин полагают, что эта культура складывалась еще в эпоху раннего железа, на рубеже эр. Они отнесли памятники этого времени к сперановскому этапу потчевашской культуры. В.Ф. Генинг датировал потчевашскую культуру V - VIII вв. В.А. Могильников, написавший обобщающую работу по потчевашской культуре, относит ее к VI - IX вв. Б.А. Конигов не указывает конкретной даты, он лишь говорит о «раннем средневековье», а памятники раннего железного века считает кулайскими.

В происхождении потчевашской культуры значительную роль сыграли мигрировавшие в Прииртышье племена кулайской культуры, Они ассимилировали местные племена (например, саргатские и новочекинские). Большинство ученых связывает потчевашскую культуру с уграми. Население относится к монголоидному типу. Сама культура в своем развитии прошла два этапа: сперановский и горносталевский (VII в.).

Памятники потчевашской культуры представляют собой укрепленные и неукрепленные поселения, курганы и грунтовые могильники. К настоящему времени их известно более сотни. Расположены они неравномерно, В степи и лесостепи их мало, а на кромке таежной и лесостепной полосы плотность заселения была выше.

Одним из наиболее известных памятников является Логиновское городище на р. Ишим. Оно имело мощную оборонительную систему из внешнего рва и внутреннего вала. Ров (ширина 2 - 3 м) имел вертикальные стенки. Вал был сложен из бревенчатых клетей, заполненных землей из рва, а его высота достигала 3 м. Прослежены полукруглые выступы вала, являвшиеся основаниями башен. Ко внутренней стенке вала примыкали полуземляночные жилища, видимо, тоже входившие в состав оборонительной системы. Около городищ располагались селища, составлявшие вместе единое целое. Широко использовалось сооружение двух-трех линий укреплений, что значительно повышало обороноспособность городищ. Основным противником, который наступал с юга, были тюрки, активность которых усилилась к VIII в. Возможно, происходила борьба между отдельными группами потчевашских племен.

На ряде поселений исследованы жилища. Они могли располагаться беспорядочно или рядами, образуя улицы. Площадь жилищ была небольшой: 16 - 34 м². Они представляли собой неглубокие полуземлянки со стенами бревенчатой или столбовой конструкции, имели открытые или сводчатые очаги. Некоторые жилища одновременно были и бронзолитей-ными мастерскими.

Могильники были в основном грунтовыми, но встречаются и курганные. Полностью исследованы курганные могильники Окуневский (на р. Тара) и Лихачевский (на р. Ишим). Для потчевашских погребений характерно сочетание трупосожжений и трупоположений. Размеры неглубоких могил в обоих случаях были одинаковыми. Сожжения совершались

на стороне. Прах еще раскаленным помещали в могилу, поэтому некоторые бронзовые изделия оплавлены. В Лихачевском могильнике сожжения отсутствовали, но обжигались стенки могил и деревянные конструкции. В могилах с труположением скелеты располагались на берестяной подстилке, головой преимущественно на северо-запад, в вытянутом или скорченном (реже) положении. Сопроводительный инвентарь включал глиняные сосуды, поясные наборы, предметы вооружения и уздечного набора, различные украшения. В одном случае встречено погребение взнузданного коия, К IV - V вв. относится выделяющееся из общей массы потчевашских захоронений одиночное

92

грунтовое погребение на Сопке-2. Оно демонстрирует факт неоднородности населения Барабы в это время. В могиле вместе с хорошо вооруженным воином на специальной приступке лежал скелет коия. Воина сопровождали железный палаш, серебряная обкладка ножен, пряжки поясного набора и др. Особенно интересно навершие палаша из золота, эмали, хрусталя и бронзы. Верхняя его часть выполнена из золота и представляет собой колпачок, украшенный зернью и узором из перегородчатой эмали. Ниже расположена основа навершия - многогранник из горного хрусталя. Обе части скреплены бронзовым стержнем. Аналогичное, но более богатое погребение обнаружено на территории лесостепного Алтая в Тугозвоновском могильнике. Оба погребения можно связывать с гуннами.

В инвентаре потчевашской культуры наиболее полно представлена керамика. Почти все сосуды были круглодонными и орнаментированными. Для орнамента, покрывавшего верхнюю треть сосуда характерна строгая зональность и тщательность исполнения.

Типичен фигурный штампованный орнамент, сохраняющий традиции кулайской культуры («уточки», полудунки); пояски из ямок наносились поверх орнамента. В целом потчевашские сосуды отличаются нарядностью и пестротой узора.

Хорошо представлено вооружение. Это костяные и железные наконечники стрел обычных форм и гарпунные (видимо, для ловли рыбы). Встречены копья и одна сабля. Защитное вооружение представлено железными пластинками панциря.

Из орудий труда известны железные ножи с костяными и деревянными рукоятками, кельты, глиняные и костяные пряслица. Для раскалывания дерева применяли костяные и роговые клинья. Глиняные тигли и льячки были орудиями бронзолитейщиков. Орудия, связанные с железоделательным производством, не найдены, но о его высоком развитии свидетельствует повсеместное распространение железных изделий. Уздечный набор и поясная гарнитура типичны для этого времени. Стремена были не только железными, но и костяными. Встречено одно стремя, изготовленное из подрезанной лопатки животного и имевшее прорези для ног всадника и ремня, ведущего к седлу.

Наиболее распространенными украшениями были серьги и бусы, а перстни, браслеты и зеркала единичны. К числу детских игрушек, вероятнее всего, надо отнести обломки глиняных скульптурок лошади, найденные на ранних потчевашских поселениях. Грива на них изображалась зашипами, хвост показан небольшим налепом. Вместо ног дано лишь основание, в сохранившиеся отверстия которого вставляли палочки, изображавшие ноги. Некоторые исследователи считают эти фигурки культовыми.

Экономика населения была комплексной, производящей. Главное занятие - скотоводство. Основу стада составляли кони и мелкий рогатый скот. Разводили и крупный рогатый скот. В одном случае найдены кости верблюда. В условиях снежных зим и при отсутствии домашнего содержания скота лошадь была особенно удобна для содержания. Земледелие играло второстепенную роль. Значительное количество пищи давала охота, особенно на лося. Пушнина употреблялась как в домашнем хозяйстве, так и на вывоз. Судя по частым находкам рыбных костей и чешуи, большое значение в хозяйстве имела рыбная ловля. Комплексное многоотраслевое хозяйство давало возможность людям при определенных

климатических условиях акцентировать внимание на скотоводстве, при других - на охоте и рыбной ловле.

Население занималось бронзолитейным и железоделательным производством, ткачеством. Железо получали из болотной руды. Ножи изготавливали из железа и стали. Клинок закаливали в холодной воде, в результате чего металл становился более твердым.

Основным методом обработки орудий являлась свободнаяковка.

Особенно надо остановиться на предметах искусства, широко представленных в потчевашской культуре и отражающих религиозные мировоззрения населения. Они вылиты из бронзы и входят в круг средневекового урало-сибирского искусства. В нем значительное место уделено культу хозяина леса - медведя. Характерны прямоугольные бляшки с изображением трех голов медведя, лежащих на передних лапах. Встречена фигурка стоящего медведя. На круглой бляшке реалистично выполненная голова медведя венчает лицо мужчины с небольшой бородкой и рельефным носом. Такая же голова медведя изображена на крупной бляхе в виде филина. Найдены изображения водоплавающих птиц. Хищные птицы представлены лесным филином с типичными круглыми «ушами». Его изображали с распростертыми крыльями и объемной головой. Встречаются сложные изображения в урало-сибирском зверином стиле. Остановимся на нескольких из них. Крупная бронзовая бляха изображает филина с распростертыми крыльями. На его груди выполнена личина и упомянутая выше голова медведя. На другой, исключительно художественной и реалистично выполненной бляхе, найденной на Мурлинском городище, представлены обращенные друг к другу две фигуры бобров, соприкасающиеся носами, передними и задними лапами. Вероятно, это самец и самка. Между ними помещена маленькая фигурка человека (скорее всего, ребенка). Еще на одной бляхе изображена птица с двумя сложенными крыльями и головой, похожей на медвежью, но с клювовидным носом. Туловище птицы переходит в две обращенные друг к другу фигурки небольших гибких зверьков с соприкасающимися лапами. Такие изображения, безусловно, были связаны с недошедшими до нас легендами или сказаниями.

ТЮРКИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ

В VIII в. на территорию носителей потчевашской культуры начали проникать надвигающиеся с юга тюркоязычные племена, входившие в состав кима-

93

ко-кыпчакского объединения, образовавшегося в Верхнем Прииртышье. В связи с этим особый интерес представляет могильник Чулым-2, расположенный у истока р. Чулым в Здвинском районе Новосибирской области. Он содержал 57 курганов, которые, судя по инвентарю, можно датировать VIII -IX вв. Исследовано 37 курганов. Насыпь сооружалась из пластов дерна. Курган мог содержать от одной до одиннадцати могил, размер которых зависел от роста погребенного. Могилы были окружены небольшим рвом. На памятнике преобладал обряд ингумации; сожжения единичны. Погребенные были ориентированы головой на северо-восток -восток. Примерно в половине могил обнаружены череп и кости ног коия (остатки чучел), которые лежали на приступочке или на дне. Могильник Чулым-2 интересен сочетанием местных потчевашских и пришлых тюркских традиций. В нем встречена нарядно орнаментированная типичная потчевашская круглодонная керамика, изготовленная из отмученной глины. Наряду с ней обнаружены сосуды из рыхлой глины (чаще всего толстостенные). Преобладают плоскодонные сосуды горшковидных и баночных форм. Они могли быть неорнаментированными или покрытыми пояском из ямок. Эти сосуды типичны для тюркского населения.

Сочетание местных потчевашских и пришлых тюркских традиций хорошо прослеживается и в синхронном могильнике Преображенка-3. Керамический комплекс явно местный. Основные орнаментальные мотивы - ряды «жемчужин», косые насечки по верхнему краю, отпечатки различных штампов (гребенчатого, ромбовидного, серповидного и т.д.). Встречены захоронения, сопровождаемые чучелом коия, что

характерно для тюркских погребений. В этом могильнике часты находки прорезных бронзовых блях для пояса и сережек со стерженьком и капле-видной подвеской.

Подобные изделия были широко распространены у народов тюркского мира: на Алтае, в Казахстане, Средней Азии и лесостепной полосе Сибири.

В VIII - IX вв. поселения продолжают оставаться потчевашскими. Хозяйственные интересы местного и пришлого населения не сталкивались друг с другом. Потчевашцы занимались в основном пастушеским скотоводством, рыболовством и охотой. Они широко использовали пойменные луга с их обильным травостоем, где можно было пасти скот, охотиться на водоплавающую птицу, ловить рыбу в реках и озерах. Пришлые тюрки занимались в основном кочевым скотоводством. Их интересовали свободные от леса степные просторы. Поэтому на одной территории могли сосуществовать два различных народа, каждый со своим хозяйством. Однако укрепленные потчевашские городища (тюркских поселений в это время не существовало) говорят о том, что отношения между ними были не только мирными.

Д.Г. Савинов относит вышеописанные памятники к сросткинской культуре, полагая, что ее компонентами явились местные угорские (или угро-самодийские) племена и проникшее на территорию Барабы

тюркоязычное население - кимаки или племена, входившие в состав кимако-кыпчакского объединения и жившие в Восточном Казахстане. Постепенно в районах Приомья и части Приишимья шло слияние этих народов, происходила дальнейшая тюркизация аборигенного населения. Особенно активно этот процесс происходил в IX - XII вв.

Произшедшие изменения хорошо прослеживаются на примере ряда могильников. Одним из наиболее интересных курганов этого времени для Барабы является курган у с. Олтарь, содержащий сырцовый склеп, раскопанный В.И. Соболевым. Курган был сильно разграблен, но можно восстановить процесс его сооружения. Сначала была вырыта погребальная камера глубиной в 75 см. Дно ее выстлано берестой, на которую положили двух умерших вместе с сопроводительным инвентарем. Затем все это снова перекрыли слоем бересты. Перед возведением сырцовой кладки рядом с котлованом было совершено ритуальное захоронение ребенка. Затем над могильной камерой был построен сырцовый сводчатый склеп, который перекрыл и детское погребение. Размер склепа 6 x 6,5 м², а величина погребальной камеры 2,25 x 2,25 м². Кирпичи были изготовлены на месте: рядом с курганом располагались три ямы, из которых, видимо, брали глину и добавляли в нее песок и траву. Такие сооружения хорошо известны в Северо-Восточном Казахстане среди памятников IX - XI вв. Погребение было ограблено: грабители проникли в склеп, разрушив его свод. В могиле сохранились остатки широкого пояса из гофрированной кожи, на котором были расположены позолоченные бляшки, изображавшие собакоподобных животных с загнутым к шее хвостом, и розетки с растительным орнаментом. Найден котел с железными ручками, изготовленный из листовой бронзы. Можно предположить, что человек, погребенный в этом склепе, имел высокое социальное положение.

Курганные могильники Осинцево IV и Венгерово VII были расположены на первой надпойменной террасе. Чаще всего погребения совершались на уровне древней поверхности. Площадка предварительно обмазывалась глиной. Углы сруба тоже смазаны глиной. Сруб имел четырехскатное перекрытие из тонких жердей и веток. После совершения погребальных и поминальных обрядов сооружение поджигали. Насыпь воздвигали из земли и блоков дерна. Она имела вид низкой усеченной пирамиды с плоским верхом и пологими склонами. Вокруг пирамиды выкапывали округлый или подпрямоугольный ров с входами-перемычками. Большая часть курганов была ограблена их современниками: прямо над могилой вынимали куски дерна, а после ограбления дерновые брикеты были снова уложены на место. Д.Г. Савинов, раскопавший эти курганы, относит их к венгеровской культуре, датируя XI - XII вв. Он полагает, что усеченно-пирамидальная форма насыпи и брикеты из пластов дерна подражают кладке из сырцовых

кирпичей. Этот обычай, по мнению исследователей, был привнесен в Барабу в конце I тыс н.э. кимаками.

94

Находки, обнаруженные в Осинцевских и Венгер-овских курганах, крайне малочисленны: железные ножи, железные и костяные наконечники стрел, стремя и звено удила. На этом бедном фоне особенно выделяется пластина с изображением в фас человека в полный рост. Хорошо передано его лицо: нос без переносицы, крупные глаза, открытый рот с двумя рядами зубов. Трехпалые кисти рук сложены на животе; пояс украшен бляшками. Волосы показаны в виде двух развивающихся по сторонам прядей. На щеки нанесена татуировка в виде завитков. Вся фигура окаймлена овальной рамкой из канта. В целом изображение типично для урало-сибирского стиля и датировано IX - X вв.

К более позднему времени относится могила, обнаруженная на памятнике Сопка-2. В могильной яме, в двухслойном берестяном чехле лежал скелет. Его сопровождало чучело коня. Могила была перекрыта бревнами, сверху которых лежала береста. При расчистке этих бревен обнаружен скелет крупной рыбы. Могила датируется концом XII - началом XIII в.

К XIII - XIV вв. относятся несколько памятников, обнаруженных на Сопке-2. Это культовые места, которые внешне выглядят как курганы, но не содержат захоронений. На уровне древней почвы сооружался невысокий сруб размерами 3 x 3 м. В его углах располагались сосуды, опрокинутые вверх дном. Сруб был подожен со всем инвентарем. При раскопках обнаружены железные и костяные наконечники стрел, деревянные чашки и блюда-корытца, деревянные доски, украшенные резным орнаментом. Особый интерес представляют три деревянные фигурки идолов. Два из них остроголовые, с подчеркнутыми руками и ногами. Высота этих идолов доходит до 130 см. Третий идол антропоморфный. У него остроконечная голова, птичий хвост и длинный фаллос. В.И. Молодин полагает, что эти памятники относятся к уграм, у которых, судя по этнографическим данным, вплоть до современности в глухих таежных уголках сохраняются аналогичные культовые места.

Так, в начале II тыс. н.э. на территории Барабы складывалась основа для развития барабинских татар. Под натиском тюркоязычных племен местное население было частично поглощено пришельцами, частично оттеснено на север. В лесном Среднем Прииртышье, мало пригодном для жизни тюрков, продолжали жить местные племена. Здесь сложилась про-тоугорская усть-ишимская культура.

УСТЬ-ИШИМСКАЯ КУЛЬТУРА

Она была распространена в основном в лесной полосе Среднего Прииртышья и частично в его лесостепной зоне. Свое название культура получила по курганному могильнику у с. Усть-Ишим Омской области. Основная часть памятников сосредоточена на правом берегу Иртыша и его притоке Таре. Исследования проводились в основном В.А. Могильниковым, который датировал эту культуру IX - XIII вв. Б.А. Коников подытожил весь собранный материал в монографии «Таежное Прииртышье в X - XIII вв. н.э.» (1993 г.). Оба названных ученых связывают усть-ишимскую культуру с угорским населением - обскими хантами.

По своему происхождению усть-ишимская культура тесно связана с предшествующей потчевашской культурой и занимает ее площадь, за исключением лесостепного Прииртышья и Пришимья, которые заняли тюркские племена, ассимилировавшие или вытеснившие на север местное население.

Памятники усть-ишимской культуры представляют собой курганные могильники и поселения, среди которых преобладают укрепленные городища. Городища имели сложную оборонительную систему, которая состояла из двух-трех систем рвов и валов с бастионами. Это свидетельствует о значительной военной опасности, которой

подвергалось местное население. К укрепленным поселениям обычно прилегали селища (прослеживаются в виде западин, оставшихся от жилищ).

Наиболее полно исследовано городище Кипо-Кулары III. За пределами вала выявлено жертвенное место, на котором обнаружены скопления из десяти черепов и костей лошади, костей медведя, лося, а также захоронение собаки. Найдено большое количество обожженных костей и вещей, угли. Видимо, это остатки жертвоприношений.

Жилища были наземными и полужемляночными. Вдоль стен жилищ иногда располагались возвышения - остатки земляных нар. Вход имел вид коридора. Очаги чаще всего были открытыми. В одном случае обнаружена двухкамерная печь со сводчатым перекрытием; камеры разделены глиняной перегородкой и сообщались при помощи небольшого круглого отверстия. Заполнение печи состояло из золы и углей. Как полагает В.А. Могильников, такие печи могли использоваться как для повседневных нужд, так и для обжига керамики. Насыпи курганов имели темно-серый цвет. Видимо, их складывали из кусков дерна. В кургане находилось от одного до трех захоронений, причем в каждом случае насыпь подсыпалась. В насыпях сохранились остатки тризн и жертвоприношений в виде глиняных сосудов и костей лошади, отдельных вещей, украшений и уздечного набора. В одном из курганов могильника Усть-Ишим обнаружен пояс с бронзовыми бляхами, перевернутый вверх дном сосуд, серьги, подвески, сбруйные бляшки и 395 стеклянных бус (скорее всего, были нашиты на покрывало или попону). Погребенные лежали в неглубоких могилах, чаще всего головой на северо-запад. В одном случае человека сопровождало чучело коня (сохранились череп и кости ног), вместе с которым найдены стремена, удила и бронзовые бляхи. В погребальном обряде часто практиковалось разведение костра. Его разжигали на дне могилы, на перекрытии, в насыпи или на дне погребенной почвы, за пределами захоронений.

В инвентаре наиболее полно представлена керамика. Она круглодонная, орнаментированная. Фигурный штамп, характерный для потчевашской культуры, не встречается, сохранился лишь ромбический. Орнамент наносился гребенкой, насечками, уголко-

95

вым штампом и т.д. Он представляет собой ряды наклонных линий, «елочки», арки и др. Почти всегда присутствует поясок из круглых ямок или «жемчужин». На одном сосуде гребенчатым штампом изображен ряд из человечков, отделенных друг от друга вертикальными рядами из уголков. Оружие и поясные наборы обычны для этого времени. В одном погребении найден плоскодонный бронзовый ковш южного (скорее всего, хазарского) производства. На его дне изображен бык, на рукоятке - орел. На боковой поверхности размещены две сцены. На нижней представлена охота всадников на кабана и льва, а на верхней изображен охотник вместе с собаками, преследующие зайца. Можно предположить, что такой ковш был приобретен в обмен на нушнину.

Среди находок усть-ишимской культуры встречены многочисленные астрагалы, свидетельствующие об увлечении игрой в бабки. Причем найдены и астрагалы-биты. Для увеличения веса они были обмотаны тяжелым металлическим прутком. На поселении Кипо-Кулары III найден варган - губной музыкальный инструмент, представляющий собой прямоугольную костяную пластинку с отверстием в центре. Подобные варганы были известны у обских угров еще в XX в.

Особенно интересны усть-ишимские произведения изобразительного искусства, в основном продолжившие традиции потчевашской культуры. Сохранились изображения водоплавающих птиц, медведей в жертвенной позе (голова, лежащая на передних лапах). Встречена бляшка в виде двух бобров, обращенных друг к другу, с соприкасающимися носами, а также передними и задними лапами. Однако между ними помещена не фигурка человечка, как это было на бляшке из потчевашского Мурлинского городища, а личина. Появились новые мотивы: голова и фигура коия, изображения людей в полный рост или в виде личин. Уникальна бляха с изображением человека-змеи. Он выполнен в полный рост,

а его руки и ноги переходят в змеиные туловища с широко разинутыми пастьми. Такая же змея помещена над его головой. Не исключено, что подобные синкретические образы связаны с представлениями об оборотнях.

Встречаются и предметы изобразительного искусства, изготовленные из дерева. Это замечательная фигурка совы (или филина), хорошо сохранившаяся в бронзовом котле одного из погребений. Замечательным образцом творчества усть-ишимцев является костяная ложка с рукояткой, на конце которой вырезана конская голова.

В занятиях населения усть-ишимской культуры сочетались скотоводство, охота и рыбная ловля. Земледелие могло существовать лишь в южных районах. Разводили коней, крупный и мелкий рогатый скот. Встреченные на двух городищах кости верблюда не говорят о разведении здесь этих животных, а скорее свидетельствуют о связях с югом и зачатках караванной торговли. Важную роль играла металлургия. Сырьем для получения железа служила болотная руда; сохранились шлаки и остатки горнов. О бронзолитейном производстве говорят глиняные льячки, тигли и многочисленные бронзовые бляшки, серьги и другие украшения.

Усть-ишимская культура прекратила свое существование в XIII в., что было связано с появлением татаро-монгол. Часть населения была ими ассимилирована. Процесс постепенного продвижения тюркского населения был отмечен еще до этого: известно несколько погребений всадника с конем. Другая часть населения была оттеснена на север, где сыграла ведущую роль в формировании южных хантов.

КУЛЬТУРЫ ПРИТОБОЛЬЯ

На Ишиме расположены Абатские курганы, которые относятся к *саргатской культуре*. В одном из них, во внешнем рве, раскопано 7 могил, содержащих 23 скелета. Они определенно были специально помещены в саргатском кургане, хотя вопрос об их культурной принадлежности пока остается открытым. Погребенные покоились в вытянутом положении, головами на юго-запад и северо-восток. Число скелетов в могиле колебалось от одного до семи. С ними найден лишь один выразительный сосуд, который явно не является саргатским. Н.П. Матвеева, раскопавшая этот курган, полагает, что все погребения были совершены на последнем этапе функционирования кургана, когда его внешний ров значительно заплыл. Она считает, что раскопанные могилы могли принадлежать кашинской культуре Зауралья, пока еще слабо изученной. Но самым интересным оказалось то, что в сопроводительном инвентаре ярко представлены бронзовые изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле. Это бляшки с изображениями расположенных в один ряд трех голов медведей, полые фигурки стоящих медведей и зайца, бобры, соприкасающиеся носами, птицы с расправленными крыльями (среди них одна трехголовая), объемные изображения головы человека. Ближайшая культура с подобными изделиями, которые получили распространение с V в., - потчевашская. Ее памятники известны и на р. Ишим. Эта дата соответствует возрасту захоронений, что вполне совместимо с концом существования саргатской культуры (IV - V вв.). Непонятно лишь, почему довольно богатые бронзовым инвентарем погребения были специально помещены во внешний ров саргатского кургана и кому принадлежат эти могилы. Не исключено, что их оставило потчевашское население.

На берегах среднего и нижнего течения р. Туры, на которой стоит г. Тюмень, расположены памятники *молчановской культуры* (VII - IX вв.). Они представляют собой городища, курганы и костища. Характерной особенностью городищ было то, что валы их периодически подсыпались. Так, на городище Андрюшин Городок углубление рва и подсыпка вала производились не менее четырех раз. Сохранившаяся высота его вала от уровня дна местами достигает четырех метров. В курганах Перейминского могильника, расположенного недалеко от этого городища, удивительно хорошо сохранился на своих местах инвентарь. Бусы лежали в области шеи, бляхи - на груди, перстни - на пальцах, пряжки - у пояса, брас-

леты - на руках. Часть бус нашивалась на подол одежды. Особый интерес представляют костища. Это золистый пласт с включением пережженных костей, обломков костяных наконечников стрел и бронзовых пластинок. Рядом найдены раздавленные сосуды и остатки сгоревших деревянных изделий.

За молчановской культурой следует *юдинская культура* (X - XIII вв.). Обычно ее рассматривают в числе зауральских культур. Как и раньше, на памятниках встречаются костища. Одно из них раскопано на берегу Андреевского озера и носит название Песьянки. Его датировали по монете второй половины X в., использованной в качестве подвески. Культурный слой был буквально перенасыщен обломками пережженных костей лошади, волка, медведя и лося. Кости располагались кучками на одинаковом расстоянии друг от друга, а рядом с ними лежали предметы вооружения (железные наконечники стрел и дротиков) и украшения (бронзовые бубенчики, поясные накладки), личины идолов и сосуды. Видимо, это остатки амбарчиков, где хранились изображения духов и отдельные предметы. Возле них приносили в жертву животных. Особый интерес представляют остатки серебряного блюда восточного происхождения. Оно было нарезано на длинные и тонкие полоски, из которых изготовили украшения для панциря. Могильники грунтовые, с сожжениями и ингумацией. В обряде погребения прослеживается определенное своеобразие. Большую роль играл культ огня, «шедший свое отражение в сожжении и частичном обжигании при ингумации. На краю могилы обычно шведили костер, уголь которого ссыпали в яму. Збщим является и обычай ломать вещи перед их помещением в могилу. Отмечено большое сходство юдинской культуры с культурой Нижнего Приобья. В искусстве сохранился развитый звериный стиль. Часто встречаются бронзовые зооморфные изображения. Этническая принадлежность молчановской и юдинской культур считается древнемансийской. Проникновение тюрок на Туру в XIII - XV вв. привело к тюркизации мансийского населения. Появились погребения под курганами, угас звериный стиль, появились наборные пояса и сопроводительные захоронения чучел лошади. А на Верхней Туре и Тавде мансийское население сохранилось вплоть до прихода сюда русских первопроходцев.

Выводы

На территории Среднего Прииртышья в VI - XIII вв. проживало угрозыбное население, носители потчевашской культуры. С VIII в. в Среднее Прииртышье начали проникать кочевые тюркские племена. Аборигенное население, имевшее комплексное хозяйство и жившее в прибрежных районах, на первых порах продолжало жить на своих местах, не вступая в открытые конфликты с тюрками, ведшими отгонное скотоводство на открытых просторах. Со временем аборигенное население было оттеснено на север или ассимилировано. В таежном Прииртышье была распространена угорская усть-ишимская культура, население которой вело комплексное хозяйство. Она прекратила свое существование в XIII в. в связи с нашествием татаро-монгол. В лесной и лесостепной части Приобья складывалась культура древних манси.

Рекомендуемая литература

- Бараба в тюркское время.* - Новосибирск: Наука, 1988.
Елагин В. С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. - Новосибирск: Наука, 1991.
Конилов Б.А. Десять тысяч лет среднеиртышскому искусству. - Омск, 1996.
Конилов Б.А. Основы археологии Западной Сибири. - Омск, 1997.
Конилов Б.А. Таежное Прииртышье в X - XIII вв. н.э. - Омск, 1993.
Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. - Новосибирск: Наука, 1994. - С. 129 - 142.
Матвеева Н.П., Матвеев А.В., ЗахВ.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. - Тюмень, 1994. -С. 143-164.

- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М: Наука, 1987.-С. 163-236.
- Молодин В.И.* Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск: Наука, 1992.
- Молодин В.И., Новиков А.В.* Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1998.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В.* Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. - Новосибирск, 2000.

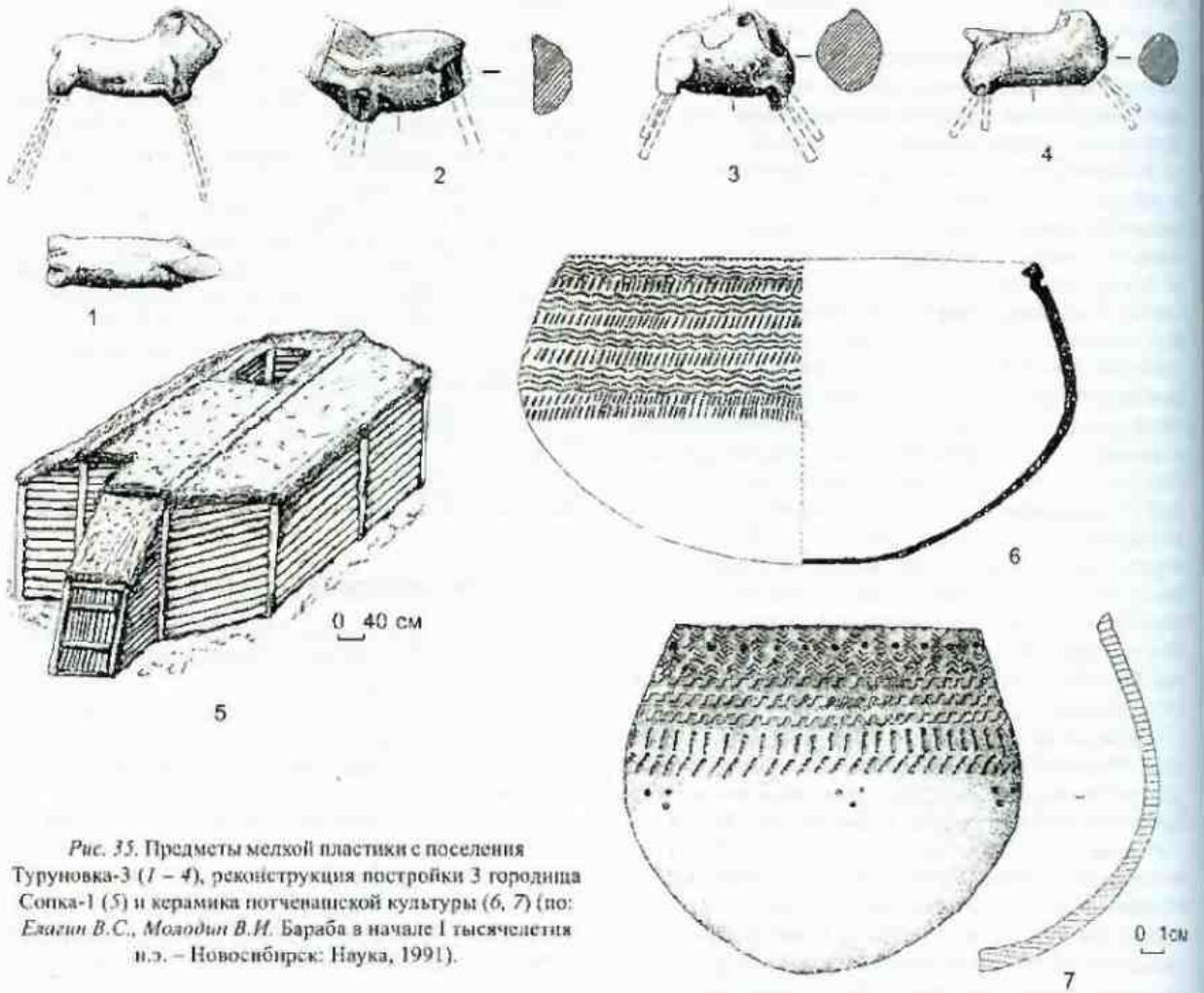

Рис. 35. Предметы мелкой пластики с поселения Туруновка-3 (1 - 4), реконструкция постройки 3 городища Сопка-1 (5) и керамика потчевашской культуры (6, 7) (по: Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. - Новосибирск: Наука, 1991).

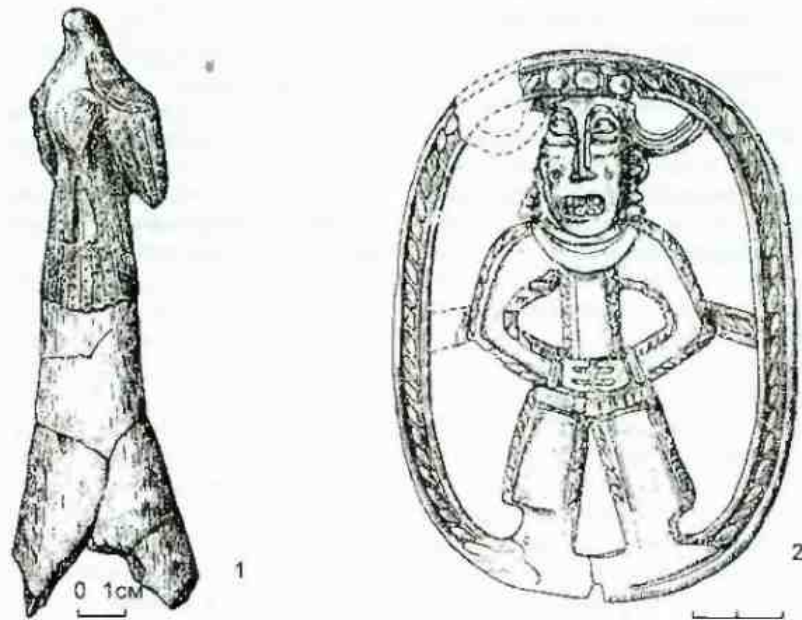

Рис. 36. Костяное наконечник с поселения Туруновка-3 (1) и бронзовая пластина с антропоморфным изображением из кургана № 6 могильника Венгеролово VII (по: Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба...; Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. - Новосибирск: Наука, 1988).

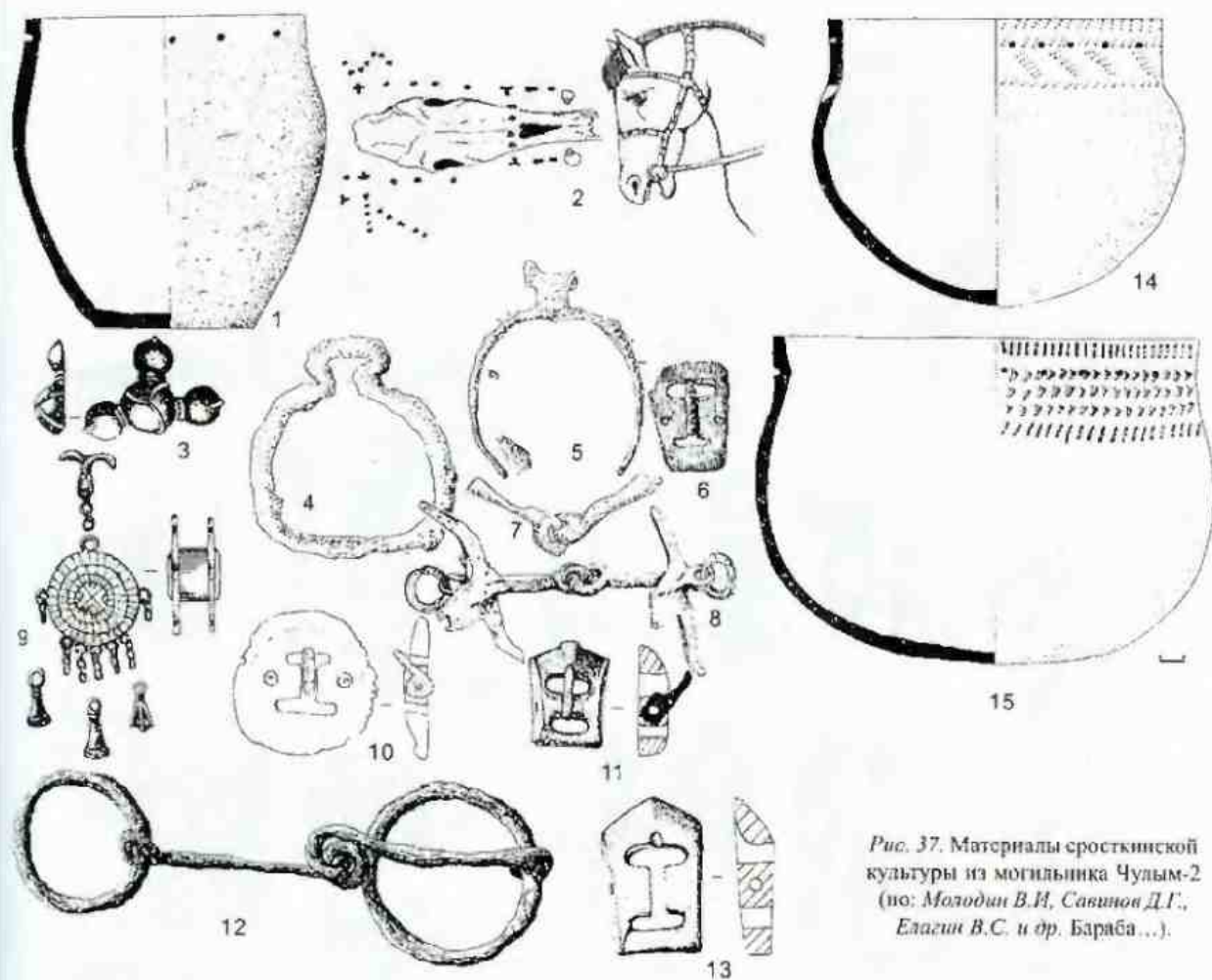

Рис. 37. Материалы сrostкинской культуры из могильника Чулым-2 (по: Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба...).

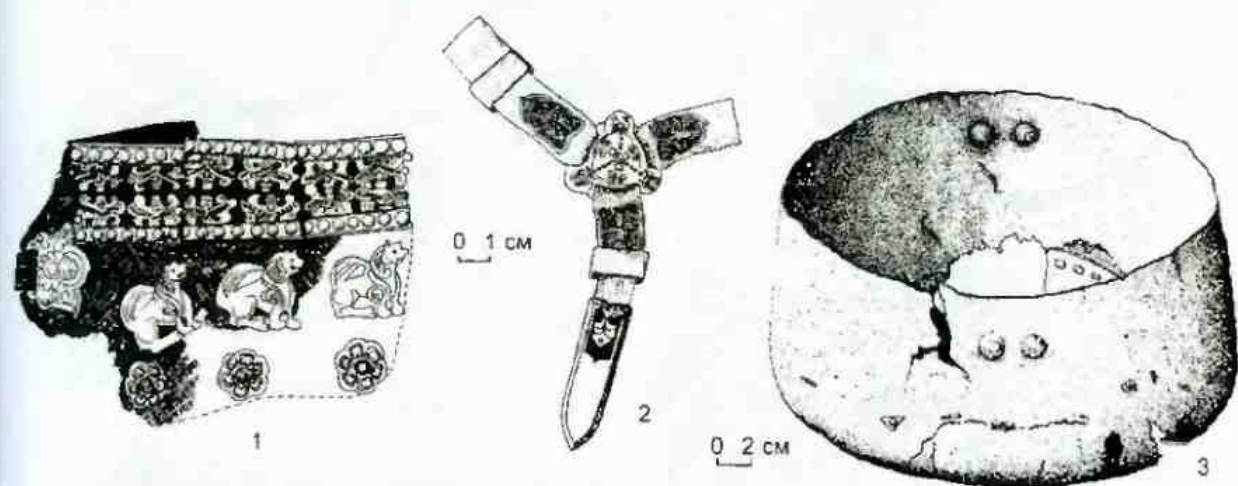

Рис. 38. Инвентарь могильника Олтарь-1 (по: Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба...).

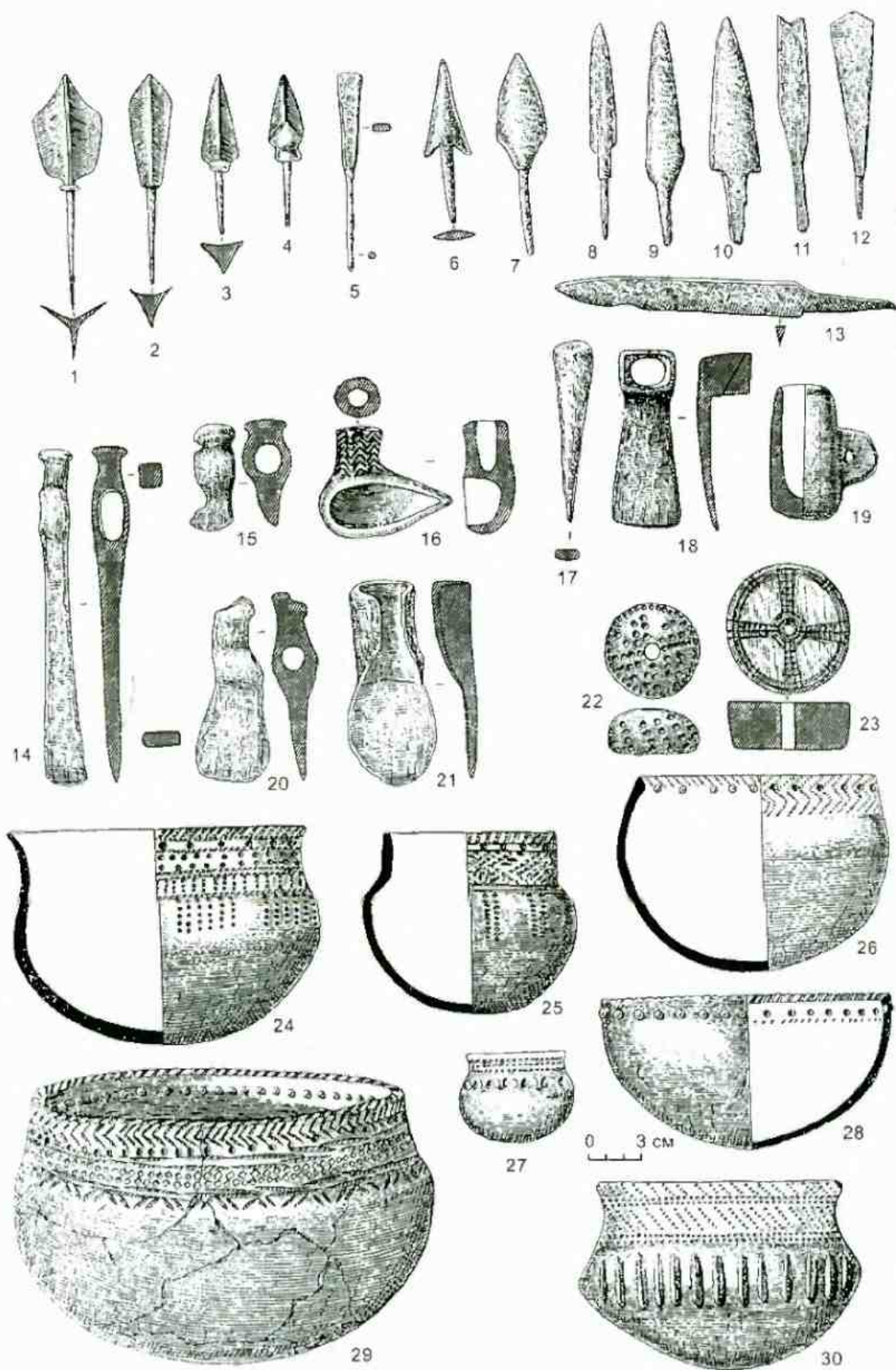

Рис. 39. Материалы усть-нимской культуры (по: Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М.: Наука, 1987).

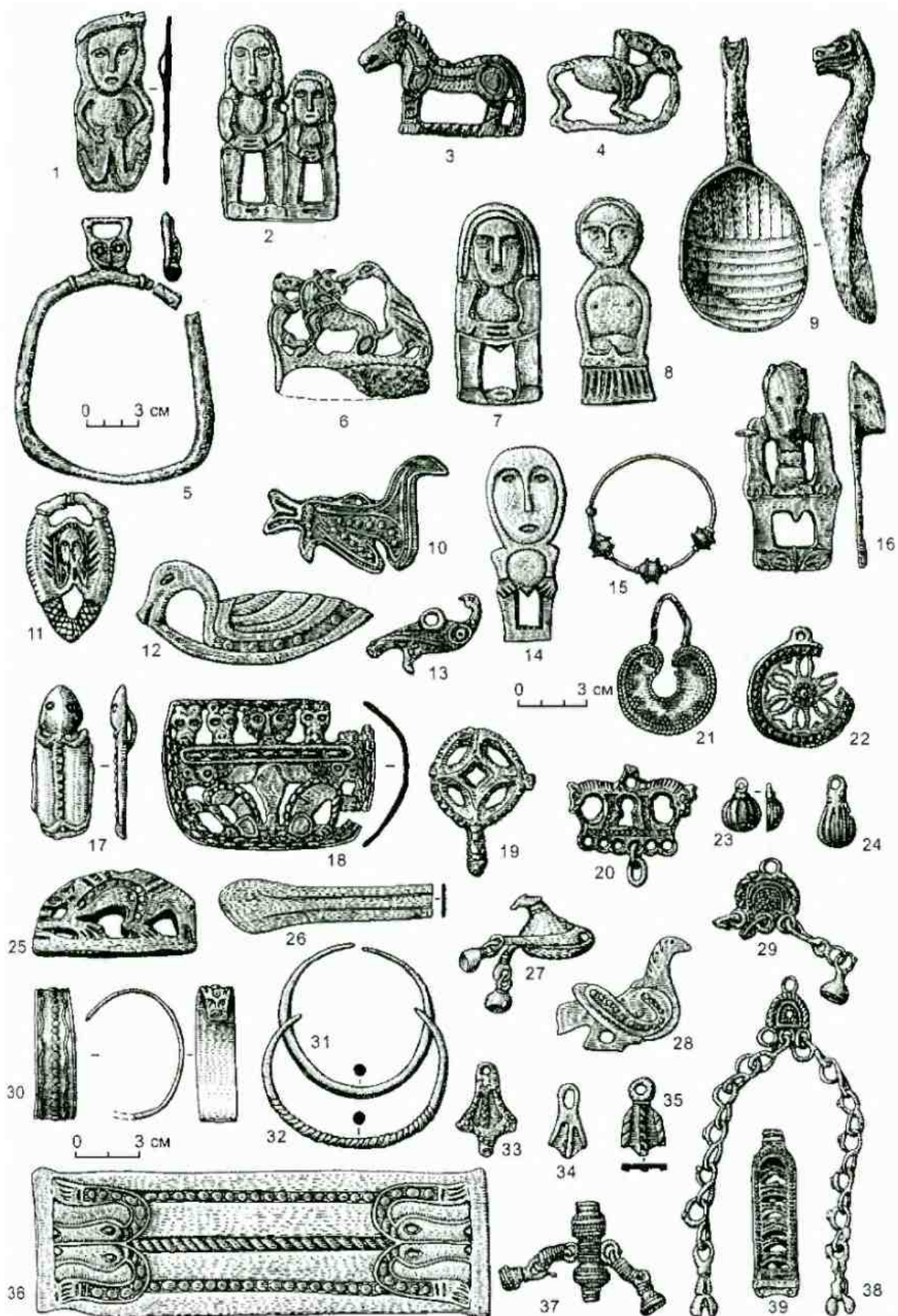

Рис. 40. Материалы усть-ишимской культуры (по: Могильников В.А. Угры и самодийцы...).

ГЛАВА 15 ПРИБЬЕ В РАННЕТЮРКСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ

ВЕРХНЕОБСКАЯ КУЛЬТУРА

Она была распространена в Верхнем Приобье: от впадения в Обь р. Томи - на севере и до слияния рек Бия и Катунь - на юге. На востоке ее территория включала Кузнецкую котловину. По своим особенностям верхнеобская культура может быть разделена на четыре территориальные группы (варианты).

Первая группа охватывает памятники Томского Приобья, очень близкие по характеру с расположенной к северу от них релкинской культурой. Южнее по Оби находится новосибирская группа памятников. Их южная граница доходит примерно до начала Новосибирского водохранилища. К югу от них, до слияния Бии и Катунь, располагаются памятники степного или равнинного Алтая (Барнаульского Приобья). Восточная кузнецкая группа охватывает Кузнецкую котловину и занимает побережье Средней Томи и бассейн р. Иня. Общая дата для верхнеобской культуры - V - IX вв. Сама культура возникла в результате слияния кулайской и большебереченской культур.

История исследования. Верхнеобская культура впервые была выделена М.П. Грязновым на основе проведенных им раскопок могильников у с. Большая Речка под г. Барнаулом. Он разделил культуру на три этапа: одинцовский (II - IV вв.), переходный (V - VI вв.) и фоминский (VII - VIII вв.). В Новосибирском Приобье полевые исследования в основном проводила Т.Н. Троицкая. Она на базе нового накопленного материала пересмотрела периодизацию М.П. Грязнова и отнесла фоминский этап к кулайской культуре, а одинцовский датировала V - VI вв. В целом это было принято сибирскими археологами. Сама культура на базе новосибирского материала ею была разделена на три этапа: одинцовский (V - VI вв.), тимиразевский (VII - начало VIII вв.) и юрт-акбалыкский (VIII - IX вв.). Материалы со всех памятников этого региона были обобщены в монографии Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова «Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье».

Л.А. Чиндина считает, что памятники Томского Приобья и северной части Новосибирского Приобья относятся к релкинской культуре. В Томском Приобье раскопки интересующих нас курганов (Архиерейский и Томский могильники) были произведены еще в XIX в., а полностью обобщили все материалы V - VIII веков Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова. В Кузнецкой котловине значительная часть памятников верхнеобской культуры была раскопана М.Г. Ель-киным. Его исследования продолжил и обобщил А.М. Илюшин в ряде своих работ. В западной части кузнецкого региона проводит исследования А.С. Васютин. В настоящее время на территории степного или равнинного Алтая (Барнаульского Приобья) успешные работы ведутся А.А. Казаковым. Он называет культуру одинцовской, выделяя три этапа: сошни-ковский (вторая половина IV - первая половина V в.), одинцовский (V - VI вв.) и тимиразевский (VII - VIII вв.). Сошниковский этап фактически являлся переходным от кулайской культуры к верхнеобской.

Памятники представлены могильниками и поселениями. Поселения наиболее полно изучены в Новосибирском Приобье. Почти все они однослойные, что значительно облегчает исследования. Полностью раскопано два городища - Черный Мыс-1 и -2, остальные разведаны или частично раскопаны. В Томском Приобье только одно поселение было однослойным. В Кузнецкой котловине изучение поселений только начинается. В Барнаульском Приобье полностью раскопано одно небольшое городище - Сошниково-1, датированное IV - V вв. Городища и поселения располагались на высокой надпойменной террасе над старицами, протоками или в устье небольших рек. Городища сооружали на возвышенном месте - холме или гриве. Они были окружены рвами и валами. Внешний вал сооружали из выброшенной при строительстве рва земли и укрепляли забором или плетнем, от которых на поверхности вала сохранились ямки. В ряде случаев оборонительные сооружения имели выступы: видимо, здесь располагались бастионы. Городища V - начала VIII в. просты по планировке и небольшие по размерам.

Их рвы и валы не отличались мощностью. По мнению некоторых исследователей, подобные рвы и валы не были оборонительными сооружениями, а лишь указывали границы поселения.

Оборонительные сооружения VIII - IX вв. сложнее и больше по своей протяженности. Для их возведения часто использовали не один холм, а две высокие площадки, каждая из которых имела свои укрепления. Их окружали общим рвом и валом. На участках пологого склона холма строили дополнительные сооружения. Так, городище Юрт-Акбалык-1 укреплено рвом даже со стороны не очень крутой обской террасы.

В овальных городищах жилища располагались по овалу: внешний ряд составляли все крупные и несколько малых полуземлянок, в центре находились малые. Во многих подпрямоугольных городищах жилища строили в два ряда: по краю террасы - крупные, за ними - небольшие. Как показали раскопки, малые постройки имели хозяйственной назначения, т.к. чаще всего в них не было очагов. Перекрытие жилища мог-

102

ло быть плоским. Большинство построек срубные. В ряде жилищ вход не прослеживался. Видимо, дверь, как в некоторых полуземлянках хантов, была расположена в стене выше уровня пола и открывалась не вбок, а вверх. В отдельных жилищах имелись материковые выступы, которые могли служить основой для нар. Культурный слой слабо окрашен, насыщенность его находками небольшая: 1 - 2,5 находки на один квадратный метр - в памятниках V - начала VIII в., немногим больше в поздних городищах.

Самой характерной и удивительной особенностью поселений верхнеобской культуры является почти полное отсутствие в культурном слое костей животных. В небольшом количестве они появляются лишь на памятниках VIII - IX вв. Отсутствуют и следы производственной деятельности. Видимо, у жителей строго соблюдался обычай выбрасывать мусор за пределы поселений. Интересно, что подобный обычай существует и у некоторых современных самодийцев (ненцев). В ненецких стойбищах мусор сбрасывают под откос или сжигают. По их поверьям, сразу после отъезда людей на заброшенных поселениях появляется дух, который собирает все остатки, а через них может наслать порчу на беспечных хозяев.

Могильники широко представлены на всей территории распространения верхнеобской культуры. Почти всюду погребения совершали в курганах. Насыпь сооружали не из дерна, как это было в эпоху раннего железа, а из материкового грунта - песка или суглинка, который брали рядом с курганом. В результате образовались ямы, расположенные по кругу. Встречаются обряды труположения, сожжения на месте и сожжения на стороне. Погребенные покоились в неглубоких могилах, в вытянутом или в скорченном (реже) положении, головой на северо-восток.

Помимо обычных курганов с могилами, встречаются и поминальные курганы. В них нет следов погребений, они не разграблены. На уровне погребенной почвы обнаружены отдельные сосуды, инвентарь и даже череп человека. В могилах, которые были сожжены, хорошо сохранились перекрытия: на краю могилы на уровне древней почвы обнаружены продольные бревна с сучьями и корой. Поперек бревен лежали горбыли или плахи, прослежен слой бересты. Дно могилы тоже было выстлано берестой. В ряде случаев встречены вторичные захоронения. Возможно, так хоронили зимой, когда трудно было рыть землю. Умершие вместе с сопровождавшей их пищей долгое время находились непогребенными. Поэтому в могилах отсутствовали отдельные кости, сосуды оказались разбитыми, а часть их обломков - утерянными. Встречаются скелеты с прижизненной деформацией черепа.

В Новосибирском Приобье исследовано около 20 могильников. В погребальном обряде прослеживаются два хронологических периода. Первый охватывает V - начало VIII в. (одинцовский и тимирязевский этапы). Для этого периода характерен обряд труположения. Лишь в трех случаях погребенные подвергались обожжению на месте, в одном - на стороне, а в могилу ссыпали лишь прах. В насыпях курганов зачастую находятся

скопления отдельных предметов. Возможно, это поминальные комплексы. В их состав входят удила, стремяна, кельты, ножи, сосуды и т.д. К одинцовскому этапу относится могильник Крохалевка-23, где при резком преобладании обряда ингумации встречены две могилы с сожжением на месте. Особый интерес представляют два богатых детских погребения тимирязевского этапа в одном из курганов могильника Юрт-Акбалык-8. В одной могиле лежал один ребенок, во второй - три ребенка, подпоясанные одним поясом. Погребенных сопровождали пояса с бронзовыми накладными бляшками, китайские монеты, разнообразные подвески, сосуды.

Второй период относится к VIII - IX вв. Обряд погребения сильно изменился.

Преобладающим стал обычай трупосожжения на стороне, а ингумация встречается лишь в отдельных случаях. Расположение праха компактными кучками позволяет предположить (по аналогии с таштыкскими погребениями), что его зашивали в «кукль». Скопления предметов в насыпи не найдены. Встречаются только следы тризн в виде разбитых или целых сосудов. В могилы помещены стремяна, удила и оружие. В могильнике Чингис-2, обнаруженном на самом юге Новосибирского Приобья, сожжения отсутствуют. Выявлены два кургана, где с погребениями воинов обнаружены скелеты коней. Это связано с тюркским влиянием. Керамика в курганах является типично верхнеобской.

В IV - V вв. население Барнаульского Приобья не было однородным. Помимо самодийских верхнеобских племен, здесь проживали в незначительном количестве потомки собственно гуннов. Об этом свидетельствует уникальное погребение в Тугозвонковском могильнике. Здесь был погребен знатный гуннский воин. Захоронение было бескурганное. Скелет атлетически сложенного воина лет тридцати лежал с ориентацией черепа на юго-восток - восток, в вытянутом положении. На черепе прослеживается кольцевая деформация. С погребенным найден палаш (длина более 1 м), заключенный в деревянные ножны с золотыми и серебряными оковками, украшенными пастовыми вставками. Остальное вооружение представлено кинжалом, гуннским составным луком, костяными и железными наконечниками стрел. Золотая и серебряная позолоченная гривны завершались головами хищных зверей. Найдены поясные бляхи, пряжки, подвески и другие украшения. Они изготовлены в полихромном стиле с использованием сердолика, цветного стекла, пасты; применялась техника зерни и скани. Все это было неотъемлемой принадлежностью гуннского стиля, оказавшего определенное влияние на население верхнеобской культуры. Необходимо учесть, что этот памятник является единственным. Остальные барнаульские погребения относятся к верхнеобской культуре.

А.А. Казаков полагает, что в Барнаульском Приобье верхнеобская культура появилась с IV - V вв. Он относит к ней памятники переходного периода от кулайской культуры к верхнеобской. В конце VIII в. верхнеобская культура здесь прекратила свое существование под натиском тюркского населения, поэтому поздних верхнеобских погребений нет. В силу этого А.А. Казаков называет всю культуру одинцовской (по названию первого этапа верхнеобской культуры).

Все известные могильники - грунтовые. На могильном поле встречаются остатки поминальных тризн. Погребальный обряд - ингумация. Керамика и

103

инвентарь типичны для верхнеобской культуры. Ранее других были опубликованы ближнеелбанские могильники, раскопанные М.П. Грязновым. Характерной особенностью погребений данного региона является наличие нескольких могил, в которых человека сопровождал конь. Последний факт вызван влиянием Предгорного и Горного Алтая, где погребения с конями встречаются часто.

Наиболее ярким является одно из погребений памятника Татарские Могилки. В нем обнаружены скелеты двух хорошо вооруженных мужчин. С ними лежали длинные железные палаши с халцедоновым на-вершием и остатки двух железных пластинчатых панцирей.

В конце VIII в. в Барнаульском Приобье появились погребения, имевшие новые черты. Исследователи относят их к сросткинской культуре, которую в пределах лесостепного Алтая датируют второй половиной VIII - XII вв. Обряд погребения стал разнообразным: труположения без коня, с конем, со шкурой коня; сожжения без коня и с конем. Существуют различные трактовки этнокультурных компонентов, из которых сложилась эта культура. Преобладающим был тюркский элемент - собственно тюркский, кимакс-кий или кыпчакский (погребения с конем или его шкурой). Отдельные черты восходят к верхнеобским, самодийским традициям (труположения без коня).

В Кузнецкой котловине раскопано несколько могильников, которые относятся ко всем трем периодам существования верхнеобской культуры. Многие из них расположены в долине среднего течения р. Ур. У с. Ур-Бедари открыты скопления курганов. Все могильники, исследованные в Кузнецкой котловине, курганные. Характерной особенностью захоронений этого региона является отсутствие погребений, совершенных по обряду ингумации. Все они содержат трупосожжения, совершенные на стороне. В насыпях найдены поминальные скопления предметов. В отдельных курганах рядом с могилами сохранились остатки столбов погребальных сооружений. Под круглыми и овальными насыпями обнаружены одна или две могилы, под длинными - до 20. В таких курганах могли хоронить людей на протяжении столетия и более. Так, в кургане № 6 могильника Саратовка выявлены две могилы V - начала VIII вв., две могилы не были датированы, а в насыпи встречен инвентарь VIII - IX и X - XIII вв. Интересный материал дал Сапоговский могильник.

В Томском Приобье наиболее полный материал дали могильники Тимирязевский-1 и -2, а также Архиерейская Заимка. Все они оказались разграбленными. Раскопки Архиерейской Заимки, произведенные в XIX в., очень плохо задокументированы. Все это затрудняет восстановление реальной картины погребального обряда. Основная часть захоронений совершена по обряду ингумации. Обнаружено несколько сожжений на стороне и в одном случае в самой могиле. Встречено захоронение одних черепов, найдены кенотафы.

Известны повторные захоронения. В них скелет мог лежать в беспорядке; отдельные кости отсутствовали. В насыпи встречены остатки кострищ и отдельные кости лошади. В ряде насыпей встречались скопления предметов и керамики. Одно из таких скоплений в Архиерейской Заимке состояло из шести бронзовых блях с изображением головы и передних лап медведя. Все они лежали в «согнутой пирогом» тонкой бронзовой пластине.

Инвентарь. Находки из поселений и могильников в основном однотипны. Наиболее полно представлена керамика. Сосуды поселений идентичны материалу погребений. Отличие заключается в том, что на поселениях чаще встречаются сосуды большого диаметра. Прослеживаются некоторые отличия в керамике Томского, Новосибирского, Барнаульского Приобья и Кузнецкой котловины. Сосуды круглодонные, ши-рокогорлые, с четко выраженной шейкой. Сосуды без шейки встречаются редко. В Барнаульском Приобье среди материалов городища Сошниково сосуды без шейки преобладают, что скорее всего связано с тем, что памятник является ранним. Его датируют IV - V вв., т.е. фактически относят к переходному времени: от кулайского к верхнеобскому. На последнем юрт-акбалыкском этапе преобладали сосуды с прямым горлом и загнутым внутрь краем. Венчик зачастую становился резко утолщенным за счет налеса с внешней стороны. Орнамент наносили гребенкой, реже - гладкой палочкой. Основной мотив орнамента для первого этапа - ряды насечек, выполненных углом гребенки или гладкого штампа. Встречаются ряды наклонных или вертикальных линий. «Жемчужины» появились на втором этапе и часто встречаются на сосудах третьего периода, когда начал преобладать орнамент, нанесенный оттисками гребенчатого штампа. Фигурный штамп в виде «уточки», «змейки» и др. в небольшом количестве (около 4%) встречается только в Томском Приобье. Это вызвано территориальной близостью рел-кинской культуры, для которой характерно наличие фигурного штампа. В Кузнецкой котловине обычны мотивы в виде ломаных линий, встречаются вертикальные и горизонтальные налипные валики.

Исследователи полагают, что это было связано с юго-восточным влиянием. По рекам Томь и Чулым этот мотив проник в Томское и Среднее Приобье. В Новосибирском и Барнаульском Приобье он почти не встречается.

В числе орудий надо особо отметить железные сошники на деревянную соху, жернов, найденный в Новосибирском Приобье, и кузнечные клещи из кургана под г. Томском. Часто встречаются обычные для этого времени железные топоры-кельты с несомкнутой втулкой.

Оружие представлено костяными и железными наконечниками стрел, кинжалом, длинным палашиком, наконечниками копий и крупными боевыми ножами. В атрибуты экипировки конных воинов входили плети, от которых до нас дошли костяные рукояти. Сохранились фрагменты пластинчатых доспехов. К конскому убранству относятся железные удила, псалии и бронзовые бляшки от уздечных наборов.

В ряде могил встречены китайские, тюркешские, иранские и хорезмийские монеты. Все они имели просверленные отверстия и употреблялись в качестве украшений. В V - VII вв. были распространены наборные пояса, видимо, местного происхождения. Бляхи на них крупные, бронзовые или железные. Позже появились типичные для степной Евразии поясные наборы с прямоугольными или круглыми прорезными бляхами. Во многих погребениях встречены бусы и

104

серьги с каплевидными подвесками на длинном стерженьке. Имеются украшения, встречающиеся только в верхнеобской и релкинской культурах. Их можно условно назвать самодийской группой украшений. Она включает перстни с крупным овальным щитком и подвески (в виде капли и бобовидные; в виде плоского кольца или овала с отростками). Найдены изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле.

Экономика. Хозяйство верхнеобцев было комплексным, многоотраслевым. Ведущую роль в нем играло отгонное скотоводство. К сожалению, из-за обычая убирать кости за пределы поселения мы не можем дать характеристику состава стада. Значительное место занимало коневодство. Об этом свидетельствуют нечастые находки костей лошади в виде тризн, жертвенные ямы с остатками частично обожженных конских остатков и др. Судя по слабой окрашенности культурного слоя, даже зимой скот держали за пределами поселений. Летом скот отгоняли на далекое расстояние. Достаточно развитым было и плужное земледелие. Землю вскапывали сошниками; муку мололи на жерновах. Охота и рыбная ловля, очевидно, отодвинулись на второй план.

В ремесленном производстве значительное место занимала черная металлургия. Как полагают ученые, к этому времени уже произошло отделение кузнецов от металлургов. В Томском Приобье найдены крупные щипцы, которые, скорее всего, были кузнечными. Ножи и кельты изготавливали из чистого железа или низкоуглеродистой стали. Для улучшения качества их часто цементировали. До нас дошли обрывки кожаных изделий, в основном ремешков. Пояса могли изготавливать из гофрированной кожи. Из кожи или меха шили мягкую обувь, которую на щиколотке стягивали ремешком, застегивавшимся бронзовой пряжкой. В целом ремесло носило домашний характер, а в металлургическом производстве наблюдалась специализация.

Интенсивность обмена не была одинакова на протяжении существования верхнеобской культуры. В V - VI вв., судя по дошедшему до нас инвентарю, он был слабым. С установлением государств Южной Сибири положение изменилось. Стабилизировались связи с южными народами: появились стеклянные бусы, бляхи тюркского типа, китайские, хорезмийские и сасанидские монеты. Обмен стал особенно интенсивным в VIII - IX вв.: проникли китайские монеты династии Тан, тюркешские и иранские монеты, различные украшения. Взамен привозных изделий из Приобья могла идти пушнина. Население верхнеобской культуры, занятое отгонным скотоводством, которое не требовало крупного коллектива, имело распыленную родовую организацию. Это подтверждается тем, что городища были сезонными, небольшими, с малым количеством

жилищ. В VIII - IX вв. появились крупные, хорошо укрепленные городища (Юрт-Акбалык-1). Их появление, скорее всего, было вызвано серьезной военной опасностью, исходившей с юга и юго-востока от тюркоязычных народов - тюрков, кимаков и кыргызов.

Идеология. Религиозные воззрения верхнеобского населения отразились в серии предметов изобразительного искусства, выполненных в урало-сибирском стиле. Религия по своей сути консервативна и отражает реальную жизнь с определенным запозданием. Судя по предметам искусства, идеология населения была идеологией охотников, но экономическое значение скотоводства нельзя сбрасывать со счетов.

Интересны бронзовые пластины и бляшки, выполненные в урало-сибирском стиле. Из животных чаще всего изображали медведя - хозяина тайги. В курганах встречаются прямоугольные бронзовые бляхи с изображением голов медведей, лежащих на передних лапах, или птиц с личиной на груди. Часты бляхи с шагающими медведями (тулово одного из них сплошь покрыто изображением птичьих голов). Найдены полые фигурки в виде зайца, белочки, водоплавающих птиц и фантастических животных (например, медведь с клювом птицы). Известны антропоморфные фигуры в виде личин с нанесенными на щеки косыми линиями. Необходимо отметить, что изделия, выполненные в урало-сибирском стиле, наиболее полно представлены в курганах Томского Приобья, пограничного с релкинской культурой - основным центром употребления подобных предметов. Несколько меньше их в Новосибирском Приобье, Кузнецкой котловине и Барнаульском Приобье. К концу VIII в. изделия, выполненные в урало-сибирском стиле, исчезли.

Верхнеобские памятники входят в одну общность с релкинской культурой и, скорее всего, связаны с самодийцами. Очень близка им потчевашская культура Прииртышья.

РЕЛКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Располагалась на территории Среднего Приобья. Название получила по могильнику Релка у с. Молчаново Томской области. Датирована VI - IX вв. Северными соседями релкинцев были племена нижнеобской культуры, южными - верхнеобской культуры. Самые северные памятники находятся на р. Вах. По своему происхождению релкинская культура непосредственно связана с кулайской культурой. Население монголоидное - предки современных селькупов.

Раскопки могильника Релка проводились в 1960-х гг. В.И. Матющенко и Л.А. Чиндиной. Материалы были опубликованы Л.А. Чиндиной, которая раскопала еще ряд поселений и выделила самостоятельную релкинскую культуру. Она и В.А. Могильников доводят южную границу этой культуры до верхнего течения р. Уень и относят к ней памятники, расположенные по нижнему течению рек Томи и Уень. Т.Н. Троицкая, Л.А. Плетнева и О.Б. Беликова полагают, что южная граница релкинской культуры доходит лишь до устья Томи.

Памятники. Памятники представлены поселениями, курганными могильниками и святилищами. Среди поселений явно преобладают неукрепленные селища. Городищ известно мало, они пока еще слабо изучены. Полностью раскопано селище Малгет. Жилища релкинцев чаще всего были однокамерными (реже двухкамерными). Они имели вид полуземлянок и могли быть срубными или каркасными. Иногда жилища одновременно являлись мастерскими (следы бронзолитейного производства). На некоторых поселениях обнаружены длинные постройки. По мнению Л.А. Чиндиной, это были общественное

дома. Говорить об их конкретном назначении трудно.

В одном из жилищ Малгета обнаружено семейное святилище. Оно представляло собой яму прямоугольной формы. Судя по сохранившейся древесной трухе, в ней находился деревянный ящик, на дне которого лежал конский череп. Над ямой найдена бронзовая

подвеска с изображением трех лягушек и глиняная чаша. Как свидетельствуют этнографические данные, народы Западной Сибири хранили домашних семейных духов, культовые предметы, священные черепа и кости животных в деревянных ящиках и берестяных коробках. Видимо, такой ящик и был обнаружен в Малгете.

Погребальный обряд восстановлен по материалам курганного могильника Релка. Здесь было раскопано 58 могил в 14 курганах. Большая их часть разграблена. Курганы были округлыми или вытянутыми. В вытянутых курганах содержалось до 11 могил. В ряде насыпей прослежены кострища, где вместе с углем найдены обломки сосудов, кости рыб, обожженные кости животных и отдельные вещи. Характерной особенностью релкинской культуры, как и верхнеобской, являются скопления предметов, найденные в насыпи и свидетельствующие о поминальном обряде. В состав таких скоплений могли входить различные сочетания керамики, бытовые предметы (чаще всего их миниатюрные модели), украшения и изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле. В отдельных случаях в насыпях обнаружены черепа человека или лошади.

Погребения совершались по обряду труположения. Умершего укладывали в неглубокую яму или на берестяную подстилку на уровне дневной поверхности. В нескольких случаях встречен обряд трупосожжения на стороне. Прах ссыпали в могилу раскаленным, поэтому бронзовые изделия, расположенные поверх него, частично сплавившись. В ряде случаев сохранились остатки деревянной обкладки могилы. Скелеты большей частью покоились на спине, в вытянутом положении. Преобладала ориентация погребенных головой на юго-запад. Встречаются вторичные захоронения. Почти все могилы сопровождали керамика, предметы вооружения, орудия труда и др. В могилах встречаются кости лошади, а черепа находят отдельно в насыпи кургана. Видимо, в могилу клали шкуру коня без черепа. Найденные в насыпи скелеты собаки свидетельствуют об обычае принесения ее в жертву. Л.А. Чиндина датирует могильник Релка VI - VIII вв.

Святыни или места жертвоприношений возникли еще в кулайское время и продолжали использоваться релкинским населением. Здесь находят оружие, культовые и бытовые предметы. Таковы Парабельское и Кулайское места, Пиковка и др. К релкинскому времени относится Васюганский клад.

В Айдашинской пещере обнаружены изделия, относящиеся к релкинской культуре. Эта пещера расположена в Ачинско-Мариинской лесостепи близ г. Ачинска. Связь этого жертвенного места с релкинским населением могла осуществляться, как и в кулайское время, по р. Чулым. В результате раскопок получен богатейший комплекс находок. Айдашинская пещера была культовым местом с эпохи неолита до средневековья.

Интересна следующая деталь: среди находок встречаются наконечники стрел всех перечисленных эпох, особенно костяные. В.И. Молодин и В.В. Бобров полагают, что эти находки говорят о наличии традиции помещения в пещеру стрел. Этнографические данные свидетельствуют о том, что стрелы не просто приносили и складывали в пещеру, а выстреливали в жертвенное место из лука. Здесь также найдены железные кинжалы, наконечники копий и бронзовые бляхи.

Инвентарь. Остановимся на инвентаре погребений и поселений. Наиболее полно представлена керамика. Круглодонные сосуды делятся на горшки, банки, низкие чаши и ковши. Последние встречаются редко и, скорее всего, имеют культовое назначение. По своей форме это модели лодок, носовая часть которых увенчана скульптурным изображением головы животного. Орнамент чаще всего является дальнейшим развитием кулайских традиций, но появились и налепные валики. Исследователи полагают, что это связано с юго-восточным влиянием. Орнамент чаще всего наносили гребенчатым или фигурным штампом. Он мог быть резным или представлял собой ряды ямок. Штампы имели вид «уточек», ромбов, змеек и т.д. В целом керамика производит нарядное впечатление.

Из другого инвентаря наиболее полно представлено оружие. Это костяные и железные наконечники стрел, однолезвийный палаш и сабля; К защитному вооружению относятся шлем, кольчуга и панцирные доспехи. Шлем склепан из семи отдельных железных пластин, а по краю украшен узкой бронзовой накладкой. Кольчуга состояла из небольших колец: от нее сохранился лишь небольшой обрывок. От доспеха до нас дошли отдельные железные пластинки.

Из конского снаряжения сохранились железные удила, костяные подпружные пряжки. Стремена не найдены, но, судя по изображенному на бляшке всаднику, они существовали. К поясному набору относятся ременные наконечники и бронзовые пряжки (VI - VII вв.). Бусы (стеклянные и бронзовые) встречены в небольшом количестве, найдены браслеты, серьги, перстни с большим овальным орнаментированным щитком, подвески (бобовидные и в виде колокольчиков).

Наиболее интересные находки релкинской культуры - антропоморфные и зооморфные изделия, характерные для лесного круга памятников. О них мы расскажем позже.

Экономика и идеология. Как и в кулайское время, хозяйство имело комплексный характер с основным рыболовецко-охотничьим направлением. Возросло значение скотоводства, особенно коневодства. Об этом говорят находки в насыпи курганов (черепка и кости ног лошади) и могилах (предметы уздечного набора и др.). Вряд ли можно говорить о развитии земледелия в суровых условиях Среднего Приобья.

Огромную роль в жизни населения играла река Обь. Она давала рыбу, в ее пойме водилась водоплавающая дичь. Река являлась основной трассой для передвижения населения. Судя по остаткам костей и изобразительному искусству, охотились на птицу водоплавающую (утка, гусь) и боровую (тетерев). Охотились при помощи собак, о большом значении которых в жизни релкинского населения говорят ча-

106

стые жертвоприношения этого животного. О сетевом способе ловли рыбы свидетельствуют каменные грузила, обнаруженные на ряде поселений. Крупную рыбу могли ловить и при помощи гарнуна. Результаты пушного промысла давали основу для развития товарообмена с более южным населением. Именно с юга могли поступать такие изделия, как кольчуги.

Сохранялся целый ряд отраслей домашнего ремесла, существовавший еще в кулайское время (изготовление сосудов, косторезное мастерство, бронзолитейное производство). Новая отрасль - обработка черного металла, железоделательное производство. В это время железо уже стало ведущим индустриальным сырьем. Основу его производства составлял сыродутный способ. В одном из жилищ поселения Малгет рядом с очагом, на мощном прокале, обнаружены остатки шлака. В некоторых жилищах-мастерских обнаружены горны, заполненные шлаком, бурой супесью, углями и золой. Умели изготавливать высококачественную сталь для ножей и кинжалов. Все это говорит о том, что железоделательное производство сделало значительный шаг вперед по сравнению с кулайской культурой.

Социальные отношения, судя по материалам погребений и поселений, соответствовали началу распада родовой организации. По мнению Л.А. Чиндиной, размеры жилищ свидетельствуют о наличии малой и крупной семьи. Сосуществование обрядов труположения и трупосожжения в насыпях говорит о наличии определенной социальной дифференциации. А наличие более богатых и почти безинвентарных погребений - об имущественных различиях.

Получены материалы, которые пролили свет на идеологию и верования населения. Это предметы искусства - антропоморфные и зооморфные изделия, характерные для лесного круга памятников и относящиеся к урало-сибирскому стилю. Все они изготовлены из бронзы. Некоторые из них частично испорчены огнем. На ряде бляшек хорошо прослеживается кант - узкая полоска, состоящая из «жемчужин», квадратиков, ромбов и т.д. Кант мог окаймлять бляху или отдельные детали изображения. Антропоморфные

изображения представлены личинами и полными фигурами. Личины могли быть плоскими и объемными. На них хорошо передан длинный вынуклый нос, скулы. На некоторых личинах изображены линии раскраски лица: идущие в обе стороны от носа две наклонные параллельные линии, подчеркнут кадык. На одной личине вокруг рта нанесены точки, а от каждого глаза вниз спускаются по две волнистые линии. Они определенно свидетельствуют об обычае раскраски лица. Целые фигуры переданы в спокойной стоящей позе. В одном случае изображен танцующий человек с широко раздвинутыми ногами. Особенно интересна фигурка стоящего человека с непропорционально большой безволосой головой. На щеки человека нанесены две параллельные наклонные линии, а верхняя половина его тулова испорчена огнем. В ряде случаев хорошо видна прическа - две длинные косы. Найдена сломанная фигурка всадника на коне.

Среди бляшек с зооморфными изображениями чаще всего встречается медведь - хозяин леса. Если в кулайском искусстве доминирующим образом был лось, то теперь им стал медведь. На двух бляшках изображены расположенные друг над другом три головы медведей в жертвенной позе: голова лежит на передних лапах. Такие бляхи найдены в курганах Релки и в Айдашинской пещере. Подобная поза животного находит свое объяснение в этнографических материалах. Еще в конце XIX в. на севере Западной Сибири существовал обычай, связанный с охотой на медведя. С убитого медведя снимали шкуру вместе с головой и лапами, приносили ее в дом, клали на стол так, чтобы морда покоилась между лап, и исполняли перед ней песни и пляски. Видимо, подобный обычай, судя по находкам бляшек, в середине I тыс. н.э. существовал на широкой лесной полосе Прикамья, Прииртышья, Верхнего, Среднего и Нижнего Приобья. Он свидетельствовал о распространении здесь одинакового культа медведя.

Видимо, с другими обрядами связано профильное изображение стоящего медведя. Таких бляшек найдено четыре. На одной из них медведь имеет объемную голову. Все туловище другого зверя покрыто рядами голов птицы или животного. Надо остановиться на изображении птицы (скорее всего, филина) с распростертыми крыльями и личиной на груди. Они встречаются в лесах от Прикамья до Приобья. Единого толкования этого сюжета нет. Многие исследователи полагают, что такие изображения связаны с представлениями о священной птице, уносящей душу человека в Верхний мир.

Совершенно естественно для населения, которое занимается ловлей водоплавающей птицы, наличие соответствующего культа. Об этом свидетельствуют полые фигурки плывущих птиц. Из других изображений надо отметить фигуры коня, лося, филина с личиной на груди, свернувшейся змеи или ящерицы. Все эти зооморфные изображения явно отражают идеологию населения, у которого в жизни большое место занимала охота.

КУЛЬТУРЫ

СУРГУТСКОГО И НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Вместе с культурой Нижнего Приобья мы рассматриваем и памятники Сургутского Приобья, поскольку они очень близки друг другу. К северу от релкин-ской культуры располагались памятники нижнеобской культуры. Их исследовал В.Н. Чернецов, который выделил нижнеобскую культуру и разделил ее на этапы. К интересующему нас периоду относятся оронтурский (VI - IX вв.) и кинтусовский (X - XIII вв.) этапы. Позже материалы В.Н. Чернецова были обобщены В.А. Могильниковым, который заменил термин «этап» на «тип памятников: оронтурский и кинтусовский», сохранив за ними даты, которые предложил В.Н. Чернецов. По их мнению, нижнеобская культура развивалась на базе усть-полуйской культуры эпохи раннего железа и связанных с ней последующих этапов. Ученые связывают ее с угорским населением, единодушно считая нижнеобскую культуру основой для формирования северных хантов.

Значительный вклад в изучение материалов Сургутского Приобья (в первую очередь памятников Барсовой горы) внесла группа екатеринбургских архео-

логов. Они предложили свою периодизацию культуры Нижнего Приобья.

Самый ранний период - карымский - они датируют IV - VI вв. Памятники его близки позднекулайс-ким (Саровским) материалам и началу релкинской культуры. Особое место занимает холмогорский клад из Сургутского Приобья. В нем обнаружены различные предметы. К вооружению относятся железные наконечники копий и стрел, кинжалы, однолезвийный меч. Культовое значение имеют бронзовые личины и бляшки с зооморфными и антропоморфными сюжетами. Кроме того, встречены ременные бляхи и пряжки, стеклянные бусы и бронзовый котел.

Вслед за карымским следует оронтурский этап (по В.Н. Чернецову и В.А. Могильникову). Екатеринбургские археологи говорят о зеленогорском и кучиминском этапах. Данный период датируется в пределах VI - IX вв.

Памятники этого времени выявлены на обширной территории Нижней и частично Средней Оби (вплоть до Сургу́та), На севере они известны на полуострове Ямал, В. А. Могильников предполагает, что на юге они соседствовали с населением релкинской культуры. Памятники представлены поселениями и жертвенными местами. Поселения в приполярной зоне не имеют укреплений, на остальной территории встречаются городища. Жертвенные места представляют собой скопления битой керамики. Здесь же найдены обломки гривен, браслеты, височные кольца, бляшки с изображениями животных, участки прокаленной глины с песком и скопления пережеванных костей животных, среди которых встречаются отдельные обломки костей человека. Большая часть вещей сломана.

В Сургутском Приобье исследованы могильники VIII - IX вв. на Барсовом Городке и Сайгатинс-ком III. Они имеют свои особенности. В ряде случаев выявлено преднамеренное нарушение скелетов, совершенное, видимо, в ритуальных целях. Сначала совершали обычное погребение (в вытянутом положении на спине). Позже, когда труп истлевал, могилу вскрывали, кости верхней части скелета укладывали в центре могилы, а кости ног могли оставить в прежнем положении. Большое количество мужских и женских черепов имело следы трепанации.

Интересно одно погребение могильника Сайгатинский III. На дне могильной ямы находилась «кукла» в рост человека, изготовленная из березовых прутиков. Пучки были обернуты мхом, возможно, изображавшим одежду. На месте левой руки находился браслет, а на месте пояса - пряжка. Кукла лежала на берестяной подстилке, была завернута в бересту и сверху накрыта еще одним куском бересты. Чаше встречаются захоронения «кукол» длиной в 20 - 30 см. Они изготовлены из мха или травы на каркасе из прутиков и обшиты мехом. На месте головы лежали деревянные или бронзовые личины. Такие куклы сопровождалась бронзовыми украшениями, найденными как в могиле, так и в межмогильном пространстве.

Остановимся на инвентаре памятников Нижнего и Сургутского Приобья. Керамика круглодонная. Абсолютное большинство сосудов орнаментировано. Узоры выполнены разнообразным штампом: гребенчатым, сложным ромбическим, полулунным, крестовым, в виде круга с крестом внутри и т.д. Они являются дальнейшим развитием штампового узора эпохи раннего железа. В целом сосуды отличаются большой нарядностью и пестротой, что обычно свойственно керамике лесных территорий. Как отмечал В.Н. Чернецов, человек отражал в этих узорах то, что видел вокруг себя. И действительно, таежного жителя окружали разнообразные пересечения листьев и ветвей деревьев, многочисленные следы на снегу, оставленные разными животными и др. Весь этот пестрый и нарядный мир был перенесен человеком в узоры, которые хорошо сохранились на керамике.

Предметы быта (железные ножи), оружие и украшения малочисленны. К числу случайных находок относится овальная бронзовая бляха с изображением трех пляшущих мужчин, подпоясанных наборными поясами, Каждый из них держит в руках по две сабли. Встречены объемные фигурки лошади, птиц и другие изделия, выполненные в урало-сибирском зверином стиле. Найдено несколько глиняных антропоморфных фигурок, которые

схематично изображают сидящего человека в расшитой орнаментом меховой одежде.

Голова человека лишь намечена, руки отсутствуют.

Хозяйство было присваивающим. Большое значение имело рыболовство. На самом севере, на морском побережье, существовал промысел морского Зверя - моржа. Изображение лошади свидетельствует о том, что население знало о коневодстве еще в те времена, когда оно не было вытеснено на север, но вряд ли могло им заниматься. В связи с этим надо упомянуть существовавший в XIX и XX вв. хантыйский обычай приносить при погребении в жертву лошадь. А поскольку сами ханты на севере коней не разводили, то за лошадью приходилось ехать на юг и выменивать ее у южных соседей. Видимо, такое же явление существовало и в оронтурское время. Впрочем, существует предположение, что коневодство могло иметь некоторое значение и на юге Нижнего Приобья, до впадения Иртыша в Обь.

К концу IX в. оронтурский этап нижнеобской культуры эволюционировал в кинтусовский этап (X - XIII вв.).

Выводы

В Среднем и Верхнем Приобье в V - IX вв. существовали родственные верхнеобская и релкинская культуры, относящиеся к самодийской группе и ведущие свое происхождение от кулайской культуры. Верхнеобская культура делится на томский, новосибирский, барнаульский и кузнецкий варианты. Население вело комплексное хозяйство. У верхнеобцев были развиты отгонное скотоводство и земледелие, у носителей релкинской культуры доминировало присваивающее производство. Для духовной жизни характерно изготовление художественных изделий, выполненных в урало-сибирском стиле. На территории Барнаульского Приобья верхнеобская культура исчезла в конце VIII в. В Новосибирском Приобье и в Кузнецкой котловине с этого же времени прослеживаются элементы тюркизации. В Нижнем Приобье бытовала культура охотников и рыболовов, также имеющая корни в кулайской культуре.

108

Рекомендуемая литература

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - 1956. - Вып. 48.

Беликова О. В., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V-VIII вв. н.э. -Томск, 1983.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этно-археологического исследования. - Кемерово, 1999.

Казаков Л.А. Одшшовская культура Барнаудско-Бийско-го Приобья: Автореф. диссертация. ист. наук. - Барнаул, 1996.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М., 1987. - С. 163-236.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск, 1992.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.И. Айдашинская пещера, - Новосибирск: Наука, 1980.

Очерки культурогнеза народов Западной Сибири. -Томск, 1994. - Т. 2. - С. 277 - 289.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск, 1998.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыш // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 129 - 163.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.Н., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. - Екатеринбург, 1991. - С. 126 - 145.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. -Томск, 1977.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. - Томск, 1991.

109

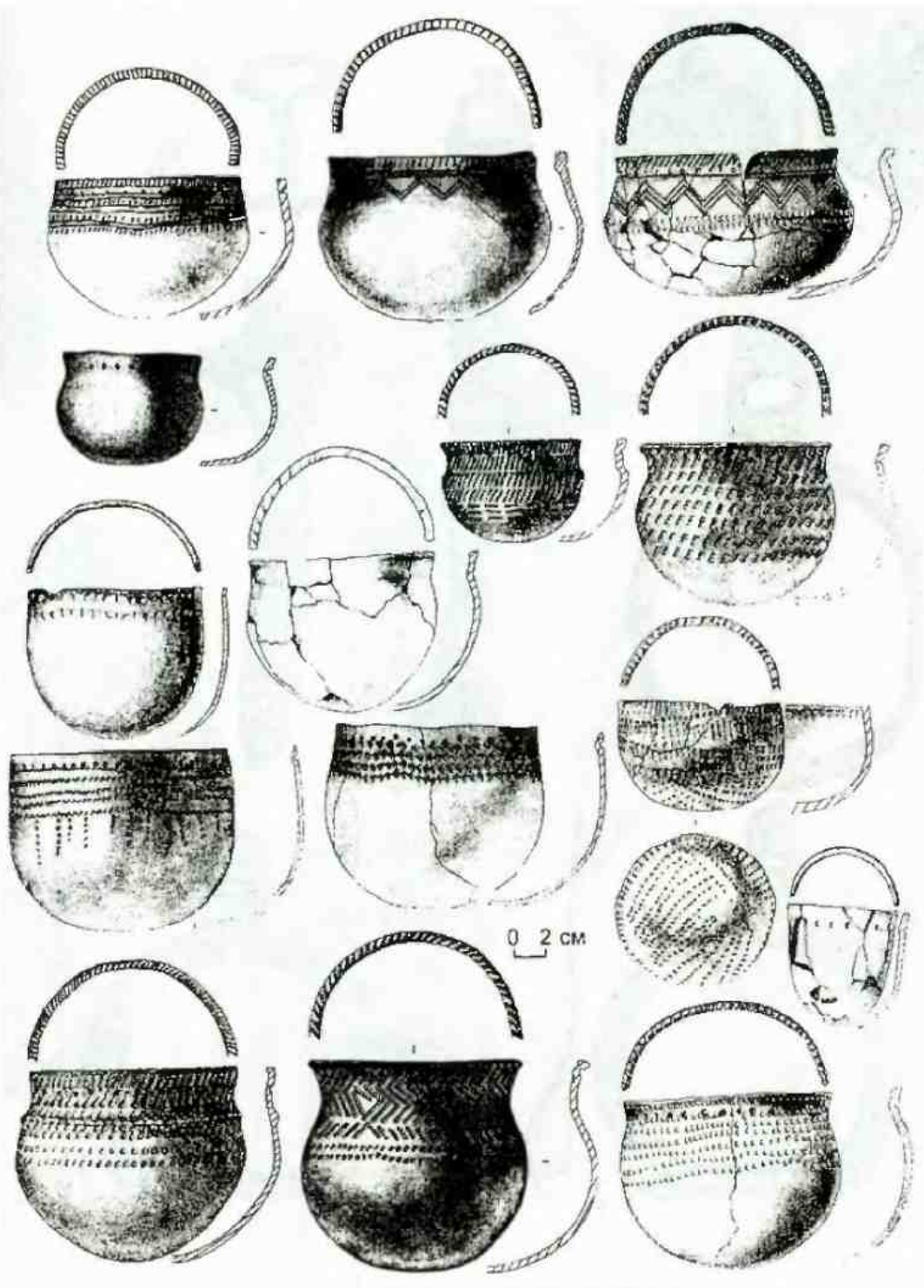

Рис. 41. Керамика верхнеобской культуры.

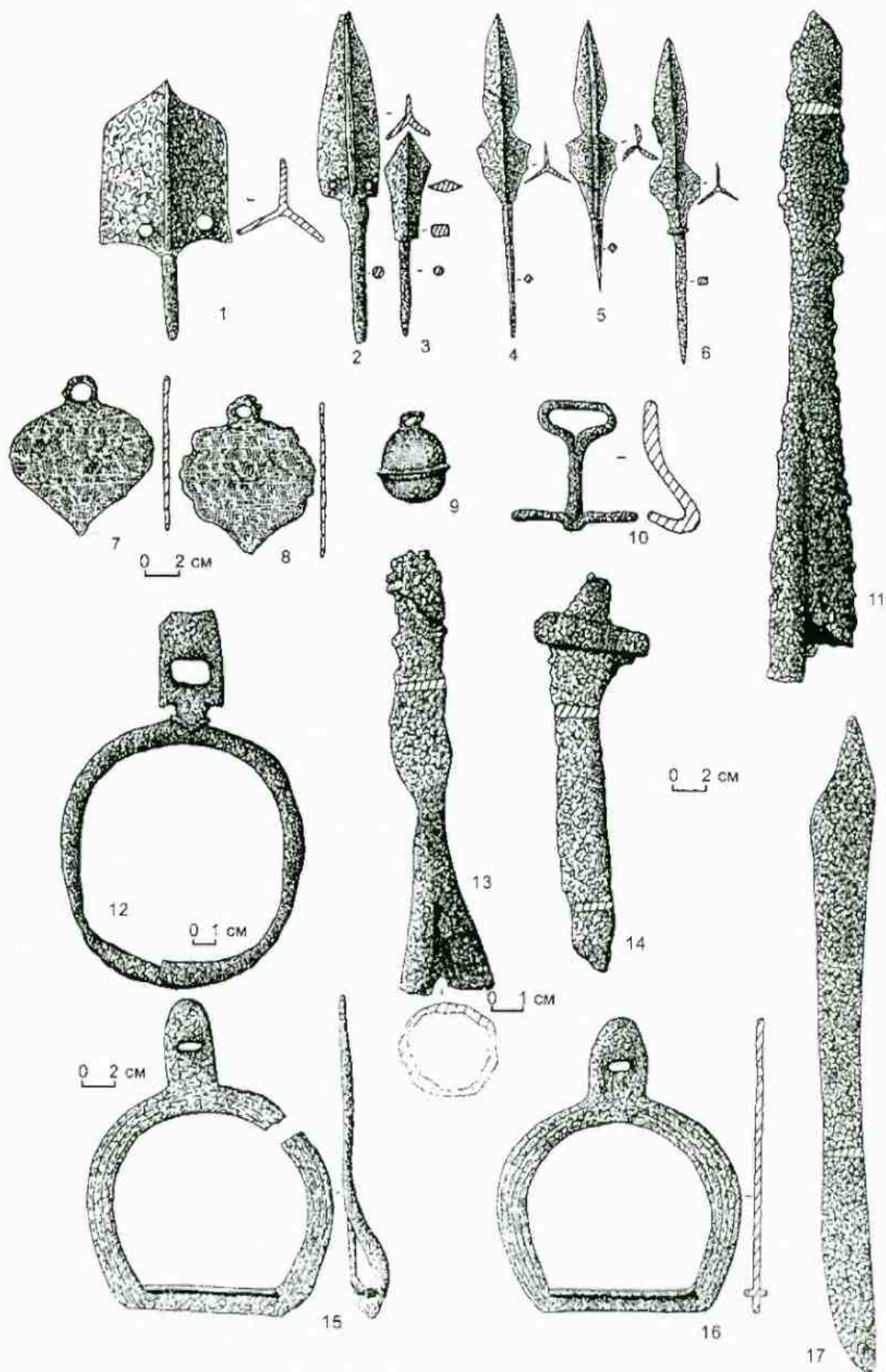

Рис. 42. Материалы верхнеобской культуры:
1-6, 10-17 - железо; 7-9 - бронза.

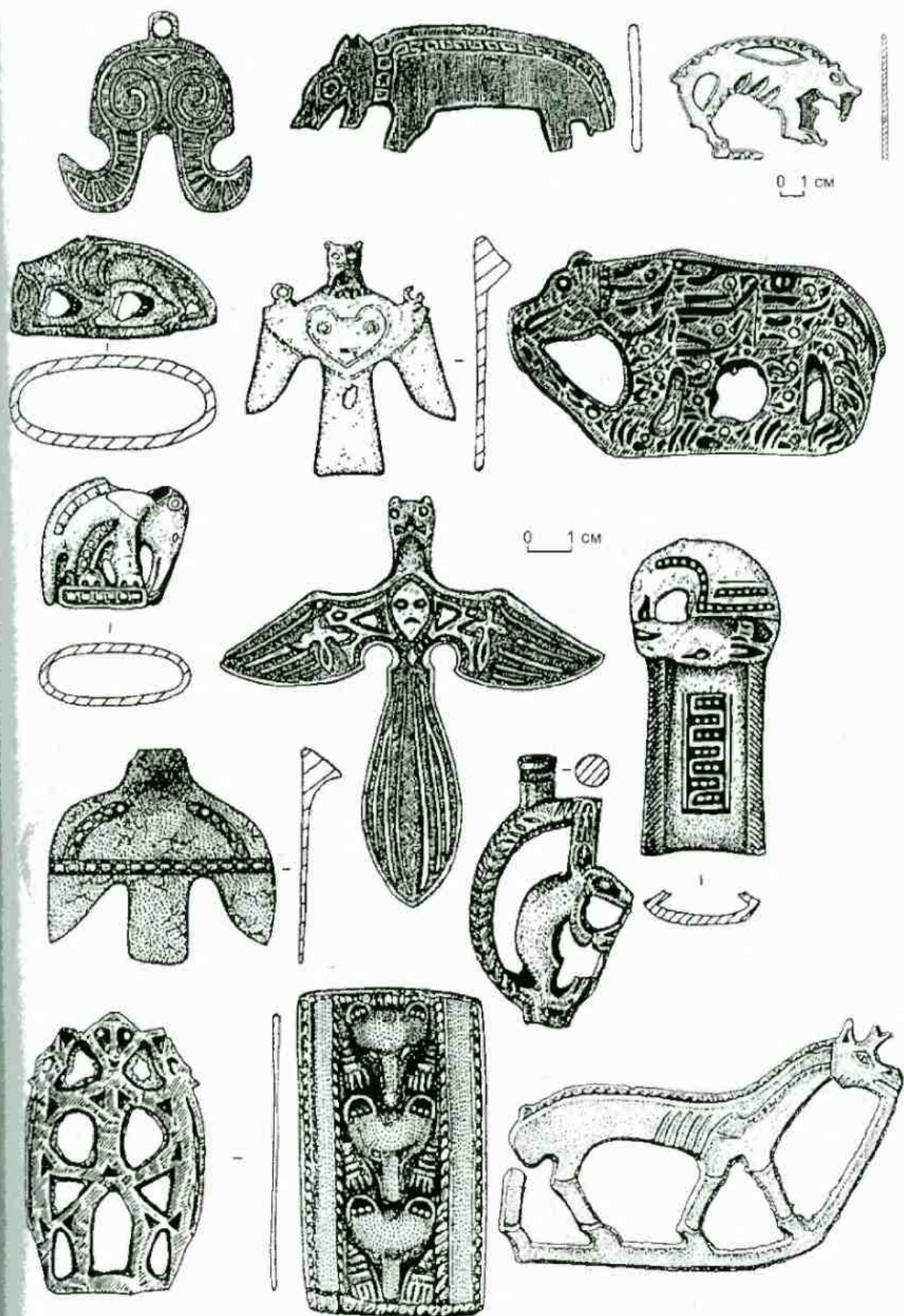

Рис. 43. Культовое бронзовое литье верхнеобской культуры.

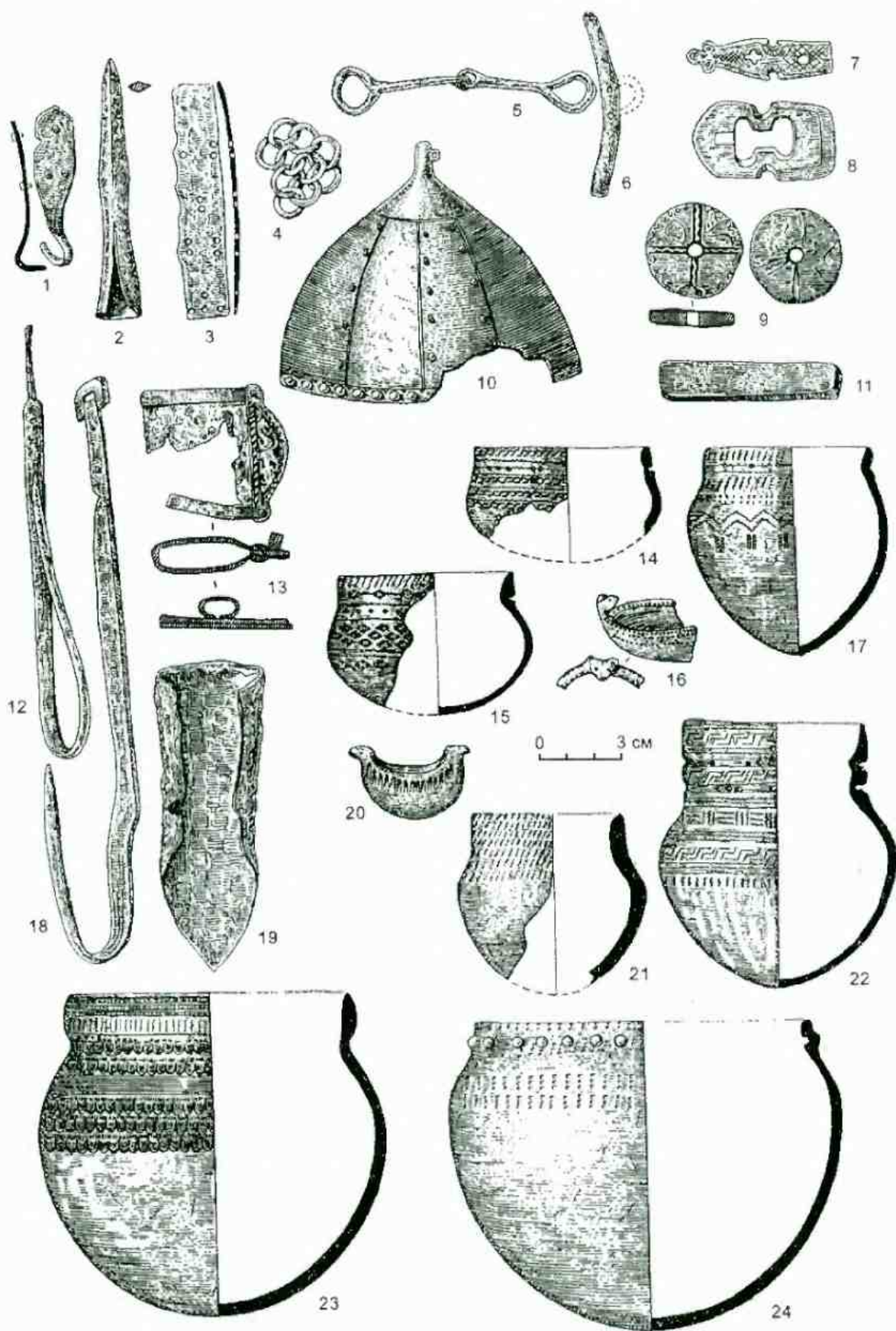

Рис. 44. Материалы рюриковской культуры (по: Могильников В.А. Угры и самодийцы...).

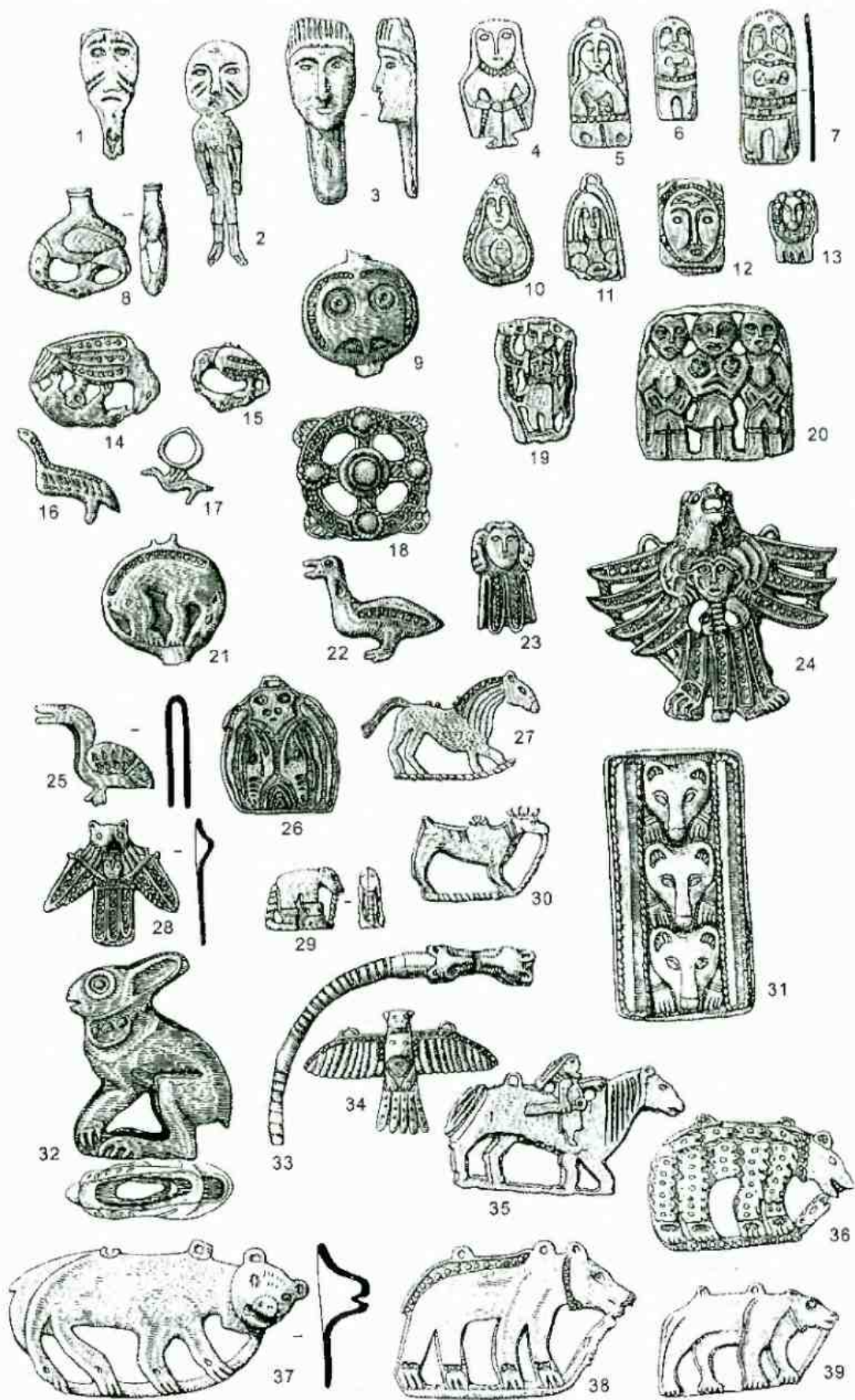

Рис. 45. Культовое бронзовое литье релкинской культуры (по: Могильников В.А. Угры и самодийцы...).

ГЛАВА 16

ПРИБЬЕ В КОНЦЕ I - ПАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТПЯ

Для лесостепной части Приобья конец I - первая половина II тыс. н.э. - это время дальнейшей тюркизации местного населения.

ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ

Мы рассматриваем археологию лесостепного Алтая отдельно от других территорий Верхнего Приобья. Это обусловлено особенностями данного региона: непосредственным соседством тюркоязычного населения, а также ранним его проникновением на территорию, занятую верхнеобцами.

Как уже говорилось ранее, в VIII в. на территории лесостепного Алтая верхнеобская культура прекратила свое существование. Ее носители какое-то время сосуществовали с пришлым населением, а затем были вытеснены или поглощены тюрками, вторгшимися, по мнению ряда исследователей, с территории Горного Алтая. О начальной стадии их взаимоотношений позволяют судить материалы курганного могильника на р. Ине (раскопки А.П. Уманского). Для погребального обряда этого могильника характерны сочетание трупосожжения и трупоположения, сопроводительные погребения коней, наземные дерновые сооружения, следы тризы в насыпях. В курганах встречается керамика верхнеобского типа, но она сочетается с украшениями и уздечным набором тюркского облика.

В период образования кимако-кипчакского объединения и произошедшего затем его распада на территорию Лесостепного Алтая начало проникать новое тюркоязычное население (возможно, кимаки). Оно смешивалось с находящимся на стадии тюркизации местным населением. Начала складываться сrostкинская культура, получившая свое название от с. Сrostки, где раскопаны первые погребения IX - X вв.

Яркими памятниками этой культуры являются исследованные М.П. Грязновым сrostкинские могилы (Ближние Елбаны). Погребения были устроены в глубоких прямоугольных ямах, перекрытых продольными или поперечными бревнами или досками. Умершие были завернуты в бересту и уложены на спину головой на северо-восток. Все погребенные мужчины были снабжены оружием, лежавшим поверх их тела. Это колчаны со стрелами, меч или сабля, уздечки, седла. В могилу помещали также курдюк барана. Женские могилы более бедные. Типичными для сrostкинской культуры являются найденные в них крупные ажурные подвески, украшенные растительным орнаментом или изображениями двух птиц, расположенных напротив друг друга. М.П. Грязнов датирует сrostкинские погребения IX - X вв. В целом для сrostкинских погребений Северного Алтая характерно сочетание ингумации и кремации. Встречены здесь и погребения с конем, и сопроводительные захоронения собак.

Определенное влияние на культуру населения оказали кыргызы. В период «кыргызского великодержавия» они появились в Горном Алтае и стали соседями носителей сrostкинской культуры.

Д.Г. Савинов в Осинкинском могильнике обнаружил погребения VIII - XIV вв.

Исследователь полагает, что могильник был оставлен местными племенами на различных этапах его существования. Этот факт является свидетельством неоднородности заселения Алтая: в указанное время помимо носителей сrostкинской культуры здесь жили и какие-то другие племена. Удалось полностью восстановить внешний вид женской погребальной одежды из некоторых могил. Выполнена она из зеленого шелка; нагрудник вышит сердоликом, бисером и перламутром. Материалы этого памятника пока не опубликованы, поэтому мы вынуждены ограничиться фиксацией наличия здесь какой-то иной культуры. Дальнейшая история Алтая связана с татаро-монгольским завоеванием, с именем Чингисхана. В 1207 г. его старший сын Джучи покорил «лесные народы» Южной Сибири. В число покоренных территорий попал и лесостепной Алтай. Под монгольским влиянием

он находился вплоть до присоединения к России в XVII в. В период монгольского завоевания здесь распространилось мусульманство, запрещавшее класть в могилу сопроводительный инвентарь, поэтому археологические исследования погребений этого времени бедны находками.

ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ В X - XIV ВЕКАХ

Рассмотрим Новосибирское Приобье, где основные по объему исследования памятников этого периода были проведены А.А. Адамовым, Томское Приобье (работы Л.А. Плетневой) и Кузнецкую котловину, где в последнее время занимается раскопками А.М. Илюшин. Памятники представлены поселениями и могильниками. В Кузнецкой котловине поселения пока не известны, а в Новосибирском и Томском Приобье они изучены достаточно хорошо.

114

Почти все городища и поселения на территории Томского Приобья являются многослойными, поэтому в них нелегко вычленим интересный нас материал. В Новосибирском Приобье эти памятники однослойные и представлены достаточно полно. А.А. Адамов утверждает, что они не имеют поэтапного различия и могут быть разделены лишь на долговременные и кратковременные. К долговременным относятся все городища и большинство поселений. Они расположены на краю надпойменной террасы, в непосредственной близости от воды и имеют мощный культурный слой. Прослеживаются следы капитальных построек. Здесь проживали основную часть года значительные коллективы. Кратковременные поселения располагались чаще всего на значительном расстоянии от воды. Культурный слой в них очень слабо выражен или практически отсутствует. Находки были сосредоточены в жилищах или в ямах возле них. Скорее всего, это сезонные (зимние) кратковременные поселения, в которых проживал малочисленный коллектив (2 — 3 семьи). При заселении этого места на следующий сезон легче было построить новое жилище, чем реконструировать старое. Поэтому от таких поселений на поверхности сохранилось очень большое число западин - остатков жилищ, почти не содержащих культурного слоя.

Городища бывают двух типов: маленькие и крупные. Ярким примером первых является Седова Заимка на р. Оби недалеко от г. Новосибирска. Городище укреплено мощной системой из двух рвов и валов. Ширина валов достигает 5 м, высота - 4 м, ширина рвов - до 7 м. Вход охранялся двумя бастиями. Интересно отметить, что более половины площади приходилось на оборонительную систему, которая охраняла несколько жилищ. К числу крупных городищ относится Умна-4. Памятник густо порос лесом и труден для раскопок. Ров шириной 10 - 12 м и глубиной до 3,5 м окружали около 30 западин (следы жилищ). Вал, видимо, был сооружен из деревянных клетей, наполненных землей. Обрыв надпойменной террасы укреплен от оползания бутовым камнем. Городище со всех сторон окружено жилищными западинами, каждая из которых укреплялась небольшим рвом. Судя по раскопкам некоторых западин, они синхронны жилищам.

Другие городища также имели мощные укрепления. Поверхность вала городища на Иванушкиной Горе в Томском Приобье была обожжена в целях предохранения от осыпания.

Жилища, раскопанные на неукрепленных поселениях и городищах, примерно одинаковы и на протяжении X - XIV вв. не претерпели особых изменений. Это были срубные и каркасные полуземлянки, а также наземные жилища. Стационарные жилища были небольшими, по всей видимости, без сеней, слегка углубленные в землю. Крыши были коническими или двухскатными и имели отверстие для выхода дыма. В ряде случаев вдоль стен сохранились нары, которые укрепляли плахами. Очаг, скорее всего, был открытым. В Седовой Заимке прекрасно сохранился очаг с куполообразным сводом, изготовленным из глины.

На сезонных поселениях сооружались наземные жилища. Одни из них были легкими - типа чумов, только вместо войлока использовалась береста. Это сезонные летние жилища, которые очень слабо прослеживаются на поверхности. В наземных каркасных жилищах на определенном расстоянии от центра наклонно вкапывали четыре столба, соединенные сверху перекладинами, на которые опирались стены из жердей или плах. Снаружи стены присыпали землей или дерном, которые брали из ям. Очаг был открытым. В настоящее время эти жилища приобрели вид разграбленного кургана, окруженного несколькими ямами.

На конец XX в. в Новосибирском Приобье было исследовано 14 могильников, а в Томском Приобье - 4 могильника. По своему погребальному обряду и инвентарю они очень схожи между собой. Несколько отличаются могильники Кузнецкой котловины, поэтому мы рассмотрим их отдельно.

В Новосибирском и Томском Приобье преобладают курганные могильники. Значительная часть курганных насыпей окружена рвом, который иногда мог быть квадратным (Быстровка-1). В могильнике Юрт-Акбалык-4 ров был заполнен сажей. В ряде насыпей прослежены следы тризн: прокалы и кости животных. Погребенные лежали в могилах в вытянутом положении на спине, реже встречаются захоронения в насыпи или на уровне погребенной почвы. В Новосибирском Приобье преобладала северо-восточная ориентация погребенных. В Томском Приобье они лежали головой на юг, юго-запад и юго-восток.

Многие могилы имели деревянные перекрытия и берестяные чехлы. В Томском Приобье на дне ряда могил прослежены чистый песок, слой глины или холодных углей, на которые настилались плахи, а затем ставился гроб. В Басандайском могильнике с южной или юго-восточной стороны могилы могли находиться жертвенники из камня или гальки.

Встречены погребения человека с конем или его чучелом. При этом целый скелет коня располагался в отдельной могиле, а чучело находилось вместе с погребенным человеком. Если в раннем средневековье сосуды находили буквально в каждой могиле, то в погребениях рассматриваемого периода они встречаются значительно реже. Видимо, их заменили не сохранившиеся до нас деревянные или берестяные сосуды.

Погребения сrostкинской культуры (IX - X вв. - по Л.М. Плетневой, X - XII вв. - по А.А. Адамову) наиболее ярко представлены в могильниках памятника Березовый Остров и в одном из курганов Кро-халевки-13 в Новосибирском Приобье. Они содержали предметы вооружения, конского набора, а также оригинальные крупные ажурные подвески с растительным орнаментом. Такие подвески являются типично сrostкинскими украшениями. Вероятно, к сrostкинской культуре можно отнести и некоторые погребения могильника Басандайка, основная часть которых относится к XI (XII) - XIV вв. Этим же временем А.А. Адамов датирует курганный могильник Ельцовский-1 под г. Бердском.

115

В отдельных курганах вместе с могилами найдены квадратные поминальные сооружения площадью около 4 м². Сначала рыли неглубокий котлован. Сама конструкция сооружалась из досок, которые плотно пригоняли к стенам котлована. Вдоль стенок полукругом располагались деревянные столбы. Внутри сооружения обнаружены сосуды (один из них стоял вверх дном), железные наконечники стрел, нож и другие предметы быта. Все эти конструкции были сожжены, поэтому достаточно хорошо реконструируются. А.А. Адамов считает, что они аналогичны древнетюркским поминальным оградкам. Необходимо указать, что в Новосибирском Приобье помимо курганов с описанным сrostкинским погребальным обрядом встречается и иной тип памятников. Одним из них является полностью исследованный А.В. Новиковым могильник Ташара-Карьер-2, включающий 17 удлиненных и округлых курганов. Под круглыми насыпями имелись одно или два погребения, совершенные в неглубоких могилах, на уровне материка или погребенной почвы. Под длинными насыпями было от 3 до 9 могил, расположенных в ряд вдоль продольной оси кургана. Курган мог быть окружен рвом. Погребенные лежали

головами на северо-восток. Могилы имели деревянные или берестяные сооружения и надмогильные конструкции. В насыпь и могилы иногда помещали крупные камни. Широко применялся огонь (частичная кремация умершего непосредственно в могиле, сожжение надмогильных деревянных конструкций, предварительное обожение могильной ямы, разведение костров во время поминальной тризны). Отмечены погребения с конем. В могилах часто встречаются сосуды, что отличает их от описанных выше погребений. Погребение в кургане № 2 содержало наиболее богатый инвентарь, в частности, бронзовую реплику китайского зеркала эпохи Сун (XI - XII вв.) и сердоликовый кабошон с гравированной надписью на арабском языке. Надпись выгравирована в зеркальном изображении, чтобы при отпечатывании она могла читаться (своеобразная роспись владельца). Специалисты из Института востоковедения РАН ее перевели. Это оказалось имя «Аль-хасан-ибн-Махаммад». Кабошон - это первая находка образца арабской эпиграфики в Западной Сибири.

Комплекс вещей позволяет датировать могильник в пределах XI - XIII вв. Отдельные детали погребальной обрядности и набор украшений (круглые проволочные серьги, ромбические орнаментированные подвески из лазурита, перламутровые треугольные пластины с циркульным орнаментом, бусы из янтаря, халцедона, сердолика, горного хрусталя, рубленого бисера, цветного стекла и т.д.) позволяют причислить данный некрополь к осинкинскому типу памятников. Осинкинский могильник исследовал Д.Г. Савинов.

Свои особенности в погребальном обряде отмечены для памятников Кузнецкой котловины. В основной части курганных могильников сохранились традиции, которые были характерны для эпохи раннего средневековья. Речь идет об обряде трупосожжения, который является единственным для большинства погребений. В могильниках Саратовка (X - XII вв.) и Сапогово-2 (XI - XIV вв.) наряду с курганами, под насыпью которых находятся одна-две могилы, встречаются удлиненные курганы-кладбища, содержащие до 20 - 30 могил с сожжениями. В последнем случае при сооружении новых могил насыпи подсыпали, поэтому такие курганы отличаются большими размерами и вытянутыми пропорциями. В могильнике Торопово-1 могилы с сожжениями сопровождают погребения коней или их шкур.

Особый интерес представляют курганы на р. Бачат. Они резко отличаются от описанных выше курганов. В них отсутствуют сожжения. В могилах лежали скелеты, в отдельных ямах - кости коней. Глиняные сосуды отсутствовали. А.М. Илюшин полагает, что эти могильники принадлежали новому населению, пришедшему в XI - XII вв. в Кузнецкую котловину.

Инвентарь, обнаруженный на поселениях и в курганах Верхнего Приобья, однотипен. Преобладают круглодонные сосуды, плоскодонные единичны. Многие сосуды имеют отогнутый наружу орнаментированный венчик. Основная часть узора не спускается ниже плечиков сосуда. Орнамент представляет собой оттиски гребенки и гладкой палочки, а также ямки. Резкого различия между керамикой X - XII и XII - XIV вв. нет. Происходит постепенное развитие комплексов. В Кузнецкой котловине, в связи с отсутствием исследованных поселений, керамики найдено мало, поэтому давать ей характеристику преждевременно.

Очень хорошо представлено вооружение: разнообразные железные и костяные наконечники стрел и дротиков, костяные пластины от луков, остатки колчанов, палаши и сабли, железные панцирные пластины, которые, видимо, крепили на железную основу. Конское снаряжение обычно включало удила, псалии, стремяна, ременные бляхи, костяные обкладки луки седла. Орудия труда представлены чаще всего железными ножами. Встречаются железные кельты, кресала. Более редки находки глиняных пряслиц и каменных жерновов. Единичны железные клещи, молотки и ножовка. Из предметов быта интересны двузубые вилки и астрагалы - кости для игры. На астрагалы часто

наносили штрихи, делали сквозные отверстия и углубления для заливки металла (игральные биты).

О далеких связях населения позволяют судить бронзовые зеркала. В Новосибирском и Томском Приобье найдено более десяти орнаментированных зеркал. Большая их часть китайского происхождения либо реплики с китайских изделий. Они украшены фигурами фениксов, летящих птиц, изображением божества Большой Медведицы и т.д. Два зеркала имеют иранское или среднеазиатское происхождение: они украшены рельефным изображением Сенмурва - крылатой собаки. Особенно многочисленны разнообразные бусы. Встречены бронзовые серьги трех типов: кольца с небольшими подвесками, в виде знака вопроса и изготовленные из скрученной проволоки. Очень красивы ажурные подвески так

116

называемого сrostкинского типа. Они украшены растительным орнаментом или изображением двух птиц. Подвески хорошо датируются по аналогам из погребений X - XI (XII) вв. Поясные бляхи изготавливали из бронзы, железа и даже кости. К широко распространенным в XIII - XIV вв. накладкам на пояса относятся крупные бронзовые бляхи-обоймы со скобками.

Весь указанный материал дает возможность реконструировать экономику и социальные отношения населения Верхнего Приобья. Хозяйство было комплексным. Основное место в нем занимало скотоводство. В стаде преобладала лошадь, которая не требовала заготовки корма на зиму. Разводили крупный и мелкий рогатый скот. Землю обрабатывали при помощи сошников. Для уборки урожая использовали серпы. Так, серп был обнаружен в одном из курганов могильника Высокий Борок. Зерно растирали на жерновах. Видимо, основным злаком был ячмень, который был широко распространен у тюркоязычных народов Сибири. Судя по остеологическому материалу, охотились на нушных зверей. Значительное количество мяса давала охота на лося.

Железодельное производство этого периода хорошо изучено Н.А. Зиияковым. Сырьем для получения железа, скорее всего, являлись местные болотные руды. Орудия изготавливали из стали (сырцово́й и высокоуглеродистой). Лишь 17% предметов были выполнены из чистого железа. Археологическими свидетельствами железнодельного производства являются шлаки, найденные почти на всех городищах, кузнечный набор клещей (могильник Березовый Остров) и крица (городище Черный Борок-20). О цветной металлургии можно судить по обломкам льячек, тиглей и самим бронзовым изделиям. По поводу этнокультурной характеристики населения Верхнего Приобья ведутся дискуссии. Л.М. Плетнева и А.А. Адамов считают культуры Томского и Новосибирского Приобья очень близкими друг другу. Они говорят о равномерном переходе культуры населения X - XII вв. в культуру XIII - XIV вв., но при этом по-разному понимают каждую из них. Л.А. Плетнева полагает, что сrostкинская культура существовала в IX - X вв., а затем ее сменила басандайская культура (термин введен В.А. Мо-гильниковым). Последнюю культуру она рассматривает как «смешение тюркского и местного (самодийского?) этносов». При этом под тюркским населением она подразумевает представителей распавшегося кимако-кыпчакского объединения.

А.А. Адамов относит Новосибирские и Томские памятники к сrostкинской культуре, датируя ее X - XIV вв. Он считает, что эта культура была оставлена кыпчаками, и отрицает ее связь с предшествующим самодийским населением верхнеобской культуры. Надо отметить, что точка зрения А.А. Адамова не нашла поддержки у большинства исследователей.

Раскопки А.В. Новикова на могильнике Ташара-Карьер-2 подтвердили предположения ученых о том, что население Верхнего Приобья в начале II тыс. н.э. в этнокультурном плане не было однородным.

По иному пути пошел исследователь памятников Кузнецкой котловины А.М. Илюшин. Он, как и Л.А. Плетнева, считает близкими культуры населения Кузнецкой котловины и

всего Верхнего Приобья (Новосибирского и Томского), но при этом не видит возможности связывать их с теми или иными археологическими культурами и сразу говорит об этнической привязке.

Как уже отмечалось выше, в Кузнецкой котловине четко прослеживаются две разнокультурные группы памятников. В одних курганах сохранились старые для этого региона традиции трупосожжения, в других (долина р. Бачат) отмечены погребения с трупоположением. А.М. Илюшин считает, что последние «сооружены тюркоязычными кочевниками из племен теленгутов, которые в составе конфедерации кыпчаков в начале II тыс. н.э. появились на территории Кузнецкой котловины». Погребения с сожжениями он связывает с местным самодийским населением, полагая, что они оставлены упоминаемыми в китайских источниках племенами «бома». В XIII - XIV вв. начался процесс смешения этих разнородных этнических элементов.

СРЕДНЕЕ ПРИЧУЛЫМЬЕ В X - XIII ВЕКАХ

Прежде всего остановимся на обстановке в Южной и Западной Сибири. В конце I тыс. пережило подъем, а затем и упадок кыргызское государство. Внутренние процессы, протекавшие на его территории, привели к расселению кыргызов за пределы Минусинской котловины. Одним из таких направлений явилось Среднее Причумылье. Продвижению способствовал тот факт, что главная ставка кыр-гызского кагана была перенесена из Тувы к истокам р. Чулым (место слияния Белого Июса и Черного Июса). Проникновение кыргызов на Средний Чулым осуществлялось вниз по течению р. Кии и далее по р. Чулым. Это было узкое локальное продвижение. На остальной территории Среднего Приобья сохранялось местное самодийское население, являвшееся приемником релкинской культуры. Однако в их культуре явно прослеживаются элементы тюркизации. Исследование археологических памятников Среднего Причумылья проводилось в основном О.Б. Беликовой. Оно выявило проникновение именно в этот район кыргызского населения. Раскопки велись на поселении Городок и на Змеинкинском и Калмакс-ком курганных могильниках. В погребальном обряде резко доминировало полное сожжение умершего на стороне вместе с погребальным инвентарем. Иногда инвентарь в огонь не клали. Захоронения чаще всего совершались прямо на поверхности земли или в неглубоких ямах. Лишь незначительное число погребений представляло собой ингумацию. На дне могил в ряде случаев обнаружены рамы-обкладки, которые чаще всего обуглены. В насыпи встречены ямы-тайники с вещами. В них всегда присутствовали миниатюрные железные орудия (нож, тесло, кресало) и обыкновенная конская упряжь. Часты сопроводительные погребения коней. Они могли включать целые скелеты животного, остатки шкуры (череп и кости ног). Иногда лошадь кремировали.

117

Самые распространенные находки - керамика. Сосуды круглодонные; венчики имеют налп с внешней стороны. Орнамент чаще всего наносился гребенкой и располагался двумя зонами: на венчике и плечиках. Часто встречаются железные тесла-мо-тыжки, ножи и кресала. Конская упряжь (удила, стремяна и др.) обычны для X - XIII вв. Хорошо реконструируются твердые седла, найденные в тайниках. Оружие представлено саблями, остатками луков и колчанов. Из предметов быта интересны вилки и миниатюрные пинцеты, которые, скорее всего, использовались в косметических целях. Из украшений одежды наиболее часты находки стеклянных и каменных бус.

Погребальный обряд и основной инвентарь типичны для минусинских кыргызов. Обряд сожжения не встречается на памятниках остальной территории Среднего Приобья. Обращает на себя внимание тот факт, что керамика является не кыргызской, а местной. Как полагает О.Б. Беликова, это свидетельствует о смешении населения: пришлые воины-кыргызы брали в жены местных женщин, которые изготавливали привычные для них сосуды. Исследовательница также считает, что кыргызы не оказали заметного влияния на формирование чулымских татар. Сказались оторванность кыргызов от основной своей

минусинской территории и общий процесс тюркизации, который наблюдался во всем Среднем Приобье.

КУЛЬТУРА НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ (КИНТУСОВСКИЙ ЭТАП)

Она датируется X - XIII вв. Территория ее распространения остается той же, что и на предшествующем оронтурском этапе. Памятники представлены поселениями, могильниками, жертвенными местами и кладами. Несколько поселений и городищ находятся под г. Сургутом на знаменитой Барсовой горе.

Городища имели мощные укрепления. Одним из противников, от которых надо было защищаться, видимо, были русские новгородские войска. В новгородской летописи рассказывается об осаде в 1194 г. одного из югорских городков воеводой Ядреем. Завершилась она для русских неудачей. В хантыйских преданиях идет речь об укрепленных «городках», обнесенных частоколом. Основным видом жилища была подквадратная полуземлянка площадью от 18 до 42 м². Вдоль стен на земляном возвышении находились нары. Стены представляли собой наклонный каркас из жердей, которые своим верхним концом опирались на четырехугольную раму, укрепленную на столбах. Существовали и многокамерные полуземлянки, соединенные коридором. В начале II тыс. появился новый тип очагов в виде каминов - чувалов.

Могильники кинтусовского этапа грунтовые. Могилы на поверхности прослеживаются в виде неглубоких западинок. Погребенные лежали вытянуто на спине. В одном могильнике захоронения совершены в лодках и покрыты берестой. Умерших сопровождали глиняные сосуды, орудия труда, конские удила, железные ножи и бронзовые украшения, в том числе шумящие подвески. В Сургутском Приобье отмечен обычай помещения в могилу бронзового котла или его керамической копии. Обращает на себя внимание расположение серебряных импортных сосудов. Во всех случаях они были надеты на голову погребенного, а в одном случае надет медный котел.

Жертвенные места устраивали на заброшенных поселениях, т.е. там, где располагались жертвенные места оронтурского этапа. Население продолжало почитать их, сохраняя старые идеологические представления. Здесь найдены серебряные сосуды, железные наконечники стрел и ножи, обломки медных котелков. К кинтусовскому этану относится клад, в состав которых входили медные и железные котлы, импортные серебряные и бронзовые сосуды, браслеты, гривны, шумящие подвески и другие украшения.

Инвентарь является развитием материалов оронтурского этапа. Керамика, как и прежде, круглодонная, хорошо орнаментированная, но мотивы орнаментации несколько изменились. В поселениях XIII в. глиняные сосуды отсутствуют. Керамическое производство в XIII - XIV вв. исчезло, что было вызвано широким внедрением привозных медных и железных котлов, имевших явное преимущество перед ломкой глиняной посудой. Подобное явление характерно не только для Нижнего Приобья, но и для других районов севера Западно-Сибирской равнины. Столовая посуда стала деревянной и берестяной. Сохранилось лишь производство глиняных тиглей для плавки металла. Орудия труда представлены ножами и топорами, оружие - железными и костяными (реже) наконечниками стрел. Лук был сложным, составным. Найдены кольца кольчуги. На могильнике Сайгатинский III в Сургутском Приобье обнаружены кольчуги. Судя по фольклору, железная кольчуга и меч были обязательной принадлежностью богатого воина - князя. Встречаются железные удила и псалии.

Как и прежде, широко были распространены изделия, выполненные в урало-сибирском стиле. Употреблялись местные литые пряжки с изображением головы и лап медведя, фигуры лося, зайца. Встречаются схематичные объемные фигурки птиц и животных, браслеты с изображениями головы медведя, лежащей на его передних лапах, шумящие подвески и другие украшения.

Хозяйство имело в основном присваивающий характер, т.е. было охотничье-рыболовецким. Начало складываться оленеводство. Встречены немногочисленные кости коней, однако нельзя с уверенностью говорить о развитии коневодства. Скорее, можно предположить, что лошадей выменивали в более южных территориях. Некоторые изменения произошли в охотничьем промысле. В нем большее значение, по сравнению с предшествующим периодом, стала иметь охота на пушного зверя. Она уже носила товарный характер. Рыболовство было, в основном, запорным, но использовали и сети. На самом севере охота велась на морских зверей: моржа и нерпу. Об-

118

наружены остатки горнов для выплавки железа из болотной руды и ямы для выжигания угля. В ряде жилищ встречены остатки бронзолитейного производства. На р. Таз вместе с горном встречены брак и отходы, оставшиеся от литья бронзы.

В отличие от предшествующего времени, в инвентаре широко представлены импортные вещи, что свидетельствует о развитии торговых связей. Аборигенное население севера Западной Сибири поставляло на юг меха и получало взамен ремесленные изделия. Можно с определенностью говорить о контактах с Волжской Болгарией и Русью. К болгарским изделиям относятся найденные в кинтусовских памятниках височные подвески с напускными бусами с зернью, бляшки, блюда, клепаные котлы. О связях с населением Зауралья свидетельствуют шумящие подвески.

Большое количество вещей имеет русское происхождение или изготовлено по русским образцам. Это проушные топоры, кресала, замки, ключи, бусы, украшенные сканью. На византийской чаше, найденной у с. Березово, на дне процарапана русская надпись о ее стоимости в 35 гривен серебра. Судя по русским летописям, прочные связи с севером поддерживали новгородские купцы, которых сюда влекли меха. Есть предположение, что в рассматриваемый нами период новгородцы стали селиться в Югре, организуя здесь подобия торговых факторий. *Югрой* в русских летописях называли территорию, находившуюся за Уралом и населенную угорскими племенами. Находки обломков русской керамики в Нижнем Приобье, по мнению ряда исследователей, подтверждают наличие здесь временных новгородских торговых поселений. Судя по найденным предметам, наиболее активная торговля с Русью падает на XII -первую половину XIII в., т.е. на период, предшествовавший татаро-монгольскому нашествию.

Выводы

На территории Верхнего и Среднего Приобья в конце I первой половине II тыс. н.э. продолжался процесс тюркизации населения. Более всего это характерно для лесостепного Алтая, который находился в непосредственной близости с тюркским населением. Начало II тыс. н.э. - это время активных подвижек населения. Территория Верхнего и основной части Среднего Приобья явилась ареной продвижения тюркских племен. В Среднее Причудулье пришли кыргызы, однако они не оказали заметного влияния на сложение населения. В Нижнем Приобье продолжало жить аборигенное население, материальная культура которого представлена кинтусовскими древностями. Можно определенно говорить о его контактах с Новгородом.

Рекомендуемая литература

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X - XIV вв. -Тобольск; Омск, 2000.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X - XIII вв. - Томск, 1996.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. - М.; Л., 1956. -Вып. 48.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. - Кемерово, 1999.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. - М., 1987.-С. 163-236.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. по археологическим источникам. - Томск, 1997.

Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. - Кемерово, 1994.

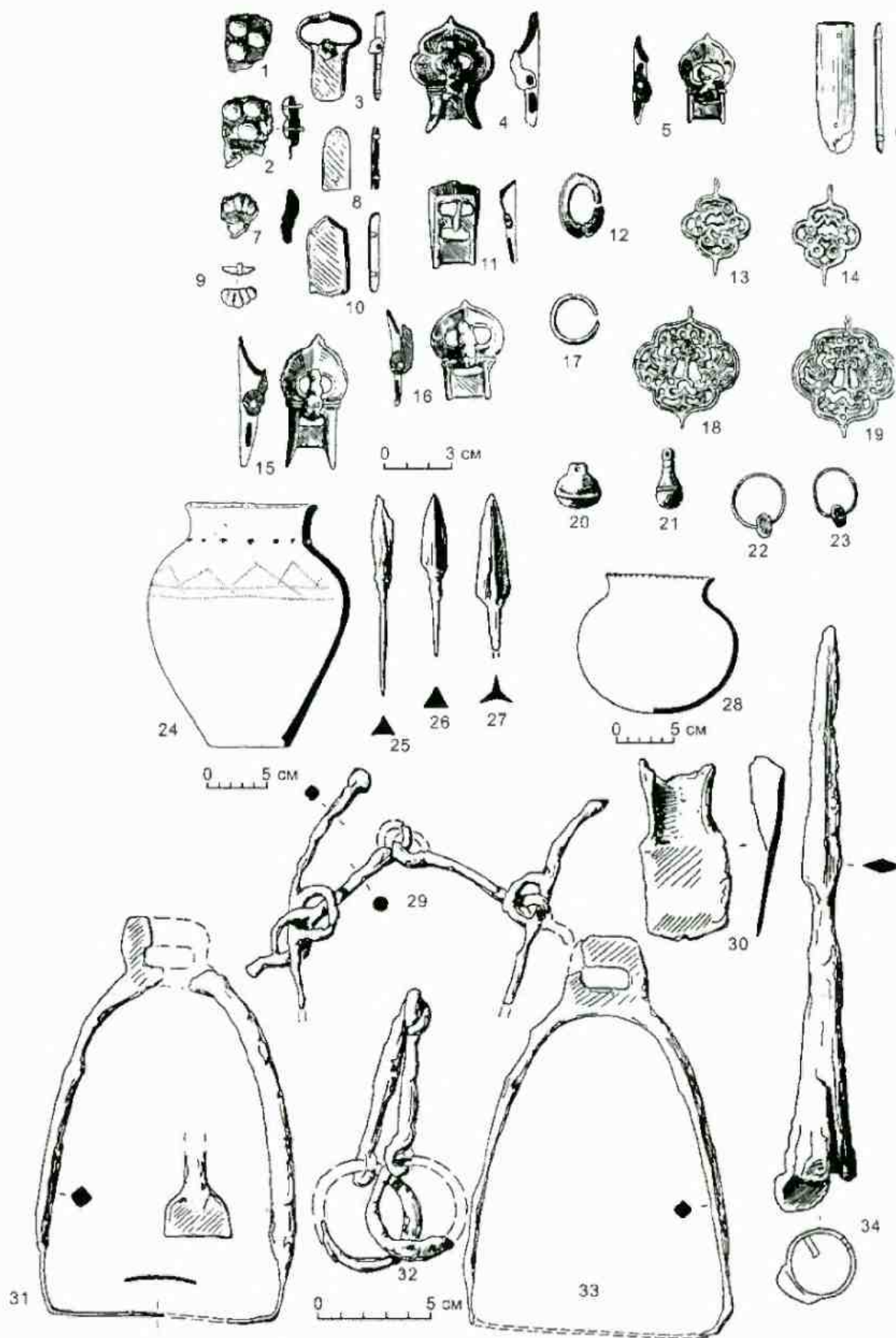

Рис. 46. Материалы сrostкинской культуры (по: Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956).

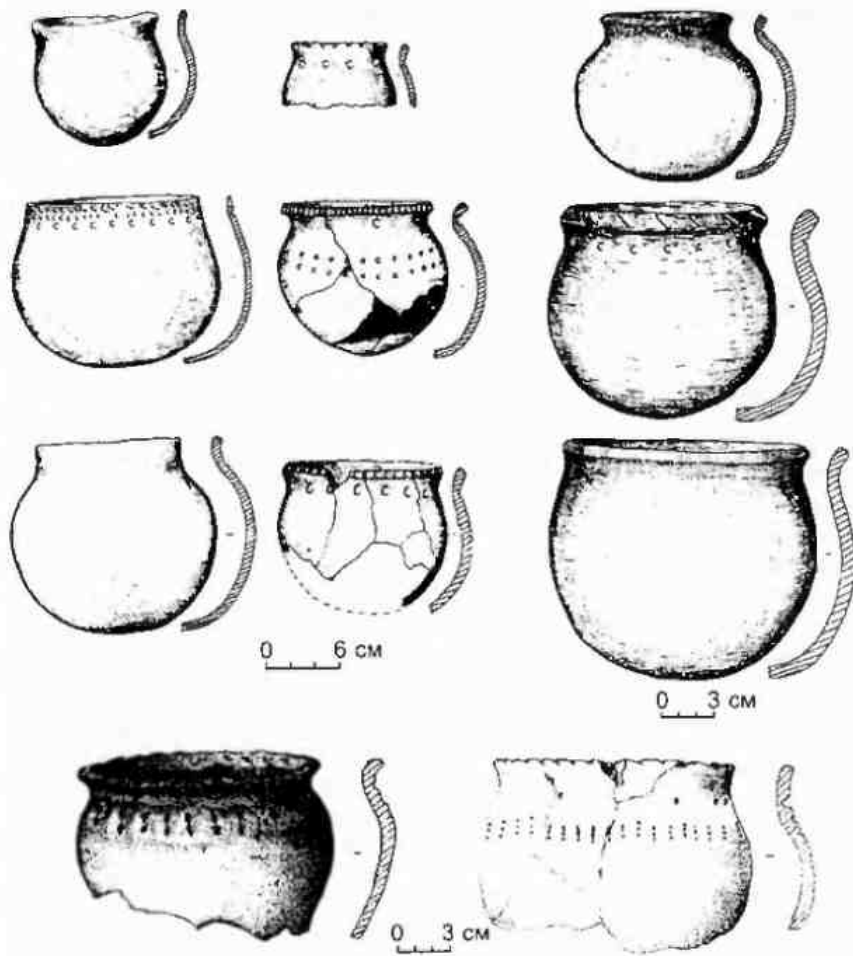

Рис. 47. Керамика басандайской культуры из могильника Ташара-Карьер-2.

Рис. 48. Материалы басандайской культуры из могильника Ташара-Карьер-2.

ГЛАВА 17 ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА В XIV - XVIII ВЕКАХ

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Остановимся на том, что собой представляло население Западной Сибири в XIV - XVIII вв. Это время, когда уже сложились основные народности Западной Сибири, с которыми столкнулись пришедшие сюда русские первопроходцы. Лесостепная и южнотаежная части были заняты тюркоязычным населением, по большей части западносибирскими татарами. К северу от них жили манси, ханты и селькупы. Вплоть до XVII в. на обских просторах от р. Уень до Телецкого озера кочевали телеуты. Сибирские татары не представляли собой единую народность. Они состояли из ряда групп, отличающихся некоторыми особенностями языка и культуры. Этногенетический процесс сложения сибирских татар связан с тем, какие тюрко-язычные, угорские или самодийские племена принимали в нем участие. Археологические и лингвистические данные дают возможность определить этнические составляющие различных групп сибирских татар.

Тюменско-туринские татары образовали самое раннее государство сибирских татар - Тюменское ханство. В их этническом формировании наряду с тюрко-язычным населением большую роль сыграли манси.

Тобольские татары сложились в основном из древнего тюркоязычного населения этой территории, частично хантов и пришедших в XVI в. среднеазиатских тюрков - узбеков и ногайцев.

К северо-западу от тобольских татар, в обширной болотистой местности жили татары, которых в русских актах называются *заболотными*. Их основа - тюркское население, вступавшее в контакты с хантами и манси. В XVI в. здесь появились татары из разбитого кучумского войска.

Тарские татары проживают в бассейне Иртыша южнее тобольских татар. В их состав, помимо тюрков, вошли и ханты, которые были ассимилированы.

Наиболее крупной группой, сохранившей и в настоящее время свои особенности, были *барабинские татары*, проживавшие на широкой территории Барабинской лесостепи. В их состав вошли тюркские племена из кимако-кыпчакского объединения рубежа I - II тыс. н.э. и проживавшее на этой территории угорское население. В последнее время ставится вопрос об участии в этногенезе барабинских татар и самодийского населения.

Томские татары (эуштинцы) и сейчас живут в низовьях р. Томи. Как показывают археологические материалы, в течение I тыс. н.э. основным населением здесь были самодийцы, а с IX - X вв. началось широкое проникновение тюркоязычного населения, которое ассимилировало местных жителей.

Чатские татары (чаты) занимали территорию к востоку от барабинцев, в верховьях р. Оми и Верхнем Приобье. Позже часть их переселилась в Притомье. Базой для формирования чатов послужили племена верхнеобской археологической культуры (самодийцы?), подвергшиеся тюркизации в начале II тыс. н.э. Позже в их сложении приняли участие барабинцы и телеуты.

Чулымские тюрки (татары) занимали территории в Нижнем и Среднем Причумылье. Основную роль в их сложении сыграло тюркизированное население этого региона. Тюркизация была достаточно сильной, и жившие на этой территории в X - XIII вв. кыргызы не оставили глубоких следов в культуре чулымского населения.

Каким же было внешнеполитическое положение Сибири в это время? В XIV - XVII вв. складывались, развивались и исчезали сибирские ханства. Их возникновение связано с походами монголов и образованием Золотой Орды. Территория Западной Сибири формально считалась подчиненной ханам Золотой Орды, входя в состав ее улуса - Белой Орды. Внутренние противоречия в Золотой Орде привели к ослаблению центральной власти и отделению от нее ряда территорий. Так, в конце XIV - начале XV вв. сложилось первое сибирское государство - Тюменское ханство со столицей Ченги-Тура на месте

современной Тюмени, на берегу р. Туры. Однако внутренние противоречия феодальных группировок привели в конце XV в. к его падению. Возникло новое ханство - Сибирское со столицей Ис-кер (современное название урочища - Кашлак) на берегу Иртыша, в пограничье лесостепной и южно-таежной зон. Оно просуществовало вплоть до прихода первых русских войск в конце XVI в.

С XV в. в Барабе появился ислам. Но, как показывает археологический материал, в широких слоях населения мусульманская обрядность не получила распространения. Все исследованные могильники этого времени продолжают сохранять прежние традиции. Видимо, ислам в этот период затронул лишь узкую правящую верхушку.

ПАМЯТНИКИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Как это ни странно, но в археологическом отношении этот хронологически близкий нам период менее изучен, чем более древние периоды. Даже сохранившиеся до нас бывшие столицы Тюменского и Сибирского ханств - Чемги-Тура и Искер - почти не изучены.

122

Несколько лучше других исследованы памятники Барабы. Они свидетельствуют о смешанном составе населения на этой территории. Исследования здесь проводили В.И. Молодин, В.И. Соболев и А.И. Соловьев.

Памятники Барабы представлены городищами, поселениями и могильниками. Известен ряд городищ. Мы остановимся на двух из них - Вознесенском и Большом Чуланкуле-1. В каждом из них жилища находились как на огражденных участках, так и за пределами оборонительных сооружений. Вознесенское городище в старину называлось Тон-Тура. И в наше время оно продолжает отличаться большой мощностью. При Кучуме это было место ставки сибирского хана в землях барабинских татар. Городище расположено на узком мысе над р. Омь, резко возвышаясь над окружающей местностью. Узкий мыс тремя линиями рвов и валов делится на четыре участка, на которых виднеются западины - следы жилищ-полуземлянок. Хорошо сохранились остатки дороги, резко поднимавшейся от прибрежной поверхности вверх на мыс. Особенно выделяется одна линия оборонительных укреплений. Она состояла из двух валов (современная высота до 1,5 м, а ширина до 3 м). Особенно грандиозным был ров: глубина его доходила до 4-6 м, а ширина - до 19 м. Раскопано несколько жилищ.

Городище Большой Чуланкуль-1 небольшое по размерам, квадратное в плане. Судя по реконструкции В.И. Соболева, городище было окружено двумя валами и рвом между ними. Имелись два въезда, располагавшиеся с противоположных сторон; через рвы в этих местах вела насыпь. Жилая площадка имела дополнительный деревянный забор. На ней находились четыре жилища, которые были слегка углублены в землю. К котловану жилища вел коридорообразный вход. Ямки от опорных столбов вертикальные, что указывает на вертикальность стен.

Интересны расположенные на островах оз. Чаны городища Чиняиха и Тюменка. С одной стороны они были защищены обрывистым берегом, с другой - рвами и валами.

Жилища на поселениях и городищах представлены тремя типами. Первый тип - конусообразные постройки, напоминающие юрту. Боковые стены устанавливались наклонно, с опорой на центральный столб. Стены из жердей наверху связывали в пучок вокруг центрального столба, образуя световое и дымоходное отверстие. Второй тип - усеченно-пирамидальные жилища. Их котлован имел четырехугольную форму. Кроме центрального опорного столба существовали угловые столбы. Они были связаны между собой рамой, на которую опирались верхушки наклонно поставленных жердей. Третий тип - прямоугольные жилища. Именно такие были на городище Большой Чуланкуль-1. Очаги могли иметь вид обычных кострищ, а также кострищ, расположенных на тарелкообразных выступах материка. Уже появились чувалы: очаг располагался на материковом выступе, а прямо над ним находилась труба из крупного бревна с

выжженной сердцевиной (она уводила дым за пределы крыши). Подобные чувалы появились в развитом средневековье, но шире распространились несколько позже. Могильники были курганными и грунтовыми. Исследовано более 12 могильников. Наиболее интересные из них Абрамове-10, Кыштовка-2 и Малый Чуланкуль-1. Абрамове-10 - грунтовой могильник, расположенный на р. Оми близ г. Куйбышева. Раскопано 118 захоронений. Погребенные покоились на спине, в вытянутом положении, головами на юго-восток. Многие могилы имели деревянные обкладки. В ряде случаев обнаружены берестяные чехлы и остатки берестяные перекрытий. Во многих могилах сохранились берестяные задники мягкой кожаной обуви. Одно погребение женщины сопровождалось деревянным сундучком с деревянной ручкой. В нем лежали украшения: стерженек охры с приостренным концом, скобель с деревянной ручкой и музыкальный инструмент. Рядом с могилой ребенка обнаружены две ямы. В одной из них найдены четыре расположенных вертикально бедерных кости взрослого человека, в другой - три. Они явно имели ритуальное значение. Инвентарь могильника Абрамове-10 датируется XVI - XVII вв. и относится к барабинским татарам. Одновременно он свидетельствует об эпизодическом проникновении на эту территорию селькупов. Найденные в их могилах сосуды абсолютно аналогичны посуде из селькупского Тискинского могильника в Среднем Приобье.

К барабинским татарам относится и курганный могильник Малый Чуланкуль-1. Здесь прослеживается устойчивый погребальный обряд. Умерших заворачивали в берестяные чехлы, сделанных из кусков покрытия чумов. Могилы закрывали берестой. Рядом с перекрытием или прямо на нем разводили костер, справляли тризну и насыпали курган. Захороненные, независимо от пола, имели косы, которые находились в специальном берестяном футляре. Среди погребений выделяется одно - с человеческими жертвоприношениями. В нем сначала по типичному для этого могильника обряду была захоронена женщина. Инвентарь в могиле отсутствовал. Над могилой на уровне перекрытия выявлены четыре скелета. Два из них лежали в зеркальных позах: с одной чуть согнутой ногой, одна рука вытянута, другая находится на поясе. У одного скелета отсечена стопа и положена на голень другой ноги, отчленены кисти обеих рук, шейные позвонки неестественно вывернуты, в позвоночнике застрял костяной наконечник стрелы. У второго скелета отсечены кисть и стопа правой руки и ноги. В левой глазнице и напротив нее в черепе имеются два отверстия от наконечника стрелы, который сохранился внутри черепной коробки. Три ребра у него сломаны, на темени следы рубящего оружия. Возле каждого из этих скелетов располагались по кучке изрубленные кости скелета и череп. А.И. Соловьев, автор этих раскопок, считает, что первые два скелета принадлежат рабам - слугам умершей женщины в загробном мире, а два изрубленных скелета - жертва, призванная задобрить божество загробного мира. Особый обряд погребения свидетельствует об особом статусе погребенной женщины, несмотря на бедность захоронения. Есть предположение, что она была шаманкой. Хантыйский курганный могильник Кыштовка-2 расположен на северо-западе Барабы. Здесь раскопа-

123

но 145 могил в 140 курганах. Материал исследован и опубликован В.И. Молодиным, Погребенные лежали на материке или в могиле глубиной до 70 см, головами чаще всего на северо-запад или юго-восток, 8 насыпях встречаются челюсти или зубы коня. Керамика обнаружена только в двух случаях. Иногда попадаются бронзовые котлы и керамические сосуды русского производства. Среди инвентаря встречаются русские монеты и западноевропейские жетоны, которые помогают датировать могильник концом XVII - первой половиной XVIII вв. В.И. Молодин полагает, что могильник принадлежал южным хантам.

Обращает на себя внимание одинаковый набор орудий и предметов быта у барабинских татар, проживавших на основной части Барабы, и хантов, занимавших ее северную

окраину. Это объясняется одинаковыми условиями их обитания. Отдельные зоны селькупского проживания не выявлены, но селькупская керамика, пусть и в небольшом числе, была обнаружена.

В могильниках и на поселениях барабинских татар чаще всего встречается керамика. Преобладают вытянутые круглодонные сосуды, плоскодонные единичны. Орнамент обычно покрывает всю поверхность сосуда. Он представляет собой косую насечку, отпечатки гребенки, реже - гладкой палочки. Единичны обломки импортной гончарной керамики. Сосуды, найденные в памятниках хантов, отличаются приземистостью. Край их венчиков орнаментирован оттисками гладкого штампа. Тулово покрыто ямочными наколами, отпечатками гладкого штампа и др. Несколько селькупских сосудов отличаются зональностью орнамента. Встречена металлическая посуда - железные и бронзовые котлы. Обеденной посудой могли быть берестяные туески. В двух из них хранилась пища для погребенного (от нее остались косточки водоплавающей птицы). Реконструированы головной убор из простеганной материи с нашивными полусферическими бронзовыми бляшками и мягкая кожаная обувь с берестяными запяточниками или с жесткой подошвой и железными подковками.

Часто встречаются проушные топоры, являющиеся одновременно орудием и оружием. Найдены костяные накладки сложных луков, железные и костяные наконечники стрел, остатки колчанов и бронзовые бляхи, украшавшие их. Древки стрел раскрашивали цветными метками, что помогало безошибочно извлекать из колчана стрелу с нужным наконечником. Часты находки удили и стремян. Найдены наконечники копий, один кистень, панцирные пластины. Из орудий надо указать ножи, кельты, скобели, ножницы, глиняные пряслица, кистень, наконечники стрел, предметы конской упряжи, различные украшения (перстни, браслеты, бусы, бисер, бронзовая цепочка, подвески), курительные трубки и др. Среди блях, украшавших колчаны, интересна крупная бронзовая бляха из Абрамово-10. Она представляет собой стилизованное изображение птицы с развернутыми, слегка опущенными вниз крыльями и распущенным хвостом. С лицевой стороны бляха украшена иятью вставками из цветного стекла.

Особое место среди инвентаря занимает крупное бронзовое зеркало из Кыштовского могильника. С

тыльной стороны оно оконтурено выступающим бордюром и рельефным валиком. К центру припаяна полусферическая ручка с отверстиями для подвешивания. Тыльная сторона зеркала сплошь покрыта вынуклыми валиками, образующими переплетения растительного орнамента, в который вписаны стилизованные изображения лебедей. Зеркало имеет иранское происхождение и является ярким свидетельством торговых связей местного населения.

ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Археологические исследования памятников XIV -XVIII вв. велись на территории Новосибирского и Томского Приобья в местах проживания чатов (чаг-ских татар) и зуштинцев (томских татар). Здесь исследовались поселения, городища и могильники. В Новосибирском Приобье особенно выделяются городища Черный Борок-20 и Щелганушка-1 (раскопки А.А. Адамова). Городище Черный Борок-20 расположено на высокой надпойменной террасе левого берега р. Оби. Оно имело две площадки, каждая из которых имела свою оборонительную систему из рва и вала. Ширина рвов достигает 10 и 7 м, глубина - 5 и 1,5 м. Ров заходит и на склон памятника. Прослеживаются бастионы, прерывающие ров. Городище содержит два слоя: начала II тыс. н.э. и XVI -XVII вв. Два жилища этого периода впущены в предшествующий культурный слой. Жилища были небольшими, подпрямоугольными, с глинобитным полом. Среди находок обращают на себя внимание остатки кожаных изделий, расшитых металлической проволокой. Такая техника появилась лишь в XVI -XVII вв. На городище Щелганушка-1 при раскопках следы сооружений не выявлены.

Из числа неукрепленных поселений интересно Ор-дынское-6. Здесь было раскопано жилище с лежанкой (выступ материка) и крупной глинобитной печью, которую перекрывал свод. Диаметр печи достигал 1,8 м. Дополнительной опорой свода служил материковый выступ в виде столба, который был совершенно пережжен. Печь имела внутреннюю камеру высотой 32 -40 см. Вероятно, в своде имелось отверстие для трубы. При строительстве печи сначала сооружали каркас из прутьев и соломы, которые в процессе эксплуатации выгорели. Для сохранения тепла печь была присыпана достаточно толстым слоем песка, смешанного с обломками обмазки. В печи варили пищу и обжигали керамику. О последнем свидетельствует керамический брак, найденный около печи. Сосуды, обнаруженные в этом жилище, круглодонные, сплошь орнаментированные оттисками гребенки или палочки, круглыми и овальными ямками; встречаются зашипные валики.

Материал по Томскому Приобью обобщен Л.М. Плетневой. Здесь известен ряд поселений и городищ (Ба-сандайка, Кижирово, Могильницкое и др.). Все они многослойные. Постройки каркасные и срубные, прямоугольной формы, площадью от 7 до 30 м². Жилища отапливали печами овальной формы, сбитыми из глины, смешанной с соломой. Внутри печи имелась камера диаметром 35 - 40 см, в которую вело топочное отверстие. Прослежены остатки чувалов. Открытые

124

очаги встречались реже. Иногда они были огорожены деревянной рамой, закрепленной кольшками.

Достаточно полно в Томском Приобье представлены могильники. В Козюлинском могильнике раскопано 78 курганов, содержащих 112 погребений; в Коларовском могильнике — 11 курганов. Преобладал обряд труположения. Сожжения на месте погребения совершались редко. Зафиксировано наличие берестяной подстилки и берестяного покрывала; встречаются деревянные перекрытия. Погребенные преимущественно лежали на спине, головой на юг или юго-восток. Несмотря на распространения христианства, погребальный обряд мало изменился: умерших продолжали снабжать едой и необходимым инвентарем.

Из находок остановимся на керамике. Сосуды Новосибирского и Томского Приобья сходны между собой. Сосуды представлены горшками и мисками. Почти все они круглодонные. Орнамент доходил до дна сосуда. Он наносился гребенкой, реже гладкой палочкой, встречались круглые и овальные ямки-вдавления. В Томском Приобье среди сосудов встречаются орнаментированные формы, сходные с керамикой Нарымс-кого Приобья. По мнению отдельных авторов, это свидетельствует о возросшем селькупском влиянии.

Инвентарь Томских поселений и могильников аналогичен находкам с других памятников Западной Сибири этого времени. Интересны изделия, при помощи которых можно восстановить железоделательный процесс. Используемая руда была не очень богата железом. Болотные руды не встречены. Печи (домницы), обнаруженные на городищах, были невысокими (до 70 см высотой). Их сооружали из глины, иногда на фундаменте из крупных галек. Камеры имели полукруглое дно. В полукруглом своде было выполнено отверстие для загрузки руды и угля, а также для выхода газа. Снизу в печи имелось отверстие, в которое вставлялась заслонка из глины. В заслонке тоже было отверстием для меха, которым поддували воздух. После окончания плавки нижнее отверстие открывали, а из печи клещам вытаскивали крицу, которую затем отбивали молотом на наковальне. Встречены проушные топоры, тесла, ножи, кресала, наконечники стрел и копий, стремена, удила и др. Обращает на себя внимание орудие для заготовки сена - коса-горбуша. Возможно, этот предмет русского привоза. Найдены бусы, бисер, серьги, браслеты и другие украшения, а также курительные трубки. Впервые в Сибири обнаружены стеклянные зеркала, тоже завезенные русскими. Козюлинский могильник хорошо

датируется счетными жетонами и русским монетами времен царей Михаила и Алексея. Хождение этих монет по Сибири началось с середины XVII в.

ПАМЯТНИКИ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Нарымская группа памятников интересна тем, что в ней прослеживается единая линия развития, идущая от кулайской и релкинской культур и далее вплоть до XIX в. Ярким подтверждением этому является тот факт, что в ряде случаев погребения в разное время производились на одном курганном кладбище (например, на Тискинском могильнике). Изучение данного региона активно проводится А.И. Бобровой.

Памятники представлены погребениями и поселениями. Последние пока мало изучены, поэтому ниже речь пойдет о погребениях.

Наиболее полно изучен Тискинский могильник, находящийся на р. Оби к северу от г. Колпашево. В нем раскопано около 500 погребений XII - XX вв. Погребения XII - XVII вв. продолжают традиции просамодийского, а затем и самодийского населения - селькупов. В захоронениях XVIII - XIX вв. явно прослеживается влияние христианства. Могилы конца XIX - середины XX в. связаны с русскими (здесь действовало русское кладбище). Тискинские и другие курганы дают возможность реконструировать погребальный обряд.

Могильники сооружали на высоких местах и в затопляемых поймах. Курганы могли содержать одного и более погребенных. Насыпь каждый раз досыпали, в результате чего образовались длинные курганы. Особенностью обряда, в отличие от релкинско-пермского периода, является отсутствие скоплений инвентаря в насыпях. Преобладала ингумация; сожжения встречаются значительно реже. Сожжение могло производиться на месте, с сохранением костей скелета в неповрежденном состоянии, или же на стороне, но тогда в могилу складывали кучку праха. В ряде случаев площадку для погребения обжигали. Этот признак является региональным для низовьев Чулыма и Средней Кети. Иногда место, отведенное для будущего кургана, выравнивали и ограничивали ровиком. В Тискинском могильнике площадку в основании курганов оконтуривали ровиком.

Деревянные конструкции имеют вид ящичков из плах или досок и срубов в один венец. Инвентарь представлен орудиями труда, оружием (наконечники стрел, копья), удилами, стременами и др. В могилу возле ног погребенного ставили посуду. Керамика по своей форме и орнаментации ведет свое происхождение от релкинского времени, хотя и претерпела определенные изменения. Особенно интересны ладьевидные сосуды. Орнамент чаще всего наносился гребенкой. Бронзовые украшения представлены бляшками, подвесками (в том числе лапчатыми), бусами, наносными украшениями. Интересно употребление в качестве раритета релкинских изделий. Речь идет об обломке типичной релкинской пластины в виде стоящего медведя. Этот обломок был включен в состав более крупной пластины, изготовленной из железа и тоже изображавшей медведя. В конце XVI - XVII вв. началось интенсивное проникновение русского населения на территорию Западной Сибири. Уже к концу XVIII в. христианизация глубоко проникла в жизнь населения. Курганы сменились грунтовыми могильниками. Людей хоронили в гробах или колодах. Инвентарь стал включать нательные кресты, иконки, свечи, скорлуну яиц и др.

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО И СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Самодийские (селькупские и ненецкие) сказания, эпос угорского (мансийского и хантыйского) населе-

ния, а также русские сведения в значительной степени оживляют археологический материал, связывая его с событиями, происходившими на севере Сибири. Появившиеся в XVII в. на берегах р. Оби русские встретили здесь предгосударственные образования, которые они называли «княжествами». Во главе «княжеств» стояли «князьки» (так

называли их русские) или богатыри - *батыры* угорских сказаний. Ханты Нижнего и Сургутского Приобья отличались большой воинственностью. По-видимому, военное искусство угров, имевших давние связи со степным миром, выгодно отличалось от северного самодийского. У хантов возникали конфликты с самодийцами, а именно - с селькупам Среднего Приобья и жившими на севере ненцами. Селькупы и ненцы периодически нападали на хантов и грабили их. Те, в свою очередь, организовывали ответные походы.

В XVI - XVII вв. произошли значительные этнические сдвиги: ханты вытеснили из бассейна р. Вах селькупов, которые продвинулись на северо-восток. В результате селькупы потеряли часть земель Сургутского Приобья. Среди них прошел хантыйский клин, разделивший селькупов на две части. До прихода русских военные конфликты происходили постоянно. С установлением русского господства военные столкновения стали редки. Из русских документов видно, что в XVII в. у хантов и селькупов начался процесс христианизации. Он не уничтожил местные традиции, но его внешняя обрядность была принята. Это дало повод для активизации действий северных самодийцев (ненцев). В русских источниках значится, что еще в начале XVIII в. «самоеды убивали крещеных и по древнему своему обычаю вырезывали их сердца и ели». Русские на это отвечали не менее решительными действиями.

Археологические памятники данного региона вполне соответствуют обстановке, описанной на основании письменных источников и фольклорного материала.

Исследованные памятники представлены городищами и поселениями. Погребения изучены меньше, т.к. в связи с принятием хантами христианства исчез обычай снабжать умерших прижизненным инвентарем.

Необходимость в укреплении поселений, судя по исследованному материалу, сократилась. Городищ стало меньше, чем в предшествующий период. Но опасность не исчезла, о чем можно судить по скрытому расположению поселений. Мощностные нижеобских оборонительных сооружений значительно уступает фортификации кинтусовского периода. Появились поселки из одного дома. Городища строили на возвышенных местах. Помимо рвов и валов, судя по фольклорным данным, они могли быть укреплены и несколькими рядами частокола. Поставить городок наверху (на мысу) мог позволить себе «богатырь», способный отразить прямое нападение врагов. Укрывался в низине тот, кто предполагал наличие в округе более сильного соперника.

За пределами городища, непосредственно примыкая к нему, располагались жилища, от которых сохранились западины. Это находит объяснение при реконструкции картины прошлого. С.К. Патканов,

исследователь угорского народного творчества, пишет о том, что в городке наверху располагался князь, а его люди селились вокруг городков. По сообщениям этнографов и рассказам восточных хантов, на территории городища вместе с князем жили его родственники, слуги и небольшая часть жителей. При военной опасности здесь укрывался и народ, который в спокойное время жил в селениях у подножия городков. В сказаниях есть сведения о землянках, расположенных на берегу и имевших подземный ход на случай осады, но археологически они не прослежены. В жилищах наряду с открытыми очагами были распространены чувалы, дым из которых по трубе выводился за пределы жилища. Подводя итог обзора жилищ XIV - XVIII вв., надо отметить, что в Нижнем и Сургутском Приобье их облик принципиально не изменялся с эпохи раннего железа.

Выводы

В XIV - XVIII вв. уже сложилась карта современного расселения народов Западной Сибири и распространились современные религиозные воззрения. Тюркские племена (западносибирские татары) занимали лесостепную и южно-таежную полосы. Среди них начал распространяться ислам, но глубоко проник он лишь в среду верхушки знати. Складывались ранние тюркские государства - сибирские ханства. Угорские и

самодийские племена жили в основном к северу от сибирских татар и занимали таежную территорию. С приходом русских среди них начался процесс христианизации. Огромную роль для жизни аборигенного населения сыграл приход русских в XVI - XVII вв.

Рекомендуемая литература

- Адамов А.А.* Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. - Новосибирск, 1989.-С. 55-60.
- Боброва А.И.* Погребально-поминальный обряд коренного населения Нарымского Приобья и Причудымья в XIV -первой половине XX в.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1992.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. - Екатеринбург, 1995. - Гл. 2. Войны и вожди.
- Молодин В.И.* Древнее искусство Западной Сибири. -Новосибирск, 1992.
- Молодин В.И.* Кыштовский могильник. - Новосибирск, 1979.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск, 1990.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в позднем средневековье. -Томск, 1990.
- Соболев В.И.* История Сибирских ханств (по археологическим материалам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1994.
- Соловьев А.И.* О жертвоприношениях людей у древнего населения Прииртышья // Мировоззрение финно-угорских народов. - Новосибирск, 1990. - С. 92 - 103.
- Томимов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI - начале XX вв. - Новосибирск, 1992.

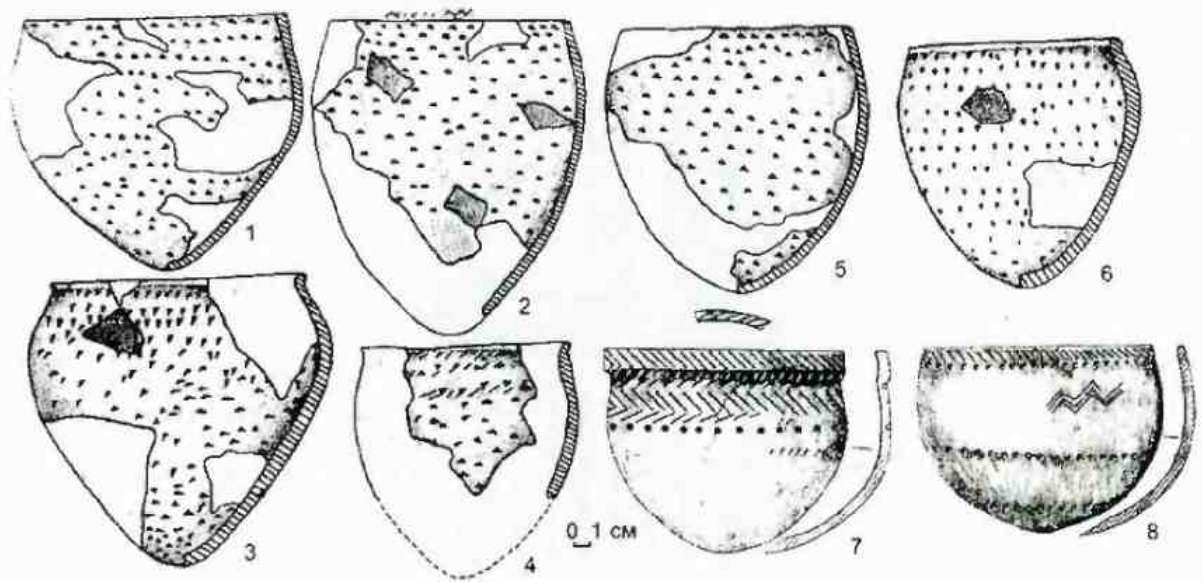

Рис. 49. Керамика первой половины II тыс. н.э.:
 1 - 6 - Вознесенское городище; 7, 8 - культовые комплексы могильника Сопка-2 (по: Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск: Наука, 1990).

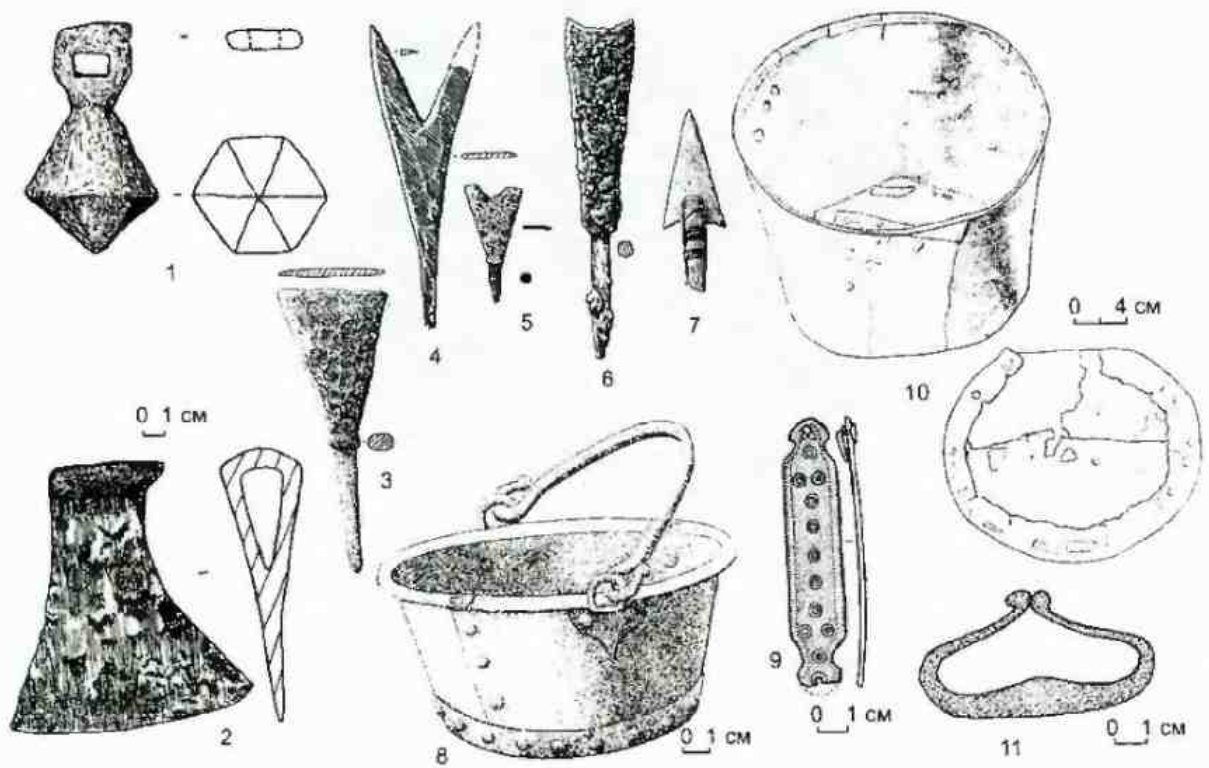

Рис. 50. Материалы начала II тыс. н.э. из Барабинской лесостепи (по: Молодин В.И., Новиков А.В., Мирченко Ж.В. Древняя...; Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба...).

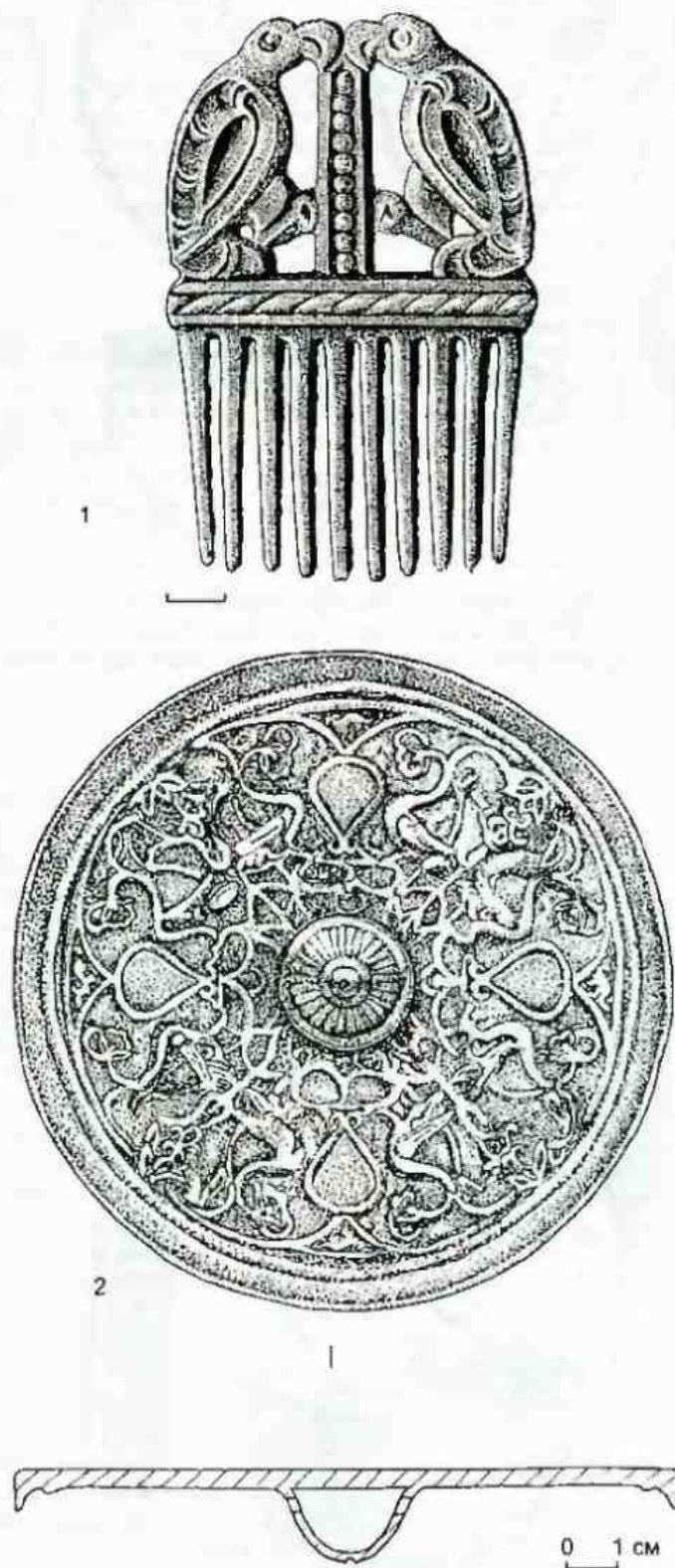

Рис. 51. Бронзовые гребень (1) и зеркало (2) из могильника Кыштовка-2 (по: Молодин В.И., Новиков А.В., Марченко Ж.В. Древняя...).

ГЛАВА 18

АРХЕОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Как уже говорилось в предыдущей главе, впервые русские начали проникать в Сибирь задолго до похода Ермака. Уже в XI в. они пытались по р. Печоре попасть за Урал. Новгородская знать, а позднее ростовские и московские князья были заинтересованы в сборе дани с территорий, богатых пушниной. Эти контакты нашли отражение во многих русских летописях, начиная с «Повести временных лет», которая отождествляет диковинное *людье*, проживающее за *Югрой* и *Самоядью*, с нечистыми *языцами*. Позднее новгородские, московские, вологодско-пер-мские, устюжские летописцы повествовали о походах дружин в «Югру», «на вогулич», позднее - в «Сибирскую землю». Писали они о военных успехах («избъени быша печерьскен и югърскии») и поражениях («и много добрых людей, детей боярских и удалых людей избища»), взимании дани («воевали, идучи, добра... взяли много») и уводе аманатов («и поймавшие югорьских людей, и жонь их и дътеи»).

Однако эти проникновения были единичными. В летописях есть сведения примерно о 13 походах русских за Урал в XI - XVI вв., т.е. до экспедиции Ермака. Хотя далеко не все походы были отражены в письменных источниках, по сути, они не определяли ход исторического процесса.

К раннему этапу проникновения отдельных русских дружин в Сибирь (XI - начало XVI в.) относится небольшое количество археологических находок европейского облика. О массовом переселении русских в зауральские земли и об их освоении ими можно говорить лишь с конца XVI - XVII вв.

Характер освоения огромных пространств Сибири русскими и их взаимоотношения с аборигенным населением по-разному оценивались отечественными историками, начиная с XVIII в. К этому времени относятся первые опыты осмысления данного сложного и длительного процесса в истории России. Очевидно, проникновение и освоение русским населением территории Сибири является следствием объективного хода исторического развития в России и в целом в Европе XVI - XVII вв. Безусловно, обращение интересов Российского государства на восток было продиктовано необходимостью иметь широкий рынок сбыта товаров, а главное - стремлением приобрести практически неиссякаемые сырьевые ресурсы. Однако конкретные формы исторической реализации этих объективных процессов были различными. Присоединение Сибири к России включает и завоевание отдельных районов, и мирное освоение русскими переселенцами сибирских земель, и факты добровольного приятия некоторыми этническими группами русского подданства.

Несмотря на то, что изучение памятников, оставленных русским населением, является самой молодой частью археологии Западно-Сибирской равнины, накопление источников по этой проблеме идет уже более шестидесяти лет. С каждым годом они все более привлекают внимание исследователей и становятся перспективными. Однако возникают и проблемы, которые предстоит решить.

Атрибуция обнаруженных в ходе археологических раскопок артефактов именно как изделий русского изготовления, оказавшихся в Западной Сибири благодаря проникновению сюда русских, чрезвычайно затруднена. В связи с этим необходимо выработать систему доказательств принадлежности отдельных категорий материальной культуры как к русскому, так и к аборигенному населению. Решение этой задачи осложняется недостаточным количеством источников по археологии коренного населения Западно-Сибирской равнины XVI - XVIII вв., отсутствием надежно и узко датированных комплексов в рамках этого хронологического периода и характеристик типологических особенностей инвентаря. Это обстоятельство затрудняет культурно-этническую привязку отдельных категорий находок в поздних памятниках аборигенного населения Западно-

Сибирской равнины. То же самое можно сказать и в отношении материалов с памятников, возникших в результате проникновения русского населения. В письменных источниках зафиксированы многочисленные факты полиэтничности населения ряда острогов и форпостов. Поэтому утверждения о русском происхождении отдельных категорий материальной культуры только на том основании, что они обнаружены на памятниках, оставленных русскими служилыми людьми, не бесспорны.

Сибирь, наряду с русским Севером, является одним из очагов русского деревянного зодчества. Изучение этого сложного и многогранного явления русской культуры основано в основном на материалах церковной и оборонительной архитектуры. Однако многочисленные «рядовые» жилые, хозяйственные, производственные постройки часто остаются вне поля зрения архитекторов по причине их полного или сильного разрушения. Применение полевых и

129

реконструктивных археологических методов позволяет восполнить недостающую информацию по этому вопросу. Опыт подобных работ накоплен сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН при создании Музея русского деревянного зодчества Сибири. Большой интерес представляет изучение не только известных по письменным источникам форпостов, острогов и городов, но и ранних слоев простых деревень, основанных в XVII - XVIII вв. Удачный опыт подобных исследований провели омские археологи в 1998 г. на поселении Бергамак I (бывший Бергамакский острог) и в 1999 - 2000 гг. - на поселении Изюк-1 (русское поселение, основанное в 1648 г.).

Интерес вызывает археологическое изучение роли русских в обеспечении социального заказа аборигенного населения Сибири отдельными предметами материальной культуры. Так, в некоторых городах Западной Сибири зафиксировано наличие специальных мастерских по производству металлических предметов по заказам и образцам местного населения. Отдельные предметы этого круга могли изготавливаться и в других регионах (например, в Средней Азии). Русские в данном случае выступали в качестве посредников, доставлявших эти изделия из центров производства к потребителям. Большой интерес представляют также пути и формы развития некоторых русских промыслов (например, гончарного), оказавшихся вследствие переселения ремесленников в условиях этнокультурной изоляции.

Решение многих научных задач по изучению истории сибирских аборигенов также невозможно без привлечения источников по археологии русского населения Сибири. Например, одна из таких задач - выяснение степени влияния русской идеологии и культуры на сибирских аборигенов XVII - XIX вв. Решение вопросов по проблеме христианизации аборигенов также невозможно без привлечения источников по русской археологии. Не менее значимым представляется и вопросов об обратном влиянии культуры аборигенного населения на русскую культуру. Значение археологических источников в данном случае заключается еще и в их объективности, что выгодно отличает их от большинства письменных источников.

Какие-либо реставрационные работы в таких западносибирских городах, как Тобольск, Томск и др., невозможны без проведения предварительных квалифицированных археологических исследований. То же самое можно сказать и по поводу реконструкции многих разрушенных церквей Сибири.

К настоящему времени в Сибири уже проведены исследования на многих объектах, оставленных первыми русскими землепроходцами. Это раскопки А.П. Окладникова на острове Фаддея и древнего Зашиверска, исследования Мангазеи, Казымского, Илимского, Албазинского острогов. Работы на этих памятниках проводились в 1940 - 1970-е гг. В первой половине 1980-х гг. к источникам по русской археологии Сибири добавились материалы исследований С.П. Пархимович Лозьвинского городка и поселения на Карачинском острове близ г. Тобольска.

В настоящее время археологические исследования на русских археологических объектах Западно-Сибирской равнины проводятся практически ежегодно, однако они не сложились еще в отдельную, специальную область археологии. В основном это сборы подъемного материала или охранные работы со сравнительно небольшими раскопами на площади различных острогов и в центральных («исторических») частях старейших западносибирских городов.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В западносибирской лесостепи к моменту появления там русского населения проживали в основном сибирские татары. Характер их взаимоотношений с пришлым русским населением не был однородным, но в целом для них была характерна терпимость по отношению к новому населению. Это исходило, с одной стороны, из хозяйственно-культурных различий (пришлое население и аборигены занимали различные хозяйственно-экологические ниши), а с другой - из традиционно мирного отношения русских к иноверцам, поскольку вся предыдущая история многонациональной России складывалась из контактов подобного рода. Н.А. Томилов отмечает, что с конца XVI - XVII вв. ведут начало межэтнические браки аборигенного населения (прежде всего сибирских татар) с русскими женщинами и наоборот. Для XVII в. это было уже обычным явлением.

С начальных этапов освоения лесостепного Обь-Иртышья и Приобья были многообразны и хозяйственно-торговые связи сибирских татар и русских. Они включали различные формы: аренду русскими татарских пашенных земель, лугов, озер, лесов и др.; совместное пользование покосами, лесами, рыбными угодьями; устройство в ряде мест общей покосотины, соответственно общего выпаса скота; заказы друг другу на выполнение ряда работ (например, русским заказывали кузнечные работы, а татарам - изготовление лыж, лодок и т.п.); совместные занятия извозом и торговлей; продаже татарами русским заготовленного древесного сырья, дегтя, сена, а русскими - промышленных и ремесленных изделий, хлеба.

Во второй половине XVII в. установилась сухопутная связь Тары с Томском через Барабинскую степь. В начале XVIII в. на территории Барабинской лесостепи и Приобья было поставлено несколько укрепленных пунктов - форпостов и острогов. В них располагались небольшие гарнизоны русских служилых людей, которые обеспечивали охрану дорог и местного населения, а также перевозку срочных пакетов. Основная часть этих памятников русского освоения лесостепной зоны Западной Сибири еще ждет своих исследователей. Некоторые из них уже осмотрены археологами, а на отдельных памятниках даже произведены предварительные раскопки.

Усть-Тартасский форпост располагался у слияния рек Омь и Тартас, на территории Барабинской лесостепи. Он был основан в 1722 г. Первоначально

130

в форпосте проживала небольшая группа русских служилых людей и только в летнее время. Позднее, во второй половине XVIII в., там были размещены переведенцы Тарского уезда. В Усть-Тартасском форпосте, согласно ведомости Каннской судной конторы 1760 г., проживало уже 257 человек. В настоящее время на месте форпоста имеются слабо выраженные рельефные признаки существования здесь наземных построек. Край террасы, на котором расположен форпост, интенсивно разрушается при разливах рек. Это обстоятельство позволяет производить здесь сборы подъемного материала (в основном керамики). Были обнаружены фрагменты неорнаментированной посуды четырех типов: корчаг, банок, мисок и тарелок. Вся посуда была плоскодонной; при ее изготовлении уже использовался гончарный круг. Однако посуда не вытягивалась на круге (как это делают

многие современные гончары), а изготовлена методом ручной лепки, путем ленточного налепа. Круг же использовался лишь для заглаживания поверхностей сосудов.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСОСТЕПНОГО И ЮЖНОТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ

Чаусский острог был заложен 29 июня 1713 г. томским дворянином Д. Лаврентьевым. Укрепления сооружали в шести верстах от устья р. Чаус, на месте недавно заведенной деревни Анисимовой. Строительство острога продолжалось чуть более двух месяцев (окончено 4 сентября того же года). Появление Чаусского острога было обусловлено русско-джунгарским противостоянием на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. Чаусский острог занимал не только важное стратегическое, но и транспортное положение, находясь на пути из Тобольска в Иркутск. В настоящее время место закладки Чаусского острога, согласно исследованиям К.П. Зайцева, локализуется на центральной площадке с. Чаус Колыванского района Новосибирской области. Сохранилось несколько описаний этого острога, однако не уцелел ни один чертеж.

Согласно первому описанию (1714 г.), Чаусский острог «рубленный в две стены с преградами и покрыт весь тесом, а по углам... построены четыре башни да в стенах две башни с проезжими дорогами и с занускными решетками, а мерою... тот острог длина 50 сажен (106,68 м) поперек 30 сажен (64,08 м). А около того острога с полуденной и с западной, северной сторон выкопан глубокий ров... а подле рва устроены рогатки, а от Чауса реки северной стороны к западу поставлены надолбы до Большого (Подкаменного) озера».

С самого начала Чаусский острог строился как крупный административный пункт. Не случайно при его закладке стены были выполнены в технике, характерной для города, - «тарасами». Они представляли собой систему деревянных крепостных стен, при которой две параллельные стены через определенные промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками, образуя клетки. По верхнему ярусу рубленых стен, вероятно, была сооружена односторонняя, крытая тесом галерея. Спустя 40 лет после возведения Чаусского острога, его укрепления были отремонтированы.

При обследовании береговой осыпи в районе закладки Чаусского острога были обнаружены многочисленные фрагменты керамической посуды, изделия, связанные с различными промыслами: глиняный подтрапециевидный ткацкий груз, рыболовное сетевое грузило, железный проушный топор. К сожалению, неизвестна судьба пяти артиллерийских орудий, которыми был вооружен гарнизон острога.

Утрата Чаусским острогом во второй половине XVIII в. военного значения и постепенное ветшание его укреплений были причинами расформирования гарнизона и оставления острога.

Недавно в Приобье археологами обнаружен еще один уникальный памятник русского освоения Западно-Сибирской равнины - *Умревинский острог*. О его существовании давно знали историки по письменным источникам, но найти точное место расположения острога долгое время не удавалось.

Умревинский острог был поставлен в 1703 г. на р. Умрева (несколько выше устья) для охраны русских поселений на южной границе Томского уезда от набегов калмыков. В район Умревинского острога сразу же переселили несколько крестьянских семейств из расположенного к северо-востоку Со-сновского ведомства. Одновременно сюда двинулись вольные колонисты: гулящие люди из различных районов Сибири и Европейской России. По данным Н.А. Миненко, в 1703 г. «на устье речки Умревы» жило всего 9 семей крестьян и 2 семьи оброчных людей, а к 1707 г. в остроге и его ведомстве насчитывалось уже 167 человек мужского пола (51 семья и 29 неженатых одиночек). Основателем острога был томский «сын боярский» Алексей Кругликов. Впоследствии он еще дважды был приказчиком этого острога и проводил первую перепись населения вновь образованного

Умревинского «стана» (волости). Местность оказалась пригодной для земледелия, и в 1706 г. томский «сын боярский» И. Старков, назначенный приказчиком этого острога, населил его крестьянами. И очень скоро здесь сложился крупный очаг русского хлебопашества. В 1709 г. приказчиком Умревинского острога был назначен томский дворянин Иван Тихонов Великосельский. Первые приказчики Умревинского острога были выдающимися людьми. С их именами связаны и победы русского оружия в сражениях с киргизами, и строительство острогов. Первыми русскими фамилиями, проживавшими в остроге, были Лебедевы, Боровские, Савины, Печкины и Елгины. В начале XVIII в. Умревинский острог представлял собой четырехугольник, обнесенный деревянным частоколом с тремя башнями. Здесь размещался двор приказчика, «государевы» амбары и Трехсвятительская церковь. Все остальное жилое и хозяйственное строение находилось вне острога, в слободе, которая в 1727 г. насчитывала 40 - 50 дворов. Умревинский острог существовал несколько десятилетий, а во второй половине XVIII в. был забро-

131

шен, а его расположение было забыто. Лишь в 1999 г. А.В. Шаповалов, проведя пешую разведку по побережью р. Оби от пос. Ташара до устья р. Умрева смог обнаружить остатки сооружений острога, точно зафиксировать их расположение и снять подробный план. Повторим, что это большая удача археологов, поскольку ранее исследователи неоднократно предпринимали попытки найти следы острога, но они не увенчались успехом.

Приведем описание современных рельефных признаков Умревинского острога, которое дает в своем отчете А.В. Шаповалов: «Остатки острога представляют собой сооружения на ровной, хорошо задернованной поверхности террасы. Они состоят из системы валов и рвов, огораживающих двор городища в форме четырехугольника 75 x 55 м, вытянутого длинной стороной вдоль р. Обь. Валы представляют собой оплывшие с пологими склонами задернованные сооружения высотой до 0,25 м, шириной до 3 м. По внешнему периметру вала идет ров шириной до 4 м, глубиной до 0,51 м от уровня современной поверхности. В центре северного вала наблюдается провал от створа ворот. Часть западного вала и рва разрушены проходящей по ним полевой дорогой. Значительная часть южного вала также разрушена. По сообщению лесника, несколько лет назад эта часть террасы распахивалась.

На площади двора в северо-восточном углу у подножия вала расположена интенсивно задернованная западина овальной формы глубиной 0,44 м, вероятно, являющаяся остатками какого-то хозяйственного сооружения. В центре двора наблюдается задернованная, поросшая кустарником и деревьями возвышенность подчетыреугольной формы высотой 1,6 м. Вероятно, это остатки фундамента и стен Трехсвятительской церкви, построенной в остроге в 1708 г.

Западнее валов острога на краю обрыва береговой террасы расположены две крупные подчетыреугольные западины (№ 1, 2 на плане) глубиной соответственно 0,95 и 1,2 м. Они, скорее всего, также относятся к острожному комплексу. Это могут быть остатки пристани или амбаров, некогда существовавших на берегу».

Осенью 2002 г. раскопки Умревинского острога были продолжены под руководством А.П. Бородавского. Были обнаружены следы юго-западной сторожевой башни. Под глинистой засыпкой башни было обнаружено погребение ребенка с бронзовым крестиком, а также коллективное захоронение девяти человек непосредственно под входом в башню. У некоторых погребенных были обнаружены нательные кресты, а у одного в области грудной клетки - свинцовая дробица.

Кроме этих довольно неожиданных находок, на Умревинском остроге при раскопках 2002 г. были найдены монеты, ядра, керамика, выявлены отдельные деревянные детали архитектурных конструкций. На площади острога было проведено электромагнитное

сканирование, позволившее получить планигра-фию укреплений острога. В 2003 г. было торжественно отмечено 300-летие Умревинского острога - первого пункта российской государственности на территории Новосибирской области.

ПАМЯТНИКИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ПРИОБЬЯ

Лозьвинский Городок расположен в устье р. Ивдель. Городок исследовался М.Ф. Косаревым (1959 г.), В.А. Обориным (1967 г.), однако основные раскопки на нем провел в начале 1980-х гг. С.Г. Пархимович.

Лозьвинский Городок был основан в 1588 г. До настоящего времени сохранилось только несколько документов по истории городка, остальные сгорели в пожарах. Именно через Лозьвинский Городок шли первые русские отряды для строительства новых сибирских городов. В нем были склады и первая сибирская верфь. Городок являлся также центром сбора ясака и контролировал водный нуть из Руси в Сибирь. Однако уже в 1598 г., в связи с изменением военно-политической и экономической ситуации, его гарнизон был переведен на р. Туру для строительства нового города - Верхотурья. Сам городок был частично сожжен по царскому указу «за ненадобностью», а частично по бревнам сплавлен в Пелым. План городка тоже не сохранился.

В ходе раскопок были получены сведения о площади городка (7,5 - 8 га), его планировке, устройстве жилых и оборонительных сооружений. Оборонительная система представляла собой стену из городен, частично засыпанных песком и мелкими камнями, окруженную ровом глубиной до 1,65 м и шириной до 3,5 м. По углам городка стояли башни, нижние этажи которых были жилыми. В ходе работ изучено пять изб. Они располагались рядами в широтном направлении с ориентировкой стен по сторонам света. Выявлены некоторые детали устройства печей. Коллекция находок включает сапожные подковки, скобки, ножи, бердыш, наконечники стрел, свинцовые пули, детали кремневых ружей, замки, рыболовные крючки, кресала, нательные крестики, грузила, шахматная фигурка, серебряные монеты, керамика. Анализ остеологических материалов показал, что среди домашних животных в городке преобладала свинья, затем шел крупный и мелкий рогатый скот.

В 1973 г. В.И. Молодин исследовал *Казымский острог* (расположен на р. Казым - притоке Оби, в 150 км от устья), создание которого, очевидно, следует связывать с первой половиной XVII в. Его раскопки и тщательные обмеры были связаны с последующим вывозом архитектурных сооружений Казымского острога в г. Новосибирск для Музея под открытым небом. Острог состоял из двух сторожевых башен - северной и южной, а также жилого помещения - казармы. В 1920 - 1930 гг. на площади острога был основан поселок хантов Юильск, который позднее был перенесен на новое место. От этого поселка сохранились лишь фундаменты домов. В ходе раскопок исследовались жилое помещение и южная башня. Были обнаружены многочисленные архитектурные детали, глинобитная печь.

132

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ ГОРОДОВ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Первый русский город в Западной Сибири - *Тюмень* - возник в 1586 г. на месте татарского города Чимги-Тура. Начало было положено строительством острога и Рождественской церкви. Уже в 90-е годы XVI в. на месте острога был построен рубленый город, общая длина стен которого составляла 550 м, а высота достигала 4,2 м. Стены были укреплены восемью башнями высотой до десяти метров. Жилые строения размещались на посаде, который тоже был обнесен стеной (высота более трех метров) с четырьмя башнями. К сожалению, планомерные раскопки на площади первоначальных построек в г. Тюмени не проводились.

Тобольск был основан в 1587 г., когда на берегу Иртыша построили острог. В 1590 г. Тобольский острог получил статус города и стал военно-административным и церковным

центром всей Западной Сибири. На протяжении XVII в. город и его укрепления неоднократно горели в пожарах и отстраивались вновь. Сооружение последнего Тобольского кремля относится к 1711 - 1717 гг. Он являлся символом победы России в Полтавской битве и строился при участии пленных шведов. Безусловно, Тобольск - исключительно интересный в историческом отношении город. В нем в разное время жили и творили выдающиеся люди, по праву считающиеся лучшими сынами Отечества (атаман войска Ермака Г. Ильин, первый сибирский энциклопедист С. Ремезов, мятежный протопоп Аввакум, композитор А. Алябьев, писатель П. Ершов, историк П. Словцов, выдающийся химик Д. Менделеев и др.).

Крупномасштабные археологические исследования в г. Тобольске, к сожалению, до сих пор не проводились. Наблюдения при различных строительствах за разрезами культурного слоя в древнейшей части города показывают, что он имеет мощность 3 - 4 м и большую насыщенность артефактами. Летом 2000 г. А.А. Адамов раскопал около 200 м² на территории Тобольского кремля. В результате было выявлено несколько разновременных слоев: наиболее древние - слои конца XVI - XVII вв. и котлованы двух полуземляночных построек; остатки стен северо-западной квадратной наугольной башни с пристройкой и фундамент крепостных стен, очевидно начала XVIII в.; фундамент здания первой консистории, построенной в 1746 - 1748 гг.; фундамент церковной лавки, очевидно XIX в.

Помимо изучения архитектурных деталей построек на площади кремля, при археологических обследованиях различных земляных работ на территории Тобольска были обнаружены чрезвычайно интересные по своим источниковедческим возможностям изразцы. Они были объединены в отдельный тип «тобольских» терракотовых изразцов. *Мангазея*. Одна из наиболее ярких страниц русского освоения севера Западной Сибири связана с первым русским городом за полярным кругом - Мангазеей. Ее начали строить в марте 1601 г. На площадке, ограниченной Ратилловским логом, р. Осет-ровкой (Мангазейкой) и р. Таз отрядом казаков под командованием князя М. Шаховского и Д. Хрипунова был построен острог. В начале XVII в. небольшой острог довольно быстро преобразился в крупный по тем временам город, площадью около 4 тыс. м², с башнями высотой до 12 м и стенами высотой до 10 м. На посаде Мангазеи в период расцвета этого города проживало до 2 тыс. человек промышленников и ремесленников. Сбор ясака и добыча пушнины были главными, но не единственными занятиями жителей «златокипящей» Мангазеи. Торговые связи города далеко выходили за пределы России и поражали своими масштабами. Однако к концу XVII в. оскудение пушных промыслов и перемещение путей колонизации Сибири привело к тому, что Мангазея оказалась в стороне от основных путей развития Сибири, в слабо заселенном русскими и труднодоступном районе. Все это сделало экономически невыгодным содержание здесь большого заполярного города, и Мангазея пришла в запустение.

Первое обследование города археологами было произведено в 1946 г. В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской. Они подробно описали современные рельефные признаки следов города, составили их план, произвели сбор подъемного материала. Благодаря наблюдениям за составом археологических находок, В.Н. Чернецов первым пришел к выводу, что Мангазея была не просто военно-торговым форпостом, а являлась крупным ремесленным центром.

В период с 1968 по 1973 гг. состоялись крупные археологические исследования города, предпринятые Арктическим и Антарктическим НИИ с привлечением сотрудников Института археологии. Были исследованы постройки городской крепости и видимые сооружения посада. Собраны тысячи разнообразных предметов из дерева, бересты, кожи, стекла, кости, металлов. Найдено также большое количество корабельных досок, деталей и предметов оснащения судов. На основе полученных материалов сделаны графические реконструкции города и парусного судна допетровской эпохи.

В 1998 г. археологические исследования Мангазеи были продолжены. Были собраны монеты, бусы, керамика и другие изделия. В 2000 г. был заложен новый раскоп, где выявлены остатки постройки гостиного двора. Возобновление и продолжение исследований Мангазеи имеет исключительное значение для реконструкции жизни первых русских поселенцев в заполярной Западной Сибири.

Томск. «Первая очередь» Томской крепости строилась в 1604 г. по приказу Бориса Годунова. В 1609 г. к северной городской стене был прирублен острог. В дальнейшем город продолжал строиться, и к концу XVII в. Томск представлял из себя деревянную крепость, обнесенную частоколом с семью башнями. Это был довольно крупный город. В 1635 г. в Томске насчитывалось около 2 тыс. жителей. Город сыграл выдающуюся роль в истории освоения русскими Сибири.

Первые археологические исследования на площади Томской крепости провел в 1968 г. В.И. Матюшенко. Он выявил остатки жилого комплекса, принадлежавшего русскому населению, и погребение XV - XVI вв., оставленное, очевидно, томскими татарами. Исследования возобновились только в 1980-е гг.

133

М.В. Фролов и М.П. Черная с 1983 по 1986 гг. раскопали площадь в 510 м².

В ходе раскопок были выявлены остатки следующих сооружений:

- 1) здания пороховой и денежной казны (первое каменное здание Томска);
- 2) срубной деревянной постройки;
- 3) деревянного настила из плах;
- 4) крепостной стены.

В них обнаружено большое количество находок. Это керамика (посуда и изразцы), изделия из металла (подковки для сапог, нательные кресты, скобы, топор, молоток, серп, ножи, ножницы, гвозди), кости и рога (наконечники стрел, гребни, шахматная фигурка, иглы), стекла, фарфора, камня (точильные бруски, грузило и др.), ювелирные предметы и монеты. В ходе раскопок обнаружено значительное количество костей коров, свиней, лошадей и северных оленей.

В 1990-е гг. исследования Томской крепости были продолжены. В настоящее время архитекторами-реставраторами совместно с археологами разрабатывается проект воссоздания фрагмента деревянной Томской крепости (Спасской башни с фрагментом крепостной стены) на мысе Воскресенской горы и организации на этой основе памятника-музея «Томская крепость».

Археологическое изучение русских памятников в Западной Сибири, помимо чисто научных аспектов, имеет и исключительное воспитательное значение. Русские активно осваивают Сибирь уже более 400 лет. В настоящее время подавляющее большинство населения Сибири принадлежит именно этому этносу. Здесь сложились своеобразные черты русской культуры, отличающиеся от восточноевропейских, и в то же время получили оригинальное развитие исконные русские традиции. Для многих миллионов русских именно Сибирь является Родиной. В то же время освоение Сибири русскими практически никак не отражено в мемориальной сфере, а ведь это подвиг народа! Многие археологические памятники, связанные с ранними этапами русского освоения Сибири (в том числе и Западной) расположены в легкодоступных местах, на виду у многих людей, которые, порой, и не подозревают, что скрывает земля под их ногами. А жаль... На местах первых поселений, крепостей, форпостов и острогов можно было бы поставить монументы или просто памятные знаки безвестным казакам, тяжелой службой, заботами и трудами которых прирастало могущество России.

Выводы

Археологическое исследование памятников русского освоения Западно-Сибирской равнины пока еще только начинается и не сложилось в самостоятельную археологическую дисциплину. Тем не менее, отдельные места проживания русских первопроходцев исследовались археологическими методами, что принесло очень интересные результаты. К сожалению, пока мало известны погребальные памятники первых русских поселенцев Западной Сибири. В целом, «русская» археология Западно-Сибирской равнины представляет собой чрезвычайно перспективное направление развития археологической науки в данном регионе

Рекомендуемая литература

- Русские старожилы: Мат-лы III Сиб. симпози. «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск; Омск, 2000.*
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев 16-17 вв. - М., 1981.*
- Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. - Новосибирск, 1990.*
- Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. - Новосибирск, 1996.*
- Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологическое исследование Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 191-202.*
- Молодин В.И., Новиков А.В. Перспективы археологического изучения памятников русского освоения Сибири // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII - XIX веках (историко-археологические исследования): Сб. науч. тр. - Владивосток, 1994. - Т. 1. - С. 30 - 38.*
- Новиков А.В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX - первой половине XX в. (вопросы технологии по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. - Новосибирск, 1999. - Т. 4. - С. 52-76.*
- Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. - Новосибирск, 1989.*
- Черная М.П. Томская крепость XVII века по археологическим данным // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII - XIX веках (историко-археологические исследования): Сб. науч. тр. - Владивосток, 1994. - Т. 1. - С. 85 - 104.*

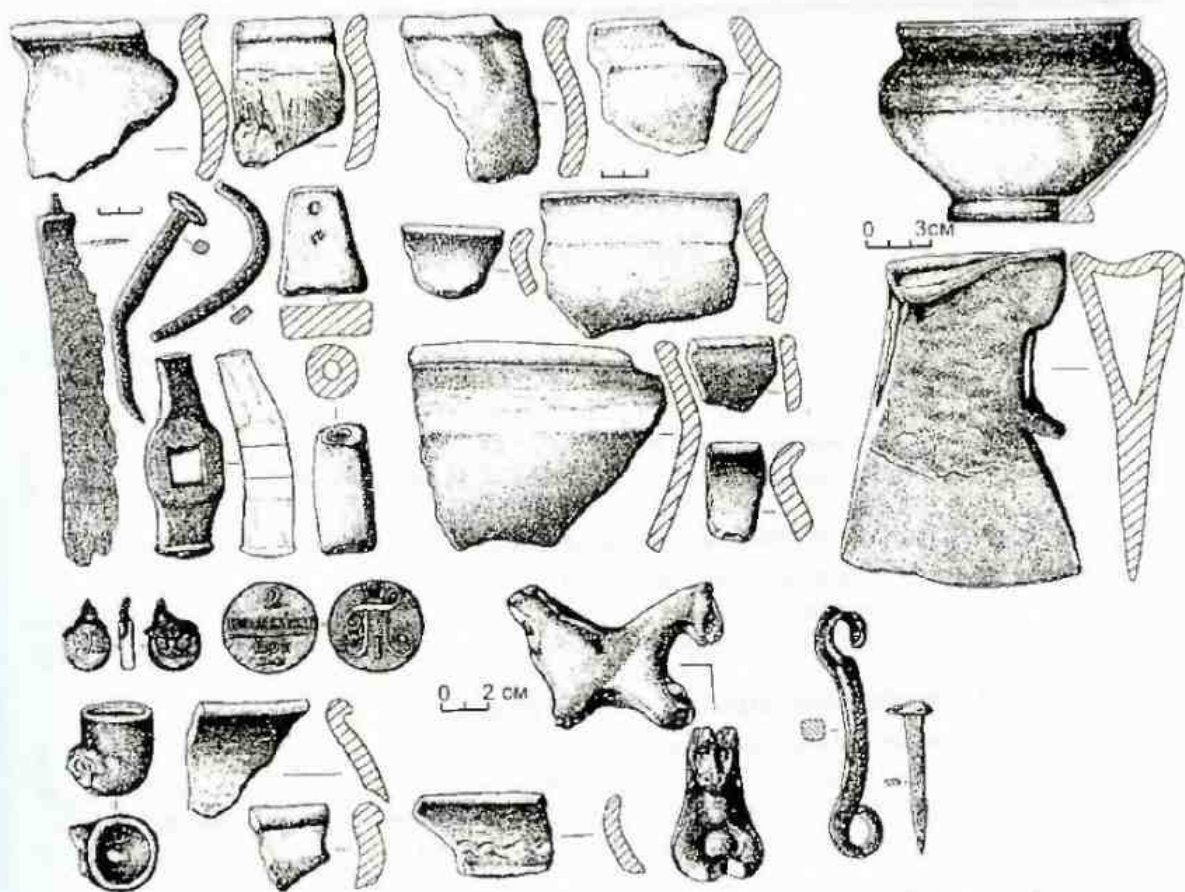

Рис. 52. Материалы с Чаусского острога и из культурного слоя русского времени с Большой Ошей (по: Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996).

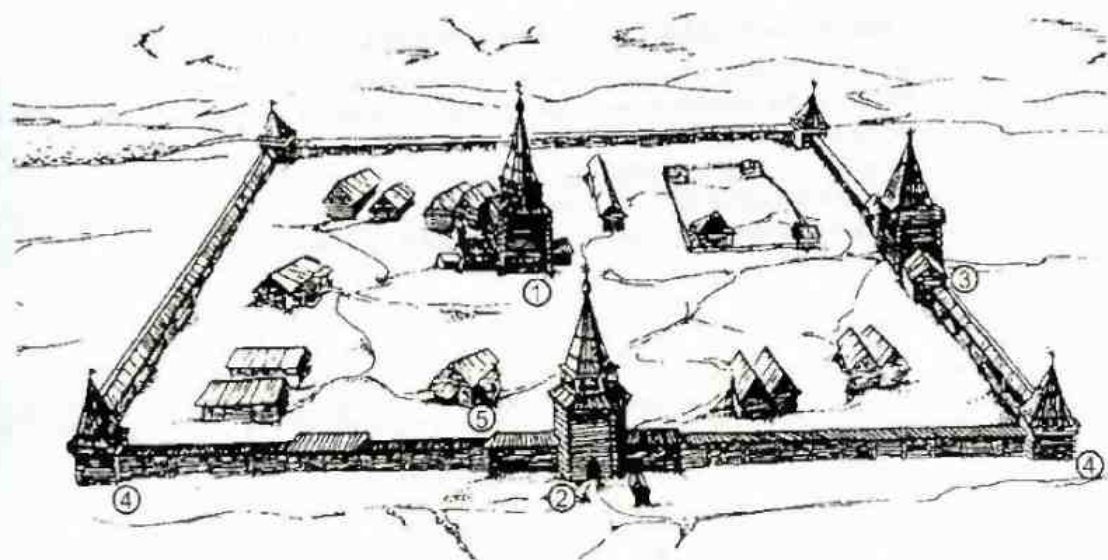

Рис. 53. Графическая реконструкция Чаусского острога XVIII в.: 1 – Ильинская церковь; 2 – колокольная башня; 3 – башня «Государев двор»; 4 – угловые башни; 5 – судная изба (по: Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические...).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От авторов</i>	3
РАЗДЕЛ 1	
<i>Глава 1. Природные условия Западно-Сибирской равнины</i>	4
<i>Глава 2. Археологические исследования на территории Западно-Сибирской равнины</i>	8
РАЗДЕЛ 2. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА В ЭПОХУ КАМНЯ	
<i>Глава 3. Палеолит и мезолит Западно-Сибирской равнины</i>	13
<i>Глава 4. Неолит Западно-Сибирской равнины</i>	19
<i>Глава 5. Эпоха раннего металла Западно-Сибирской равнины</i>	27
РАЗДЕЛ 3. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ	
<i>Глава 6. Развитый бронзовый век Западно-Сибирской равнины</i>	33
<i>Глава 7. Эпоха поздней бронзы Западно-Сибирской равнины</i>	48
<i>Глава 8. Переходный период от бронзового к железному веку на территории Западно-Сибирской равнины</i>	57
РАЗДЕЛ 4. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА	
<i>Глава 9. Ранний железный век Западно-Сибирской равнины</i>	63
<i>Глава 10. Саргатская культура</i>	66
<i>Глава 11. Ранний железный век Верхнего Приобья</i>	73
<i>Глава 12. Южно-таежные культуры Западно-Сибирской равнины в эпоху раннего железного века</i>	80
РАЗДЕЛ 5. ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ РАВНИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I – II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	
<i>Глава 13. Южная Сибирь и Западно-Сибирская равнина во второй половине I – II тысячелетиях</i>	88
<i>Глава 14. Среднее Прииртышье в древнетюркское и предмонгольское время (V – XIII века)</i>	92
<i>Глава 15. Приобье в раннетюркское и тюркское время</i>	102
<i>Глава 16. Приобье в конце I – начале II тысячелетия</i>	114
<i>Глава 17. Западно-Сибирская равнина в XIV – XVIII веках</i>	122
<i>Глава 18. Археология памятников русских первопроходцев Западно-Сибирской равнины</i>	129

Уважаемые читатели

*Ваши отзывы, замечания и пожелания о данном учебном пособии присылайте по следующему адресу:
novikov@archaeology.nsc.ru*

Учебно-научное издание

Троицкая Татьяна Николаевна
Новиков Андрей Владиленович

АРХЕОЛОГИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ

Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов вузов

Редактор *М.А. Коровушкина*
Технический редактор *И.П. Гемужева*
Дизайн обложки *М.Ю. Чувиковой*

Подписано к печати 05.08.2004. Формат 60 × 84/8.
Усл.-печ. л. 17, уч.-изд. л. 20. Тираж 500 экз. Заказ №

ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»
Новосибирск, ул. Виллойская, 28